Книгоиздательство Е. Д. Мягкова „КОЛОКОЛЪ“.

Бернштейнъ и соціальдемо-кратическая программа.

Антикритика

Карла Каутскаго.

Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей

М. Г. Лунца.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Послѣ появленія моихъ статей противъ Бернштейна въ „Vorwärts" и въ „Neue Zeit" (въ апрѣлѣ 1899 года) ко мнѣ неоднократно стали обращаться съ просьбой издать ихъ въ видѣ отдѣльной брошюры. Это въ высшей степени желательно—говорили мнѣ—уже потому, что книга Бернштейна проникла въ такіе круги, гдѣ не читаютъ ни „Neue Zeit", ни „Vorwärts", куда можно снова проникнуть только отдѣльной книжкой. Такая книжка будетъ небезполезна и тѣмъ, кто читалъ статьи, но не собиралъ ихъ.

Я охотно пошелъ навстрѣчу подобному желанію, но при этомъ, однако, не ограничился простой перепечаткой прежде написаннаго. Въ книгѣ открывался мнѣ гораздо большій просторъ, чѣмъ въ „Vorwärts'ѣ; я могъ поэтому значительно расширить въ ней изслѣдованіе о тенденціяхъ развитія, присущихъ капиталистическому обществу, что мнѣ представлялось въ высшей степени важнымъ. Именно на эту сторону критика Бернштейновской книги до сихъ поръ обращала мало вниманія, и это вполнѣ естественно, такъ какъ для подобныхъ изслѣдованій въ газетѣ нѣтъ мѣста. Недостаточное вниманіе къ этой сторонѣ дѣла наши противники истолковывали въ печати въ томъ смыслѣ, что намъ нечего сказать. А между тѣмъ эта тема представляетъ практически важнѣйшую часть книги Бернштейна: она содержитъ вопросы, отвѣтить на которые значитъ рѣшить, жизнеспособно ли соціалистическое движеніе.

Сведеніе счетовъ на этой почвѣ съ Бернштейномъ,

оставшись до сихъ поръ неисполненнымъ и составляетъ главную часть моей книги; чтобы не сдѣлать ее слишкомъ обширной, я сильно сократилъ по сравненію съ „Neue Zeit“ вводную главу о методѣ. Я имѣлъ тѣмъ болѣе основаній для такого сокращенія, что вопросъ о методѣ не можетъ быть разрѣшенъ въ данныхъ рамкахъ: въ популярныхъ брошюрахъ онъ не можетъ быть исчерпанъ. Несмотря на сокращеніе этой главы я принялъ во вниманіе тѣ возраженія, которыя сдѣлалъ Бернштейнъ въ „Neue Zeit“ и „Vorwärts“, и глава о методѣ не простая перепечатка, а почти сполна вновь написана.

Такъ же кратко изложилъ я главу о тактикѣ. Меня очень соблазняла мысль отвѣтить на всѣ тѣ отдѣльныя возраженія, которыя сдѣлалъ Бернштейнъ, частью въ своей книгѣ, частью во время дебатовъ. Но въ интересахъ доступности и менѣе значительнаго объема сочиненія я долженъ былъ ограничиться только самымъ существеннымъ. Подобное самоограниченіе, особенно же въ полемикѣ, для автора очень тяжело, но оно неизбѣжно, если не желаешь слишкомъ вдаться въ подробности и утомить читателя вмѣсто того, чтобы его убѣдить. Я могъ себя сократить при обсужденіи вопросовъ тактики тѣмъ болѣе, что многое изъ того, что слѣдовало сказать, уже сказано было другими.

Признаюсь, впрочемъ, къ сокращенію главы о тактикѣ меня еще побудило внѣшнее соображеніе: желаніе, чтобы мое сочиненіе появилось въ печати до Ганноверскаго партейтага.

Не потому, чтобы я разсчитывалъ повліять имъ на партейтагъ. Делегаты, конечно, еще до появленія книги должны были составить себѣ на этотъ счетъ опредѣленное мнѣніе. Если же кто-нибудь такъ мало интересовался вопросомъ, что еще не знаетъ, какую позицію занять, то онъ навѣрное былъ бы послѣднимъ читателемъ предлагаемыхъ страницъ.

Нѣтъ, если я желалъ окончить мою работу до партейтага, то это вытекало изъ надежды, что партейтагъ закончитъ пренія съ Бернштейномъ.

Я никогда не возлагалъ на полемику преувеличенныхъ надеждъ,—врядъ ли полемика хоть разъ доказала, на чьей сторонѣ правда. Но полемика отлично вскрываетъ существующія противорѣчія, рѣзко ихъ выражаетъ и потому содѣйствуетъ уясненію вопроса. Этого я ожидалъ также отъ преній по поводу книги Бернштейна. Они меня обманули еще болѣе, чѣмъ сама

книга; серія статей о проблемахъ соціализма заставляла ожидать большаго.

Мы не можемъ теперь скрывать отъ себя, что всѣ споры о книгѣ Бернштейна остались довольно безплодными. Чѣмъ дольше они продолжались, тѣмъ болѣе чувствовалъ себя Бернштейнъ непонятымъ, умышленно непонятымъ, и тѣмъ менѣе знали мы, чего онъ собственно хочетъ и какую цѣль преслѣдовало его критическое выступленіе, возбудившее всеобщее вниманіе, разъ все должно оставаться по старому.

Я откровенно признаюсь, что въ виду подобнаго сознанія долго не могъ рѣшиться довести настоящее сочиненіе до конца. Я можетъ быть и не сдѣлалъ бы этого, если бы меня не подталкивали тріумфальные крики либераловъ и анархистовъ, что соціаль-демократія не можетъ ничего противопоставить Бернштейновской критикѣ ихъ программы, въ особенности его статистическимъ даннымъ. Моя работа направлена въ дѣйствительности гораздо менѣе противъ самого Бернштейна, чѣмъ противъ тѣхъ соціалъ-либераловъ, „благородныхъ анархистовъ“ и ихъ присныхъ, для которыхъ книга Бернштейна является хранилищемъ благодарнаго матеріала для нападокъ на нашу партію.

Нѣсколько испортить этимъ господамъ удовольствіе, которое доставила имъ книга Бернштейна, было главной задачей моей книги. Но если бы она появилась послѣ партейтага, то грозила бы снова вызвать споры, совершенно безплодные при постановкѣ вопроса, принятой Бернштейномъ; ликвидировать же эти разногласія въ Ганноверѣ было желаніемъ всѣхъ присутствовавшихъ.

Я лично долженъ сказать, что это мое послѣднее сочиненіе въ спорѣ съ Бернштейномъ. Современность предъявляетъ намъ столько важныхъ задачъ, подлежащихъ изученію, наслѣдство Маркса содержитъ столько богатствъ, которыя еще совсѣмъ не использованы, что я—въ этомъ можно быть увѣреннымъ—безъ крайней нужды не возьму болѣе слова по поднятымъ Бернштейномъ вопросамъ.

Молчаніе для меня тѣмъ легче, чѣмъ тяжелѣе стало для меня говорить по этому дѣлу. Полемика противъ старыхъ друзей всегда—нѣчто мучительное. Конечно, дружба должна умолкнуть, когда съ ней приходятъ въ конфликтъ научныя или политическія убѣжденія. Что я этого не принялъ въ разсчетъ, что я дружбѣ въ моемъ отношеніи къ Бернштейну отвелъ слишкомъ много мѣста, въ этомъ, судя по отчету „Sächsische Arbeiter-

zeitung", упрекнулъ меня Либкнехтъ въ своемъ Дрезденскомъ рефератѣ. По словамъ отчета, Бернштейнъ былъ научно и политически незначительный человѣкъ, статьи котораго я принималъ въ „Neue Zeit" только изъ дружбы. Я не обратилъ вниманія на этотъ упрекъ, ибо онъ унижалъ въ гораздо большей степени меня, чѣмъ Бернштейна, а для своей защиты я неохотно берусь за перо. Къ тому же я не вѣрилъ, чтобы Либкнехтъ могъ такъ выразиться, потому что тотъ, кто знакомъ ближе съ „Neue Zeit", знаетъ, какую роль игралъ въ немъ Бернштейнъ. Однако, такъ какъ нѣкоторые догадливые люди изъ моего молчанія сдѣлали выводъ, что я признаю сдѣланный мнѣ и Бернштейну упрекъ справедливымъ, то можетъ быть теперь не будетъ лишнимъ протестовать противъ него. Если проф. Диль въ „Conrad's Jahrbücher" заявляетъ, что такъ называемый научный соціализмъ потерялъ въ лицѣ Бернштейна своего талантливѣйшаго, наиболѣе просвѣщеннаго и ученаго послѣдователя, то я признаю подобную оцѣнку его дѣятельности для нашей партіи вполнѣ справедливой.

Является ли послѣднее произведеніе Бернштейна, которое мы здѣсь разбираемъ, шагомъ назадъ и чѣмъ его надо объяснить, это—вопросъ, котораго здѣсь въ предисловіи мы не станемъ касаться. Мнѣ представляется теперешняя точка зрѣнія Бернштейна—или, если угодно, отсутствіе рѣзко выраженной точки зрѣнія—гибельной и я считаю своимъ долгомъ бороться противъ нея самымъ рѣшительнымъ образомъ. Но наша вражда не настолько ослѣпляетъ насъ, чтобы забыть, чѣмъ былъ для насъ Бернштейнъ. Я лично обязанъ ему не только тѣмъ духовнымъ подъемомъ, который онъ возбуждалъ во всѣхъ насъ статьями въ „Neue Zeit" и „Sozialdemokrat'ѣ", но и мощнымъ расширеніемъ умственнаго кругозора, какъ результатомъ самой тѣсной и дружной совмѣстной работы въ теченіе многихъ лѣтъ. Если мнѣ удалось на слѣдующихъ страницахъ привести серьезные аргументы противъ воззрѣній теперешняго Бернштейна, то я обязанъ этимъ не только Марксу и Энгельсу, но также Эдуарду Бернштейну.

К. Каутскій.

Берлинъ—Фриденау. Сентябрь. 1899.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ литературѣ нѣмецкой соціаль-демократіи книга Бернштейна является первой сенсаціонной новинкой. Правда, „Женщина“ Бебеля по своему колоссальному литературному успѣху оставила далеко позади всю нашу прежнюю литературу, но все же она не принадлежитъ къ сенсаціоннымъ книгамъ. Что соціаль-демократъ написалъ соціаль-демократическую книгу, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго.

Совсѣмъ другое дѣло, если выдающійся соціаль-демократъ, одинъ изъ „ортодоксальнѣйшихъ“ марксистовъ, выпускаетъ книгу, въ которой онъ торжественно сжигаетъ то, чему до сихъ поръ поклонялся, поклоняется тому, что сжигалъ. Превращеніе буржуазныхъ демократовъ въ соціаль-демократовъ есть обычное явленіе, и у буржуазной прессы не бываетъ ни малѣйшаго желанія трубить объ этомъ на весь міръ. Иное дѣло, если наконецъ-то хоть разъ случается противоположное. Дѣйствительно ли произошелъ такой поворотъ съ Бернштейномъ, означаетъ ли его сочиненіе дѣйствительное отпаденіе Бернштейна отъ соціаль-демократіи, произносить объ этомъ приговоръ мы здѣсь не станемъ. Но всѣмъ извѣстно, что буржуазная пресса истолковала и использовала его книгу въ этомъ именно смыслѣ и ликованію ея нѣтъ границъ. Послѣ стольких пораженій наконецъ-то побѣда! Наконецъ-то появляются признаки, что въ гордой, непобѣдимой соціаль-демократіи, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ ея мыслящихъ представителей начинаетъ не понимать своей партіи и вмѣсто увѣренности въ побѣдѣ громко выражаетъ сомнѣнія и колебанія. Эту радостную вѣсть не переставали разносить по всему міру.

Уже одинъ такой пріемъ со стороны противниковъ долженъ былъ привлечь всеобщее вниманіе и партійныхъ товарищей къ книгѣ Бернштейна. Она заслуживала тѣмъ большаго вниманія, что внутри партіи книга отнюдь не встрѣтила единодушной оцѣнки. Во всякомъ

случаѣ защитники Бернштейна противорѣчили другъ другу крайне разнообразно. Въ то время какъ одни заявляли: Бернштейнъ подтвердилъ только то, что уже раньше признавалось въ нашей партіи, другіе прославляли его какъ реформатора нашей практической политики, которая, конечно, гораздо важнѣе сѣрой теоріи; третьи, наконецъ, возражали противъ его практической политики, говоря, что новое въ ней не хорошо, а хорошее не ново, но ставили Бернштейну въ заслугу, что онъ показалъ себя самостоятельнымъ мыслителемъ въ области теоріи и вновь оживилъ теоретическое мышленіе, слишкомъ отступившее въ послѣднее время на заднiй планъ. Но большинство партійныхъ товарищей, до сихъ поръ высказавшихся, раздѣляя этотъ послѣдній взглядъ на практическую политику Бернштейна, считали однако его теорію простой отрыжкой одряхлѣвшаго катедеръ-соціализма.

Эти различія въ оцѣнкѣ Бернштейна объясняются отчасти тѣмъ, что Бернштейнъ, какъ мы уже упоминали, не всегда излагалъ свою точку зрѣнія достаточно ясно и послѣдовательно, частью тѣмъ, что и въ средѣ нашей партіи существуютъ довольно сильныя разногласія по главнѣйшимъ вопросамъ.

Въ этомъ еще нѣтъ несчастья. Издавна и въ нашей и въ каждой другой партіи существовали разногласія, разногласія личнаго, мѣстнаго, профессіональнаго, теоретическаго характера. Молодые и горячіе мыслятъ иначе, чѣмъ старые и благоразумные, баварцы иначе, чѣмъ саксонцы, а эти иначе чѣмъ гамбурцы; горнорабочіе иначе, чѣмъ работницы въ мастерскихъ платья и модъ; тѣ, кто принимаютъ участіе только въ профессіональной борьбѣ или кооперативныхъ товариществахъ, думаютъ иначе, чѣмъ тѣ, кто душой и тѣломъ отдаются парламентской и избирательной агитаціи; кто вступилъ въ лоно соціализма подъ руководствомъ Маркса и Энгельса думаетъ по иному, чѣмъ тотъ, кто пришелъ къ намъ послѣ увлеченія Родбертусомъ.

Такого рода разномысліе не только неизбѣжно, но даже необходимо. Иначе замерла бы внутренняя духовная жизнь въ партіи. Но все же наша партія есть борющаяся армія, а не клубъ для преній. Противорѣчія внутри партійной жизни не должны идти такъ далеко, чтобы стала невозможной всякая успѣшная совмѣстная работа, они не должны даже заходить такъ далеко, чтобы вызвать тренія, улаженіе которыхъ поглощаетъ у партіи много силъ и времени и парализуетъ готовность

къ борьбѣ. Ростъ партіи не долженъ происходить за счетъ единства и цѣльности. Нѣтъ ничего хуже, какъ разбродъ въ тактикѣ.

Сущность тактики именно и состоитъ въ единствѣ, въ приведеніи всѣхъ разнообразныхъ силъ къ общему планомѣрному дѣйствію. На единствѣ покоится превосходство войска надъ безпорядочными ордами, хотя бы послѣднія были гораздо многочисленнѣе и не хуже вооружены. Въ единодушіи состоитъ превосходство сплоченной партіи надъ индифферентной массой.

Нельзя смѣшивать тактику съ агитаціей. Послѣдняя должна примѣняться къ индивидуальнымъ и мѣстнымъ условіямъ. Въ агитаціи каждому агитатору должна быть предоставлена свобода дѣйствій: одинъ силенъ своимъ жгучимъ краснорѣчіемъ, другой—язвительнымъ остроуміемъ, третій—знаніемъ фактовъ и т. д. И агитація, приспособляясь къ агитатору, должна примѣняться и къ аудиторіи; нужно такъ говорить, чтобы все было ясно, нужно исходить изъ того, что знакомо слушателямъ. Это самоочевидно и относится не только къ агитаціи среди крестьянъ. Къ извощикамъ говорятъ совсѣмъ иначе, чѣмъ къ морякамъ, а къ морякамъ опять иначе, чѣмъ къ наборщикамъ. Агитація должна быть индувидуализирована, но наша тактика, наше политическое дѣйствіе должны быть едины. Неужели при какомъ-нибудь актѣ, имѣющемъ значеніе для всей страны, напримѣръ, при выборахъ въ рейхстагъ, должна быть одна тактика на сѣверѣ, другая на югѣ, одна въ деревнѣ, а другая въ городѣ. На единствѣ тактики основано единство партіи, и когда потеряно первое, вскорѣ рушится и второе.

Единство тактики есть единство дѣйствій. Оно не исключаетъ различія въ мышленіи, различія въ теоретическихъ взглядахъ. Абсолютное единство мышленія достижимо въ лучшемъ случаѣ лишь въ религіозныхъ сектахъ и несоединимо съ самостоятельностью мышленья. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что теоретическіе взгляды отдѣльныхъ членовъ партіи представляютъ безразличное, до извѣстной степени частное, дѣло.

Партійная дѣятельность, какъ и всякая общественная, требуетъ отъ каждой личности извѣстнаго пожертвованія самостоятельностью. Анархистъ или какой-нибудь литераторъ индивидуализма могутъ вслѣдствіе такой жертвы съ презрѣніемъ глядѣть на партійнаго человѣка, но они не могутъ отрицать факта, что безъ

совмѣстнаго дѣйствія нельзя создать великаго въ мірѣ практической жизни. Но ясно, что отказъ отъ самостоятельности, который требуется отъ членовъ партіи, не долженъ идти слишкомъ далеко, если мы не хотимъ превращенія партіи въ орду безвольныхъ рабовъ или стадо неразсуждающихъ овецъ. Это значитъ: чѣмъ крупнѣе теоретическія разногласія внутри партіи, чѣмъ значительнѣе пожертвованіе самостоятельностью, которое долженъ принести отдѣльный членъ въ интересахъ единства дѣйствій, тѣмъ меньше воодушевленія за дѣло партіи и тѣмъ больше опасность, угрожающая единству.

Съ другой стороны, конечно, слѣдуетъ опасаться слишкомъ суживать границы, за предѣлами которыхъ уклоненіе отдѣльнаго лица отъ теоретическихъ воззрѣній большинства становится несовмѣстимымъ съ активной дѣятельностью его какъ члена партіи, за предѣлами которыхъ становится невозможнымъ соглашеніе единой партіи съ одновременной самостоятельностью партійныхъ товарищей.

Точно установить эти границы является одной изъ важнѣйшихъ задачъ каждой партіи. Ради этого партія формулируетъ свои цѣли и обосновываетъ ихъ въ программу, которая гораздо въ большей степени служитъ организаціи, чѣмъ пропагандѣ. Наша программа не только прочно устанавливаетъ наши ближайшія требованія, но и принципы, признаніе которыхъ обезпечиваетъ партіи ея единство и жажду борьбы. Общая часть нашей программы является не только украшеніемъ партійнаго зданія, невиннымъ удовольствіемъ, которое „практики“ охотно предоставляютъ „теоретикамъ“, но которое не имѣетъ никакой дальнѣйшей цѣли; нѣтъ, она имѣетъ огромную практическую задачу—построить границу не только между нами и нашими рѣшительными врагами, но между нами и всѣми слабыми, неустойчивыми союзниками, которые то здѣсь то тамъ готовы вмѣстѣ съ нами дѣйствовать, но не склонны вмѣстѣ съ нами при всякихъ обстоятельствахъ вести борьбу до конца.

Но именно въ виду столь важнаго назначенія нашей программы она не должна составлять табу, не должна быть недостижимой для критики. Нѣтъ ничего хуже программы, находящейся въ противорѣчіи съ дѣйствительностью. Въ такомъ случаѣ она или теряетъ всякое практическое значеніе въ партіи—и тогда партія расшатывается, исчезаетъ рѣзкая грань, отдѣляющая ее

отъ сосѣднихъ элементовъ, въ партію открывается свободный доступъ всякому постороннему, мѣсто выдержанныхъ принциповъ занимаютъ измѣнчивыя вѣянія и мимолетное вліяніе ловкихъ демагоговъ, вмѣсто планомѣрнаго, сознательнаго, непрерывнаго движенія впередъ наступаетъ курсъ зигзаговъ; на мѣсто объединенія разбродъ, на мѣсто вѣры въ себя и воодушевленія—недовѣріе и брюзжаніе. Или же программа не теряетъ своего признанія въ партіи, но такъ какъ она не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то теряетъ свою пропагандистскую силу, низводитъ партію до секты и ведетъ ее на путь безплодной декламаціи и опасныхъ приключеній.

Пересмотръ программы, слѣдовательно, время отъ времени не только позволителенъ, но и необходимъ. Но въ виду его значенія для всей партійной жизни необходимо требовать, чтобы такой пересмотръ предпринимался съ величайшей добросовѣстностью, чтобы по первому капризу, по первому раздавшемуся голосу критики не ставили вопроса жизни и смерти надъ программой своей партіи, чтобы безъ достаточныхъ основаній не возбуждалось сомнѣній въ прочности фундамента всей партійной постройки, чтобы не колебали старой точки зрѣнія, прежде чѣмъ выработана и основана новая.

Нужно воодушевленіе, чтобы свершить великое дѣло, сказалъ Сенъ-Симонъ. Но лишь великая цѣль можетъ воодушевить человѣка. Если то, что составляло до сихъ поръ нашу цѣль, устарѣло, пусть обратится энтузіазмъ на другую, лучше обоснованную, но столь же высокую цѣль; но нельзя безплодными сомнѣніями умерщвлять всякій энтузіазмъ.

Вотъ тѣ принципы, которыми должны мы руководствоваться при пересмотрѣ нашей программы.

Мы имѣли право ждать, что подобнаго рода критику нашей программы дастъ намъ книга Бернштейна, критику, которая, если и отвергнетъ нашу настоящую цѣль, то на ея мѣсто поставитъ новую, лучшую; критику, которая, если и опровергнетъ теперешнее обоснованіе цѣли и докажетъ ложность тѣхъ путей, по которымъ мы идемъ къ ней, то дастъ взамѣнъ лучшее обоснованіе, укажетъ новые пути. Именно теперь въ виду разногласій въ собственныхъ нашихъ рядахъ, подобная критика и связанныя съ ней пренія могли бы многое выяснить и принести лишь пользу нашему дѣлу. Къ такой критикѣ наши противники остались бы по

меньшей мѣрѣ равнодушными; она даже озлобила бы ихъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ производительнѣе она бы оказалась, потому что такая критика, вмѣсто того чтобы подрывать соціаль-демократію укрѣпила бы ее.

Мы покажемъ, какъ и насколько выполнила эту задачу Бернштейновская критика нашей программы. Ни въ какомъ случаѣ не способствовало лучшему ея разрѣшенію то, что Бернштейнъ, не удовольствовался критикой программы и, разрушая все до основанія, обратилъ свое критическое оружіе не только противъ программы, но и противъ метода, результатомъ котораго она является. Геніальный человѣкъ, человѣкъ энциклопедическихъ знаній, какъ Марксъ или Энгельсъ, ужаснулись бы передъ задачей дать въ теченіе нѣсколькихъ недѣль критику философскаго обоснованія нашей программы, критику самой программы и даже изложеніе вытекающихъ отсюда практическихъ выводовъ. Энгельсъ въ „Анти-Дюрингѣ" выполнилъ въ сущности только первую часть этой задачи; Марксъ въ политическомъ сочиненіи противъ Прудона изложилъ только важнѣйшіе принципы политической экономіи.

Бернштейнъ могъ бы дать больше въ своей книгѣ, если бы поставилъ себѣ меньшую задачу, критика программы имѣла смыслъ только въ томъ случаѣ, если Бернштейнъ считалъ вѣрнымъ методъ, лежащій въ ея основаніи. Если методъ невѣренъ, то вся программа виситъ въ воздухѣ, тогда прежде всего необходимо установить новый методъ, по которому нужно работать; лишь послѣ этого возможно приступить къ созданію новой програмы.

Совершенно справедливо замѣтилъ Антоніо Лабріола, что уже съ чисто формальной точки зрѣнія главный недостатокъ книги Бернштейна въ ея слишкомъ энциклопедическомъ характерѣ (Mouvemeut Socilisteе Nr. 8, p. 455). Кто хочетъ критиковать Бернштейна, тотъ вынужденъ написать цѣлую книгу.

Да, кто вздумалъ бы дать вполнѣ исчерпывающую критику Бернштейна, тому пришлось бы написать цѣлые томы. Ибо Бернштейнъ видитъ свою задачу въ томъ, чтобы ставить вопросы, предоставляя другимъ ихъ разрѣшеніе. Притомъ сочиненіе Бернштейна является случайной, сенсаціонной работой, которая въ моментъ появленія подымаетъ столбы пыли, а затѣмъ не оставляетъ за собой прочныхъ слѣдовъ. Критикъ не можетъ писать годами отвѣтной энциклопедіи; его критика, если онъ хочетъ добиться цѣли, должна появиться возможно скорѣе.

Кромѣ того, сюда присоединяется и слѣдующее затрудненіе. Сочиненіе Бернштейна вслѣдствіе множества вопросовъ, быстро нагроможденныхъ въ тѣсномъ пространствѣ, страдаетъ не только отсутствіемъ положительныхъ выводовъ, но и неясностью изложенія. Мысли нагромождаются, сталкиваются, но ни одна изъ нихъ не получаетъ законченности. При этомъ Бернштейнъ, какъ онъ самъ заявилъ въ своемъ предисловіи, не всегда могъ заставить себя избрать ту форму и тѣ аргументы, которые всего яснѣе могли бы выразить его мысль. Его вынуждало къ этому ограниченію уваженіе къ умершимъ друзьямъ и учителямъ. Мы еще увидимъ, большую ли пользу принесъ онъ тѣмъ ихъ памяти. Между тѣмъ это обстоятельство во всякомъ случаѣ очень затруднило сведеніе съ нимъ счетовъ.

Все это лишаетъ критиковъ Бернштейна возможности достигнуть значительныхъ и осязательныхъ результатовъ. Предстоящая имъ задача огромна и подавляетъ частностями. Изобиліе темъ и недостаточность положительнаго содержанія въ книгѣ Бернштейна почти совсѣмъ исключаютъ возможность придти путемъ критики къ углубленію и разрѣшенію отдѣльныхъ вопросовъ; и такъ какъ наиболѣе важныя мысли не продуманы до конца и выражены неточно, то слишкомъ часто предоставляется самому читателю дѣлать выводы и догадываться, какова точка зрѣнія автора.

Въ результатѣ, главное возраженіе со стороны Бернштейна его критикамъ то, что они его не поняли и невѣрно передали его воззрѣнія. Но при этомъ получилось удивительное: всѣ, кто выступилъ противъ Бернштейна, поняли его одинаково. Напротивъ, всѣ его защитники понимаютъ его книгу всякій по своему. Одни видятъ въ ней полный разрывъ съ принципами и проявленіями дѣятельности соціаль-демократіи, другіе же подтвержденіе дѣйствительнаго характера нашего движенія, простое удаленіе нѣкоторыхъ устарѣлыхъ украшеній.

Все это сдѣлало обстоятельную критику Бернштейна ни легкой, ни слишкомъ пріятной и продуктивной работой. Но задача поставлена, и нужно ее разрѣшить. Мы постараемся при этомъ, насколько возможно, заполнить разрѣшеніе задачи положительнымъ содержаніемъ.

I. Методъ.

а) Матеріалистическое пониманіе исторіи.

Книга Бернштейна по мѣрѣ своего развертыванья представляетъ различныя стадіи развитія; предверіемъ къ нимъ послужили тѣ статьи въ Neue Zeit, съ которыхъ начался весь споръ. Его статьи: „Борьба соціальдемократіи и соціальная революція“ (Neue Zeit, XVI, 1, S. 484, 548) съ положеніемъ о конечной цѣли и движеніи, ставшимъ съ тѣхъ поръ крылатымъ словомъ, эти статьи являлись въ сущности лишь полемикой противъ Бельфорта Бакса. Подвергшись за это нападкамъ, Бернштейнъ развилъ свои возраженія въ полемику противъ „соціалъ-революціонеровъ“ въ партіи,—Парвуса, Люксембургъ, Плеханова.

Еще болѣе расширяетъ Бернштейнъ кругъ своихъ противниковъ въ началѣ своей брошюры. Но здѣсь еще онъ выступаетъ послѣдователемъ теоріи Маркса. Матеріалистическое пониманіе исторіи Маркса претерпѣло измѣненіе въ своемъ развитіи, возвѣщаетъ онъ; большинство марксистовъ не замѣчаетъ его, но онъ, Бернштейнъ, можетъ прослѣдить его съ полной точностью, мы должны принять матеріалистическое пониманіе исторіи въ его совершенной, а не примитивной формѣ.

Здѣсь мы видимъ Бернштейна въ роли защитника ученія Маркса противъ неразумія марксистовъ. Онъ еще чувствуетъ себя пророкомъ, который пришелъ не нарушить законъ, а исполнить.

Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше онъ разгорячается; теперь мы находимся во второй стадіи: взгляды Маркса и Энгельса претерпѣли измѣненіе; но не только марксисты, но даже сами Марксъ и Энгельсъ не замѣчали такой перемѣны. Бернштейнъ, конечно, сразу замѣтилъ ее. Въ смыслѣ этой перемѣны и слѣдуетъ реформировать ученіе Маркса, аппелировать отъ мало освѣдомленнаго Маркса къ болѣе проницательному. До сихъ

поръ у катедерсоціалистовъ было въ модѣ противопоставлять дурного Маркса бравому Лассалю. Бернштейнъ же вноситъ перемѣну, противопоставляя дурного Маркса бравому Марксу. Но онъ не останавливается и на этомъ, онъ идетъ дальше, его горячность и запальчивость все возрастаютъ. Онъ вступаетъ въ третью стадью: отъ браваго Маркса ничего уже не остается, нѣтъ, онъ его отвергаетъ даже въ его наиболѣе совершенной формѣ: дѣйствительное развитіе, по словамъ Бернштейна, происходитъ въ противоположномъ направленіи, чѣмъ думалъ Марксъ.

Это самая рѣшительная и важнѣйшая стадія въ книгѣ. Теперь по крайней мѣрѣ ясно, въ чемъ дѣло. Но увы, Бернштейнъ не останавливается на этой стадіи. Грозный потокъ, угрожающій снести все зданіи марксизма, мелѣетъ и заносится иломъ, уклоняясь въ область практическихъ реформъ, необходимость которыхъ признается всѣми отъ Берлепша и Бассермана до Плеханова и Парвуса; въ концѣ концовъ потокъ превращается въ узкій ручеекъ—(единственное практическое значеніе всего разсужденія заключается лишь въ предостереженіи не употреблять рѣзкихъ словъ, которыя могутъ испугать буржуазію).

Обратимся сначала къ первой стадіи книги. Здѣсь рѣчь идетъ о главномъ основаніи теоріи Маркса, о матеріалистическомъ пониманіи исторіи. „Два великихъ открытія — сказалъ Энгельсъ въ своемъ Анти-Дюрингѣ, — матеріалистическое пониманіе исторіи и раскрытіе тайны капиталистическаго производства при помощи теоріи прибавочной цѣнности.... сдѣлали соціализмъ наукой“. Они не создали современнаго соціализма, но съ ними впервые явилась возможность научно, методически обосновать и построить соціализмъ. Изъ этихъ двухъ открытій матеріалистическое пониманіе исторіи въ свою очередь является основнымъ. Вмѣстѣ съ нимъ появился и вмѣстѣ съ нимъ падетъ марксизмъ, являющійся теперь самой совершенной соціалистической теоріей.

Поэтому Бернштейнъ въ своемъ сочиненіи прежде всего ставитъ вопросъ, имѣетъ ли матеріалистическое пониманіе исторіи значеніе и насколько. Но какимъ путемъ всего легче найти отвѣтъ на этотъ вопросъ? Въ знаменитомъ предисловіи къ „Zur kritik der politischen Oekonomie“ Марксъ самъ указалъ намъ путь, которымъ онъ шелъ.

Какъ редакторъ „Рейнской газеты“ въ 1842-43 гг, онъ очень „затруднялся необходимостью говорить о такъ

называемыхъ матеріальныхъ интересахъ“, не изучивъ даннаго вопроса болѣе основательно. Занятія, а также и споры, возникшіе по этому поводу, вызвали въ немъ много сомнѣній въ правильности господствовавшихъ тогда воззрѣній. Однако, Марксъ не усмотрѣлъ въ однихъ сомнѣніяхъ теоретическаго успѣха, который нужно, какъ можно скорѣе, преподнести публикѣ. Вмѣсто того, чтобы написать книгу о своихъ сомнѣніяхъ, онъ воспользовался разногласіями съ издателемъ „Рейнской газеты“ и „промѣнялъ арену общественной дѣятельности на ученый кабинетъ“.

„Первый шагъ къ разрѣшенію охватившихъ меня сомнѣній былъ критическій пересмотръ гегелевской философіи права — работа, введеніе которой появилось въ „Deutsch-französische Jahrbücher“, издававшихся въ Парижѣ въ 1844 г. Изслѣдованія привели меня къ выводу, что правовыя отношенія, какъ и формы государственнаго строя не могутъ быть поняты ни сами изъ себя, ни изъ такъ называемаго всеобщаго развитія человѣческаго духа, но коренятся въ матеріальныхъ жизненныхъ отношеніяхъ, совокупность которыхъ Гегель, по примѣру англичанъ и французовъ восемнадцатаго столѣтія, понималъ подъ именемъ буржуазнаго общества; что анатомію буржуазнаго общества нужно искать въ политической экономіи. Изученіе послѣдней, начатое въ Парижѣ, я продолжалъ въ Брюсселѣ, куда я долженъ былъ переселиться вслѣдствіе приказа объ изгнаніи господина Гизо.... Изданіе „Новой Рейнской газеты“ въ 1848-1849 гг. и позднѣйшія событія прервали мои занятія по политической экономіи, возобновившіяся лишь въ 1850 г. въ Лондонѣ. Громадный матеріалъ для исторіи политической экономіи, собранный въ Британскомъ музеѣ, благопріятный наблюдательный пунктъ, который представляетъ изъ себя Лондонъ для изслѣдованія капиталистическаго общества, наконецъ, новая стадія развитія этого общества, которая, казалось, наступила съ открытіемъ калифорнійскаго и австралійскаго золота, побудили меня начать съ самаго начала и критически поработать надъ новымъ матеріаломъ“.

Марксъ, слѣдовательно,—также какъ и Энгельсъ—пришелъ къ своимъ историческимъ воззрѣніямъ путемъ изслѣдованія экономическаго развитія буржуазнаго общества. Къ такому же историческому пониманію пришелъ и Морганъ путемъ изслѣдованія вопроса о развитіи первобытныхъ племенъ. Одинъ и тотъ же законъ развитія былъ найденъ на двухъ концахъ цѣпи истори-

ческаго развитія. Это не случайное совпаденіе. Экономическое развитіе современнаго общества, естественно, намъ ближе и наиболѣе понятно. Съ другой стороны, въ доисторическихъ общественныхъ формахъ отношенія отличаются наибольшей ясностью и простотой, и закономѣрность ихъ развитія можетъ быть безъ труда установлена, разъ извѣстны и установлены факты. Наименѣе ясны средніе члены ряда общественнаго развитія, экономическія и общественныя отношенія которыхъ тѣмъ недоступнѣе для изслѣдованія, чѣмъ болѣе отдалены отъ насъ и тѣмъ сложнѣе, чѣмъ далѣе отъ первобытнаго времени. Все же изслѣдованіе и здѣсь проникаетъ все далѣе и вскрываетъ все больше связь античнаго міра и среднихъ вѣковъ съ первобытнымъ обществомъ, также какъ и съ современнымъ.

Несмотря на это литература историческаго матеріализма еще очень скудна, теорія находится еще въ начальной стадіи и ея развитіе никакъ не можетъ сравниться съ тѣмъ, которое получилъ дарвинизмъ. Вполнѣ правильно указалъ на это Антоніо Лабріола, въ своемъ послѣднемъ сочиненіи (Socialisme et Philosophie, 12), объяснивъ и причины такого различія.

Матеріалистическое пониманіе исторіи стало теоріей, на которой пролетаріатъ обосновываетъ свои соціалистическія требованія. Это обстоятельство чрезвычайно расширило ея историческое значеніе, но затруднило ея способность къ научному развитію, по крайней мѣрѣ, на ближайшее время. Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи она предоставлена однимъ только соціалистамъ, сторонникамъ бѣдной, борющейся партіи, принужденнымъ отдавать свое время заработку, а немногія минуты отдыха практической борьбѣ. „Всѣ стоящіе внѣ соціализма заинтересованы только въ томъ, чтобы опровергнуть, исказить или, по меньшей мѣрѣ, игнорировать новую теорію, соціалисты же.... не обладаютъ достаточнымъ запасомъ времени и силъ, необходимыхъ для того, чтобы теорія получила всеобъемлющее развитіе и достигла зрѣлости школы, какъ это было съ тѣми ученіями, которымъ содѣйствовалъ оффиціальный міръ или, по крайней мѣрѣ, не противодѣйствовалъ, которыя потому росли вширь и вглубь при усердномъ соучастіи многочисленныхъ работниковъ“.

И ближайшее будущее не сулитъ здѣсь улучшенія. По мѣрѣ того, какъ растетъ практическое значеніе соціализма и растутъ также практическія требованія, предъявляемыя къ соціалистической „интеллигенціи“, умень-

шается число силъ, свободныхъ для теоретической работы. Усиливающійся ростъ ежедневной прессы, увеличеніе числа депутатскихъ полномочій въ парламентѣ и общинныхъ совѣтахъ, увеличеніе числа рабочихъ секретаріатовъ и т. д., все это высасываетъ почти всѣ силы, пригодныя для теоретическихъ занятій. Не простая случайность, что такъ называемыми „теоретиками“ являются въ нѣмецкой соціальдемократіи лица, живущія за границей и потому не участвующія въ практической работѣ партіи; какъ не случайно и то что марксистская теорія явилась дѣтищемъ изгнанія и результатомъ политическаго застоя передъ 1848 г. и послѣ 1849 г. Если бы этотъ застой продолжался дольше и не возникла бы „Интернаціональ“, несомнѣнно „Капиталъ“ лежалъ бы передъ нами готовымъ и вся теорія Маркса была бы въ болѣе законченномъ видѣ, чѣмъ теперь.

Повидимому, внутри развитого капиталистическаго способа производства, который требуетъ напряженія всѣхъ силъ въ области практической дѣятельности, всесторонне-развитая классовая борьба очень мало благопріятствуетъ развитію теоретическаго мышленія. Еще въ 1873 г. Марксъ могъ въ своемъ предисловіи къ „Капиталу“ ссылаться на великій теоретическій смыслъ нѣмецкаго пролетаріата. Съ сожалѣніемъ приходится констатировать, что этотъ смыслъ теперь исчезаетъ. Онъ былъ наслѣдіемъ той эпохи, когда главари нѣмецкой буржуазіи отдавались философской работѣ; между тѣмъ какъ англичане и французы занимались революціонной дѣятельностью и завоевывали міръ. Основаніе государства поэтовъ и мыслителей въ 1871 г. отодвинуло на задній планъ и мышленіе.

Наибольшій теоретическій смыслъ можно еще найти въ Россіи, интеллигенція которой осуждена теперь, какъ нѣкогда нѣмецкая, на одно лишь теоретическое воспроизведеніе политическихъ и соціальныхъ переворотовъ Запада.

При такихъ неблагопріятныхъ для теоретическаго развитія условіяхъ тѣмъ цѣннѣе и желательнѣе каждая попытка углубить и развить далѣе матеріалистическое пониманіе исторіи. Но плодотворность такихъ попытокъ возможна лишь на томъ пути, которымъ Марксъ, Энгельсъ и Морганъ пришли къ своему міровоззрѣнію; она можетъ быть достигнута лишь дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ дѣйствительности, а не хожденіемъ вокругъ да около отдѣльныхъ выраженій. Только путемъ дальнѣйшаго развитія экономической исторіи можно углубить

и разъяснить это міровоззрѣніе; на реальныхъ фактахъ, а не на отдѣльныхъ словахъ, можно провѣрить его цѣнность, исходя изъ нихъ развить его далѣе. Необходимо или подвергнуть новому изслѣдованію тѣ факты, на которыхъ Марксъ и Энгельсъ основывали свою теорію, вновь изучить ихъ взаимную связь и выводы, которыя изъ нихъ вытекаютъ; или же разработать новую область, изслѣдовать ее, сравнить полученные тамъ результаты съ полученными ранѣе и, такимъ образомъ, укрѣпить или исправить, расширить или сузить теорію.

Если бы Бернштейнъ избралъ такой путь, то каждый изъ послѣдователей Маркса былъ бы ему за это только благодаренъ. Но тотъ самый Бернштейнъ, который насъ свысока поучаетъ, что „не въ постоянномъ повтореніи словъ учителя состоитъ задача учениковъ“ (S. 19), самъ не даетъ намъ ничего, кромѣ пары цитатъ изъ писемъ и сочиненій Маркса и Энгельса, толкуетъ ихъ на разные лады и заявляетъ, что вычитанное имъ изъ послѣднихъ писемъ толкованіе представляетъ наиболѣе совершенную форму теоріи и что только это толкованіе мы должны признавать. Во всей главѣ о матеріалистическомъ пониманіи исторіи нѣтъ ссылки ни на одинъ историческій фактъ! Что бы мы подумали о дарвинистѣ, который, желая изложить смыслъ дарвинизма, оперируетъ не съ естественно-научными фактами, а съ нѣкоторыми общими мѣстами изъ сочиненій Дарвина и занимается разъясненіемъ отдѣльныхъ терминовъ, какъ развитіе, борьба за существованіе, естественный подборъ видовъ и т. д. Эти пріемы я позволилъ себѣ назвать схоластикой и я совсѣмъ не чувствую себя опровергнутымъ возраженіемъ Бернштейна, что въ своей полемикѣ съ Баксомъ я самъ становлюсь схоластикомъ.

Я вовсе не называю каждое принципіальное разъясненіе схоластикой. Сущность схоластики состоитъ не въ оперированіи съ понятіями, но въ томъ, что эти понятія получаются не изслѣдованіемъ д ѣ й с т в и т е л ь н о с т и, а путемъ умозаключеній изъ отдѣльныхъ с л о в ъ и п о л о ж е н і й авторитетовъ. Но кто помнитъ мою полемику съ Баксомъ, тотъ долженъ признать, что тамъ центръ тяжести заключается не въ толкованіи отдѣльныхъ словъ Маркса и Энгельса, а въ разъясненіи историческихъ фактовъ: хода развитія греческой философіи, возникновенія христіанства, пуританства.

Но Бернштейнъ очень мало интересуется разъясненіемъ хода общественнаго развитія. Онъ принимается за дѣло, какъ философъ. Для него „вопросъ о правиль-

ности матеріалистическаго пониманія исторіи есть вопросъ о степени исторической необходимости. Быть матеріалистомъ значитъ прежде всего признавать необходимость всего сущаго... Матеріалистъ есть кальвинистъ, но безъ бога" (S. 4). Поэтому главѣ о марксистскомъ пониманіи исторіи онъ даетъ заглавіе „Матеріалистическое пониманіе исторіи и историческая необходимость". Въ началѣ, заявляетъ онъ, матеріалистическое пониманіе исторіи основывалось на признаніи исторической необходимости, оно было детерминистично. Но со временемъ Марксъ и Энгельсъ стали менѣе послѣдовательными детерминистами, чѣмъ были ранѣе; они это нигдѣ ясно не высказали, но подобное заключеніе можно вывести изъ частныхъ писемъ Энгельса. Бернштейнъ прибѣгаетъ даже къ очень оригинальному пріему: ссылается на письмо Энгельса, которое, кромѣ него, никто не читалъ и котораго онъ изъ деликатности нигдѣ не цитируетъ. Мы не настолько деликатны, чтобы это таинственное письмо считать существующимъ, а ссылку на него назовемъ прямо нелѣпостью.

Въ результатѣ Бернштейнъ приходитъ къ слѣдующему выводу: „Философскій или естественно-научный матеріализмъ детерминистиченъ, марксистское же пониманіе исторіи не является таковымъ; оно не приписываетъ матеріальнымъ основамъ жизни народовъ безусловнаго вліянія на формы ихъ жизни" (S. 14).

На мои возраженія противъ подобныхъ заключеній, онъ отвѣчалъ статьей въ „Neue Zeit": „Необходимость въ природѣ и исторіи'. Я не буду перечислять тѣхъ разнообразныхъ родовъ детерминизма, — какъ безусловнаго или болѣе или менѣе условнаго, физическаго, философскаго, послѣдовательнаго и менѣе послѣдовательнаго, общаго и частнаго—которые намъ преподноситъ Бернштейнъ. Замѣчу лишь одно. При буквоѣдствѣ, характерномъ для Бернштейна, точность въ выраженіяхъ необходима, иначе получится невообразимая путаница. Сводя все изслѣдованіе о матеріалистическомъ пониманіи исторіи къ вопросу, детерминистично оно или нѣтъ, Бернштейну прежде всего слѣдовало бы, какъ можно точнѣе опредѣлить значеніе этого слова. Но онъ самъ долженъ признаться, что именно въ первой основной главѣ ясность и точность выраженій оставляютъ желать очень многаго. Онъ заявляетъ въ „Neue Zeit" въ своей цитированной уже статьѣ: „Въ этомъ пунктѣ я принужденъ признать критику Каутскаго отчасти справедливой. Способъ выраженія въ критикуемомъ отрывкѣ оставляетъ же-

лать многаго; изложеніе страдаетъ недостаткомъ въ точности". Но исправляетъ-ли онъ эти погрѣшности въ своей статьѣ? Нисколько. Онъ приходитъ къ слѣдующему выводу: „Весь споръ—есть споръ о толкованіи слова детерминизмъ. Я его употребляю въ смыслѣ матеріально опредѣленной необходимости и назвалъ бы, примѣняя къ исторіи, фатализмомъ. И всякій, кто безпристрастно прочтетъ мою книгу, тотъ не можетъ въ этомъ сомнѣваться". Такимъ образомъ, въ началѣ, согласно Бернштейну, Марксово пониманіе исторіи было фаталистическимъ. Постараемся это запомнить.

Но что значитъ самое слово „фатализмъ"? Вѣдь не хочетъ же Бернштейнъ сказать, что фатализмъ есть вѣра въ фатумъ? Если это слово имѣетъ какой-нибудь смыслъ, то только—какъ механически-автоматическая необходимость. Въ самомъ дѣлѣ Бернштейнъ заявляетъ: если Каутскій „не понимаетъ міроваго процесса чисто-механически, гдѣ люди являются автоматами, хотя бы при этомъ они и дѣйствовали сознательно, то онъ отказывается отъ признанія необходимости въ общечеловѣческомъ развитіи". Другими словами, историческая необходимость для Бернштейна существуетъ только тамъ, гдѣ люди находятся въ принудительномъ состояніи, гдѣ не только ихъ воля предопредѣлена, но ихъ дѣйствія тоже не свободны. Всѣ свои философскія изысканія онъ кончаетъ смѣшеніемъ свободы воли со свободой дѣйствія. Теперь становится яснымъ, почему Бернштейнъ считаетъ вопросъ о справедливости матеріалистическаго пониманія исторіи вопросами о степени исторической необходимости. Эта необходимость, понимаемая въ смыслѣ необходимой закономѣрной, каузальной связи всѣхъ историческихъ явленій, естественно не можетъ различаться по степенямъ; необходимость же въ смыслѣ дѣйствующаго на людей внѣшняго принужденія можетъ имѣть различныя степени.

Во всякомъ случаѣ нужно признаться, что я настолько былъ „предубѣжденъ", что считалъ со стороны Бернштейна невозможнымъ пониманіе исторической необходимости въ послѣднемъ смыслѣ. Уже не въ первый разъ Бернштейнъ жалуется, будто бы непониманіе его совершенно ясныхъ выраженій можно объяснить только или злой волей или предубѣжденностью. Но онъ такъ строгъ только къ своимъ прежнимъ партійнымъ товарищамъ. Другое дѣло, если „докторъ, даже магистръ" пойметъ

его такимъ же образомъ. Я уже въ первыхъ моихъ критическихъ статьяхъ задавался вопросомъ, „не смѣшиваетъ-ли Бернштейнъ детерминизма съ механизмомъ“? Въ статьѣ о Бернштейнѣ докторъ фонъ-Венкштернъ пишетъ: „замѣчанія Каутскаго о пониманіи Бернштейномъ теоріи историческаго матеріализма въ высшей степени вѣрны. Нельзя не согласиться, что Бернштейнъ допустилъ смѣшеніе философскаго понятія „детерминистическій“ съ понятіемъ „механическій“.

Бернштейнъ видитъ въ моей критикѣ лишь доказательство пристрастнаго къ нему отношенія. Но тутъ же онъ расшаркивается передъ докторской шляпой и заявляетъ въ примѣчаніи: „Я согласенъ, что мое употребленіе слова „детерминизмъ“ не совпадаетъ съ тѣмъ смысломъ, который придается ему въ современной философіи, гдѣ оно исключительно понимается въ смыслѣ тѣсной причинной связи между человѣческими желаніями и вызывающими ихъ побужденіями. Что касается тѣхъ критиковъ моей книги, которые вмѣстѣ съ докторомъ Венкштерномъ на страницахъ научнаго приложенія къ „Münch. Allgem. Zeitung“ въ силу этихъ соображеній находили невѣрнымъ мое толкованіе, то на ихъ сторонѣ несомнѣнно была большая научность въ употребленіи терминовъ. Но это не относится къ Каутскому“,—такъ какъ Каутскій долженъ слово детерминизмъ употреблять въ смыслѣ фатализма; эту обязанность я однако почтительнѣйше отклоняю.

Хорошо, право, быть приватъ-доцентомъ! Мы трудились въ потѣ лица, чтобы распутать и разъяснить qui pro quo Бернштейна и чего же добились? Бернштейнъ нашелъ у насъ только ложное толкованіе, притомъ настолько грубаго сорта, что лишь простая вѣжливость мѣшаетъ назвать ему такой пріемъ умышленной передержкой. Если же приватъ-доцентъ скажетъ вскользь то же самое, то его заявленія выслушиваются въ высшей степени охотно, ибо „на его сторонѣ несомнѣнно большая научность въ употребленіи терминовъ“. Какъ много труда сберегаетъ академическій титулъ!

Какой же терминологіи придерживался самъ Бернштейнъ, когда въ многократно цитированной уже мною статьѣ въ „Neue Zeit“ писалъ: „мысль, что дѣйствительный міръ таковъ, какимъ онъ долженъ быть, является у матеріалистовъ чисто искусственнымъ построеніемъ, которое служитъ имъ утѣшеніемъ въ бренности нашего міра“. Пусть на этомъ „искусствен-

номъ построеніи“ покоится всякая наука и даже возможность научнаго познаванія, все равно,—оно можетъ приниматься только матеріалистами и тому подобными идіотами, придерживающимися смѣшного взгляда, что въ мірѣ все происходитъ естественно. Да, несомнѣнно тотъ, кто признаетъ это, для того причинность и необходимость является однозначущими. Но „признаніе, что все сущее должно имѣть причину, еще не означаетъ того, что все сущее должно имѣть естественную, не связанную ни съ какой метафизической силой причину“.

Бернштейну остается только выдвинуть противъ Маркса и Энгельса обвиненіе, что они замѣнили историческую необходимость рукой Провидѣнія. Не окажется недостатка и въ ненапечатанныхъ частныхъ письмахъ, откуда можно вычитать это.

Но если пониманіе исторіи Марксомъ было въ началѣ фаталистическимъ, то что же тогда съ борьбой классовъ? Теоретическая часть „Коммунистическаго Манифеста“ заканчивается положеніемъ: „Исторія всего прежняго общества есть исторія борьбы классовъ“. Въ современной классовой борьбѣ пролетаріата коммунисты участвуютъ, какъ „наиболѣе рѣшительная, наиболѣе передовая часть рабочихъ партій во всѣхъ странахъ“. Къ чему эти слова, еслибы Марксъ признавалъ, что развитіе идетъ фаталистически?

Но и Бернштейнъ признаетъ, что теорія Маркса въ своихъ начаткахъ содержитъ не только элементы фатализма, но также элементы противоположные ему.

Въ извѣстномъ предисловіи „Zur Kritik der politischen Oekonomie“, какъ утверждаетъ Бернштейнъ „Сознаніе и бытіе такъ рѣзко противопоставляются другъ другу, что само собой вытекаетъ взглядъ на людей, какъ на живыхъ агентовъ историческихъ силъ, дѣло которыхъ они исполняютъ помимо своей воли и сознанія“ (s. 6). Фатализмъ чистой воды. Довольно печально. Но именно въ то самое время, когда пониманіе исторіи Марксомъ было наиболѣе фаталистическимъ, тотъ же самый Марксъ вмѣстѣ съ Энгельсомъ признаютъ, какъ ихъ упрекаетъ Бернштейнъ, „вмѣсто реальныхъ отношеній простую волю главной силой революціи“. Это, разумѣется, еще хуже. Но хуже всего то, что Марксъ и Энгельсъ никогда не сознавали этого неслыханнаго противорѣчія. Возможность, что Бернштейнъ въ обоихъ случаяхъ плохо понялъ Маркса и Энгельса, ему не приходитъ и въ голову. Для всѣхъ противорѣчій онъ напередъ изобрѣлъ

объясненіе,—теорію двухъ душъ. У каждаго человѣка онъ находитъ двѣ души, повсюду открываетъ дуализмъ. Но если кто-либо попробуетъ разъяснить ему, что эти двѣ души прежде всего находятся въ его груди, то онъ вознегодуетъ.

Бернштейнъ находитъ, однако, не только двѣ души у Маркса и Энгельса, но и развитіе каждой изъ нихъ въ противоположномъ направленіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ та, такъ и другая развиваются въ направленіи къ Бернштейну—каковъ фокусъ! Одна душа становится все менѣе фаталистической; она все болѣе признаетъ самостоятельное значеніе политическихъ и идеологическихъ фокусовъ, слѣдовательно все въ большей степени дѣлаетъ „двигателемъ соціальнаго развитія волю вмѣсто объективныхъ отношеній". Наоборотъ, другая душа, какъ это можно прочесть въ главѣ о „Марксизмѣ и гегелевской діалектикѣ" все болѣе ограничиваетъ въ революціи роль воли и идеологіи и все болѣе переноситъ центръ тяжести на ея матеріальныя причины, какъ можно заключить изъ предисловія Энгельса къ гражданской войнѣ Маркса. Такъ обѣ бѣдныя души не могутъ встрѣтиться, и требуется исключительный талантъ влѣзанія въ душу, чтобы разобраться въ этой чепухѣ и установить, которая же изъ нихъ должна признаваться истинной марксистской душой.

Бернштейнъ, къ счастью, открылъ ее въ нѣкоторыхъ частныхъ письмахъ Энгельса, и разъясняетъ намъ: „кто придерживается въ настоящее время теоріи историческаго матеріализма, тотъ обязанъ принимать ее въ совершенной, а не въ первобытной формѣ, то-есть тотъ долженъ принимать во вниманіе, кромѣ развитія и вліянія производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній, также правовыя и моральныя понятія, историческія и религіозныя традиціи каждой эпохи, географическія и иныя естественныя причины, къ которымъ необходимо причислить природу самого человѣка и его духовныя склонности" (s. 7).

Совершенно вѣрно, только это долженъ дѣлать каждый, какого бы пониманія исторіи онъ ни придерживался. Все, что перечислилъ намъ только что Бернштейнъ въ не совсѣмъ послѣдовательномъ порядкѣ, ни что иное, какъ тѣ факторы, зависимость которыхъ другъ отъ друга ему слѣдовало установить. Но хотя бы насъ и обязали „считаться" съ ними, все же мы ничего не узнаемъ о характерѣ существующей между ними зависимости.

Это сбивчивое общее мѣсто является результатомъ

всѣхъ изслѣдованій Бернштейна о матеріалистическомъ пониманіи исторіи.

Но безъ ясной теоріи историческаго развитія не можетъ быть и яснаго метода соціалистическаго изслѣдованія. Здѣсь мѣсто соприкосновенія пониманія исторіи и соціализма; мѣсто, которое придаетъ вопросу объ исторической теоріи далеко не одно академическое значеніе.

Тѣсная связь между теоріей и методомъ особенно ясно вскрывается въ одномъ мѣстѣ изъ Анти-Дюринга Энгельса. Я беру третье „просмотрѣнное и дополненное изданіе", которое Энгельсъ выпустилъ въ 1894 г., т. е., за годъ до своей смерти. Къ этому времени относятся также и частныя письма Энгельса, на которыя ссылается Бернштейнъ. Я уже указывалъ въ моей статьѣ въ „Neue Zeit", что между этими письмами и твореніями Маркса и Энгельса нѣтъ никакого противорѣчія и могу здѣсь воздержаться отъ повторенія своихъ аргументовъ.

Въ Анти-Дюрингѣ (стр. 286) Энгельсъ говоритъ: „Матеріалистическое пониманіе исторіи исходитъ изъ положенія, что производство и обмѣнъ составляютъ основу всего общественнаго строя; что въ каждомъ уже вступившемъ въ исторію обществѣ распредѣленіе продуктовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соціальное раздѣленіе на классы и сословія опредѣляется тѣмъ, что и какъ производится и какіе продукты обмѣниваются. Поэтому ближайшія причины всѣхъ общественныхъ измѣненій и политическихъ переворотовъ нужно искать не въ головахъ людей, не въ растущемъ сознаніи вѣчной истины и справедливости, но въ перемѣнахъ происходящихъ въ способахъ производства и обмѣна; ихъ нужно искать не въ философіи, а въ экономикѣ данной эпохи. Растущее сознаніе того, что настоящій общественный порядокъ неразуменъ и несправедливъ, что разумъ превратился въ безуміе, а благо во зло,—все это лишь является свидѣтельствомъ, что въ средствахъ производства и формахъ обмѣна въ полной тиши произошли измѣненія, которымъ не соотвѣтствуетъ общественный строй, созданный болѣе ранними экономическими отношеніями. Этимъ уже сказано, что болѣе или менѣе готовыя средства для устраненія обнаруживающихся недостатковъ общественнаго строя точно также должны заключаться въ самихъ измѣнившихся производственныхъ отношеніяхъ. Эти средства не могутъ быть изобрѣтены изъ головы, но могутъ быть при помощи головы открыты въ существующихъ матеріальныхъ условіяхъ производства".

Но однимъ открытіемъ ихъ еще не все достигнуто. Эти средства должны быть примѣнены, въ частности навязаны сопротивляющимся. Однако, не всѣ классы общества могутъ быть подвинуты къ этому произвольно— одной силой убѣжденія. Необходимо еще открыть, какіе слои могутъ быть скорѣе всего завоеваны и объединены для предстоящей борьбы. То будутъ всегда лишь вполнѣ опредѣленные классы, интересы и склонности которыхъ совпадаютъ съ потребностями общественнаго развитія. Но и эти интересы и склонности могутъ быть только обнаружены при изслѣдованіи существующаго способа производства.

Вотъ методъ, вытекающій изъ примѣненія матеріалистическаго пониманія исторіи къ политикѣ, вотъ методъ, благодаря которому соціализмъ сталъ наукой. Конечно, это не значитъ, что отнынѣ только тѣ могутъ быть соціалистами, кто признаетъ этотъ методъ или, по крайней мѣрѣ, понимаетъ его. Можно защищать извѣстное дѣло, не отдавая себѣ ясно отчета въ послѣднихъ основаніяхъ своего дѣйствія. Если соціализмъ Маркса называютъ научнымъ, то съ этимъ отнюдь не должно быть связано превознесеніе марксистовъ, какъ будто бы они хотѣли утверждать, что только у нихъ однихъ можно найти научное мышленіе. Навѣрное, найдутся марксисты, которые въ неладахъ съ наукой, и марксисты, которые преуспѣли въ наукахъ. Но въ настоящее время еще не существуетъ метода, кромѣ марксистскаго, который могъ бы научно обосновать соціализмъ.

Въ соціализмѣ Маркса методъ, а не выводы играетъ рѣшающую роль. Послѣдніе могутъ мѣняться. Во многихъ пунктахъ они уже измѣнились и еще болѣе измѣнятся съ ходомъ историческаго развитія, которое приноситъ не только новые факты, но и новые способы изслѣдованія. Что мы во многомъ судимъ иначе, чѣмъ Марксъ и Энгельсъ при составленіи „Коммунистическаго Манифеста“, это само собой разумѣется. Но что самымъ блестящимъ образомъ подтверждается—это методъ, при помощи котораго добыты результаты Коммунистическаго Манифеста.

Разумѣется, и этотъ методъ не является послѣднимъ словомъ мудрости. Но если кто желаетъ заставить насъ отказаться отъ этого столь яснаго, столь плодотворнаго, многократно испытаннаго метода, для этого необходимы очень серьезныя основанія, тотъ долженъ дать намъ взамѣнъ, по крайней мѣрѣ, столь же ясный, хотя бы и не столь же испытанный, методъ.

Кто считаетъ методъ Маркса невѣрнымъ, передъ тѣмъ остаются только два пути. Онъ признаетъ необходимость и закономѣрность въ общественномъ развитіи, но отвергаетъ положеніе, согласно которому общественное развитіе въ послѣднемъ счетѣ сводится къ развитію способовъ производства. Онъ признаетъ, что другіе факторы должны „быть взяты въ соображеніе“ рядомъ съ тѣми или исключительно. Въ этомъ случаѣ, если онъ хочетъ изслѣдовать ходъ соціальнаго развитія и средства къ его могущественному споспѣшествованію, онъ долженъ изложить законы, обусловливающіе дѣйствіе другихъ факторовъ, какъ, напримѣръ, этическихъ воззрѣній и побужденій и пр. О научномъ соціализмѣ при приложеніи этого метода могла бы быть рѣчь только въ томъ случаѣ, если бы эти факторы были настолько же всесторонне изслѣдованы, какъ капиталистическій способъ производства въ „Капиталѣ“, и если бы было установлено, что подъ ихъ воздѣйствіемъ должно возникнуть соціалистическое общество.

Возможенъ и другой путь. Отрицается вообще необходимость и закономѣрность въ развитіи общества или по меньшей мѣрѣ возможность ихъ постигнуть при данныхъ средствахъ. Но въ такомъ случаѣ исчезаетъ всякая возможность даже частичнаго выясненія направленія соціальнаго развитія путемъ изслѣдованія настоящаго и прошедшаго; исчезаетъ всякая возможность научнаго разрѣшенія величайшихъ проблемъ нашего времени, слѣдовательно и проблемы научнаго соціализма. Это не исключаетъ возможности соціалистическаго движенія, но его цѣли перестаютъ быть чѣмъ-либо инымъ, кромѣ благихъ пожеланій, вытекающихъ изъ потребностей современности. Аргументы, средства борьбы,—все въ этомъ случаѣ должно быть измѣнено. Бернштейнъ, отвергая матеріалистическое пониманіе исторіи въ его классической,—или, какъ онъ думаетъ, примитивной формѣ,—долженъ былъ бы, если вообще имѣлъ намѣреніе дать ясный методъ, высказаться за какой-либо изъ двухъ вышеуказанныхъ методовъ. Но онъ поступаетъ иначе. Онъ довольствуется вылазками противъ матеріалистовъ и исторической необходимости и разными вымученными толкованіями частныхъ писемъ, чтобы заставить насъ повѣрить, будто бы Марксъ и Энгельсъ въ концѣ ихъ жизни отказались отъ послѣдовательнаго примѣненія своего пониманія исторіи и соотвѣтствующаго ему метода, на приложеніи котораго основаны ихъ классическія творенія отъ „Нищеты фи-

лософіи“ и „Коммунистическаго Манифеста“ до „Капитала“ и „Анти-Дюринга“. Но онъ остерегся обмолвиться, хотя бы однимъ словомъ, какой же изъ методовъ онъ считаетъ теперь правильнымъ, и даже въ полемикѣ не удалось заставить его высказаться яснѣе. Его ожесточенныя нападки на историческую необходимость заставляютъ предполагать, что Бернштейнъ считаетъ вообще невозможнымъ научное обоснованіе соціализма. Но противъ такого предположенія говоритъ то обстоятельство, что онъ самъ называетъ себя марксистомъ, защитникомъ истиннаго матеріалистическаго пониманія исторіи противъ догматическаго пониманія вѣрующихъ марксистовъ, принимающихъ его въ классической формѣ. Но увы!—„считаться“ и съ другими факторами,—этого еще слишкомъ недостаточно для методологическаго обоснованія теоріи научнаго соціализма.

Такъ Бернштейнъ ограничивается одними изреченіями оракула. На стр. 10 и 11 онъ заявляетъ, что идеологическіе и этическіе факторы начинаютъ играть въ исторіи все болѣе самостоятельную роль и продолжаетъ далѣе: „Такимъ образомъ въ желѣзную историческую необходимость вводится ограниченіе, которое обозначаетъ для соціальдемократической практики не суженіе ея соціально-политическихъ задачъ, а, напротивъ, ихъ расширеніе и усложненіе“. Можно было ожидать, что затѣмъ мы узнаемъ отъ Бернштейна хоть что-нибудь объ этомъ „расширеніи и усложненіи“. Ничуть не бывало. Остается только вышеприведенная фраза. Впрочемъ, на стр. 178 мы еще узнаемъ, что Бернштейнъ „отрицаетъ связь между побѣдой соціализма и имманентной экономической необходимостью послѣдняго и отнюдь не считаетъ возможнымъ и необходимымъ давать ему чисто реалистическое обоснованіе“.

Считаетъ ли онъ нужнымъ и возможнымъ дать ему другое обоснованіе, мы не знаемъ и, разумѣется, столь же мало можемъ знать, какого рода будетъ это новое обоснованіе.

Бернштейнъ ограничивается только тѣмъ, что ополчается на старый методъ, не считая нужнымъ замѣнить его другимъ. Онъ обходится безъ опредѣленнаго метода, безсознательно пользуясь все еще старымъ матеріалистическимъ методомъ, который проходитъ черезъ всю его книгу. Но такъ какъ онъ очень недвусмысленно объявилъ его неудовлетворительнымъ, то и считаетъ себя вправѣ отъ него уклоняться, если ему непріятны вытекающіе изъ него выводы.

Очень характерно, что Бернштейнъ отказывается дать соціализму „чисто матеріалистическое обоснованіе". Непослѣдовательный матеріализмъ,—таковъ исправленный Бернштейномъ методъ Маркса.

в) Діалектика.

Если въ вопросѣ о матеріалистическомъ пониманіи исторіи мы еще видимъ Бернштейна въ роли комментатора, а не критика теоріи Маркса, то на дальнѣйшемъ протяженіи *брошюры дѣло мѣняется.*

Ученіе Маркса и Энгельса,—говоритъ онъ,—прошло длинный циклъ развитія, „но не всѣ измѣненія, касающіяся отдѣльныхъ частей и предпосылокъ теоріи, нашли полное выраженіе при ея окончательномъ формированіи... Марксъ и Энгельсъ частью лишь обще указали, частью лишь по отдѣльнымъ пунктамъ опредѣленно установили то воздѣйствіе, какое должны были бы оказать признанныя ими измѣненія въ дѣйствительной жизни и лучшее пониманіе теоріи на выработку и примѣненіе теоріи. Но и при этомъ имъ не удалось избѣжать противорѣчій. Задачу снова внести единство въ теорію и согласовать теорію съ практикой они предоставили своимъ послѣдователямъ... Теперь же дѣло обстоитъ такъ, что на основаніи сочиненій Маркса и Энгельса можно все доказать. Для апологетовъ и литературныхъ крючкотворцевъ это представляетъ много удобствъ. Но всякій, кто сохранилъ хоть каплю теоретическаго смысла, лишь только сознаетъ эти противорѣчія, тотчасъ чувствуетъ потребность покончить съ ними. Въ этомъ, а не въ вѣчномъ повтореніи словъ учителя заключается задача учениковъ" (S. 19).

Подъ послѣдней фразой этого отрывка, равнымъ образомъ какъ и подъ первымъ, я охотно подписываюсь. Къ остальному же я отношусь не менѣе критически, чѣмъ Бернштейнъ къ Марксу и Энгельсу, хотя, быть *можетъ, онъ меня и причислитъ за это къ апологетамъ* и крючкотворцамъ.

Что теорія Маркса не вышла совсѣмъ готовой изъ головъ ея творцовъ, что она прошла извѣстный циклъ развитія, это само собой понятно, какъ и святая истина, что задача учениковъ состоитъ не въ вѣчномъ повтореніи словъ учителя. Выводы, къ которымъ пришли Марксъ и Энгельсъ, не являются послѣднимъ словомъ науки. Общество находится въ состояніи непрерывнаго развитія, и открываются не только новые факты,

но и новые методы наблюденія и изслѣдованія. Кое-что изъ высказаннаго Марксомъ и Энгельсомъ стало несостоятельнымъ, кое-что нуждается въ ограниченіи, кое-что недоговоренное слѣдуетъ дополнить.

Но Бернштейнъ имѣетъ въ виду дальнѣйшее развитіе теоріи вовсе не такого рода. Онъ говоритъ о противорѣчіяхъ, въ которыхъ будто бы запутались Марксъ и Энгельсъ, вслѣдствіе того, что выводамъ изъ собственныхъ научныхъ открытій они не дали всесторонняго примѣненія и по нѣкоторымъ пунктамъ держались устарѣлой точки зрѣнія, находившейся въ противорѣчіи съ ихъ новѣйшими взглядами.

Такое заявленіе уже не представляетъ нѣчто само собой разумѣющееся. Оно нуждается и притомъ нуждается настоятельно въ доказательствахъ. Обыкновенно путь развитія каждой теоріи бываетъ иной, чѣмъ описываемый здѣсь Бернштейномъ. Въ началѣ развитія новая теорія еще тѣсно соприкасается съ теоріями своихъ предшественниковъ и не свободна отъ противорѣчій; но по мѣрѣ ея развитія она становится все самостоятельнѣе, все въ большей степени отбрасываетъ устарѣлыя формы мысли, становится все болѣе единой и цѣлостной. И почему же этотъ путь долженъ быть инымъ у Маркса и Энгельса, двухъ мыслителей, у которыхъ стремленіе къ единству теоріи, ясность мысли, точность изложенія признаются даже противниками? И они-то запутались, не замѣчая даже этого, въ такихъ противорѣчіяхъ, обнаружили такую неясность мысли, что будто бы на основаніи ихъ сочиненій можно все доказать!

Безспорно, что нѣкоторыя фразы у Маркса и Энгельса могутъ толковаться различно, но развѣ необходимо быть крючкотворцемъ и апологетомъ, чтобы стремиться понять ихъ истинный смыслъ? Всякую глубокую философію постигаетъ та же участь: ее понимаютъ не сразу, и она подвергается различнымъ толкованіямъ. Только тотъ пойметъ глубокаго мыслителя, кто сжился съ ходомъ его мысли. Завзятому противнику это едва ли удастся, и гдѣ единомышленники видятъ полнѣйшее единство и цѣлостность, тамъ противникъ находитъ всякія противорѣчія, которыя могутъ согласовать только крючкотворцы и апологеты.

Но какъ случилось, что Бернштейнъ только теперь, съ той поры какъ онъ вышелъ изъ цеха апологетовъ и крючкотворцевъ, открылъ противорѣчія у Маркса и Энгельса? Что открыло ему неожиданно глаза на это?

Мы теперь имѣемъ право ожидать, что столь сильнымъ словамъ Бернштейна соотвѣтствуютъ не менѣе вѣскіе аргументы.

Но пока въ подтвержденіе высказанныхъ имъ взглядовъ онъ далъ намъ всего одинъ примѣръ. Но уже этотъ примѣръ, навѣрное, необыкновенно убѣдителенъ!

Въ предисловіи къ новому изданію „Коммунистичекаго Манифеста" (1872 г.) Марксъ и Энгельсъ указывали, что выставленная тамъ революціонная программа „мѣстами устарѣла". Но, выпуская въ печать въ 1885 г. революціонную программу 1848-го года и окружной циркуляръ исполнительнаго комитета союза коммунистовъ, Ѳнгельсъ замѣчаетъ о нихъ, что „и нынѣ можно кое-чему тамъ научиться" и „многое еще и теперь является справедливымъ". Я долженъ считать себя настолько крючкотворцемъ и апологетомъ, что не вижу въ послѣднихъ словахъ противорѣчія съ заявленіемъ: она „мѣстами устарѣла". Правда, въ предисловіи 1872 г. къ Манифесту говорилось: „Коммуна (Парижская) доказала, что пролетаріатъ не можетъ просто овладѣть всей готовой государственной машиной и пустить ее въ ходъ въ своихъ собственныхъ цѣляхъ". „Но спустя 5 лѣтъ,—продолжаетъ Бернштейнъ,—въ полемической статьѣ противъ Дюринга попросту заявлялось: пролетаріатъ завладѣетъ государственной властью и превратитъ прежде всего средства производства въ государственную собственность".

Бернштейну противорѣчіе между обѣими цитатами кажется настолько очевиднымъ, что онъ считаетъ совершенно излишнимъ останавливаться на этомъ. Но я при всемъ желаніи не могу открыть здѣсь никакого противорѣчія. Если Энгельсъ сказалъ, что рабочій классъ не можетъ просто овладѣть готовой государственной машиной, то это отнюдь не значитъ, что онъ вообще не можетъ овладѣть ею. Если бы утвержденіе Бернштейна было вѣрно, то это означало бы полнѣйшій переворотъ въ фундаментѣ марксистской политики, и Марксъ и Энгельсъ не могли бы коснуться этого пункта только мимоходомъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ комментаріевъ. Но если бы кто колебался какъ слѣдуетъ толковать вышеприведенную цитату, тотъ пусть прочтетъ предисловіе Энгельса къ третьему изданію „Гражданской войны во Франціи", появившемуся въ 1891 г. Тамъ говорится:

„Коммуна тотчасъ же поняла, что рабочій классъ, достигнувъ власти, не можетъ вести дѣло государст-

веннаго управленія посредствомъ старой государственной машины, она поняла, что этотъ классъ, если онъ хочетъ сохранить только что добытую власть, долженъ, съ одной стороны, устранить весь старый, обращавшійся раньше противъ него же механизмъ угнетенія, съ другой стороны, гарантировать себя отъ собственныхъ же депутатовъ и чиновниковъ и т. д."

Противорѣчитъ ли все это хоть сколько-нибудь фразѣ. „пролетаріатъ завладѣетъ государственной властью и превратитъ средства производства прежде всего въ государственную собственность". Здѣсь можетъ найти противорѣчіе только тотъ, чья собственная точка зрѣнія находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ марксистской.

Но, конечно, Бернштейну удается найти еще и другія противорѣчія. Откуда же берутся они? Чѣмъ можно объяснить, что два мыслителя съ желѣзной логикой могли такъ запутаться? Въ этомъ виновата гегелевская діалектика. Въ ней кроется первородный грѣхъ марксизма.

Если бы Энгельсъ взялся самъ за необходимый пересмотръ своей теоріи, то онъ „несомнѣнно, если не прямо, то по существу, долженъ былъ бы отказаться отъ діалектики Гегеля. Она является самымъ слабымъ пунктомъ въ доктринѣ Маркса, западней, мѣшающей послѣдовательному изслѣдованію." (s. 26) „Логическія кувырканья гегельянства представляются радикальными и остроумными. Гегельянство, какъ блуждающій огонекъ, изображаетъ намъ въ неясныхъ очертаніяхъ потустороннія горизонты. Но если мы изберемъ нашъ путь довѣрившись ему, то неизбѣжно попадемъ въ болото. Все то великое, что совершили Марксъ и Энгельсъ, они совершили не благодаря гегелевской діалектикѣ, а несмотря на нее". (§ 36).

Но что останется отъ марксизма, если отнять у него діалектику, бывшую „самымъ лучшимъ вспомогательнымъ средствомъ" и „его самымъ острымъ оружіемъ"? (Engels, Feuerbach, §. 45). И развѣ не было мышленіе Маркса и Энгельса насквозь проникнуто діалектикой?

Дюрингъ еще въ 1875 г. въ своей „критической исторіи" писалъ о первомъ томѣ „Капитала" Маркса:

„При отсутствіи естественной и ясной логики, характерномъ для вычурныхъ діалектическихъ узоровъ и арабесковъ его мысли, нельзя дѣйствительно предугадать содержанія двухъ слѣдующихъ томовъ, если бы они были написаны по-человѣчески и по-нѣмецки. Къ появившемуся же въ печати первому тому можно

примѣнить принципъ, что въ извѣстномъ отношеніи и вообще исходя изъ извѣстнаго философскаго предвзятаго мнѣнія можно найти все въ каждой вещи и каждую вещь во всемъ и вслѣдствіе такого хаотическаго смѣшенія ложныхъ представленій подогнать все къ одному". (Kritische Geschichte 2. Auflage §. 496).

Это приблизительно совпадаетъ со словами Бернштейна, который точно такъ же утверждаетъ, что на основаніи твореній Маркса и Энгельса можно доказать все что угодно. Разница между Бернштейномъ и Дюрингомъ только въ одномъ: послѣдній нисколько не надѣется способствовать своей критикой „усовершенствованію и развитію теоріи Маркса", а также не пробуетъ утверждать, что „въ концѣ концовъ вѣдь Марксъ есть тотъ, кто окажется правымъ противъ Маркса".

Но оставимъ на время Маркса и возвратимся къ „расчету" съ коварной діалектикой.

Что же изъ себя представляетъ это безнравственное существо, постоянно разставляющее намъ свои сѣти и угрожающее нашей добродѣтели? Не что иное какъ воззрѣніе, „что міръ слѣдуетъ понимать не какъ комплексъ готовыхъ вещей, а какъ комплексъ процессовъ, въ которыхъ вещи, кажущіяся неизмѣнными, равно какъ и ихъ мысленныя отраженія въ нашихъ головахъ т. е. понятія, подвергаются постоянному видоизмѣненію отъ возникновенія до исчезновенія, при чемъ при всей кажущейся случайности этихъ измѣненій и несмотря на временныя попятныя движенія въ концѣ концовъ происходитъ непрерывное прогрессивное развитіе" (Engels, Feuerbach, S. 46). Движущей же силой всего развитія является борьба противоположностей.

Считаетъ ли Бернштейнъ невѣрнымъ это воззрѣніе или тѣ особыя формы, которыя оно приняло у Гегеля, Маркса и Энгельса? Онъ хочетъ предпринять пересмотръ теоріи, съ которымъ промедлилъ Энгельсъ, и объявляя условіемъ такого пересмотра разсчетъ съ діалектикой, начинаетъ противъ нея войну, ни словомъ не обмолвившись въ своемъ сочиненіи, въ чемъ же онъ видитъ ея грѣхъ.

Онъ называетъ ее просто очень опасной, такъ какъ она легко можетъ получить безсмысленное примѣненіе.

Мы ограничимся лишь указаніемъ на такой взглядъ Бернштейна. Во всякомъ случаѣ такой взглядъ милостиво разрѣшаетъ намъ, временами даже обязываетъ, мыслить діалектически или, вѣрнѣе, разрѣшаетъ не со-

ціаль-демократамъ. Но большой вопросъ, позволяется ли это и соціаль-демократамъ.

Діалектическое мышленіе, говоритъ Бернштейнъ, хорошо только тогда, когда оно ни въ какомъ случаѣ не служитъ какой-либо „страсти“, толкающей насъ къ „произвольнымъ построеніямъ“. Тутъ діалектика оказывается опасной.

Совершенно вѣрно, только неясно, почему діалектическое мышленіе тутъ опаснѣе, чѣмъ мышленіе вообще. Или, можетъ быть, въ обоснованіе этого положенія говорилъ Бернштейнъ: „Никакой методъ изслѣдованія и изложенія не приводитъ такъ легко къ подобнымъ построеніямъ, такъ произвольно не придаетъ имъ правдоподобной внѣшности, какъ діалектика, и потому никакой не является столь опаснымъ. Ибо немногіе изъ примѣняющихъ его слѣдуютъ при этомъ правиламъ, указаннымъ для него самимъ Гегелемъ.

Но неправильное примѣненіе гегелевской діалектики вѣдь нельзя же дѣйствительно считать закономъ природы, присущимъ именно ей? А если это такъ, то неправильное примѣненіе составляетъ ошибку не Гегеля, а его послѣдователей—діалектиковъ, въ данномъ случаѣ Маркса и Энгельса. И въ самомъ дѣлѣ обвиненія противъ сѣтей гегелевской діалектики въ концѣ концовъ обращаются противъ самого метода Маркса и противъ его наиболѣе зрѣлаго и самаго блестящаго продукта, „Капитала“.

Я уже замѣтилъ по этому поводу Бернштейну:

„Кто строитъ свои выводы, не считаясь съ дѣйствительностью, тотъ всегда попадаетъ въ болото, пользуется ли онъ діалектикой, или возвращается назадъ къ Канту. Но подверженъ ли Марксъ опасности „произвольныхъ построеній“? Дюрингъ уже выдвинулъ такое обвиненіе, основывая его на главѣ „Капитала“ объ исторической тенденціи капиталистическаго накопленія: „Гегелевское отрицаніе отрицанія должно здѣсь, за неимѣніемъ лучшихъ и простѣйшихъ средствъ, явиться повивальной бабкой для освобожденія будущаго изъ чрева прошедшаго“. На это Энгельсъ возразилъ въ въ своемъ „Анти-Дюрингѣ:“ „Когда Марксъ и изображаетъ процессъ, какъ отрицаніе отрицанія, онъ отнюдь не хочетъ этимъ доказать, что этотъ процессъ былъ исторически необходимъ. Наоборотъ. Послѣ того какъ онъ доказалъ путемъ историческаго изслѣдованія, что этотъ процессъ въ дѣйствительности частью уже проявился, частью еще долженъ проявиться, только тогда

онъ въ то же время разсматриваетъ его, какъ процессъ, протекающій по опредѣленнымъ діалектическимъ законамъ. И только".

„Марксъ самъ заявилъ въ своемъ послѣсловіи ко второму изданію „Капитала": „Изслѣдованіе должно охватить предметъ во всѣхъ деталяхъ, проанализировать его различныя формы развитія и прослѣдить ихъ внутреннюю связь. Только по завершеніи этой работы можетъ быть должнымъ образомъ изображено дѣйствительное движеніе. Если это удалось, если жизнь матеріи отражается въ идеяхъ, то можетъ показаться, что имѣемъ дѣло съ апріорнымъ построеніемъ."

„Если Бернштейнъ думаетъ, что при примѣненіи гегелевской діалектики существуетъ опасность произвольныхъ построеній, то мы видимъ здѣсь, что при поверхностномъ чтеніи сочиненій Маркса существуетъ опасность считать апріорными такія построенія, которыя явились результатомъ глубокаго проникновенія въ дѣйствительность."

Бернштейнъ возражалъ на это:

„На это при всемъ уваженіи къ Марксу можно отвѣтить, что одно заявленіе и даже вѣра писателя, будто бы онъ работалъ, придерживаясь тѣхъ или другихъ принциповъ, не даютъ увѣренности въ дѣйствительномъ, послѣдовательномъ соблюденіи этихъ принциповъ. Въ особенности, если идетъ дѣло о такомъ въ высшей степени тенденціозномъ сочиненіи, какъ „Капиталъ". Правда, эта книга содержитъ изобиліе объективнаго научнаго матеріала и является результатомъ глубокаго изученія дѣйствительности. Но во всемъ своемъ объемѣ она является не просто объективнымъ изложеніемъ собранныхъ и изслѣдованныхъ деталей, а боевымъ или, если хотите, полемическимъ сочиненіемъ...

„Несомнѣнно, что, напримѣръ, между той главой „Капитала", въ которой излагается ходъ развитія отъ ремесленнаго къ капиталистическому производству, и отдѣломъ объ „Исторической тенденціи капиталистическаго накопленія" различіе состоитъ не только въ томъ, что первая изображаетъ дѣйствительный процессъ, а второй намѣчаетъ перспективы на будущее. Нѣтъ, разница въ томъ, что въ одномъ случаѣ діалектическій методъ является простымъ пособіемъ къ изслѣдованію реальныхъ фактовъ, при чемъ факты, имѣющіе существенное значеніе, нигдѣ не насилуются, въ другомъ же

случаѣ фактамъ дается неудовлетворительное, одностороннее освѣщеніе, чтобы пригнать ихъ къ заранѣе діалектически построенной схемѣ. Тѣмъ, кто сталъ бы возражать противъ этого, достаточно указать, что эта схема не содержитъ ни одной мысли, не высказанной уже раньше въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“ и даже въ „Святомъ семействѣ“. Этимъ еще не исчерпана генеалогія схемы; но въ данномъ случаѣ достаточно установить, какъ я уже отмѣтилъ прежде, что „Капиталъ“ представляетъ развитіе одного положенія, которое уже было готово задолго раньше, чѣмъ Марксъ приступилъ къ изслѣдованію“.

Здѣсь слѣдуетъ уже цитированное мѣсто, что ни одинъ методъ не приводитъ такъ легко къ подобнымъ построеніямъ, какъ діалектика, и что немногіе при ея примѣненіи слѣдуютъ указаннымъ Гегелемъ правиламъ. Въ видѣ иллюстраціи Берштейнъ приводитъ въ примѣчаніи слѣдующую цитату изъ предисловія Лассаля къ „Системѣ пріобрѣтенныхъ правъ“.

„У гегельянцевъ совершенно серьезно господствуетъ „horror pleni“, страхъ передъ положительнымъ міромъ въ его необъятной полнотѣ, между тѣмъ какъ истина познается только изъ конкретныхъ и детальныхъ эмпирическихъ данныхъ и только въ нихъ она можетъ отыскать правильность ея доказательствъ“. Конечно,—продолжаетъ далѣе Лассаль, — „эмпирическая наука представляетъ много болѣе трудностей и далеко не такъ уступчива, какъ неуловимый эфиръ общихъ фразъ“.

Бернштейнъ могъ бы удержаться отъ этой цитаты, такъ какъ въ связи со всѣмъ предыдущимъ она производитъ впечатлѣніе неприличной и смѣшной клеветы. Само собой разумѣется, что Бернштейнъ не желалъ этого, но въ такомъ случаѣ вся цитата является лишенной всякаго смысла „общей фразой“.

Цитата только тогда не была бы въ этомъ мѣстѣ безцѣльной, если бы она относилась къ Марксу, такъ какъ вся рѣчь шла о „Капиталѣ“. Но Бернштейнъ никакъ не можетъ утверждать, что у Маркса существуетъ „horror pleni“, что Марксомъ владѣетъ страхъ передъ положительнымъ міромъ, что онъ предпочитаетъ „неуловимый эфиръ общихъ фразъ“ эмпирической наукѣ. Онъ не могъ бы утверждать этого, чтобы не стать смѣшнымъ въ глазахъ каждаго, кто прочелъ хоть одно изъ сочиненій Маркса.

Но если онъ имѣлъ въ виду не Маркса, то вся его

цитата лишена смысла. Все, что говорилъ Лассаль въ своемъ предисловіи о „гегельянцахъ, относится не ко всѣмъ, вышедшимъ изъ школы Гегеля; онъ говорилъ не о Марксѣ и Энгельсѣ, не о Людвигѣ Фейербахѣ и Бруно Бауэрѣ и не о самомъ себѣ, нѣтъ онъ имѣлъ въ виду тѣхъ спеціалистовъ по философіи права, которые довольствовались пережевываніемъ нѣкоторыхъ положеній Гегеля, вмѣсто того, чтобы проникнуть въ глубь его ученія. И дѣйствительно, вся эта цитата изъ Лассаля не имѣетъ ровно никакого отношенія къ вопросу о томъ, съ помощью ли діалектики, или помимо нея Марксъ и Энгельсъ достигли своихъ великихъ результатовъ.

Разберемъ подробнѣе другое утвержденіе Бернштейна: „Марксъ лишь думалъ, что примѣняетъ тотъ методъ, который ему самому казался наилучшимъ, но въ дѣйствительности же не всегда пользовался имъ, такъ какъ его сочиненіе было тенденціозно; оно сводится къ положенію, которое было готово задолго до того, какъ Марксъ приступилъ къ своему изслѣдованію; недостатокъ діалектическаго метода въ томъ-то и заключается, что онъ гораздо удобнѣе, чѣмъ другіе методы, для кажущагося обоснованія подобныхъ положеній“.

Коварство и предательство гегелевской діалектики мало-по-малу вскрывается; еще недавно она являлась въ образѣ лукавой и опасной сирены, теперь же она превращается въ неопытную невинность, соблазненную и развращенную Марксовой тенденціей. И главная опасность уже не въ діалектикѣ, а въ тенденціи, цѣлямъ которой служитъ діалектика; тенденція воплощаетъ въ себѣ все предательское и опасное въ книгѣ Маркса. Но что же такое эта тенденція, какъ не соціализмъ?

Этотъ взглядъ высказанъ всего опредѣленнѣе въ заключительной главѣ книги Бернштейна. Тамъ онъ заявляетъ:

„Глава (о тенденціи капиталистическаго накопленія) обнаруживаетъ на мой взглядъ тотъ дуализмъ, который проходитъ черезъ все знаменитое сочиненіе Маркса, проявляясь въ менѣе ясной формѣ также и въ другихъ мѣстахъ сочиненія. Дуализмъ состоитъ въ томъ, что сочиненіе это претендуетъ быть научнымъ изслѣдованіемъ и однако доказываетъ тезисъ, принятый въ готовомъ видѣ задолго до начала изслѣдованія, что этотъ трудъ построенъ на схемѣ, уже напередъ устанавливающей тотъ выводъ, къ которому должно привести это изслѣ-

дованіе. Возвращеніе къ Коммунистическому Манифесту указываетъ здѣсь на дѣйствительный остатокъ утопизма въ системѣ Маркса. Марксъ сходился съ утопистами въ рѣшеніи соціальнаго вопроса по существу, но признавалъ ихъ средства и обоснованіе недостаточными. Онъ предпринялъ пересмотръ утопизма съ усердіемъ, критической прозорливостью и съ любовью къ истинѣ научнаго генія. Онъ не замалчивалъ ни одного важнаго факта и не преуменьшалъ его значенія, пока предметъ изслѣдованія не касался непосредственно конечной цѣли его схемы. До этого пункта его сочиненіе всегда остается свободнымъ отъ всякой тенденціозности, неизбѣжно порывающей съ научностью, такъ какъ общія симпатіи къ освободительнымъ стремленіямъ рабочаго класса не препятствуютъ научности выводовъ. Но какъ только Марксъ приближается къ тому пункту, гдѣ серьезно ставится вопросъ надъ той конечной цѣлью, онъ тотчасъ же становится непослѣдовательнымъ и нерѣшительнымъ, въ его изложеніи появляются противорѣчія, какъ это было въ разбираемомъ сочиненіи, напримѣръ, въ отдѣлѣ о движеніи доходовъ въ современномъ обществѣ, и ясно обнаруживается, что этотъ великій научный геній въ концѣ концовъ былъ плѣнникомъ доктрины. Выражаясь образно, Марксъ въ предѣлахъ уже готовыхъ лѣсовъ воздвигнулъ громадное зданіе, при постройкѣ котораго онъ строго придерживался законовъ научной архитектуры до тѣхъ поръ, пока они не вступали въ столкновеніе съ условіями, диктовавшимися конструкціей лѣсовъ, но совсѣмъ пренебрегалъ и не считался съ ними, какъ только лѣса оказывались слишкомъ тѣсными и препятствовали ихъ соблюденію. Вмѣсто того, чтобы разрушить эти лѣса, стѣснявшіе постройку и вслѣдствіе этого мѣшавшіе ея свободному возведенію, онъ производилъ измѣненія въ самой постройкѣ за счетъ ея пропорціональности и такимъ образомъ поставилъ ее въ самую тѣсную зависимость отъ лѣсовъ. Не говорило ли въ немъ сознаніе этого ирраціональнаго положенія, когда онъ, вмѣсто завершенія своей работы, все чаще занимался исправленіемъ ея отдѣльныхъ частей? Какъ бы то ни было, мое убѣжденіе говоритъ мнѣ, что вездѣ, гдѣ обнаруживается подобный дуализмъ, лѣса должны быть сняты, если желательна раціональная постройка зданія. Въ зданіи, а не въ лѣсахъ заключается то, что достойно пережить Маркса". („Voraussetzungen §177, 178").

Теперь становится яснымъ, что не діалектика является западней, которая „препятствуетъ всякому логическому

изученію предмета“, а „рѣшеніе утопистовъ“. Марксъ былъ научнымъ только тамъ, гдѣ „не ставился вопросъ надъ конечной цѣлью“, „такъ какъ общія симпатіи освободительнымъ стремленіямъ рабочаго класса“, составляющія принадлежность каждаго катедеръ-соціалиста, „не препятствуютъ безпристрастной научности выводовъ“. Но гдѣ надъ конечной цѣлью ставится вопросъ, тамъ Марксъ становится „нерѣшительнымъ и непослѣдовательнымъ“. То цѣнное, что останется отъ твореній Маркса, это отдѣльныя его изслѣдованія о раздѣленіи труда, о машинахъ, о деньгахъ и т. д. Если желательно раціонально построить зданіе, нужно разрушить лѣса, то-есть „рѣшеніе утопистовъ“, „готовый тезисъ“, принятый Марксомъ задолго до начала изслѣдованія.

То же самое говорятъ, только иными словами, господа Юліусъ Вольфъ и его единомышленники, и я долженъ сознаться, что обвиненіе въ такой формулировкѣ содержитъ болѣе смысла, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда оно направляется противъ діалектики.

Безъ сомнѣнія, „Капиталъ“ былъ бы еще безпристрастнѣе и научнѣе, если бы авторъ, кромѣ своего генія, своей глубины, своего правдолюбія обладалъ бы еще почтенной способностью стоять надъ всей классовой борьбой и классовыми противорѣчіями, не порывая тѣсной связи съ окружающей экономической дѣйствительностью. Легко высказать пожеланіе о появленіи такого изслѣдователя, но въ нашемъ обществѣ, раздираемомъ классовыми противорѣчіями, оно такъ и останется однимъ пожеланіемъ.

Сила научнаго изслѣдованія такъ могущественна, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ она можетъ поднять послѣдователя соціальныхъ отношеній надъ точкой зрѣнія его с о б с т в е н н а г о к л а с с а. Такъ это и было съ Марксомъ и Энгельсомъ. Но результаты экономическаго изслѣдованія такъ глубоко вонзаются въ самые жизненные интересы отдѣльныхъ противоположныхъ классовъ, что, чѣмъ глубже проникаетъ изслѣдователь въ изученіе дѣйствительности, чѣмъ яснѣе онъ ее понимаетъ, чѣмъ горячѣе его стремленіе къ истинѣ, тѣмъ менѣе можетъ онъ остаться равнодушнымъ въ той великой борьбѣ, которая сотрясаетъ все наше общество, тѣмъ скорѣе онъ долженъ стать на чью-либо сторону, что, конечно, не означаетъ присоединенія къ одной изъ существующихъ политическихъ партій. Въ области политической экономіи быть изслѣдователемъ, значитъ быть борцомъ, если только изслѣдователь хоть до нѣкоторой

степени человѣкъ, а не кастратъ. И даже кастраты принуждены бороться въ этой области, не всегда, конечно, за свои собственныя убѣжденія и только тамъ, гдѣ увѣрены въ сильномъ прикрытіи.

Если Бернштейнъ хотѣлъ сказать, что совмѣщеніе соціальнаго изслѣдованія съ соціальной борьбой является однимъ изъ несовершенствъ экономической науки въ сравненіи съ естествознаніемъ, то съ этимъ нельзя не согласиться. Но тогда странно, что этотъ недостатокъ онъ видитъ только у Маркса. Въ этомъ смыслѣ тенденціозно каждое экономическое сочиненіе, даже труды Адама Смита и Рикардо.

Но Бернштейнъ очевидно имѣлъ въ виду нѣчто иное, когда бросилъ упрекъ, что „Капиталъ“ является тенденціознымъ сочиненіемъ, которое должно доказать тезисъ, „готовый задолго еще до начала изслѣдованія“, что „Капиталъ“, слѣдовательно, въ существенныхъ пунктахъ является не научнымъ изслѣдованіемъ, а чисто адвокатскимъ произведеніемъ, которое не разбираетъ правоты кліентовъ, а только стремится во что бы то ни стало доставить имъ побѣду.

Бернштейнъ, кажется, не замѣчаетъ, что это одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ упрековъ, который можно выдвинуть вообще противъ научнаго сочиненія. Низведши своихъ прежнихъ товарищей въ ряды апологетовъ и крючкотворцевъ за то, что они продолжаютъ борьбу за дѣло, которое и онъ въ теченіе двухъ десятилѣтій рука объ руку защищалъ вмѣстѣ съ ними, онъ кончилъ тѣмъ, что зачислилъ въ ряды апологетовъ и крючкотворцевъ даже своихъ учителей, признательнымъ ученикомъ которыхъ онъ чувствуетъ себя.

Конечно, истина прежде всего, и если таково убѣжденіе Бернштейна, никто не имѣетъ права бросить ему за это упрекъ. Но мы въ достаточной степени крючкотворцы, и потому требуемъ и ближе разсмотримъ доказательство подобнаго заявленія.

Бернштейнъ заявляетъ, что въ главѣ о тенденціи капиталистическаго накопленія надъ фактами учинено насиліе, дабы втиснуть ихъ въ заранѣе діалектически построенную схему. „Тѣ, кто это оспариваютъ, должны доказать, что эта схема не содержитъ никакихъ мыслей, которыя бы уже не были высказаны въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“ и въ „Святомъ семействѣ“. Здѣсь мы видимъ тезисъ, который былъ уже готовъ много раньше, чѣмъ Марксъ приступилъ къ „изслѣдованію“.

Къ какому изслѣдованію? Утверждаетъ ли Берн-

штейнъ, что Марксъ пришелъ къ своему тезису безъ всякаго научнаго изслѣдованія, что онъ построилъ его чисто діалектически, умозрительнымъ путемъ, довольствуясь тѣмъ, что выучилъ наизусть формулу отрицанія отрицанія?

Или же Бернштейнъ утверждаетъ, что Марксъ свой „тезисъ" заимствовалъ у другихъ, принявши его безъ всякихъ доказательствъ? Нельзя представить, чтобы Бернштейнъ вздумалъ поддерживать то или другое обвиненіе. Это было бы одинаково смѣшно. Тогда остается послѣдній выводъ, что Марксъ пришелъ къ своему тезису именно путемъ научнаго изслѣдованія.

Марксъ былъ уже давно гегельянцемъ, игралъ уже извѣстную политическую роль, но у него еще не зарождалось даже мысли о томъ, что Бернштейнъ назвалъ впослѣдствіи діалектически построенной схемой. Марксъ самъ описалъ въ предисловіи „Zur kritik der politischen Oekonomie", какъ онъ пришелъ къ своимъ политико-экономическимъ взглядамъ. „Моей спеціальностью была юриспруденція, которая, однако, отступала у меня на второй планъ передъ изученіемъ философіи и исторіи. Въ бытность мою редакторомъ „Rheinische Zeitung" въ 1842-43 гг. я очень затруднялся высказываться о такъ называемыхъ матеріальныхъ интересахъ.... Съ другой стороны, къ тому времени, когда одно доброе намѣреніе „итти впередъ" часто замѣняло собой дѣйствительное знаніе дѣла, эхо французскаго соціализма и коммунизма, слегка окрашенное философіей, стало находить себѣ откликъ въ „Rheinische Zeitung". Я высказался противъ подобнаго крохоборства, но въ то же время въ моей полемикѣ съ „Augsburger Allgemeine Zeitung" открыто заявилъ, что мои прежнія занятія слишкомъ недостаточны, чтобы отважиться произнести приговоръ о сущности французскихъ теченій. Наоборотъ, я съ жадностью ухватился за иллюзію руководителей „Rheinische Zeitung", питавшихъ надежду пониженіемъ своего тона отклонить висѣвшій надъ ней смертный приговоръ, чтобы промѣнять общественную арену на кабинетъ ученаго".

Похоже ли это на то, что у Маркса былъ готовый тезисъ еще задолго до того, какъ онъ приступилъ къ изслѣдованію?

Марксъ сначала отправился въ Парижъ, а послѣ высылки оттуда въ Брюссель. Онъ изучалъ по первоисточникамъ различныя направленія французскаго, а потомъ и англійскаго соціализма и политическую экономію вмѣстѣ съ Энгельсомъ, посвятившимъ его въ сущность

англійскихъ отношеній. Путемъ такого изученія, а не изъ какихъ-то діалектическихъ построеній сложились постепенно у нихъ обоихъ тѣ взгляды, которые впервые нашли себѣ полное выраженіе въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“.

Другіе вполнѣ удовлетворились бы подобнымъ научнымъ основаніемъ, но только не Марксъ и Энгельсъ Революція прервала ихъ занятія. Марксъ возобновилъ свои занятія въ 1850 г. въ Лондонѣ, какъ онъ указывалъ въ началѣ цитированнаго уже предисловія. Его сотрудничество въ „New Jork Tribune“ тоже заставляло его изучать экономическое развитіе Англіи и континента.

„Этотъ бѣглый обзоръ хода моихъ занятій по политической экономіи долженъ только доказать, что мои взгляды, какъ бы о нихъ ни судили, какъ бы рѣзко они ни противорѣчили предразсудкамъ господствующихъ классовъ, представляютъ результатъ добросовѣстнаго и долголѣтняго изслѣдованія“.

Теперь намъ ясно, какъ обстоитъ дѣло съ „изслѣдованіемъ“ которое началъ Марксъ съ уже заранѣе готовымъ тезисомъ. Въ дѣйствительности мы здѣсь видимъ не одно изслѣдованіе, а цѣлыхъ два. Первое закончилось Коммунистическимъ Манифестомъ. И Марксъ до такой степени не считалъ въ то время тезисъ готовымъ, что послѣ революціи онъ еще разъ съ новымъ матеріаломъ „началъ сначала“. При этомъ онъ въ существенномъ пришелъ къ тѣмъ же результатамъ, какъ и въ первый разъ. Это повтореніе изслѣдованія въ глазахъ каждаго безпристрастнаго наблюдателя свидѣтельствуетъ о рѣдкой и безпримѣрной основательности и добросовѣстности. Бернштейнъ, напротивъ, просто вычеркиваетъ первое изслѣдованіе изъ исторіи: онъ говоритъ только о томъ изслѣдованіи, которое закончилось „Капиталомъ“, и такъ какъ „Капиталъ“ приходитъ къ тѣмъ же результатамъ, что и „Коммунистическій Манифестъ“, то онъ усматриваетъ въ этомъ доказательство того, что тезисъ былъ готовъ еще до начала изслѣдованія, при чемъ для подкрѣпленія тезиса были подобраны факты. Рѣдко еще предъявлялись столь легковѣсныя доказательства при столь тяжеломъ обвиненіи. Если счетчикъ рѣшаетъ одну задачу два раза подрядъ и каждый разъ приходитъ къ одному и тому же результату, то по логикѣ Бернштейна его можно упрекнуть въ томъ, что онъ произвольно формулировалъ выводъ прежде чѣмъ приступилъ къ подсчету и пригналъ этотъ под-

счетъ примѣнительно къ желанному отвѣту. Для этого нужно только второй подсчетъ назвать „просто“ подсчетомъ, какъ назвалъ Бернштейнъ второе изслѣдованіе „просто“ изслѣдованіемъ.

Чтобы очистить марксизмъ при помощи такого великолѣпнаго пріема и поднять его на высшую ступень, Бернштейну пришлось не только „абстрагировать“ отъ изслѣдованій, приведшихъ къ „коммунистическому манифесту“, но и ограничиться неясной формулировкой того самаго тезиса, который будто бы былъ готовъ еще задолго до изслѣдованія.

Подъ этимъ тезисомъ едва ли можно подразумѣвать что-либо другое, кромѣ положенія: капиталистическій способъ производства самъ порождаетъ средства для своего собственнаго уничтоженія концентраціей капитала, численнымъ ростомъ пролетаріата, увеличеніемъ его боевой способности и возрастающимъ обостреніемъ противорѣчій между трудомъ и капиталомъ. Этотъ тезисъ можно вообще прослѣдить во всѣхъ капитальныхъ сочиненіяхъ Маркса и Энгельса, начиная съ „Святого семейства“. Онъ легъ въ основаніе современной соціалистической программы, именно онъ придаетъ марксизму характеръ соціалистической теоріи. Но стоитъ лишь назвать этотъ „тезисъ“, чтобы тотчасъ же понять, какъ нелѣпо считать его схемой, конструированной изъ отвлеченныхъ гегельянскихъ понятій. Можно его считать невѣрнымъ,—но мы этого здѣсь не касаемся, такъ какъ вопросъ ставится о методѣ, а не о результатахъ. Но никто не счелъ бы возможнымъ прійти къ подобному тезису инымъ путемъ, какъ путемъ изслѣдованія реальныхъ отношеній, проникновенія въ „конкретныя детали эмпирическаго“. Въ концѣ концовъ Бернштейнъ, пожалуй, заявитъ, что „Положеніе рабочаго класса въ Англіи“, изданное Энгельсомъ въ 1845 г., есть продуктъ діалектическаго построенія. Именно это сочиненіе даетъ намъ возможность заглянуть въ ходъ мыслей, приведшій къ тезису, который, по мнѣнію Бернштейна, Марксъ построилъ въ заоблачной высотѣ, поставивъ задачей своей жизни вездѣ и всюду отыскивать аргументы въ его пользу.

Но можетъ быть Бернштейнъ подъ „тезисомъ“ Маркса понимаетъ что-нибудь другое, а не названное выше положеніе? Онъ говоритъ также, что Марксъ принялъ „рѣшеніе утопистовъ“ по существу, но находилъ ихъ доводы недостаточными и поэтому задался цѣлью найти въ пользу этой „схемы“ болѣе вѣскіе аргументы. Берн-

штейнъ переплетаетъ эту взятую готовой схему со схемой діалектически построенной. Но это далеко не одно и то же, во-первыхъ, потому что утописты не были гегельянцами, а во вторыхъ,—и это главное,—потому что мы напрасно стали бы искать какъ у Маркса, такъ и у Энгельса такого рѣшенія. Бернштейнъ имѣетъ въ виду одно „рѣшеніе утопистовъ“. Но утописты давали не одно рѣшеніе, а каждый изъ нихъ имѣлъ свое особое. Всѣ предшественники Маркса и Энгельса, Луи Бланъ и Прудонъ, Кабе и Вейтлингъ, давали различныя рѣшенія. Марксизмъ тѣмъ и отличается отъ нихъ, что у него совсѣмъ не имѣется готоваго рѣшенія. Марксъ и Энгельсъ тотчасъ же заявили объ этомъ, какъ только выработали себѣ опредѣленную точку зрѣнія. Уже въ „Святомъ семействѣ“ Марксъ говоритъ: „Не въ томъ дѣло, чтó поставятъ себѣ временно цѣлью тотъ или другой пролетарій или даже весь пролетаріатъ. Рѣчь идетъ о томъ, чтó такое пролетаріатъ и чтó, въ согласіи съ этой сущностью, онъ будетъ вынужденъ творить на поприщѣ исторіи. Его цѣль и его историческая роль безусловно предначертаны какъ въ его собственномъ матеріальномъ положеніи, такъ и во всей организаціи современнаго, буржуазнаго общества“.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, Марксъ и Энгельсъ всегда отказывались давать рецепты для кухни будущаго. Ихъ практическія задачи можно вкратцѣ формулировать такимъ образомъ: организація и подготовка пролетаріата для захвата средствъ власти въ капиталистическомъ обществѣ. Гдѣ же тутъ „рѣшеніе утопистовъ“? Въ поискахъ за цѣлью, опредѣляемой жизненнымъ положеніемъ пролетаріата и организаціей буржуазнаго общества, они, конечно, не разъ приходили къ выводамъ, совпадавшимъ съ нѣкоторыми идеалами утопистовъ; конечно, они учились у своихъ предшественниковъ и именно потому, что пришли къ своему тезису не путемъ діалектическаго построенія изъ понятій, а путемъ изученія дѣйствительности и тѣхъ воззрѣній, которыя сама дѣйствительность вселяла въ лучшіе умы того времени. Но у нихъ никогда не было въ карманѣ готоваго „рѣшенія“, они всегда защищали воззрѣніе, рѣшительно исключавшее возможность такого рецепта.

Что можно сказать про учителей, то же относится и къ ученикамъ. Если существуетъ ученіе, которое исключаетъ возможность слѣпой вѣры въ слова учителя, то это ученіе Маркса. Его діалектически-матеріалистическое пониманіе исторіи учитъ насъ разсматривать общество,

не какъ что-либо законченное, а какъ комплексъ процессовъ, протекающихъ закономѣрно въ силу необходимости. Оно учитъ насъ искать въ экономикѣ послѣднюю причину нашихъ новыхъ общественныхъ воззрѣній, видѣть въ ней движущую силу нашего развитія, условія, но и предѣлы нашихъ успѣховъ. Съ этой точки зрѣнія не можетъ быть ничего глупѣе желанія конструировать изъ отвлеченныхъ понятій временныя задачи соціалистическаго движенія. Никакое ученіе не требуетъ большаго „проникновенія въ конкретныя детали эмпирическаго", чѣмъ ученіе Маркса, ни одно не знаетъ такъ мало постоянныхъ истинъ, какъ марксизмъ.

Нерѣдко упрекаютъ марксистовъ въ томъ, будто они образовали церковь, которая занимается только комментированіемъ ихъ евангелія. Еще недавно съ такимъ обвиненіемъ противъ насъ выступилъ д-ръ Шитловскій въ статьѣ, въ которой онъ комментировалъ философскіе взгляды Маркса и Энгельса. Этотъ именно фактъ и служитъ причиной, почему мы должны посвящать значительную часть нашихъ силъ комментированію твореній учителей. Мы, конечно, нашли бы болѣе полезное дѣло, но при безчисленныхъ нападкахъ, умышленномъ непониманіи, искаженіи со стороны нашихъ враговъ, намъ приходится то тамъ, то здѣсь выяснять нашу истинную точку зрѣнія. Сравните потокъ комментаріевъ къ Марксу, выбрасываемый нашими противниками на книжный рынокъ, съ незначительнымъ числомъ возраженій съ марксистской стороны, и станетъ очевиднымъ, что комментаріи „Церкви" занимаютъ относительно крайне скромное мѣсто. Но число соціаль-демократовъ, имѣющихъ возможность заниматься теоріей, незначительно, тогда какъ цѣлый легіонъ студентовъ, докторовъ, приватъ-доцентовъ, профессоровъ чувствуютъ призваніе или внутреннюю потребность посвятить избытокъ своего времени и средствъ ниспроверженію марксизма. И каждому изъ насъ, несмотря на всю нашу сдержанность, приходится тратитъ болѣе, чѣмъ хотѣлось бы, времени на защиту или, какъ выразился д-ръ Шитловскій, на комментированіе нашихъ учителей. Это одна изъ причинъ, ограничивающихъ время и возможность марксистовъ дальше развивать теорію.

До сихъ поръ Бернштейнъ помогалъ намъ въ этомъ дѣлѣ. Теперь же онъ присоединился къ сонму тѣхъ, кто вынуждаетъ насъ убивать время на безконечныя толкованія, что собственно сказалъ или хотѣлъ сказать Марксъ; и, къ сожалѣнію, онъ уже перенялъ скверныя манеры

этихъ господъ, которые, смиренно бія себя въ грудь, благодарятъ Бога за то, что онъ не создалъ ихъ такими апологетами и крючкотворцами, какъ марксистовъ, которые умѣютъ только повторять слова учителя и имѣютъ уже наготовѣ свои тезисы, прежде чѣмъ приступить къ научнымъ изслѣдованіямъ. Вотъ въ чемъ заключается, при ближайшемъ разсмотрѣніи, вся суть критики Бернштейна противъ діалектики.

c) Цѣнность.

Отъ философіи перейдемъ къ экономіи. Ключемъ къ ней служитъ теорія цѣнности. Бернштейнъ разбираетъ и ее. Здѣсь была всего менѣе умѣстна та „нерѣшительная, тяжеловѣсная форма изложенія первой главы“, въ которой онъ самъ себя обвиняетъ. Въ этой, столь важной и трудной области прежде всего слѣдовало быть яснымъ и опредѣленнымъ и не давать ни малѣйшаго повода къ сомнѣніямъ.

Къ сожалѣнію, Бернштейнъ погрѣшилъ и здѣсь. Его сочиненіе поставило себѣ задачей опредѣленно выразить его новѣйшіе взгляды, вызвавшіе столько недоразумѣній. Но то, что онъ намъ далъ по теоріи цѣнности, представляетъ собою рефератъ по поводу теоріи цѣнности Маркса, содержащій вскользь брошенныя сомнѣнія и не оставляющій ни малѣйшей возможности выяснить его собственную точку зрѣнія по данному вопросу. Туманъ увеличивается тѣмъ, что теоріи Маркса онъ противопоставляетъ, какъ равноцѣнную, теорію предѣльной полезности, не высказавшись опредѣленно и по поводу нея. Цѣнность въ пониманіи Маркса кажется ему „чисто отвлеченнымъ представленіемъ, такимъ же, какъ и предѣльная полезность школы Госсена-Джевонса-Бемъ-Баверка“. „Вообще насколько позволительно было Марксу отвлечься отъ свойствъ товаровъ, до того, что въ концѣ концовъ они остались лишь овеществленіемъ извѣстнаго количества простого человѣческаго труда, настолько же имѣла право и школа Бемъ-Баверка-Джевонса отвлечься отъ всѣхъ свойствъ товаровъ кромѣ ихъ полезности“. Затѣмъ онъ цитируетъ выдержку изъ „Капитала“, которая „еще не даетъ возможности отдѣлаться отъ теоріи Госсена-Бемъ-Баверка нѣсколькими громкими фразами“. Въ примѣчаніи Бернштейнъ выдвигаетъ еще третью теорію цѣнности Буха, подробнѣе намъ неизвѣстную, и объявляетъ „ее продуктомъ тонкаго анализа и замѣчательнымъ вкладомъ въ

литературу вопроса далеко еще не разъясненнаго".

Но все это даетъ лишь основаніе признать теорію цѣнности Бернштейна совершенно неразъясненной. Мы никакъ не можемъ добиться, какова эта теорія, является ли она теоріей Маркса, Джевонса, Буха или какой то собственной теоріей, представляющей синтезъ трехъ предыдущихъ. Этой проблемы книга Бернштейна не разрѣшаетъ.

Противъ моей критики онъ возражалъ въ статьѣ, помѣщенной въ „Neue Zeit" (Arbeitswerth der Nutzwerth, XVII, 2.S.548 и слѣд.). Въ ней онъ бросилъ мнѣ въ лицо обвиненіе, будто я его не понимаю или не хочу понять. Подобныя инсинуаціи принадлежатъ къ числу полемическихъ красотъ Бернштейна. Онъ считаетъ невозможнымъ, чтобы вина за такое непониманіе могла лежать на его сторонѣ. Дѣло вѣдь такъ просто и ясно: Петръ и Павелъ естоятъ передъ ящикомъ съ минералами. Это геміэдричскіе кристаллы съ параллельными плоскостями—говоритъ Петръ. Это сѣрый колчеданъ—говоритъ Павелъ. Кто изъ нихъ правъ?

Оба правы, — отвѣчаетъ минералогъ.—Опредѣленіе Петра относится къ формѣ, а Павла къ составу!

„Правильность рѣшенія въ данномъ случаѣ сразу бросается въ глаза, такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ конкретнымъ предметомъ, гдѣ различить форму отъ состава нетрудно. Нормальные люди не могутъ спорить о томъ, служитъ ли матеріаломъ, изъ котораго сдѣлано покрывало, шерсть или плюшъ, а лишь о томъ, шерстяной это матеріалъ или нѣтъ, плюшевая ли ткань или нѣтъ. Но вполнѣ разсудительные люди могутъ спорить о томъ, является ли наиболѣе характернымъ для даннаго куска матеріи ея матеріалъ или же способъ ея выдѣлки. И, обсудивъ всесторонне вопросъ, они, вѣроятно, придутъ къ заключенію, что одинъ обращаетъ свое вниманіе на свойства волокна въ шерстяной матеріи, а другой на свойства ткани въ плюшевомъ издѣліи, и споръ сведется въ концѣ концовъ лишь къ принципіальному вопросу, что опредѣляетъ характеръ матеріи—свойство ли волоконъ или форма выработки.

Въ этомъ и заключается, если перенестись въ другую область, споръ относительно цѣнности, уже нѣсколько поколѣній происходящій въ политической экономіи. Противоположности: волокнистое вещество—форма выработки называются здѣсь трудовая цѣнность—полезность. И подобно тому какъ оба наши теоретизиру-

ющіе пріятеля очень хорошо знаютъ, что безъ волокнистаго вещества невозможно ткать и что необработанныя, неразсортированныя волокна не даютъ еще покрывала, точно такъ же и экономисты обоихъ лагерей очень хорошо знаютъ, что экономическая цѣнность предмета, созданіе котораго не требуетъ вовсе труда, равна нулю, хотя бы его полезность была очень значительна, и что весь трудъ, потраченный на созданіе какого-либо предмета, не можетъ придать ему цѣны, разъ онъ совсѣмъ не отвѣчаетъ ни человѣческимъ потребностямъ, ни желаніямъ...

Экономическая цѣнность обладаетъ... двойственнымъ характеромъ: Она содержитъ моментъ полезности (потребительная цѣнность, потребность) и моментъ издержекъ производства (трудовая цѣнность).

Оба момента, думаетъ далѣе Бернштейнъ, опредѣляютъ величину цѣнности. Марксъ, чтобы установить категорію прибавочной цѣнности, принималъ, что товары продаются по ихъ трудовой цѣнности и абстрагировалъ отъ другого опредѣляющаго цѣнность фактора, отъ полезности. Послѣдователи теоріи предѣльной полезности, преслѣдуя иныя цѣли, поступаютъ наоборотъ.

Въ зависимости отъ цѣли изслѣдованія правильной будетъ то та, то другая точка зрѣнія.

Иными словами теорія Маркса вѣрна, но точно такъ же вѣрна и теорія предѣльной полезности: обѣ онѣ выражаютъ лишь различныя стороны одного и того же явленія. Нужно только удивляться, что столь проницательные люди, какъ сторонники теоріи предѣльной полезности, не додумались еще до этого. Что Марксъ и его послѣдователи не замѣчали, какъ просто рѣшается длящійся уже нѣсколько поколѣній споръ о цѣнности, это уже менѣе удивительно. У этихъ упрямыхъ людей понятно. Но какъ бы то ни было, Бернштейнъ сдѣлалъ свое удивительное открытіе, которое должно положить начало новой эпохѣ въ теоріи цѣнности. Не достаетъ только малаго—Бернштейнъ указываетъ, что для опредѣленныхъ цѣлей изслѣдованія пригодна теорія полезности, тогда какъ для другихъ цѣлей болѣе пригодна теорія Маркса. Къ сожалѣнію, онъ забылъ сказать, для какихъ цѣлей пригодна одна и для какихъ другая теорія. Эта мелочь нѣсколько подрываетъ цѣнность его открытія, такъ какъ теоретики того и другого направленія примѣняютъ каждый свою исключительную теорію вездѣ, гдѣ только теорія цѣнности

можетъ себѣ найти примѣненіе. Во всей экономической литературѣ намъ неизвѣстно ни одного случая, гдѣ бы изслѣдователь въ одномъ мѣстѣ исходилъ изъ теоріи Маркса, въ другомъ, ради другихъ цѣлей, изъ теоріи предѣльной полезности, или же хотя бы считалъ такой пріемъ позволительнымъ. Гдѣ и какъ возможенъ подобный пріемъ, это долженъ былъ бы показать намъ Бернштейнъ.

Изъ своего примѣра съ сѣрнымъ колчеданомъ Бернштейнъ долженъ былъ бы сдѣлать выводъ: кристаллы—форма, сѣрный колчеданъ—естество тѣла. Представляетъ ли однако полезность форму цѣнности и трудъ ея естество, или наоборотъ?

Какую цѣль должна преслѣдовать теорія цѣнности? Единственную: дать ключъ къ пониманію нашего способа производства.

Этотъ способъ производства есть товарное производство; его же цѣль не потребленіе, а продажа. Купля-продажа является основной предпосылкой современнаго экономическаго развитія и кто хочетъ постигнуть его, тотъ прежде всего долженъ понять законы купли-продажи.

Кто изучаетъ рынокъ, тотъ легко замѣтитъ, что помимо всѣхъ колебаній, вызываемыхъ измѣненіями въ предложеніи и спросѣ, цѣна каждаго сорта товара все-таки оказывается не произвольной, а напротивъ, имѣетъ тенденцію къ достиженію опредѣленной высоты. Эта опредѣленная тенденція и является его цѣнностью, она обнаруживается лишь въ обмѣнѣ или продажѣ въ видѣ мѣновой цѣнности. Цѣнность, слѣдовательно, является вовсе не „чисто отвлеченнымъ представленіемъ", а реальнымъ фактомъ. Не существуетъ цѣнности Маркса или Джевонса. Существуетъ одна только товарная цѣнность, которую изучали и изслѣдовали задолго до Маркса и Джевонса.

„Чисто отвлеченнымъ", какъ у Маркса, такъ и у Джевонса, былъ не фактъ цѣнности, а теорія цѣнности, иными словами, стремленіе раскрыть и выяснить взаимную зависимость между этимъ, повидимому, мистическимъ представленіемъ и хорошо извѣстными фактами экономической жизни.

Разумѣется, вообще Марксу столько же позволительно было абстрагировать отъ всѣхъ свойствъ товаровъ кромѣ того, что они являются овеществленіемъ человѣческаго труда, какъ и Джевонсу абстрагированіе отъ всѣхъ свойствъ кромѣ полезности. Но въ данномъ случаѣ во-

просъ не въ томъ, что позволительно „вообще“, а въ томъ, что позволительно по отношенію къ опредѣленной цѣли: къ изученію цѣнности товара, выступающей какъ его мѣновая цѣнность.

У этой опредѣленной цѣли нѣтъ ничего общаго съ дальнѣйшими цѣлями, которыя могутъ возникнуть у изслѣдователя при изученіи теоріи цѣнности. Какой бы видъ ни приняли эти дальнѣйшія цѣли, цѣлью теоріи цѣнности остается одно и то же открытіе основного закона, регулирующаго процессъ обмѣна, или купли-продажи.

Но если каждая теорія цѣнности преслѣдуетъ одну и ту же цѣль, то предположеніе, что сообразно съ различными цѣлями изслѣдованія могутъ считаться вѣрными сразу нѣсколько теорій цѣнности, является абсурдомъ.

Бернштейнъ ссылается для выясненія своей точки зрѣнія на статью въ Neue Zeit (XV, 1, S. 50 и слѣд.), въ которой онъ подробнѣе высказался о теоріи предѣльной полезности. Но высказанные имъ въ этой статьѣ взгляды не вполнѣ совпадаютъ съ его теперешней точкой зрѣнія. Тамъ онъ говоритъ, что для теоріи предѣльной полезности „цѣнность и цѣна одно и то же“, такъ что въ сущности она является „не теоріей цѣнности, а теоріей цѣнъ“. Для детальнаго изслѣдованія законовъ рынка понятіе предѣльной полезности можетъ быть разсматриваемо, какъ „плодотворное обогащеніе экономическихъ понятій“.

Это значитъ только то, что Бернштейнъ считаетъ теорію предѣльной полезности непригодной какъ теорію цѣнности. Но и какъ теорія цѣнъ она можетъ оказаться полезной лишь при детальномъ изслѣдованіи, ибо мыслима ли законченная теорія цѣнъ безъ теоріи цѣнности, составляющей фундаментъ первой? Только изъ теоріи цѣнности, но отнюдь не теоріи цѣнъ можно выяснить, хотя бы, сущность денегъ. Этотъ именно пунктъ и составляетъ одно изъ слабыхъ мѣстъ теоріи предѣльной полезности. Она не въ состояніи дать объясненіе функціи денегъ, мѣрила цѣнности.

Въ настоящее время Бернштейнъ ставитъ ее на одну доску съ теоріей цѣнности Маркса. Чтобы имѣть право на это, онъ незамѣтно вводитъ новую экономическую категорію: „экономическую цѣнность“. „Экономическая цѣнность“,—говоритъ онъ—„обладаетъ двойственнымъ характеромъ: она содержитъ въ себѣ моментъ полезности (потребительная цѣнность, потребность) и мо-

ментъ издержекъ производства (трудовая цѣнность)".

Экономическая цѣнность? Что это за видъ цѣнности?

Марксъ указываетъ въ „Капиталѣ" на двойственный характеръ товара, обладающаго одновременно и потребительной цѣнностью и цѣнностью (мѣновой цѣнностью) и на двойственный характеръ труда, производящаго товаръ. Двойственнаго же характера „экономической цѣнности" мы не находимъ въ его воззрѣніяхъ. Если у Бернштейна нѣтъ своей собственной, намъ еще неизвѣстной, теоріи экономической цѣнности, то намъ будетъ очень трудно помѣстить ее гдѣ-нибудь въ теоріи Маркса.

Въ своей книгѣ Бернштейнъ имѣетъ еще въ виду двойственный характеръ товара. Въ одномъ, еще въ началѣ этой главы упомянутомъ, мѣстѣ онъ говоритъ, что Марксъ абстрагировалъ отъ всѣхъ свойствъ товара, кромѣ овеществленнаго труда, какъ и сторонники теоріи предѣльной полезности абстрагируютъ отъ всѣхъ свойствъ товара, кромѣ его полезности. Теперь онъ повторяетъ относительно „экономической цѣнности" то же самое, что двумя мѣсяцами раньше говорилъ о товарѣ. Плодотворна же такая точка зрѣнія по отношенію къ теоріи цѣнности!

Можетъ быть Бернштейнъ смѣшиваетъ экономическую цѣнность съ мѣновой цѣнностью? Находятся люди, полагающіе, что мѣновая цѣнность товара зависитъ отъ скрытаго въ немъ труда и отъ степени полезности товара. Не хочетъ ли Бернштейнъ сказать это своимъ положеніемъ о двойственномъ характерѣ экономической цѣнности? Но что долженъ означать тогда терминъ: „трудовая цѣнность"? Этотъ терминъ выражаетъ только то, что цѣнность товара исключительно опредѣляется количествомъ затраченнаго на него труда. Кто же считаетъ, что цѣнность опредѣляется не исключительно трудомъ, но и другими факторами, напримѣръ, полезностью, тотъ не можетъ говорить о „трудовой цѣнности". Не хочетъ ли Бернштейнъ сказать, что экономическая цѣнность, какъ мѣновая цѣнность, будетъ въ тоже время и потребительной цѣнностью и мѣновой цѣнностью, опредѣляемой исключительно трудомъ?

Насколько ясенъ и недвусмысленъ, двойственный характеръ товара настолько же неясенъ и запутанъ двойственный характеръ „экономической цѣнности". Что съ подобнымъ понятіемъ цѣнности теорія предѣльной полезности такъ же соединима, какъ и теорія Марк-

са и еще полъ дюжины другихъ теорій,—противъ этого я возражать не стану. Во тьмѣ этого понятія всѣ теоріи цѣнности одинаково сѣры.

Такимъ же образомъ Бернштейнъ согласуетъ теорію цѣнности Маркса и Бемъ-Баверка съ теоріей цѣнности Льва Буха.

Бернштейнъ нашелъ пробѣлъ въ теоріи цѣнности Маркса. Согласно этой теоріи, величину цѣнности образуетъ общественно-необходимое для производства товара рабочее время. Но существуютъ различные виды труда. Всякій видъ труда долженъ быть приведенъ къ одному виду, именно, къ простому труду, дабы можно было сравнивать количество одного труда съ другимъ. „Сложный трудъ есть только потенцированный, или, вѣрнѣе, количественно-умноженный простой трудъ, такъ что небольшое количество сложнаго труда равно большому количеству простого. Дѣйствительность показываетъ, что это приведеніе постоянно происходитъ... Различныя пропорціи, въ которыхъ разнообразные виды труда приводятся къ простому труду, какъ къ своему мѣрилу, устанавливаются общественнымъ процессомъ за спинами производителей и кажутся имъ, поэтому, освященными обычаемъ“ („Das Kapital“ I. 4 Aufl. S. 11).

Что это за общественный процессъ,—на этомъ Марксъ подробнѣе не остановился. Въ „критикѣ политической экономіи“ (2 изд., 6 стр.) онъ замѣчаетъ: „законы, управляющіе приведеніемъ сложнаго труда къ простому, не подлежатъ здѣсь нашему разсмотрѣнію“. Къ сожалѣнію Марксъ больше къ нимъ не возвращался, но самъ онъ, несомнѣнно, познялъ ихъ, иначе онъ не могъ бы на нихъ ссылаться. Здѣсь слѣдовательно, теорія Маркса неполна. Въ этомъ мы должны согласиться съ Бернштейномъ, но не съ тѣмъ способомъ, какимъ онъ думаетъ пополнить этотъ пробѣлъ.

„Бухъ, — говоритъ Бернштейнъ, — пытается развязать гордіевъ узелъ путемъ строгаго разграниченія двухъ видовъ цѣнности, которые у Маркса постоянно смѣшиваются: просто цѣнности и относительной цѣнности. Первой является у него трудовая цѣнность, которую онъ опредѣляетъ непосредственно заработной платой и рабочимъ временемъ, образуя на основаніи физіологическихъ данныхъ понятіе „предѣльной плотности труда“ (чѣмъ короче рабочій день и чѣмъ больше доля рабочаго въ создаваемомъ имъ продуктѣ, тѣмъ выше предѣльная плотность труда). Рѣзко отличается отъ этой трудовой цѣнности рыночная цѣнность (Schätzungswerth)

продукта, которую онъ имѣетъ или достигаетъ на рынкѣ. Понятія трудовой и рыночной цѣнности должны строго различаться другъ отъ друга. Не изъ трудовой цѣнности, а изъ отношенія ея къ рыночной цѣнности можетъ быть выяснена эксплуатація рабочаго.

„Я не признаю теоріи Буха совершенной, но считаю ее свидѣтельствующимъ о глубокомъ анализѣ шагомъ на правильномъ пути къ заполненію указаннаго пробѣла. Во всякомъ случаѣ я считаю болѣе цѣлесообразнымъ установить два понятія цѣнности, чѣмъ давать одному и тому же понятію толкованіе, заключающее въ себѣ два взаимно уничтожающихъ принципа, какъ это имѣетъ мѣсто въ теоріи „общественно-необходимаго рабочаго времени“. Я знакомъ только съ первой частью труда Буха и потому не могу высказать о немъ окончательнаго мнѣнія“.

Мнѣ незнакома даже и первая часть книги Буха, но довольствуясь одними ссылками Бернштейна, я всего менѣе могу признать, чтобы Бухъ „дѣлалъ шагъ по правильному пути, свидѣтельствующій о глубокомъ анализѣ“.

Я не зналъ, что „просто“ цѣнность и „относительная цѣнность“ у Маркса смѣшиваются. „Просто“ цѣнность, „трудовая цѣнность“, „индивидуальная цѣнность“, какъ Марксъ называетъ ее въ III томѣ, у него строго отдѣляется отъ рыночной цѣнности и рыночной цѣны (см. напр. „Das Kapital“ III, I, S $^{157}/_{158}$). Напротивъ, у Буха, повидимому, нѣкоторыя понятія совершенно своеобразно смѣшиваются другъ съ другомъ, разъ онъ допускаетъ опредѣленіе цѣнности заработной платой.

Цѣнность представляетъ экономическую категорію, существовавшую до появленія наемнаго труда. Чтобы опредѣлять цѣнность посредствомъ заработной платы, нужно не видѣть различія между простымъ и капиталистическимъ товарнымъ производствомъ, нужно считать послѣднее за единственную форму товарнаго производства. Но что тогда будетъ съ цѣнностью товаровъ, которые производятся не наемнымъ трудомъ, а самостоятельными ремесленниками? Развѣ не представляетъ заработная плата именно сумму товарныхъ цѣнностей, обмѣнивающихся на равноцѣнную рабочую силу? Сперва слѣдовательно, цѣнность опредѣляется заработной платой, а потомъ заработная плата—цѣнностью.

Не опредѣляется ли цѣнность рабочей силы также заработной платой?

Отыскивать пробѣлы въ теоріи—весьма похвальное

занятіе, но эта заслуга превращается въ свою противоположность, если попытка пополнить эти пробѣлы предпринимается съ негодными средствами.

Но что мы можемъ подѣлать съ „экономической цѣнностью", которая является одновременно и потребительной и мѣновой цѣнностью, а также и „трудовой цѣнностью", опредѣляемой одновременно, какъ затратой труда, такъ и заработной платой? Теорія цѣнности, какъ теорія философіи исторіи, должна быть провѣрена ея примѣненіемъ на практикѣ. Теорія цѣнности Бернштейна, какъ бы то ни было, подносится намъ, какъ измѣненіе и расширеніе теоріи Маркса. Но съ послѣдней тѣсно связано все пониманіе современнаго способа производства, какъ оно развито Марксомъ. Все это міровоззрѣніе не устоитъ въ своей прежней формѣ и потребуетъ исправленія, если теорія цѣнности Маркса подвергнется измѣненіямъ. Ученіе о прибавочной цѣнности и прибыли, представленіе о капиталѣ и объ его отношеніяхъ къ пролетаріату, все должно рѣзко измѣниться, если измѣнится составляющая основу всего теорія цѣнности. Однако Бернштейнъ до всего этого не касается. Высказавъ еще нѣкоторыя замѣчанія о прибавочной цѣнности и прибавочномъ продуктѣ, онъ оставляетъ все по старому, продолжаетъ возиться со старыми марксистскими понятіями о капиталѣ, словно онъ не выражалъ никакихъ сомнѣній по отношенію къ теоріи цѣнности. Онъ признаетъ за теоріей цѣнности Бемъ-Баверка извѣстную правоту. Считаетъ ли онъ правильной и теорію Бемъ-Баверка о капиталѣ и процентѣ на капиталъ и допускаетъ ли возможность согласованія ея съ теоріей Маркса?

Объ этомъ мы ничего не знаемъ. Его дальнѣйшія экономическія изысканія не имѣютъ никакого отношенія къ его критикѣ теоріи цѣнности, и мы могли бы спокойно пройти мимо нея, если бы вся свора враговъ марксизма не разразилась бы радостными воплями, что марксистъ провозгласилъ банкротство теоріи цѣнности Маркса. Самъ Бернштейнъ этого не сдѣлалъ. Онъ просто показалъ, что хорошенько не знаетъ, что ему дѣлать съ теоріей цѣнности. Онъ находитъ, что она незакончена и нуждается въ дальнѣйшей обработкѣ, но стремится развить ее дальше не въ духѣ ея основателя, а хочетъ восполнить ея пробѣлы введеніемъ воззрѣній, чуждыхъ и даже враждебныхъ сущности теоріи, вымышленныхъ съ цѣлью ея опроверженія и ни въ какомъ случаѣ не могущихъ быть органически съ ней связан

ными. Подобными попытками Бернштейнъ встрѣтитъ такъ же мало сочувствія среди сторонниковъ теоріи предѣльной полезности, какъ и среди марксистовъ. Они привѣтствуютъ въ Бернштейнѣ не теоретика, а скептика.

Бернштейнъ, какъ критикъ теоріи цѣнности, сдѣлалъ столь же мало положительнаго, какъ и критикъ матеріалистическаго пониманія исторіи. Его „усовершенствованіе“ Маркса состоитъ въ томъ, что на мѣсто единства въ міровоззрѣніи онъ поставилъ эклектизмъ, имъ же лично охарактеризованный, какъ „мятежъ трезваго разума противъ присущей каждой доктринѣ склонности втискивать мысль въ прокрустово ложе.“

Если Бернштейнъ вспомнитъ исторію развитія духа, то онъ увидитъ, что всѣ великіе мятежники противъ втискиванія духа въ прокрустово ложе всего менѣе были эклектиками, что стремленіе къ единству у нихъ было такъ же сильно, какъ и стремленіе къ самостоятельности. Эклектикъ, напротивъ, слишкомъ трезвъ для мятежа. Онъ иногда сердится и можетъ совсѣмъ разсвирѣпѣть на неудобства, которыя несетъ съ собой стремленіе къ единому міросозерцанію. Но пусть укажутъ намъ въ республикѣ геніевъ эклектика, который бы заслуживалъ имя мятежника. Почтительное расшаркиваніе передъ Марксомъ одновременно съ почтительнымъ расшаркиваніемъ передъ Бемъ-Баверкомъ—еще далеко не мятежъ!

И при этомъ Бернштейнъ считаетъ задачей послѣдователей Маркса и Энгельса „вновь внести единство въ теорію“!

Да здравствуетъ эклектическое единство!

Я охотно соглашаюсь, что такое ложе для мысли не прокрустово.

II. Программа.

а) Теорія крушенія.

Теперь мы подошли къ центральному пункту критики Бернштейна. Здѣсь она направлена прямо противъ нашей программы и имѣетъ, слѣдовательно, практическое значеніе. Эта критика теоріи крушенія и является той частью его полемическаго сочиненія, которая была встрѣчена нашими противниками съ особеннымъ удовольствіемъ. Здѣсь особенно необходимы точность и ясность.

Марксъ и Энгельсъ не выдвигали особой „теоріи крушенія“. Терминъ этотъ принадлежитъ Бернштейну, такъ же, какъ терминъ „теорія обнищанія“ исходитъ отъ нашихъ противниковъ.

Терминъ: теорія крушенія впервые употребленъ Бернштейномъ въ его полемикѣ съ Баксомъ (Neue Zeit. XVI, I. S. 548 и слѣд.). Въ своей второй статьѣ онъ исходилъ тогда изъ III-го пункта предложенной международному Лондонскому конгрессу 1896 г. резолюціи объ экономическихъ задачахъ рабочаго класса. Нѣмецкій текстъ этого пункта гласилъ: „Экономическое развитіе зашло въ настоящее время такъ далеко впередъ, что скоро можетъ наступить кризисъ. Конгрессъ призываетъ поэтому рабочихъ всѣхъ странъ готовиться къ управленію производствомъ, дабы они, какъ сознательные рабочіе, могли перенять ко благу всѣхъ руководительство производствомъ“. Англійскій и французскій тексты значительно отличаются отъ нѣмецкаго и передаютъ смыслъ резолюціи точнѣе. Фраза: „экономическое развитіе зашло впередъ такъ далеко, что скоро можетъ наступить кризисъ“ редактировано въ нихъ такъ: „оно идетъ такъ быстро впередъ, что кризисъ можетъ произойти въ относительно непродолжительномъ времени“. „Поэтому,—читаемъ мы дальше,— рабочіе должны подготовляться къ управленію страной“ (не къ руководительству производствомъ). Но въ отчетѣ о конгрессѣ, появившемся въ приложеніи къ Vorwärts'у, совсѣмъ не оказалось этого отрывка. На мѣстѣ III-го пункта мы встрѣчаемъ положеніе о празднованіи 1-го мая.

Всякій согласится, что было бы слишкомъ смѣло основывать критику соціаль-демократической теоріи общественнаго развитія на этомъ, неточно редактированномъ, неясномъ—что значитъ кризисъ?—и притомъ очень невинномъ положеніи. Однако Бернштейнъ поступаетъ именно такъ. Цитируемое положеніе, говоритъ онъ, „находится въ принципіальномъ, по крайней мѣрѣ, согласіи со взглядами, господствующими въ настоящее время въ соціальдемократіи на ходъ развитія современнаго общества“.

„Согласно этимъ воззрѣніямъ, рано или поздно долженъ разразиться промышленный кризисъ страшной силы и громадныхъ размѣровъ; порожденная имъ нищета, воспламенитъ такую страшную ненависть къ капиталистической системѣ хозяйства, такъ убѣдительно докажетъ народнымъ массамъ невозможность при господствѣ этой системы направлять существующія произ-

водительныя силы ко благу всего общества, что движеніе противъ этой системы достигнетъ непреодолимой *силы и подъ его напоромъ произойдетъ крушеніе капи*талистическаго способа производства. Другими словами, неизбѣжный громадный промышленный кризисъ перейдетъ во всеобъемлющій общественный кризисъ, слѣдствіемъ котораго будетъ политическое господство пролетаріата, *какъ единственнаго, сознающаго свои цѣли*, революціоннаго класса, и при господствѣ этого класса осуществится полный переходъ современнаго общества къ соціалистическому строю". Таковы, по неоднократному утвержденію Бернштейна, воззрѣнія соціаль-демократіи. „Такъ въ соціаль-демократіи укоренилось убѣжденіе, что этотъ путь развитія является н е и з б ѣ ж н ы м ъ з а к о н о м ъ п р и р о д ы, что громадный всеобъемлющій хозяйственный кризисъ есть неизбѣжный путь къ соціалистическому обществу". (Neue Zeit. S. 549).

Бернштейну было бы трудно доказать существованіе подобнаго убѣжденія среди соціаль-демократіи. Въ дѣйствительности онъ довольствуется лишь ссылкой на разно-редактированный пунктъ предложенной международному соціалистическому конгрессу резолюціи, который совсѣмъ не обсуждался и, если вѣрить отчету Vorwärts'a, даже не былъ принятъ!

Въ оффиціальныхъ заявленіяхъ нѣмецкой соціаль-демократіи напрасно сталъ бы искать Бернштейнъ положеній, которыя хоть сколько нибудь подходили бы къ смыслу приписываемой ей Бернштейномъ теоріи крушенія. Въ томъ мѣстѣ эрфуртской программы, гдѣ говорится о кризисѣ, нѣтъ ни одного слова о крушеніи. Точно также едва ли найдется въ рѣчахъ и газетныхъ статьяхъ нѣмецкихъ партійныхъ товарищей категорическое утвержденіе, что промышленный кризисъ будетъ прологомъ соціальной революціи или что пролетаріатъ можетъ завоевать политическую власть только во время промышленнаго кризиса. Баксъ, если я не ошибаюсь, высказывалъ мимоходомъ подобные взгляды, и этимъ объясняется, почему Бернштейнъ въ вышеназванной статьѣ выступилъ противъ нихъ съ критикой. Но если Баксъ говорилъ при этомъ о теоріи крушенія, какъ о господствующемъ въ соціаль-демократіи воззрѣніи, то это несомнѣнно было преувеличеніемъ, допущеннымъ въ пылу полемики.

Но въ полемическомъ сочиненіи, направленномъ не противъ Бакса, Бернштейнъ и не подумалъ исправить это преувеличеніе. Напротивъ, онъ раздуваетъ его, не

только не суживая область дѣйствія теоріи крушенія, но даже расширяя ее. Что въ 1898 г. еще было одной изъ господствующихъ въ соціаль-демократіи теорій, то въ 1899 г. уже стало просто соціаль-демократической теоріей, полемика противъ Бакса превратилась въ полемику противъ Маркса и Энгельса; критика случайнаго пункта резолюціи стала критикой „Коммунистическаго манифеста“ и „Капитала“.

Эта критика была превознесена до небесъ противниками марксизма внутри и внѣ партіи, какъ убѣдительнѣйшее опроверженіе марксистской теоріи крушенія. Если бы спросить этихъ господъ, что собственно они понимаютъ подъ этой теоріей, то мы бы услышали курьезные отвѣты. Выяснилось же во время полемики, что и самъ Бернштейнъ извратилъ марксистскую теорію въ существенномъ пунктѣ. По изложенію Бернштейна, Марксъ и Энгельсъ ожидали, что соціалистическій способъ производства будетъ результатомъ крушенія капиталистическаго способа производства,—крушенія, которое, въ свою очередь, явится слѣдствіемъ концентраціи капитала и все усиливающихся кризисовъ. Классовая борьба пролетаріата осталась въ этой передачѣ теоріи совсѣмъ не упомянутой. Я счелъ однако этотъ пропускъ не умышленнымъ, а просто случайностью. Оказался неупомянутымъ какъ разъ тотъ моментъ, который является важнѣйшимъ и потому самъ собой подразумѣвается. Такъ думалъ я. Однако я ошибся.

Бернштейнъ объявилъ въ Vorwärts'ѣ мое пониманіе теоріи Маркса невѣрнымъ. Мѣсто это настолько характерно, что я привожу его цѣликомъ.

„Теорія Маркса-Энгельса,—говоритъ Каутскій,—выводитъ неизбѣжность грядущаго крушенія капитализма изъ возрастанія числа пролетаріевъ и роста ихъ зрѣлости и силы, изъ все увеличивающагося вытѣсненія и подчиненія мелкаго производства крупному капиталистическому производству, которое все болѣе пріобрѣтаетъ монополистическій характеръ, и, наконецъ, изъ усиливающейся тенденціи къ перепроизводству. Это перепроизводство ведетъ или къ непрерывно расширяющимся кризисамъ или къ всеобщему застою, или также (что не исключается теоретически) къ всеобщему господству картельнаго хозяйства, которое не только для пролетаріата, но и для всей массы населенія является еще болѣе невыносимымъ и ненавистнымъ, чѣмъ промышленное угнетеніе, и потому неизбѣжно должно при-

вести къ экспропріаціи синдикатовъ, то-есть капиталистической промышленности.

„Это прежде всего не теорія Маркса и Энгельса, а толкованіе ея и расширеніе Каутскимъ. Насколько оно совмѣстимо съ главой Маркса, трактующей о крушеніи, гдѣ идетъ рѣчь не о возрастающей зрѣлости и силѣ, а о возрастающемъ вырожденіи и порабощеніи пролетаріевъ, — этотъ вопросъ я съ полнымъ правомъ могу оставить въ покоѣ, такъ какъ я всегда очень энергично настаивалъ, что эту главу нужно понимать только какъ показатель тенденціи развитія. Я говорю только, что „съ плащемъ падетъ и герцогъ". (Vorwärts, 26 марта 1899 г.).

Я возразилъ на это Бернштейну:

„Эти строки написаны не какимъ-нибудь вульгарнымъ экономистомъ, никогда не бравшимъ въ руки „Капитала", а человѣкомъ, который считается однимъ изъ лучшихъ и наиболѣе глубокихъ знатоковъ марксистской литературы. Насколько вѣрны его слова, показываетъ дословная передача того мѣста, на которое ссылается Бернштейнъ. Оно гласитъ: „Съ непрерывнымъ уменьшеніемъ числа магнатовъ капитала, захватывающихъ и монополизирующихъ всѣ выгоды этого процесса превращенія, растутъ нищета, гнетъ, рабство, вырожденіе и эксплоатація. Но вмѣстѣ съ этимъ растетъ и возмущеніе рабочаго класса, все возрастающаго въ своей численности, воспитываемаго, объединяемаго и организуемаго механизмомъ самого капиталистическаго процесса производства". (Kapital, I, 2. Aufl. s. 793).

„Является ли постоянный ростъ численности, воспитанія, организаціи ростомъ зрѣлости и могущества, или нѣтъ?

„Слѣдовательно, какъ могъ утверждать Бернштейнъ, будто Марксъ въ той главѣ, гдѣ идетъ рѣчь о крушеніи, говорилъ не о возрастающей зрѣлости и силѣ, а только о возрастающемъ вырожденіи и порабощеніи пролетаріата? И какъ могъ онъ утверждать, что это только мое толкованіе, а не теорія Маркса-Энгельса? Не говорилось ли уже въ „Коммунистическомъ Манифестѣ" о растущей зрѣлости и силѣ пролетаріата, какъ о предварительномъ условіи крушенія капиталистическаго общества?

„Буржуазія, говорится въ манифестѣ, не только выковала оружіе, которое несетъ ей смерть, но создала также и людей, которые возьмутъ это оружіе въ свои руки—современныхъ рабочихъ, пролетаріевъ... Съ раз-

витіемъ промышленности пролетаріатъ увеличивается не только численно; онъ концентрируется все въ болѣе значительныя массы, его сила растетъ и онъ все болѣе начинаетъ сознавать ее... Рабочіе начинаютъ объединяться въ союзы противъ буржуазіи... Дѣйствительнымъ результатомъ ихъ борьбы является не непосредственный успѣхъ, но все болѣе увеличивающееся объединеніе рабочаго класса... Организація рабочихъ въ классъ, а съ нимъ и въ политическую партію, ежеминутно разрушается вслѣдствіе конкурренціи между самими рабочими, но затѣмъ вновь воскресаетъ еще болѣе сильная, прочная и могущественная. Пользуясь раздорами среди буржуазіи, она добивается признанья въ формѣ закона отдѣльныхъ интересовъ рабочихъ, какъ было въ Англіи съ биллемъ о 10 часовомъ днѣ... Буржуазія сама доставляетъ пролетаріату свои собственные элементы образованія, и тѣмъ даетъ ему оружіе противъ себя. Далѣе, развитіе индустріи низвергаетъ цѣлые слои господствующаго класса въ ряды пролетаріата, или, по меньшей мѣрѣ, угрожаетъ ихъ матеріальному благополучію. И эти слои приводятъ съ собой пролетаріату многочисленные элементы образованія" и т. д.

„Слѣдовательно, уже въ „Коммунистическомъ Манифестѣ" разъяснено намъ значеніе, которое имѣетъ для крушенія капиталистическаго строя растущая зрѣлость и могущество пролетаріата. Со времени первой формулировки Марксомъ и Энгельсомъ теоріи крушенія указаніе на ростъ зрѣлости и силы пролетаріата составляетъ ея существенную часть, безъ которой она была бы совсѣмъ непонятна. А теперь вдругъ Бернштейнъ заявляетъ, что это только мой способъ толкованія.

„Но положеніе о возрастаніи зрѣлости и силы пролетаріата образуетъ не только существенную составную часть теоріи крушенія Маркса, но и наболѣе характерную ея часть. Что капиталистическій способъ производства ведетъ къ росту нищеты, къ постоянному упадку мелкой промышленности, къ возрастающему перепроизводству, объ этомъ заявляли еще до Маркса и одновременно съ нимъ, независимо отъ него, и другіе соціалисты. Но только одни Марксъ и Энгельсъ увидѣли кромѣ придавливающихъ пролетаріатъ тенденцій и возвышающія его. То именно и отличаетъ ихъ, что они видѣли не только, какъ другіе соціалисты, одно возрастающее порабощеніе пролетаріата, но также его растущее возмущеніе, не только увеличеніе его нищеты

и вырожденія, но также ростъ его воспитанія и организованности, его зрѣлости и силы. Объ этомъ, конечно, слишкомъ легко забываютъ вульгарные критики такъ называемой теоріи обнищанія, критикующіе въ сущности ни что иное, какъ существовавшую до Маркса теорію обнищанія.

„Но я никакъ не ожидалъ, что и Бернштейнъ забудетъ объ этомъ. Повидимому, существуетъ особый психологическій законъ, въ силу котораго всѣ критики Маркса идутъ однѣми дорогами, откуда бы они ни пришли".

Здѣсь мы имѣемъ между прочимъ прекрасный образчикъ того, какъ понимаетъ Бернштейнъ историческую необходимость. Вѣрный своему толкованію исторической необходимости, какъ фатализма, онъ признаетъ необходимость только тамъ, гдѣ существуетъ принудительное состояніе. И теорія Маркса по его представленію учитъ, что экономическое развитіе создаетъ въ концѣ концовъ **принудительное состояніе**, въ которомъ людямъ ничего не остается, какъ ввести соціализмъ. Такъ, а не иначе понимаетъ онъ Марксову „теорію крушенія". Не нужно искусства, чтобы ее опровергнуть.

„Разсмотримъ ближе толкованіе Каутскаго,—говоритъ онъ.—Развѣ это чисто матеріалистическое обоснованіе побѣды соціализма? Вовсе нѣтъ. Зрѣлость пролетаріата —не экономическій, а этическій факторъ, его же сила — политическій или соціально-политическій факторъ. Но Каутскій призываетъ себѣ на помощь всеобщее возмущеніе предусмотрѣннымъ картельнымъ хозяйствомъ. Это опять-таки не экономическій или, по меньшей мѣрѣ, не чисто экономическій факторъ. Не говоря уже о томъ, что это возмущеніе еще не должно „съ неизбѣжностью" привести къ экспропріаціи объединенной въ картели промышленности.

„Если побѣда соціализма должна быть „имманентной экономической необходимостью", то нужно ее обосновать на доказательствѣ неизбѣжности экономическаго крушенія существующаго общества. Этого доказательства пока еще нѣтъ и врядъ ли оно будетъ когда найдено. Развитіе общества пошло въ различныхъ пунктахъ по иному пути, чѣмъ это было бы въ томъ случаѣ, если бы крушеніе неизбѣжно должно было произойти по чисто экономическимъ причинамъ. Но къ чему выводить соціализмъ изъ **экономическаго принужденія**? Къ чему принижать разумъ, правосознаніе, волю людей? Къ чему переносить такъ часто

неправильно понимаемую теорему о несвободѣ воли личности на человѣчество культурныхъ странъ, какъ общество? Я считаю все это несостоятельнымъ и ненужнымъ. Общество уже нынѣ творитъ многое не потому, что творимое является абсолютно необходимымъ, но наилучшимъ. И въ соціалистическомъ движеніи сознаніе права, стремленіе къ болѣе справедливому порядку есть, по меньшей мѣрѣ, такой же полный значенія и важности факторъ, какъ матеріальная нужда" (Vorwärts, 26 марта).

Можетъ ли быть что-либо печальнѣе подобной выходки со стороны человѣка, который самъ въ теченіе 20 лѣтъ защищалъ матеріалистическое пониманіе исторіи? Еще въ 1890 году Бернштейнъ полемизировалъ съ Шульце-Геверницемъ по поводу утвержденія послѣдняго, что соціаль-демократъ видитъ въ хозяйственныхъ измѣненіяхъ единственную причину соціальныхъ преобразованій. „Господинъ Шульце",—говорилъ Бернштейнъ,—не только благодарный, но и наиболѣе понятливый ученикъ господина Брентано. Повторивъ то, что вычиталъ у теоретиковъ соціаль-демократіи... онъ довольно осмотрительно подсовываетъ соціаль-демократамъ вмѣсто ихъ теоріи доведенное до абсурда ея искаженіе, чтобы доказать затѣмъ свое превосходство" (Neue Zeit, IX, I. s. 660). Теперь Брентано и Шульце-Геверницъ трогательно прижимаютъ его къ своей груди, такъ какъ ихъ доведенныя до абсурда искаженія соціаль-демократической теоріи блѣднѣютъ предъ отождествленіемъ Бернштейномъ исторической необходимости съ экономическимъ принужденіемъ передъ его отрицаніемъ факта, что Марксъ и Энгельсъ основывали необходимость соціализма на растущей зрѣлости и силѣ пролетаріата.

Бернштейнъ нашелъ себѣ помощника въ лицѣ д-ра Вольтмана. Однако, теорія Вольтмана не совсѣмъ совпадаетъ съ теоріей Бернштейна. Что послѣдній считаетъ теоріей Маркса и Энгельса, въ томъ Вольтманъ видитъ только теорію Энгельса. По Вольтману Марксъ всегда обосновывалъ соціализмъ на возростающихъ возмущеніи, зрѣлости и мощи пролетаріата, тогда какъ Энгельсъ, точно такъ-же какъ Куновъ и я, исходили изъ самоуничтоженія капитализма. „Въ особенности Энгельсъ защищалъ тотъ взглядъ, согласно которому производительныя силы достигаютъ такого могущественнаго развитія, что подъ воздѣйствіемъ присущей имъ механической силы падутъ оковы стараго способа

производства и наступитъ всеобщій кризисъ. Но подъ производительными силами Энгельсъ подразумѣвалъ только т е х н о-экономическія производительныя силы, въ особенности промышленную машинную силу. Въ то время какъ эти экономическія силы, неудержимо и безразлично проявляя свое дѣйствіе наружу, производятъ возмущеніе противъ существующаго способа производства, а, слѣдовательно, и противъ отношеній собственности, пролетаріатъ въ моментъ кризиса захватываетъ государственную власть и направляетъ производительныя силы на благо всего общества. Таково обычное представленіе".

Въ какой странѣ оно является обычнымъ, я не знаю. Внѣ всякаго сомнѣнія, что Энгельсъ не придерживался его, такъ-же какъ Куновъ и я. Уже съ перваго взгляда представляется „немного" невѣроятнымъ, чтобы Энгельсъ и Марксъ въ теченіе всей своей жизни работавшіе вмѣстѣ, оба не замѣчали такого коренного различія въ своихъ взглядахъ, и нужно было только появиться д-ру Вольтману, чтобы сразу увидѣть такое расхожденіе. Но, кромѣ того, у Энгельса было слишкомъ мало мистицизма, чтобы въ возмущеніи т е х н и ч е с к и х ъ производительныхъ силъ противъ способа производства видѣть что-либо иное, какъ изображеніе реальнаго процесса. Мятежное дѣйствіе техническихъ производительныхъ силъ можетъ, очевидно, заключаться лишь въ томъ, что эти силы дѣлаютъ мятежниками л ю д е й. Если Энгельсъ не всегда считалъ нужнымъ подчеркивать это, то еще не значитъ, что онъ придерживался противоположныхъ взглядовъ.

Что д-ръ Вольтманъ выдаетъ за взгляды Энгельса, то несомнѣнно родственно, если не тождественно, съ тѣмъ, что Бернштейнъ понимаетъ подъ исторической необходимостью. Здѣсь мы встрѣчаемся съ удивительнымъ явленіемъ: въ то время какъ Бернштейнъ ухитрился найти въ словахъ Маркса мнимый фатализмъ упрощеннаго матеріалистическаго пониманія исторіи, представленіе о людяхъ какъ простыхъ автоматахъ экономическихъ силъ, а въ словахъ Энгельса—признаніе вліянія въ исторіи этическихъ факторовъ, Вольтманъ, наоборотъ, о взглядахъ Маркса и Энгельса высказывается какъ разъ въ противоположномъ смыслѣ.

Пока мы не имѣемъ лучшихъ доказательствъ, кромѣ подобныхъ сомнительныхъ мудрствованій, которыя легко превращаются въ свою противоположность, мы поступимъ всего лучше, признавъ, что два человѣка, составившіе „Коммунистическій Манифестъ", были во всѣхъ

существенныхъ пунктахъ единодушны и ясно понимали, чего они хотятъ. Конечно, каждый изъ нихъ обладалъ самостоятельной индивидуальностью, каждый вкладывалъ свое я въ пониманіе и развитіе общей теоріи. Историкъ теоріи долженъ считаться съ этимъ развитіемъ такъ же, какъ и съ тѣмъ, что взгляды каждаго изъ нихъ развивались съ теченіемъ времени. Но эти различія настолько незначительны, что не имѣютъ никакого значенія для нашихъ практическихъ цѣлей.

То, что Бернштейнъ выставилъ, какъ мое спеціальное толкованіе теоріи Маркса и Энгельса, а Вольтманъ, какъ особый взглядъ Маркса, отличающійся отъ воззрѣнія Энгельса, представляетъ собой теорію, систематически изложенную впервые въ „Коммунистическомъ манифестѣ“, позднѣе въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ нашихъ учителей еще болѣе развитую и обоснованную, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ и исправленную.

Эта теорія видитъ въ капиталистическомъ способѣ производства факторъ, который толкаетъ пролетаріатъ на классовую борьбу съ классомъ капиталистовъ, который вызываетъ все большій ростъ численности, сплоченности, интеллигентности, самосознанія, политической зрѣлости пролетаріата, усиливаетъ его экономическое значеніе и дѣлаетъ неизбѣжными побѣду его организаціи, какъ политической партіи, и возникновеніе соціалистическаго производства, какъ послѣдствіе этой побѣды.

Вотъ теорія, о подтвержденіи и критикѣ которой идетъ рѣчь, когда поднимается вопросъ о вѣроятности нашей побѣды, вотъ теорія, которая лежитъ въ основаніи программъ соціаль-демократическихъ партій; въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ имѣть въ виду ее, а не смѣхотворную теорію крушенія, которую взвалилъ на насъ Бернштейнъ.

Бернштейнъ выдвигаетъ три возраженія противъ Марксовой теоріи капиталистическаго способа производства: 1) число имущихъ не уменьшается, а возрастаетъ; 2) мелкое производство не падаетъ; 3) вѣроятность всеобщихъ и разрушительныхъ кризисовъ все уменьшается.

Изъ этихъ трехъ возраженій второе слѣдуетъ поставить на первомъ мѣстѣ. Если ученіе Маркса о концентраціи капитала невѣрно, то, несомнѣнно, мы должны будемъ признать, что число имущихъ увеличивается. Если же оно вѣрно, то намъ прежде всего нужно выяснить, какимъ же образомъ несмотря на концентрацію число имущихъ растетъ. Развитіе способа производства

образуетъ основной фактъ, форма же отношеній собственности—явленіе на поверхности, происходящее изъ перваго. Характерно для метода Бернштейна, что онъ судитъ о поверхностныхъ явленіяхъ, не изслѣдовавъ ихъ основанія.

Мы намѣрены прежде всего заняться послѣднимъ.

КРУПНОЕ И МЕЛКОЕ ПРОИЗВОДСТВО.

Экономическое развитіе современнаго общества, согласно Марксову ученію, ведетъ къ гибели самостоятельнаго производителя и превращенію его въ наемнаго работника, эксплоатируемаго владѣльцемъ средствъ производства, то-есть капиталистомъ.

„Частная собственность, самостоятельно заработанная, основанная на сліяніи, такъ сказать, изолированнаго, независимаго работника съ условіями его труда, вытѣсняется частной капиталистической собственностью, основанной на эксплоатаціи чужого, но формально свободнаго труда. Какъ скоро этотъ процессъ измѣненія въ достаточной степени разложилъ старое общество вширь и вглубь, какъ скоро работники превращены въ пролетаріевъ, а условія ихъ труда—въ капиталъ, какъ скоро капиталистическій способъ производства сталъ на собственныя ноги,—дальнѣйшее обобществленіе труда и дальнѣйшее превращеніе земли и прочихъ средствъ производства въ общественно-эксплоатируемыя, то-есть въ общественныя средства производства, а потому и дальнѣйшая экспропріація частной собственности пріобрѣтаетъ новую форму. Теперь предстоитъ экспропріація уже не самостоятельнаго производителя, а капиталиста, эксплоатирующаго многихъ рабочихъ. Эта экспропріація происходитъ дѣйствіемъ законовъ, присущихъ самому капиталистическому производству, чрезъ концентрацію капитала. Одинъ капиталистъ убиваетъ многихъ. Рука объ руку съ этой концентраціей, то-есть экспропріаціей многихъ капиталистовъ немногими, развиваются все въ большемъ размѣрѣ кооперативная форма процесса труда, сознательное примѣненіе технологіи, планомѣрная общественная эксплоатація земли, превращеніе орудій труда въ орудія лишь общественнаго пользованія и экономизированіе всѣхъ средствъ производства вслѣдствіе пользованія ими какъ общественными орудіями комбинированнаго, общественнаго труда. Наравнѣ съ непрерывнымъ уменьшеніемъ числа магнатовъ капитала, захватывающихъ и монопо-

лизирующихъ всѣ выгоды этого процесса превращенія, растутъ нищета, гнетъ, порабощеніе, униженіе и эксплоатація. Но вмѣстѣ съ этимъ растетъ также и возмущеніе рабочаго класса, все возростающаго въ своей численности, воспитываемаго, объединяемаго и организуемаго механизмомъ самого капиталистическаго процесса производства. Монополія капитала превращается въ оковы для того способа производства, который расцвѣлъ вмѣстѣ съ ней и благодаря ей. Концентрація средствъ производства и обобществленіе труда достигаютъ той степени развитія, на которой становятся несовмѣстимыми съ ихъ капиталистической оболочкой. Она разрывается. Бьетъ часъ капиталистической частной собственности. Экспропріирующіе экспропріируются" (Kapital. I; 2 Aufl S 792, 793).

Вотъ классическая формулировка марксистской „легенды о пожираніи", опроверженіе которой предпринялъ Бернштейнъ. Само собой понятно, что такое краткое изображеніе продолжающагося столѣтіями историческаго процесса должно понимать cum grano salis, въ особенности тамъ, гдѣ оно выражено аллегорически. Разрываніе капиталистической оболочки, послѣдній часъ капиталистической частной собственности, экспропріація экспропріирующихъ — понимаются какъ историческіе процессы, наступленіе которыхъ неизбѣжно, но форму и быстроту которыхъ нельзя предвидѣть.

Правильность теоріи Маркса не зависитъ—и на этомъ мы особенно настаиваемъ—ни отъ большей или меньшей вѣроятности катастрофъ, ни отъ большей или меньшей быстроты развитія, но исключительно отъ того направленія, по которому идетъ развитіе. Если когда-либо и гдѣ-либо марксисты ожидали политической или соціальной катастрофы, то это было не необходимымъ слѣдствіемъ ихъ теорій, а лишь выводомъ изъ опредѣленнаго политическаго и соціальнаго положенія. Если „легенда о пожираніи" должна быть тождественной утвержденію, что неизбѣжна внезапная и всесторонняя экспропріація сразу всѣхъ капиталистовъ, то я охотно отказываюсь отъ нея. Разумѣется, при всемъ моемъ желаніи я не могу дать гарантіи въ томъ, что при всякихъ обстоятельствахъ процессъ будетъ протекать въ видѣ постепеннаго, организованнаго выкупа.

Гораздо важнѣе вопросъ, дѣйствительно-ли подвигается впередъ концентрація капитала или же нѣтъ.

Не совсѣмъ ясно, что думаетъ объ этомъ Бернштейнъ. На вопросъ, вѣрно-ли, что концентрація идетъ впередъ

со всѣми ея спутниками и въ формѣ, предуказанной Марксомъ, онъ отвѣчаетъ: „И да и нѣтъ. Это вѣрно, прежде всего, въ тенденціи. Указанныя силы находятся налицо и дѣйствуютъ въ данномъ направленіи... Если же картина не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то не потому что положенія Маркса были ложны, а потому что они недостаточно полны. Факторы, ограничивающіе дѣйствіе указанныхъ Марксомъ противорѣчій, были имъ или совсѣмъ оставлены безъ вниманія или затронуты случайно, а потомъ при сопоставленіи и противоположеніи конкретныхъ фактовъ совсѣмъ упущены, такъ что соціальное дѣйствіе противорѣчій изображено у него болѣе рѣзкимъ и непосредственнымъ, чѣмъ это наблюдается въ дѣйствительности“ (s. 47).

Это можетъ имѣть двоякое значеніе. Само собой разумѣется, что теорія должна абстрагировать отъ всѣхъ пертурбаціонныхъ явленій, если желаетъ раскрыть законы, лежащіе въ основѣ явленій. Кто забываетъ это и требуетъ отъ теоріи, чтобы она при всѣхъ обстоятельствахъ находилась въ согласіи со всѣми всплывающими на поверхность явленіями, тотъ всегда будетъ находить, что она слишкомъ аподиктична и придаетъ болѣе рѣзкое освѣщеніе, чѣмъ это наблюдается въ дѣйствительности. Но кто, во избѣжаніе этого, стремится создать теорію, отражающую въ себѣ всѣ элементы преходящей дѣйствительности, тотъ всегда окажется подавленнымъ изобиліемъ конкретныхъ явленій, потеряетъ нить и передъ спутаннымъ „съ одной стороны—съ другой стороны“ никогда не добьется яснаго взгляда.

Я уже говорилъ, что Марксово изложеніе нужно понимать cum grano salis. Если Бернштейнъ вышеприведенными замѣчаніями хотѣлъ только это сказать, то противъ такого утвержденія нельзя было бы ничего возразить, кромѣ того, что оно, само собой разумѣется, и примѣнимо ко всякой теоріи.

Но, вѣроятно, Бернштейнъ держится иного взгляда. Онъ полагаетъ, что теорія Маркса упускаетъ изъ виду не только поверхностныя отклоненія, но и основныя тенденціи историческаго развитія, болѣе или менѣе уничтожающія дѣйствіе изображенныхъ этой теоріей тенденцій. Такимъ образомъ, намѣченныя Марксомъ тенденціи въ общественномъ развитіи не всегда побѣдоносно пробиваются наружу наперекоръ всѣмъ противодѣйствующимъ теченіямъ. При томъ все же остается еще неяснымъ, приписываетъ ли Бернштейнъ этимъ анта-

гонистическимъ теченіямъ вліяніе лишь задерживающее или же отклоняющее.

Бернштейнъ заявляетъ, что у Маркса общественныя противорѣчія выступаютъ въ болѣе рѣзкомъ видѣ, чѣмъ это наблюдается въ дѣйствительности. Но для Маркса важно не то, каковы теперь общественныя противорѣчія;—для этого не нужно никакой теоріи. Теорія Маркса должна намъ раскрыть, въ какомъ направленіи будутъ развиваться общественныя противорѣчія, будутъ ли они обостряться или смягчаться. Но если вопросъ ставится такъ, то ссылками на рѣзкости и преувеличенія, которыя могутъ встрѣчаться у Маркса, ничего нельзя доказать. Когда я спрашиваю, идетъ ли данное судно на востокъ или западъ, мнѣ будетъ очень мало пользы отъ отвѣта: утвержденіе, что судно идетъ на востокъ— есть преувеличеніе; нѣкоторые признаки говорятъ за то, что оно отправляется на западъ.

Такіе, однако, отвѣты намъ даетъ Бернштейнъ. На стр. 47 онъ соглашается съ Марксомъ, что при капиталистическомъ способѣ производства происходитъ концентрація предпріятій. Но, прибавляетъ онъ, концентраціи состояній не происходитъ. „Въ средѣ соціаль-демократіи господствуетъ или постоянно оживаетъ представленіе, будто концентрація промышленныхъ предпріятій идетъ параллельно съ концентраціей состояній. Но это совершенно невѣрно.“

Здѣсь концентрація предпріятій признается дѣйствительнымъ спутникомъ капиталистическаго способа производства. Такъ думаетъ Бернштейнъ въ началѣ своего изслѣдованія о концентраціи. Въ концѣ же его онъ говоритъ:

„Пусть статистическія таблицы доходовъ въ странахъ съ наиболѣе развитой промышленностью говорятъ отчасти о подвижности, а потому неустойчивости и необезпеченности капитала въ современномъ хозяйствѣ; пусть занесенные въ эти таблицы доходы или состоянія будутъ все въ возрастающей степени бумажными цѣнностями, которыя легко можетъ развѣять сильный порывъ вѣтра,— все же эти цифровые ряды доходовъ не находятся ни въ какомъ принципіальномъ противорѣчіи съ порядкомъ расположенія промышленныхъ, торговыхъ и сельскохозяйственныхъ предпріятій. Скала доходовъ и скала предпріятій въ ихъ расчлененіи обнаруживаютъ явно выраженный па-

раллелизмъ, въ особенности для среднихъ членовъ (s. 65).

Такимъ образомъ, Бернштейнъ началъ съ отрицанія параллелизма между развитіемъ скалы предпріятій и скалы доходовъ (послѣднюю онъ приравниваетъ къ скалѣ состояній), а кончилъ его признаніемъ. Каково же его дѣйствительное мнѣніе? То ли, что мы находимъ на 47 стр. или же на 65? Происходитъ ли концентрація предпріятій или нѣтъ? Очевидно, кто требуетъ иного отвѣта чѣмъ „и да и нѣтъ", тотъ повиненъ въ чрезмѣрной, марксистской рѣзкости.

Не легко критиковать воззрѣніе, настолько неустановившееся, какъ возрѣніе Бернштейна въ данномъ случаѣ. Но у насъ нѣтъ выбора. Что бы ни думалъ Бернштейнъ, его положенія комментируются и эксплоатируются нашими противниками, какъ доказательство банкротства не только марксизма, но соціализма вообще, и самъ Бернштейнъ не дѣлаетъ ни малѣйшихъ усилій, чтобы протестовать противъ этого. При такихъ условіяхъ намъ никакъ нельзя обойтись безъ провѣрки данныхъ, которыми оперируетъ Бернштейнъ.

Свои главные аргументы Бернштейнъ черпаетъ изъ германской промысловой переписи. Хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приводитъ многочисленныя цифровыя данныя относительно Англіи, Франціи, Австріи, Швейцаріи, Соединенныхъ Штатовъ, но эти цифры не даютъ намъ ни малѣйшаго представленія о направленіи развитія, такъ какъ взяты онѣ съ одной переписи, а не изъ ряда послѣдовательныхъ переписей. Онѣ могли бы имѣть какое-либо значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы теорія историческаго матеріализма въ дѣйствительности была повинна въ той механической точкѣ зрѣнія, которую такъ любятъ ей навязывать наши противники.

Если бы эта теорія дѣйствительно принимала „вростаніе" въ соціализмъ въ томъ смыслѣ, что само капиталистическое развитіе, *посредствомъ концентраціи капитала*, убьетъ все мелкое производство и создастъ весь организмъ соціалистическаго производства, такъ что пролетаріату останется только захватить политическую власть и улечься на приготовленномъ капитализмомъ ложѣ,—если бы марксистскій взглядъ на развитіе общества къ соціализму былъ именно таковъ, тогда и абсолютныя, отдѣльно взятыя, цифры Бернштейна могли бы имѣть нѣкоторое значеніе. Ибо эти цифры говорятъ, что мелкое производство еще далеко отъ окончатель-

ной гибели и что, поэтому, „до царства соціализма еще безконечно далеко“.

Мы уже неоднократно указывали, что такой взглядъ не имѣетъ ничего общаго съ марксизмомъ. Но такъ какъ одной изъ „заслугъ“ бернштейновской брошюры является то, что она доставила новую опору этому широко распространенному, но невѣрному толкованію марксизма, намъ приходится здѣсь еще разъ рѣшительно заявить объ этомъ.

Гибель производства безъ наемныхъ рабочихъ (Alleinbetrieb), бывшаго прежде господствующей формой, создаетъ пролетарія, наемнаго работника. Чѣмъ болѣе на развалинахъ ремесленнаго производства развивается производство капиталистическое, тѣмъ ничтожнѣе становится для наемнаго работника надежда сдѣлаться, при существованіи частной собственности, обособленнымъ производителемъ, независимымъ отъ капиталистической эксплоатаціи и угнетенія, тѣмъ сильнѣе становится его требованіе уничтоженія частной собственности. Такъ съ естественной необходимостью вмѣстѣ съ возникновеніемъ пролетаріата зарождаются соціалистическія тенденціи у самихъ пролетаріевъ, какъ и у тѣхъ, кто стоитъ на пролетарской точкѣ зрѣнія и желаетъ добиться возвышенія пролетаріата къ самосостоятельности, слѣдовательно къ свободѣ и равенству.

Но это объясняетъ намъ только возникновеніе соціалистическихъ стремленій и ничего не говоритъ объ ихъ осуществимости. Концентрація капитала есть та сила, которая увеличиваетъ шансъ соціалистическихъ идеаловъ Чѣмъ быстрѣе происходитъ концентрація, тѣмъ болѣе, какъ мы видѣли, увеличиваетъ она и воспитываетъ пролетаріатъ, но тѣмъ болѣе обезсиливаетъ, приводитъ въ уныніе, уменьшаетъ и массу тѣхъ, кто заинтересованъ въ частной собственности на средства производства — самостоятельныхъ предпринимателей, тѣмъ болѣе ослабляетъ ихъ заинтересованность въ сохраненіи этой собственности и тѣмъ скорѣе создаетъ предварительныя условія для соціалистическаго производства.

Ремесленное и мелкое крестьянское самостоятельное производство требуютъ для своего полнаго развитія существованія частной собственности на средства производства. Опытъ показалъ, что тамъ, гдѣ соціалистами создавались коммунистическія колоніи на основѣ ремесленнаго и мелкаго крестьянскаго производства,

стремленіе къ частной собственности на средства производства, рано или поздно, вездѣ побѣждало соціалистическій энтузіазмъ, создавшій колонію, если сохраненію коммунистической связи не благопріятствовали внѣшнія условія, напримѣръ, жизнь колонистовъ среди враждебнаго и чуждаго по религіи и языку населенія.

Совершенно иной видъ принимаетъ дѣло тамъ, гдѣ самостоятельное производство одиночекъ является не правиломъ, а исключеніемъ, гдѣ экономическія условія дѣлаютъ наиболѣе выгоднымъ и обычнымъ общественное производство и воспитываютъ чувства и мысли рабочаго класса въ сторону общественной совмѣстной работы. Тамъ можетъ осуществиться соціалистическая организація безъ того исключительнаго энтузіазма, который всегда составляетъ достояніе только избранныхъ натуръ и надолго не можетъ устоять противъ трезвой повседневности.

Таковы элементы, изъ которыхъ, по марксистской теоріи, долженъ вырасти соціализмъ. Концентрація капитала выдвигаетъ историческую задачу: введеніе соціалистическаго общественнаго строя. Она создаетъ силы, необходимыя для выполненія этой задачи,—пролетаріевъ — и условія для ея рѣшенія — общественное производство, но сама по себѣ, непосредственно, она не несетъ съ собою рѣшенія задачи. Это можетъ быть достигнуто лишь сознаніемъ, волей и борьбой пролетаріата.

Но если это вѣрно, то ссылка на единичныя данныя, говорящія, что число мелкихъ предпріятій еще значительно, для нашего изслѣдованія не имѣетъ никакого значенія. О томъ, въ какомъ направленіи происходитъ развитіе, они намъ не говорятъ ровно ничего; о томъ, къ какому времени созрѣетъ наше общество для соціализма, изъ подобныхъ данныхъ мы также не можемъ заключить. Наступленіе этого времени зависитъ отъ безчисленныхъ, не поддающихся измѣренію, невѣсомыхъ, экономическіе мотивы которыхъ можно изслѣдовать уже post factum, но невозможно напередъ опредѣлить при помощи статистическаго метода. Мы еще не настолько подвинулись впередъ, чтобы можно было замѣнить борьбу классовъ статистическими разсчетами. Мы должны бороться; близка ли или далека отъ насъ побѣда и возможность ея наилучшаго использованія, — объ этомъ намъ не можетъ дать свѣдѣній никакая статистика въ мірѣ. Виды на побѣду, во всякомъ

случаѣ, зависятъ отъ того, идетъ ли впередъ концентрація капитала; но попытка точно опредѣлить, какая степень концентраціи дѣлаетъ возможной побѣду, несомнѣнно, была бы ребячествомъ.

Бернштейнъ, правда, говоритъ:

„Централизованная форма производства, будучи необходимой предпосылкой соціализаціи производства и распредѣленія, даже въ наиболѣе развитыхъ въ промышленномъ отношеніи странахъ Европы является лишь частичнымъ фактомъ. Поэтому, если бы въ Германіи государство въ непродолжительномъ времени вздумало экспропріировать всѣ предпріятія, скажемъ, съ числомъ въ 20 и болѣе рабочихъ, въ цѣляхъ ли вполнѣ самостоятельнаго ихъ веденія государствомъ или частичной отдачи въ аренду, то все же въ торговлѣ и промышленности остались бы еще сотни тысячъ предпріятій съ общимъ числомъ рабочихъ свыше четырехъ милліоновъ, которыя эксплоатировались бы частнохозяйственнымъ путемъ". О сельскомъ хозяйствѣ нечего и говорить! „О колоссальности той задачи, которая предстала бы передъ государствомъ или государствами при переходѣ къ нимъ вышеупомянутыхъ предпріятій, можно составить себѣ надлежащее представленіе, если принять въ соображеніе, что въ промышленности и торговлѣ дѣло идетъ о многихъ сотняхъ тысячъ предпріятій съ 5—6 милліонами служащихъ". Въ виду этого онъ приходитъ къ выводу: „Установимъ же прочно фактъ, что матеріальная предпосылка соціализаціи производства и распредѣленія — значительная централизація производства — дана лишь отчасти" (S. 87).

Въ первой главѣ своего сочиненія Бернштейнъ борется со взглядомъ, согласно которому общественное развитіе человѣчества въ послѣднемъ счетѣ объясняется развитіемъ производства, и объявляетъ затѣмъ безполезнымъ и невозможнымъ доказывать „имманентную экономическую необходимость соціализма", здѣсь же онъ ставитъ его необходимость въ прямую и рабскую зависимость отъ экономическихъ условій! Здѣсь онъ самъ неожиданно становится на точку зрѣнія, согласно которой развитіе собственности въ сторону соціализма возможно направить не раньше, чѣмъ примѣненіе средствъ производства станетъ общественнымъ во всѣхъ сферахъ производства. Ибо весь вопросъ въ томъ, чтобы измѣнить направленіе разви-

тія собственности, а не въ томъ чтобы—какъ справедливо иронизируетъ Викторъ Адлеръ—„въ одно долгое ночное засѣданіе“ сразу передать въ собственность государства всѣ предпріятія, имѣющія болѣе 20 рабочихъ, какъ это можно заключить изъ предостереженій Бернштейна.

Кстати нужно отмѣтить, что тѣ многія сотни тысячъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, имѣющихъ болѣе 20 рабочихъ, выдвинутыя Бернштейномъ для нашего устрашенія, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи падаютъ до точной цифры 48.956. Очевидно, нашъ статистикъ въ своемъ рвеніи прибавилъ одинъ лишній пессимистическій нуль.

Мы должны отказаться отъ мысли разрѣшить при помощи статистики вопросъ, насколько еще далекъ міръ отъ государства будущаго. Но тогда изъ всего цифрового матеріала, имѣющагося у Бернштейна, останутся лишь цифровыя данныя германскихъ профессіональныхъ и промысловыхъ переписей. Ихъ языкъ, безъ сомнѣнія, очень внятенъ. Правда, онѣ намъ не говорятъ насколько мы далеки отъ соціализма, но онѣ хорошо говорятъ, движемся ли мы къ соціализму въ предуказанномъ Марксомъ направленіи.

Если бы мы задались единственной цѣлью опровергнуть Бернштейна, то наша работа очень бы облегчилась. Намъ пришлось бы только заставить его самого говорить. *Еще немного лѣтъ тому назадъ* (въ ноябрѣ 1896 г.) онъ помѣстилъ статью „о современномъ положеніи промышленнаго развитія въ Германіи“ въ ряду статей „о проблемахъ соціализма“, оказавшихся для него настолько роковыми, что въ концѣ концовъ и самый его соціализмъ сталъ весьма проблематичнымъ. (Neue Zeit, XV, 1, S. 303 и слѣд.).

Въ этой статьѣ онъ говорилъ:

„Ни одинъ свѣдущій человѣкъ не станетъ отрицать, что наиболѣе характернымъ фактомъ въ развитіи германской промышленности является въ настоящее время переходъ мелкаго производства въ крупное, ремесленнаго—въ фабричное, крупнаго—въ еще болѣе крупное. Недавно появившіяся данныя имперской профессіональной и промысловой статистики окончательно устанавливаютъ этотъ фактъ. Сопоставленіе переписей 1882 и 1895 г. обнаруживаетъ, что при увеличеніи населенія на 14,48%, среди промысловыхъ отраслей, принадлежащихъ къ группѣ В. (обрабатывающая промыш-

ленность, горное и горнозаводское, строительное дѣло) произошли слѣдующія измѣненія:

	1882	1895	Увеличеніе (+) или уменьшеніе (—).	
			Въ абсолютныхъ цифрахъ.	Въ процентахъ.
Самостоятел. предприниматели.	1.861.502	1,774.481	— 87.021	— 4,68
» кустари	339.644	287.389	— 52.255	— 15,39
Техническій наблюдательный, торговый персоналъ . .	99.076	263.747	+ 164.671	+ 166,21
Подмастерья, ученики и пр. .	4.096.243	5.955.613	+1859370	+ 45,39
Итого	6.396.465	8.281.230	+1884765	+ 29,47

„Цифры говорятъ сами за себя. Если въ 1882 г. на одного самостоятельнаго предпринимателя приходилось двое служащихъ, то въ 1895 г. отношеніе превратилось въ 1 : 3,—измѣненіе, которое на первый взглядъ представляется значительнымъ.

„Однако человѣкъ несвѣдущій не постигнетъ всего значенія этихъ цифръ. Отношеніе для всей страны: 3 служащихъ на одного самостоятельнаго предпринимателя,—еще оставляетъ мѣсто для утвержденія, что крупная промышленность даже въ настоящее время остается далеко позади мелкой промышленности (ремесленнаго и мелкаго фабричнаго производства); что хотя она и достигла значительнаго распространенія, но все же не настолько, чтобы ее можно было признать господствующею. Если за 13 лѣтъ, несмотря на гигантскій ростъ техники за этотъ періодъ, число самостоятельныхъ хозяевъ въ промышленности уменьшилось всего на всего на 140.276 человѣкъ или на неполныхъ 6%, то могло бы казаться, что до полнаго вытѣсненія ремесленнаго и мелкаго производства еще далеко, что для этого производства, помимо

художественной промышленности, осталось еще очень значительное поле дѣятельности“.

То, что здѣсь Бернштейнъ считаетъ видимостью, вводящей въ заблужденіе людей несвѣдущихъ, для него самого въ теченіе двухъ лѣтъ становится дѣйствительностью, относительно которой могутъ заблуждаться только глупцы, слѣпо вѣрующіе въ слова учителя.

Въ 1896 году Бернштейнъ считалъ еще себя въ числѣ этихъ глупцовъ, и потому обладалъ тонкимъ пониманіемъ дѣйствительности, скрывшейся за цифрами. Онъ говорилъ далѣе:

„Между тѣмъ эти грубыя цифры далеко не могутъ являться выраженіемъ дѣйствительнаго отношенія между крупной и мелкой промышленностью. Онѣ вскрываютъ лишь внѣшнюю группировку промышленной, въ собственномъ смыслѣ слова, части населенія, но умалчиваютъ о другихъ явленіяхъ, безъ которыхъ невозможно пониманіе внутреннихъ отношеній производства, его размѣровъ, характера и проч. Для ихъ изученія мы нуждаемся не только въ данныхъ промысловой статистики, еще не появившихся въ печати, о распредѣленіи отдѣльныхъ отраслей промышленности по размѣрамъ предпріятій, но и въ данныхъ о положеніи отдѣльныхъ предпріятій въ соотвѣтствующей промышленной группѣ, о группировкѣ предпріятій по ихъ производительности и о другихъ подробностяхъ, относительно которыхъ промысловая статистика вообще не даетъ свѣдѣній“.

Бернштейнъ пытается затѣмъ „дать приблизительную оцѣнку дѣйствительнаго положенія вещей“ на основаніи книги Sinzheimer'a „über die Grenzen der Weiterbildung des fabrikmässigen Grossbetriebs in Deutschland“ и приходитъ къ выводу:

„Принимая въ соображеніе значительныя измѣненія, происшедшія въ группировкѣ рабочихъ по различнымъ группамъ производства, о чемъ говорятъ послѣднія статистическія данныя промысловой переписи, принимая во вниманіе тотъ безспорно установленный фактъ, что производительность труда всего болѣе повысилась въ крупныхъ предпріятіяхъ, нельзя находить слишкомъ смѣлымъ утвержденіе, что если въ 1882 г. изъ общей цѣнности промышленнаго и ремесленнаго производства по самому умѣренному подсчету на крупную фабричную промышленность приходилось отъ 47 до 54%, то теперь эта доля должна составлять не менѣе 60—70% об-

щаго продукта. Двѣ трети, если не три четверти промышленной производительности Германіи приходятся на долю крупной фабричной промышленности, на долю коллективистическаго крупнаго производства. Этотъ фактъ затемняется тысячью обстоятельствъ и прежде всего тѣмъ, что весьма значительная часть произведеній крупной промышленности состоитъ изъ полуфабрикатовъ, что же касается другой ихъ части, то поставщиками ея состоятъ посредники, принимающіе лишь кажущееся участіе въ производствѣ, являющіеся въ сущности торговцами. Вѣрность нашего вывода не подлежитъ сомнѣнію. Но, разумѣется, другой вопросъ, созрѣло ли для экспропріаціи большинство этихъ предпріятій съ коллективистическимъ характеромъ производства, создающихъ бо̀льшую часть національнаго продукта".

Разрѣшеніе этого вопроса зависитъ исключительно отъ результата борьбы, а не отъ статистическаго изслѣдованія. Поэтому мы можемъ на него не отвѣчать. Но намъ хотѣлось бы здѣсь подчеркнуть тотъ фактъ, что самъ Бернштейнъ еще очень недавно пришелъ къ заключенію, что если фабричная крупная промышленность въ 1882 году создавала половину національнаго продукта, то черезъ 13 лѣтъ эта доля превратилась уже въ двѣ трети, если не въ три четверти. Кто въ этомъ фактѣ не видитъ быстрой концентраціи капитала, шествующаго гигантскими шагами развитія въ сторону соціалистическаго или коллективистическаго производства, тотъ прилагаетъ странный масштабъ къ историческимъ эпохамъ.

То же развитіе крупнаго производства, хотя и не такъ ярко, какъ при сравненіи производительности, устанавливается сравненіемъ числа предпріятій по ихъ размѣрамъ съ числомъ занятыхъ въ нихъ рабочихъ. Но и въ этомъ случаѣ развитіе крупнаго производства внѣ всякихъ сомнѣній. Вотъ цифры промысловой статистики (промышленность, торговля, перевозка, садоводство, рыболовство и пр.):

				1882	1895	Увеличеніе въ %%
Предпріятія	съ	1–5	лицами	2.882,768	2.934,723	1,8
»	»	6—10	»	68,763	113,547	65,1
»	»	11—50	»	43,952	77,752	76,9
»	»	51—200	»	8,095	15,624	93,0
»	»	201—1000	»	1,752	3,076	75,6
»	»	болѣе 1000	»	127	225	100,8
			Итого	3.005,457	3.144,947	4,6

Тогда какъ общее увеличеніе числа предпріятій составляетъ 4,6%, мелкія предпріятія увеличились лишь на 1,8%, а гигантскія предпріятія на 100 %. Число первыхъ, хотя и *увеличилось абсолютно, но относительно уменьшилось*. Изъ каждыхъ 100 предпріятій приходилось на отдѣльныя группы:

	1882	1895.
Предпріятія съ 1—5 лицами	95,9	93,3
» » 6—10 »	2,3	3,6
» » 11—50 »	1,5	2,5
» » 51—200 »	0,3	0,5
» » 201—1000 »	0,0	0,1
» » болѣе 1000 »	0,0	0,0

Изъ всей суммы предпріятій число мелкихъ упало съ неполныхъ 96% почти до 93%.

Конечно, процентъ мелкихъ предпріятій все еще очень значителенъ. Но картина измѣнится, если принять въ разсчетъ число занятыхъ лицъ. Насчитывалось въ предпріятіяхъ лицъ:

	1882.	1895	Увелич. въ %%
Предпріятія съ 1—5 лиц.	4.335.822	4.770.669	10,0
» » 6—10 »	500.097	833.409	66,6
» » 11—50 »	891.623	1.620.848	81,8
» » 51—200 »	742.688	1.439.776	93,9
» » 201—1000 »	657.399	1.155.836	75,8
» » болѣе 1000 »	213.160	448.731	110,5
Итого . .	7.340.789	10.269.269	39,9

Общее число занятыхъ въ промышленности лицъ увеличилось на 40%, тогда какъ число лицъ, занятыхъ въ мелкихъ предпріятіяхъ, только на 10%, въ гигантскихъ же на 110%. Такимъ образомъ мы и здѣсь наблюдаемъ весьма значительное относительное уменьшеніе цифры мелкихъ предпріятій.

Изъ каждыхъ 100 занятыхъ лицъ приходилось на:

	1882.	1895.
Предпріятія съ 1—5 лицами	59,0	46,5
» » 6—10 »	6,8	8,1
» » 11—50 »	12,2	15,8
» » 51—200 »	10,1	14,0
» » 201—1000 »	9,0	11,2
» » болѣе 1000 »	2,9	4,4

На долю мелкаго производства, привлекавшаго еще въ 1882 г. почти **двѣ трети** промышленнаго населенія, въ 1895 году приходилось уже **менѣе половины**.

Однако эти цифры еще не даютъ полной картины соціальныхъ превращеній, вызываемыхъ относительнымъ сокращеніемъ мелкаго производства. Женскій и дѣтскій трудъ являются изобрѣтеніемъ крупнаго капитала, однако теперь онъ всего полнѣе эксплуатируется гибнущей мелкой промышленностью, стремящейся удержаться на волнахъ цѣной угнетенія незрѣлыхъ и неспособныхъ къ сопротивленію элементовъ.

Къ сожалѣнію, невозможно выяснить опредѣленно, по отдѣльнымъ группамъ предпріятій, возростало ли и въ какой степени примѣненіе женскаго труда, такъ какъ перепись 1895 г. въ этомъ отношеніи велась не на тѣхъ основаніяхъ, какъ въ 1882 г. Но и абсолютныя цифры, безъ сомнѣнія, говорятъ достаточно. Число наемныхъ рабочихъ составляло въ промышленности въ 1895 г. 6.871.504, въ томъ числѣ 5.247.897 мужчинъ и 1.623.607 женщинъ, тогда какъ въ 1882 г. общее количество было 4.226.052, въ томъ числѣ 3.433.689 мужчинъ и 792.363 женщинъ. Общая цифра возросла на 62,6%, число рабочихъ мужчинъ только на 52,8%, тогда какъ чило женщинъ на 104,9%!

Въ предѣлахъ отдѣльныхъ группъ,—данныя имѣются лишь относительно нижеслѣдующихъ—считалось рабочихъ въ 1895 г.:

	Мужчины.		Женщины.		ИТОГО.
Предпріятія безъ наемныхъ рабочихъ	1.125.125	66%	589.226	34%	1.714.351
Предпріят. съ 1-5 рабочими.	1.354.598	68%	636.646	32%	1.991.244
» » 6—20 »	967.578	79%	256.428	21%	1.224.006
« болѣе 20 »	2.925.721	80%	730.533	20%	3.656.254

Отсюда становится яснымъ, что наибольшее примѣненіе женскій трудъ находитъ вь мелкомъ производствѣ. Ясно также, что изъ общаго числа занятыхъ въ промышленности лицъ на мелкое производство прихо-

дится 46,5%, мужского же персонала только 43,4%, слѣдовательно, значительно менѣе.

Точно такъ же число малолѣтнихъ рабочихъ въ мелкомъ производствѣ значительно превосходитъ число ихъ въ крупномъ производствѣ. Къ сожалѣнію, и въ этомъ случаѣ сравненіе данныхъ 1882 и 1895 г.г. невозможно.

Изъ 6.871.504 промышленныхъ рабочихъ въ 1895 г. число малолѣтнихъ достигало не менѣе чѣмъ 603.150 лицъ или 8,8%. Если же исключить изъ числа рабочихъ, какъ это дѣлаетъ при подсчетѣ имперское статистическое бюро, женъ владѣльцевъ предпріятій, мы получаемъ общее количество рабочихъ въ 6.474.727, въ томъ числѣ малолѣтнихъ 9,1%. По отдѣльнымъ группамъ на каждыхъ 100 рабочихъ приходилось малолѣтнихъ:

Предпріятія	съ	1—5	рабочими	15,2
»	»	6—20	»	10,2
»	»	болѣе 20	»	5,9

Какъ видно, процентъ взрослыхъ мужчинъ въ мелкомъ производствѣ значительно меньшій, чѣмъ въ крупномъ. Такимъ образомъ, группировка среди наиболѣе политически—и соціально-стойкихъ элементовъ пролетаріата передвигается еще быстрѣе въ пользу рабочихъ крупной промышленности, чѣмъ это свидѣтельствуютъ „грубыя цифры“ общаго числа рабочихъ по размѣрамъ предпріятій. Что и концентрація капитала идетъ быстрѣе, чѣмъ позволяютъ судить на первый взглядъ грубыя цифры промысловой статистики, это ясно изъ распредѣленія по отдѣльнымъ промышленнымъ отраслямъ.

Прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду, что концентрація капитала не во всѣхъ отрасляхъ промышленности идетъ равномѣрно. Крупное производство завоевываетъ одну область за другой, но, вытѣсняя мелкое производство изъ данной области, не превращаетъ еще въ этой области всѣхъ мелкихъ предпринимателей въ пролетаріевъ. Вытѣсненные изъ одного поприща, они пытаются устроиться въ другомъ: производитель даннаго товара становится его продавцомъ, промышленникъ — посредникомъ и проч. Область мелкаго производства, такимъ образомъ, постоянно суживается, но сокращеніе общаго числа мелкихъ предпріятій не является неизбѣжнымъ. Ростъ крупнаго производства въ одномъ мѣстѣ проявляется въ другомъ въ видѣ чрезмѣрнаго развитія мелкаго производства, переполненія данной отрасли. Если тамъ гибнетъ мелкое производство подъ

давленіемъ конкуренціи со стороны крупнаго, то здѣсь—вслѣдствіе страшной взаимной конкуренціи. Вслѣдствіе этого мелкое производство попадаетъ въ все болѣе возрастающую зависимость отъ капитала, понуждается къ усиливающейся спеціализаціи производства и, такимъ образомъ, подготовляетъ почву для крупной промышленности, которая раньше или позже одержитъ побѣду и въ этой области.

Прежде всего мы наблюдаемъ тотъ важный фактъ, что концентрація промышленныхъ предпріятій пошла значительно дальше, чѣмъ въ торговлѣ и въ перевозочномъ промыслѣ, если принять за мѣрило число занятыхъ рабочихъ, — мѣрило, впрочемъ, не совсѣмъ свободное отъ возраженій, ибо торговыя предпріятія съ 10—20 лицами могутъ уже быть крупными, тогда какъ въ промышленности подобныя предпріятія обыкновенно находятся на границѣ ремесла. Но другихъ цифръ мы не имѣемъ.

На каждыя 100 занятыхъ лицъ приходилось въ 1895 г.

	Въ предпріятіяхъ съ		
	1—5 лицами.	6—50 лицами.	болѣе 50 лицъ.
Обрабатывающая промышлен., горное дѣло, строит. промышленность . .	39,9	23,8	36,3
Торговля, перевоз., тракт. промыселъ.	69,7	24,3	6,0

Классификація, причисляющая предпріятія съ 1—5 лицами къ мелкимъ, а съ 6—50 лицами къ среднимъ, допустима лишь по отношенію промышленности; въ торговлѣ же предпріятіе съ 5 лицами всегда должно быть признано весьма крупнымъ.

Въ промышленности на долю мелкаго производства приходится только 40 проц. изъ числа всѣхъ занятыхъ лицъ, тогда какъ въ 1882 г. приходилось еще 55 проц. Сокращеніе мелкаго производства въ промышленности происходитъ много быстрѣе, чѣмъ въ торговлѣ. Вотъ данныя объ увеличеніи (+) или уменьшеніи (—) числа занятыхъ лицъ за время съ 1882 по 1895 г.

	Въ предпріятіяхъ съ		
	1—5 лицами.	6—50 лиц.	болѣе 50 лицъ.
Промышленность и проч. .	— 2,4 %	+ 71,5 %	+ 87,2 %
Торговля и проч.	+ 48,9 %	+ 94,1 %	+ 137.8 %

Итакъ, въ промышленности мы наблюдаемъ абсолютное уменьшеніе числа лицъ, занятыхъ въ мелкихъ предпріятіяхъ. Еще значительнѣе уменьшеніе числа самихъ предпріятій. Оно достигаетъ не менѣе 8,6 проц. Тогда какъ число мелкихъ предпріятій во всѣхъ производствахъ въ общемъ увеличилось на 51955, въ промышленности оно уменьшилось на 186297.

Остановимся на этомъ явленіи подробнѣе. Наиболѣе развивается крупное производство и наиболѣе вытѣсняется мелкое въ слѣдующихъ отрасляхъ индустріи; въ нихъ на каждыя 100 занятыхъ лицъ приходится:

Отрасли промышленности.	Въ предпріятіяхъ съ		
	1—5 лицами.	6—50 лицами.	болѣе 50 лицъ.
Горное дѣло	0,7	4,0	95 3
Химическая промышленность	15,7	22,6	61,7
Прядильно-ткацкая промышленность	26,0	14,8	59,2
Машиностроеніе и изготовленіе инструментовъ	22,1	18,9	59,0
Писчебумажное производство . . .	17,7	31,5	50,8
Керамическое производство	12,8	42,5	44,7
Производство освѣтительныхъ матеріаловъ	15,2	45,1	39.7

Наоборотъ, мелкое производство наиболѣе процвѣтаетъ въ слѣдующихъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ на каждыя 100 занятыхъ лицъ приходится:

Отрасли промышленности.	Въ предпріятіяхъ съ		
	1—5 лицами.	6—50 лицами.	болѣе 50 лицъ.
Скотоводство и рыболовство	88,8	7,9	3,3
Изготовленіе платья, прачечныя, парикмахерскія и т. д.	80,4	13,2	6,4
Трактиры и гостиницы	74,6	24,1	1,3
Торговля	70.8	25,2	4,0
Садоводство, культура торговыхъ раст.	60,2	31,5	8,3
Художественная промышленность . .	58,4	33,8	7,8
Деревообдѣлочная промышленность, рѣзьба по дереву	57,8	29,6	12,6

Но уже и здѣсь концентрація капитала становится все болѣе замѣтной. Съ 1882 по 1895 годъ увеличеніе или уменьшеніе числа занятыхъ лицъ составляло:

Отрасли промышленности.	Въ предпріятіяхъ съ		
	1—5 лицами.	6—50 лицами.	болѣе 50 лицъ.
Скотоводство и рыболовство	+ 3,7 %	+35,1%	+700,9%
Изготовленіе платья и проч.	— 0,6 »	+81,5 »	+162,0 »
Трактирный промыселъ и пр.	+70,2 »	+138,7 »	+429,7 »
Торговля	+47,4 »	+89,5 »	+177,6 »
Садоводство и проч	+65,0 »	+141,6 »	+40,8 »
Художественная промышленность	+4,2 »	+66,9 »	+576,1 »
Деревообдѣлочная промышлен. и пр.	—3,1 »	+118,6 »	+138,7 »
Остальныя производства	+10,0 »	+76,3 »	+86,2 »

Такимъ образомъ, повсюду, исключая садоводства, крупное производство развивается гораздо быстрѣе мелкаго. Если мы оставимъ въ сторонѣ садоводство, въ которомъ число занятыхъ лицъ ничтожно, то изъ отраслей промышленности, гдѣ мелкое производство имѣетъ еще значительное распространеніе, остаются *только двѣ, въ которыхъ ростъ числа занятыхъ лицъ* происходитъ быстрѣе, чѣмъ ростъ населенія: пивныя и мелочная торговля. Въ отчетѣ имперскаго статистическаго бюро говорится о главныхъ результатахъ промысловой переписи по производствамъ въ 1895 году: „Многочисленная мелочная торговля, торговля колоніальными, съѣстными товарами и напитками—вотъ профессіи, благодаря которымъ мелкое производство играетъ такую значительную роль въ торговомъ промыслѣ. Въ торговлѣ, заключающей въ себѣ и всѣ названныя отрасли, было занято лицъ:

Всего	1.105,423
Въ томъ числѣ торговцевъ безъ наемныхъ лицъ	317,460
Въ предпріятіяхъ съ 2 лицами	215,730
» » » 3—5 »	276.085
Всего въ мелкихъ предпріятіяхъ	809,275

„Значительное преобладаніе мелкихъ предпріятій въ группѣ обнимающей трактирный промыселъ и гостиницы, объясняется тѣмъ, что въ этой группѣ регистрировались масса мелкихъ трактирщиковъ и кабатчиковъ, содержателей меблированныхъ комнатъ, коекъ и т. д. Въ этой отрасли занято лицъ:

Всего	579,958
Въ томъ числѣ хозяевъ безъ прислуги, сдающихъ внаймы комнаты	99,407
Въ хозяйствахъ съ 2 лицами	122,194
» » »3—5 »	211,175
Всего въ мелкихъ хозяйствахъ	432,776

Замѣтимъ еще, что въ группѣ производства платьевъ и проч. наблюдается значительное преобладаніе мелкаго производства въ портняжничествѣ, бѣлошвейныхъ мастерскихъ, въ прачечныхъ, парикмахерскихъ. Теперь мы видимъ, откуда взялись цифры, послужившія Бернштейну основаніемъ для критики марксизма.

Марксъ однажды замѣтилъ въ „Капиталѣ“: „Господинъ профессоръ Рошеръ сдѣлалъ открытіе, что одна швея, за-

нятая у госпожи профессорши въ теченіе двухъ дней, производитъ больше работы, чѣмъ двѣ швеи, занятыя въ теченіе одного и того же дня. Мы рекомендуемъ господину профессору производить наблюденіе надъ капиталистическимъ способомъ производства не въ дѣтской комнатѣ и не при такихъ условіяхъ, гдѣ отсутствуетъ главное дѣйствующее лицо—капиталистъ".

Желая усовершенствовать и научно обосновать марксизмъ, Бернштейнъ присоединяетъ къ дѣтской цирюльни, кабачки и т. д. Дѣйствительно, тамъ процессъ концентраціи капитала оставляетъ еще желать многаго. Вспомнимъ его указаніе, что предварительныхъ условій для соціализма еще не существуетъ въ Германіи, ибо въ торговлѣ и промышленности насчитываются еще сотни тысячъ „предпріятій", имѣющихъ болѣе 4 милліоновъ рабочихъ, которыя „пришлось бы вести на частнохозяйственной основѣ". Мы знаемъ теперь, что составляетъ большинство этихъ „предпріятій". Соціализмъ долженъ разбиться о невозможность обобществленія въ тѣхъ отрасляхъ труда, гдѣ находятъ занятіе торговки фруктами, содержательницы меблированныхъ комнатъ, швеи, прачки и т. д.! Эти элементы и составляютъ въ глазахъ Бернштейна неприступную крѣпость капиталистической собственности, на нихъ слѣдуетъ изучать законы капиталистическаго развитія, а не въ горной и горнозаводской, прядильноткацкой, машиностроительной промышленности и т. д.

Общее количество мелкихъ предпріятій возросло за время съ 1882 г. по 1895 годъ на 51.955. Въ нижеслѣдующихъ группахъ мелкія предпріятія увеличились:

	1882.	1895.	Увеличеніе.
Торговля	434.785	603.209	168.424
Трактирный промыселъ и содержаніе гостиницъ	163.991	220.655	56.664
Итого	598.776	823.864	225.088

Исключивъ обѣ эти группы изъ всѣхъ промышленныхъ группъ, мы получимъ для остальныхъ вмѣсто возрастанія числа мелкихъ предпріятій на 51.955 уменьшеніе на 175.133.

Личный составъ мелкихъ предпріятій въ обѣихъ вышеупомянутыхъ группахъ составлялъ:

	1882.	1895.	Увеличеніе
Торговля	641.696	943.545	301.849
Трактирный промыселъ . . .	244.297	432.776	188.479
Итого	885.993	1.376.321	490.328

Персоналъ всѣхъ мелкихъ предпріятій увеличился за то же время на 434.847. Напротивъ, если исключить опять двѣ вышеупомянутыя группы, мы получимъ вмѣсто увеличенія уменьшеніе на 55.481 для мелкихъ предпріятій при одновременномъ возрастаніи населенія и при еще бо́льшемъ увеличеніи всего промышленнаго персонала.

Ростъ мелкихъ предпріятій въ посреднической торговлѣ, по содержанію трактировъ и гостиницъ, не говоритъ однако о жизнеспособности мелкаго производства. Онъ является продуктомъ его разложенія. Мелочная торговля и трактирный промыселъ, отдача комнатъ внаймы и тому подобныя занятія представляютъ большей частью убѣжище для обанкротившихся или средство использовать рабочую силу жены, въ придачу къ заработку мужа. Въ томъ и другомъ случаѣ они имѣютъ пролетарскій характеръ. Притомъ, эти мелкія предпріятія попадаютъ во все бо́льшую зависимость отъ пролетаріевъ-кліэнтовъ, такъ какъ потребности наиболѣе зажиточной буржуазіи обслуживаются болѣе крупными предпріятіями. Такимъ путемъ хозяева мелкихъ гостиницъ, трактировъ, мелочные торговцы становятся все болѣе пролетарскими въ своихъ чувствахъ и мысляхъ. Если прежде мелкобуржуазный образъ мыслей накладывалъ отпечатокъ на пролетаріатъ, то теперь все чаще происходитъ наоборотъ.

Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и другое условіе въ тѣхъ именно отрасляхъ промышленности, гдѣ еще преобладаетъ мелкое производство, условіе, которое, конечно, не можетъ быть выражено статистическимъ путемъ. Статистика показываетъ лишь техническую концентрацію производствъ, а не экономическую. Да и техническую она охватываетъ не вполнѣ, такъ какъ при промысловой переписи тамъ, гдѣ различныя производства объединены въ одномъ предпріятіи, отдѣльныя его отрасли считались за особыя предпріятія. Точно такъ же филіальныя и подсобныя предпріятія разсматривались при переписи, какъ самостоятельныя. Слѣдовательно, число всѣхъ вообще предпріятій въ дѣйствительности значительно меньше, а число крупныхъ предпріятій больше, чѣмъ свидѣтельствуютъ данныя переписи.

Но техническая концентрація представляетъ только одну изъ формъ концентраціи эконоимической, хотя, *безъ сомнѣнія, важнѣйшую и наиболѣе совершенную* ея форму. Концентрація капитала имѣетъ однако мѣсто

и тамъ, гдѣ капиталистъ ставитъ въ экономическую отъ себя зависимость технически самостоятельныя предпріятія, заставляетъ ихъ служить себѣ. Для примѣра достаточно указать на домашнюю промышленность. Оглядываясь на вышеприведенный рядъ отраслей промышленности, въ которыхъ преобладаетъ мелкое производство, мы найдемъ, что именно въ этихъ отрасляхъ большинство предпріятій оказываются наименѣе самостоятельными экономически. Такъ домашняя промышленность процвѣтаетъ въ такихъ отрасляхъ какъ деревообдѣлочная промышленность и рѣзьба (столярныя работы, плетеніе корзинъ и соломенныхъ шляпъ, токарныя работы, производство игрушекъ), производство одежды и проч. (изготовленіе одежды, бѣлья, перчатокъ, модныя мастерскія, сапожныя, стирка и глаженіе бѣлья и т. д.). Эти мелкія предпріятія статистика считаетъ самостоятельными; экономисты же причислятъ ихъ собственниковъ не къ владѣющимъ средствами производства, а къ наиболѣе угнетеннымъ и всего хуже оплачиваемымъ наемнымъ рабочимъ.

Въ посреднической торговлѣ и въ „трактирномъ промыслѣ" происходитъ подобный же процессъ, обращающій отдѣльныхъ номинальныхъ владѣльцевъ предпріятій въ дѣйствительныхъ агентовъ и наемныхъ рабочихъ нѣсколькихъ крупныхъ капиталистовъ. Содержатели трактировъ становятся все зависимѣе отъ крупныхъ пивоваренъ, которыя очень часто ссужаютъ ихъ не только пивомъ, но и всѣмъ инвентаремъ. Кромѣ того пивныя и трактиры представляютъ по большей части просто собственность пивоваренъ, хозяинъ же оказывается только поставленнымъ пивоварней арендаторомъ. То же происходитъ и въ товарной торговлѣ. У насъ нѣтъ сейчасъ подъ руками цифръ относительно Германіи для подтвержденія этого всѣмъ извѣстнаго факта, относительно Лондона Макрости сообщаетъ въ своей статьѣ въ „Contemporary Review", что „дешевые рестораны Лондона сосредоточены въ рукахъ четырехъ или пяти фирмъ." Таково же положеніе молочныхъ, аптекъ, сигарной торговли. Одно общество владѣетъ сотней сигарныхъ лавочекъ (Лондонскій „Socialdemocrat" Май 1899 г.). Объ этомъ Бернштейнъ намъ ничего не сообщаетъ. Онъ указываетъ только, что въ Англіи за періодъ времени съ 1875 по 1886 годъ число магазиновъ возросло съ295.000 до 366.000.

Бернштейнъ говоритъ намъ о сотняхъ тысячъ мел-

кихъ предпріятій, которыя и послѣ экспропріаціи крупныхъ будутъ вестись на основѣ частнаго хозяйства. Сколько предпріятій изъ 200.000 мелкихъ предпріятій группы „трактиры и гостиницы" попадутъ дѣйствительно въ зависимость отъ государственнаго хозяйства, если въ собственность государства перейдутъ только 300 наиболѣе крупныхъ, числившихся въ Германіи въ 1895 году, пивоваренъ съ числомъ рабочихъ болѣе 50! Переходъ въ государственную собственность табачнаго производства и торговли нисколько не исключаетъ существованія тысячъ мелкихъ табачныхъ лавочекъ. Это знаетъ каждый ребенокъ въ странѣ, гдѣ существуетъ табачная монополія. Господство крупнаго производства во всѣхъ промышленныхъ отрасляхъ вовсе не является необходимой предпосылкой обобществленія производства.

Намъ остается разсмотрѣть отрасли промышленности, въ которыхъ до извѣстной степени еще сильно мелкое производство: обработка металловъ, кожевенная промышленность, производство пищевыхъ и гастрономическихъ продуктовъ, строительныя работы, перевозка. Страхового дѣла съ его 22.000 лицами мы можемъ и не касаться. Для этихъ группъ имѣются слѣдующія цифры: (см. табл. на стр. 86).

По всѣмъ группамъ въ мелкихъ предпріятіяхъ наблюдается сильное относительное уменьшеніе числа занятыхъ лицъ. Въ обработкѣ металловъ оно является даже абсолютнымъ. Тамъ же мы видимъ еще болѣе значительное уменьшеніе числа предпріятій. Въ то время какъ число лицъ, занятыхъ въ мелкихъ предпріятіяхъ, уменьшилось здѣсь на 1,2% (3.401), количество самихъ мелкихъ предпріятій уменьшилось на 7,6% (11.889). Въ другихъ изъ разсматриваемыхъ группъ число мелкихъ предпріятій абсолютно возросло, но далеко не въ той степени, какъ количество среднихъ и крупныхъ предпріятій. Именно въ строительномъ промыслѣ, считающемся оплотомъ ремесла, относительное уменьшеніе числа мелкихъ предпріятій весьма замѣтно.

Въ перевозочномъ промыслѣ число лицъ, занятыхъ въ мелкомъ производствѣ, относительно велико потому, что крупнѣйшія предпріятія—желѣзныя дороги, телеграфы, почта—исключены изъ промысловой переписи. Вообще общественныя предпріятія, не имѣющія промышленнаго характера, какъ, напримѣръ: коммунальныя предпріятія по водоснабженію, по очисткѣ города, бойни и т. д. не регистрировались; не включались въ подсчетъ,

Промышленныя отрасли.	Изъ 100 лицъ приходилось на предпріятія съ слѣдующимъ числомъ лицъ.			Абсолютное увеличеніе или уменьшеніе численности персонала въ процентахъ съ 1882—1895 г. въ предпріятіяхъ съ:		
	1—5	6—50	болѣе 50	1—5	6—50	болѣе 50
Обработка металловъ 1882	62.8	18,7	18,5	— 1,2	+83,4	+131,3
1895	44,6	24,6	30,8			
Относительное увеличеніе или уменьшеніе . . .	—18,2	+ 5,9	+1,23			
Кожевенная промышленность 1882	62,9	21,3	15,8			
1895	50,6	24,9	24,5	+ 6,2	+54,2	+104.5
Увеличеніе или уменьшеніе.	—12,3	+ 3,6	+ 8,7			
Производство пищевыхъ и гастрономическихъ продуктовъ . . 1882	60,3	19,6	20,1			
1895	51,9	23,9	24,2	+18,0	+67,6	+ 66,0
Увеличеніе или уменьшеніе.	— 8,4	+ 4,3	+ 4,1			
Строительныя работы 1882	46,0	36,1	17,9			
1895	27,0	39.6	33,4	+15,3	+114,6	+264.9
Увеличеніе или уменьшеніе.	— 19,0	+ 3,5	+15,5			
Перевозочный промыселъ 1882	64,1	17,3	18,6			
1895	54,0	18,0	28,0	+10,8	+37,6	+ 97,0
Увеличеніе или уменьшеніе	—10,1	+ 0,7	+ 9,4			

слѣдовательно, наиболѣе крупныя предпріятія данной категоріи. Перевозочный промыселъ обнимаетъ собою не только колоссальныя предпріятія, которыя не вошли въ подсчетъ, но также и многочисленныя карликовыя предпріятія, не имѣющія экономическаго значенія и едва ли заслуживающія названія предпріятій. Изъ 3.945 похоронныхъ бюро 3.674 обходятся безъ наемнаго труда; изъ 10.514 „предпріятій“ посыльныхъ и прислуги—10.200, а изъ 18.737 легковыхъ извозчиковъ и содержателей почтовыхъ станцій—9.532 не имѣютъ наемныхъ служащихъ. Должны ли мы, слѣдовательно, причислить торговокъ фруктами, содержательницъ меблированныхъ комнатъ и парикмахеровъ, а также могильщиковъ, посыльныхъ и кучеровъ къ стотысячной арміи мелкихъ предпріятій, съ угрозой стоящихъ на дорогѣ соціализма?

Только въ производствѣ пищевыхъ и гастрономическихъ продуктовъ, *повидимому*, процвѣтаетъ мелкое производство. Здѣсь наблюдается его абсолютный приростъ, самый значительный между только что разсмотрѣнными отраслями промышленности и—исключительный случай, еще встрѣчающійся только въ группѣ „садоводство“,—крупное производство возрастаетъ медленнѣе средняго.

Но изъ милліона лицъ, относящагося къ этой группѣ, 153.080 приходится на производство табаку. Здѣсь мелкое производство является капиталистически эксплуатируемой домашней промышленностью. Съ другой стороны, въ эту группу входятъ пивовареніе съ 97.682 занятыми лицами и сахаровареніе съ тѣмъ же почти количествомъ лицъ (95.162). Это область господства крупнаго производства. Точно такъ же быстро проникаетъ оно и въ мукомольное дѣло (110.267 занятыхъ лицъ). Мелкое производство господствуетъ только въ булочныхъ и пекарняхъ (261.916 лицъ вмѣстѣ съ кондитерами) и въ мясной торговлѣ (178.873 лица). Но та же причина, благопріятствующая въ двухъ послѣднихъ отрасляхъ господству мелкаго производства,—монопольное ихъ положеніе на тѣсно ограниченномъ мѣстномъ рынкѣ,—порождаетъ такъ много неурядицъ, громко взывающихъ объ устраненіи ихъ путемъ обобществленія, что обѣ твердыни мелкаго производства могутъ стать достояніемъ обобществленія скорѣе другихъ отраслей промышленности, въ которыхъ крупное производство гораздо сильнѣе. Развитіе потребительныхъ обществъ и коммунальной соціальной политики быстро расчиститъ здѣсь почву для обобществленія.

Въ мясной торговлѣ коммунальныя бойни уже прочно укрѣпились, и важнѣйшія функціи здѣсь уже соціализированы. Но даже если бы такого процесса и не происходило, то и тогда бы развитіе крупнаго производства въ мясной торговлѣ и въ хлѣбопеченіи не остановилось. Концентрація капитала и здѣсь становится все болѣе замѣтной. По промысловой переписи оказалось:

	Самостоятельные хозяева.	Наемные рабочіе.	Изъ каждыхъ 100 занятыхъ лицъ приходилось самостоятельныхъ хозяевъ.
Хлѣбопеченіе . . . 1882	74,283	109,047	40,5
1895	84,605	163,982	34,1
Мясная торговля . 1882	60,634	69,997	46,4
1895	69,277	107,394	39,2

Сопоставьте всѣ эти цифры и спросите, имѣлъ ли право Бернштейнъ утверждать, что изображенная Марксомъ картина капиталистической концентраціи не соотвѣтствуетъ дѣйствительности (стр. 47), что она односторонняя, что распространеніе и ростъ крупнаго производства представляетъ лишь одну сторону хозяйственнаго развитія (стр. 60). Если когда-либо теорія находила себѣ блестящее подтвержденіе, такъ это теорія Маркса въ данныхъ германской профессіональной и промысловой переписи. А Бернштейнъ, защищавшій ее съ полнѣйшей убѣжденностью, пока не существовало достаточныхъ данныхъ для ея подтвержденія, усомнился въ ней именно въ тотъ моментъ, когда цифры показали, что эта теорія является точнымъ отраженіемъ дѣйствительности.

Но сельское хозяйство? Не говоритъ ли намъ его развитіе о банкротствѣ теоріи Маркса?

Здѣсь безъ сомнѣнія далеко не все такъ ясно, какъ въ промышленности. Еще въ 1864 г. Марксъ въ привѣтственномъ адресѣ „Интернаціонала“ писалъ, обращаясь

къ рабочимъ: „Раскройте офиціальный отчетъ (Англіи) за 1861 г. и вы найдете, что число земельныхъ собственниковъ въ Англіи и Валлисѣ уменьшилось съ 16.934 въ 1851 г. до 15.066 лицъ въ 1861 г., такъ что концентрація земельной собственности возросла за 10 лѣтъ на 11%. Если объединеніе всей земельной собственности въ рукахъ немногихъ пойдетъ тѣмъ же темпомъ, то благодаря этому, конечно, значительно упростится аграрный вопросъ“.

Но до этого объединенія дѣло однако не дошло. Цѣлый рядъ обстоятельствъ, вновь присоединившихся послѣ того какъ были написаны эти строки, прежде всего заатлантическая конкуренція въ торговлѣ съѣстными припасами и повальное бѣгство сельскохозяйственныхъ рабочихъ, задержали процессъ концентраціи земельной собственности и сельскохозяйственной промышленности. Не упрощается, а все болѣе усложняется аграрный вопросъ и становится самымъ запутаннымъ и труднымъ изъ вопросовъ, которые предстоятъ разрѣшенію соціаль-демократіи.

Но вотъ что, намъ кажется, можно утверждать съ полной увѣренностью. Въ какомъ бы направленіи ни пошло далѣе развитіе аграрныхъ отношеній, сельское населеніе будетъ оказывать все меньшее вліяніе на общее соціальное развитіе, хотя бы потому, что его численность уменьшается относительно, а мѣстами и абсолютно. Этотъ процессъ является неизбѣжнымъ не только для промышленныхъ странъ, производящихъ промышленные продукты на внѣшній рынокъ и обмѣнивающихъ ихъ между прочимъ на пищевые припасы и сырье. Все экономическое развитіе ведетъ къ лишенію сельскаго хозяйства однѣхъ функцій за другими и къ передачѣ ихъ товаро-производящей промышленности, то-есть крупной индустріи. Этотъ процессъ разрушаетъ прежде всего домашнюю крестьянскую промышленность, служащую для собственнаго потребленія: крестьянинъ не прядетъ болѣе своего льна и своей шерсти, не приготовляетъ болѣе домашнихъ напитковъ изъ собственныхъ фруктовъ и т. д. Мѣсто производства для собственнаго потребленія занимаетъ производство на рынокъ, которое въ свою очередь становится дѣломъ отдѣльныхъ промышленныхъ отраслей. Молоко крестьянской коровы сбивается въ масло не дома, а въ молочной; вино выдерживается не въ погребахъ винноградаря, а у винотор-

говца. Наконецъ, индустрія начинаетъ производить или замѣнять сырые матеріалы, бывшіе предметомъ сельскохозяйственнаго производства. Она вытѣсняетъ красящія растенія продуктами каменноугольной смолы. Въ виноделіи и пивовареніи индустрія дала возможность сбереженія винограда и хмеля; она замѣнила требующихъ овса лошадей велосипедами, автомобилями, электрическими желѣзными дорогами и плугами и т. д. И въ самомъ сельскомъ хозяйствѣ все больше распространяются машины, искусственное удобреніе, дренажъ и другія вспомогательныя средства, которыя производитъ промышленность. Часть—и притомъ все большая часть—дѣйствующихъ въ сельскомъ хозяйствѣ силъ, а также производившихся до настоящаго времени сельскимъ хозяйствомъ продуктовъ производится уже промышленностью. Все это должно приводить къ тому, что въ современныхъ странахъ сельскохозяйственное населеніе все болѣе уменьшается.

Въ Германіи этотъ процессъ происходитъ въ такихъ крупныхъ размѣрахъ, что съ точки зрѣнія всего общества совершенно теряетъ значеніе моментовъ, противодѣйствующихъ концентраціи.

Въ Германіи на каждыя 100 участвующихъ въ промысловой дѣятельности лицъ приходилось:

	Самостоятельные.		Рабочіе.	
	1882	1895	1882	1895
Сельское хозяйство	27,78	30,98	72,22	69,02
Промышленность	34,41	24,90	65,59	75,10
Торговля	44,67	36,07	55,33	63,93
Въ среднемъ	32,03	28,94	67,97	71,06

Несмотря на то, что число самостоятельныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ замѣтно возросло, но по отношенію ко

всему населенію оно значительно сократилось, во-первыхъ, вслѣдствіе все растущей концентраціи въ торговлѣ и индустріи, и, во-вторыхъ, вслѣдствіе абсолютнаго уменьшенія сельскохозяйственнаго населенія. Въ 1882 г. сельскохозяйственное населеніе еще составляло 19.225.455 человѣкъ, въ томъ числѣ 8.236.496 лицъ, занятыхъ промысловой дѣятельностью, тогда какъ въ 1895 г. оно составляло 18.501.307 человѣкъ, въ томъ числѣ 8.292.692 занятыхъ промысловой дѣятельностью. Въ то же время все населеніе Имперіи увеличилось съ 45.200.000 до 51.800.000 человѣкъ, а общее число занятыхъ промысловой дѣятельностью съ 19 милліоновъ до 23 милліоновъ. Сельскохозяйственное населеніе въ 1882 году составляло еще 42,5% всего населенія, а въ 1895 г. лишь 35,7%; число же занятыхъ сельскимъ хозяйствомъ въ 1882 г. равнялось 43,4% всего числа занятыхъ промысловой дѣятельностью, а въ 1895 г. только 36,2%.

Кромѣ того цифры, показывающія приростъ въ сельскомъ хозяйствѣ самостоятельныхъ, при болѣе детальномъ разсмотрѣніи оказываются далеко не безупречными. Значилось:

Лица, для которыхъ сельское хозяйство составляетъ главный родъ занятій.	1882	1895	Увеличеніе или уменьшеніе.
Самостоятельные	2.252.531	2.522.539	+270.008
Служащіе	47.465	76.978	+ 29.513
Рабочіе, (всего)	5.763.970	5.445.924	—318.046
Въ томъ числѣ: занятыхъ въ хозяйствѣ членовъ семей	1.934.615	1.898 867	— 35.748
Наемныхъ рабочихъ и работницъ	1.589.088	1.718.885	+129.797
Поденщиковъ съ землей	866.493	382.872	—483.621
» безъ земли	1.373.774	1.445.300	+ 71.534
Итого	8.063.966	8.045.441	— 18.525

Въ этихъ цифрахъ бросается въ глаза громадное уменьшеніе числа поденщиковъ съ землей, сократившагося за 13 лѣтъ болѣе, чѣмъ на половину. Въ дѣйствительности,—съ этимъ должно согласиться и имперское статистическое бюро — уменьшеніе, по крайней мѣрѣ отчасти, является кажущимся и объясняется тѣмъ, что перепись 1895 г. производилась инымъ способомъ, чѣмъ въ 1882 году.

Въ 1882 г. подъ рубрику *a T* заносились поденщики, занимавшіеся въ то же время самостоятельнымъ сельскимъ хозяйствомъ. Но при этомъ „не выяснялось, является ли для нихъ самостоятельное сельское хозяйство главнымъ занятіемъ, а поденщина подсобнымъ, какъ, напр., у гейерлинговъ, или же наоборотъ, главнымъ является поденная работа, а подсобнымъ сельское хозяйство“ (Die beruflige etc. gliederung des deutsches Volkes. Statistik des Deutschen Beichs, N. F., Bd. Ill, s. 58). Напротивъ въ переписи 1895 г. обѣ эти группы были строго разграничены и благодаря этому въ число самостоятельныхъ попали тѣ сельскіе хозяева, которые въ 1882 г. были отнесены въ рубрику поденщиковъ. Поэтому „число самостоятельныхъ въ 1882 г. показано нѣсколько ниже“ (тамъ же стр. 61), но въ связи съ этимъ количество наемныхъ рабочихъ показано слишкомъ высоко. Изъ этого видно, какъ тѣсно соприкасаются въ деревнѣ границы между наемнымъ трудомъ и самостоятельнымъ сельскимъ хозяйствомъ.

Въ настоящее время мы не можемъ судить съ достаточной опредѣленностью о томъ, насколько въ 1882 г. число самостоятельныхъ было преуменьшено, а число рабочихъ преувеличено; разница между данными переписи и дѣйствительностью должна быть значительной, если принять во вниманіе, что съ 1882 по 1895 годъ число батраковъ и поденщиковъ безъ земли возросло, а число поденщиковъ съ землей какъ разъ за то же время такъ сильно упало. Если же причислить въ 1882 г., какъ и въ 1895 г., послѣднихъ къ самостоятельнымъ, мы получимъ для 1882 г. 3.119.024, для 1895 г. только 2.905.411; такимъ образомъ вмѣсто увеличенія въ 270.008 получится уменьшеніе на 213.613. Напротивъ, число сельскихъ рабочихъ и работницъ, не принадлежащихъ къ составу семьи, и поденщиковъ безъ земли въ 1882 г. было 2.962.862, а въ 1895 г.—3.164.185, слѣдовательно, увеличилось на 201.323.

Итакъ, число пролетаріевъ въ собственномъ смыслѣ

слова возросло; напротивъ, число самостоятельныхъ вмѣстѣ съ лежащими между ними и пролетаріатомъ промежуточными слоями упало; при этомъ неясно, происходитъ ли уменьшеніе за счетъ первыхъ или вторыхъ. Во всякомъ случаѣ эти цифры показываютъ, что обостреніе соціальныхъ противорѣчій происходитъ также и въ сельскомъ хозяйствѣ.

Но здѣсь движеніе идетъ медленнѣе, перемѣщеніе менѣе значительно, чѣмъ въ торговлѣ и промышленности.

Если мы обратимся къ статистикѣ предпріятій, то найдемъ лишь незначительное измѣненіе въ отдѣльныхъ хозяйственныхъ группахъ, притомъ различное въ каждой странѣ и даже въ отдѣльныхъ областяхъ одной и той же страны. Площадь сельскохозяйственной обрабатываемой земли измѣнялась слѣдующимъ образомъ:

Въ Германіи съ 1882—1895 г.

Хозяйства по размѣрамъ.

Менѣе	2	гектаровъ	17494	гектара.
съ	2— 5	»	— 95781	»
»	5— 20	»	+563477	»
»	20—100	»	— 38333	»
болѣе	100	»	+ 45533	»

Во Франціи съ 1882—1892 г.

Хозяйства по размѣрамъ.

Менѣе	1	гектара	+243420	гектаровъ.
съ	1— 5	»	—108434	»
»	5—10	»	— 13140	»
»	10—40	»	—532243	»
болѣе	40	»	+197288	»

Въ Англіи съ 1885—1895 г.

Хозяйства по размѣрамъ.

1— 5	акра	(0,40— 2	гектаровъ)	— 22885	акровъ.
5— 20	»	2— 8	»	+ 10880	»
20— 50	»	8— 20	»	+ 40449	»
50-100	»	20— 40	»	+138683	»
100—300	»	40—120	»	+217429	»
300—500	»	120—200	»	—127223	»
болѣе 500	»	болѣе 200	»	—226807	»

Франція, слѣдовательно, представляетъ совершенно иную картину развитія, чѣмъ Англія и Германія. Въ этихъ двухъ государствахъ площадь земли увеличилась

у среднихъ хозяйствъ, во Франціи же у самыхъ мелкихъ, пролетарскихъ, и крупныхъ, капиталистическихъ.

Въ предѣлахъ самой Германіи происходитъ процессъ двоякаго рода: гдѣ господствуетъ крупное хозяйство, тамъ наблюдается тенденція къ его уменьшенію, а гдѣ оно еще ничтожно, тамъ наблюдается обратная тенденція. Первый случай имѣетъ мѣсто на востокъ отъ Эльбы, второй—въ южной и западной Германіи.

Изъ каждыхъ 100 гектаровъ сельскохозяйственно обрабатываемой земли приходится въ отдѣльныхъ государствахъ и частяхъ государства на хозяйства, имѣющія болѣе 100 гектаровъ:

	1882	1895	
Восточная Пруссія	38,60	39,47	+0,87
Западная Пруссія	47,11	43,66	—3,45
Бранденбургъ	36,32	35,24	—1,08
Померанія	57,42	55,13	—2,29
Познань	55,37	52,19	—3,18
Силезія	34,41	33,86	—0,55
Мекленбургъ-Шверинъ . .	59,89	59,95	+0,06
Мекленбургъ-Стрелицъ . .	60,89	60,68	—0,21

За исключеніемъ Восточной Пруссіи и Мекленбургъ-Шверина повсюду происходитъ уменьшеніе крупнаго хозяйства. Напротивъ:

	1882	1895	
Ганноверъ	6,92	7,14	+0,22
Вестфалія	4,77	5,30	+0,53
Гессенъ-Нассау	6,69	7,34	+0,65
Прирейнская область	2,67	3,51	+0,84
Баварія	2,26	2,57	+0,31
Вюртембургъ	2,00	2,14	+0,14
Баденъ	1,80	3,06	+1,26
Эльзасъ и Лотарингія	7,31	7,38	+0,07

Въ этихъ государствахъ или совсѣмъ не произошло измѣненій (Саксонія, Гессенъ), или же они были настолько незначительны, что на основаніи ихъ нѣтъ возможности дѣлать какіе-либо выводы. Заслуживаетъ вниманія, что на югѣ и западѣ всюду происходитъ увеличеніе. Гдѣ преобладаетъ крестьянское хозяйство, тамъ наблюдается, хотя и слабая, тенденція къ поступательному движенію крупнаго хозяйства, и, наоборотъ, гдѣ господствуетъ крупная собственность, тамъ беретъ верхъ тенденція къ уменьшенію обрабатываемой площади. Но это отнюдь не равнозначаще съ уменьшеніемъ хозяйства. Въ Остъ-Эльбіи проявляются теперь

двѣ тенденціи: съ одной стороны, къ интенсификаціи хозяйства, слѣдовательно, къ усиленію въ немъ капиталистическаго характера. Но для интенсивнаго хозяйства многія остъ-эльбскія помѣстья слишкомъ велики; кромѣ того у ихъ владѣльцевъ недостаетъ капиталовъ. Чтобы пріобрѣсти необходимыя деньги и приспособить помѣстья къ новому способу хозяйства, приходится продавать мелкимъ сельскимъ хозяевамъ отдѣльные участки, отдаленные отъ середины помѣстья.

Однако то самое развитіе путей сообщенія, которое открываетъ остъ-эльбское хозяйство конкуренціи болѣе развитыхъ и тѣмъ вынуждаетъ остъ-эльбскихъ помѣщиковъ къ интенсификаціи хозяйства, лишаетъ его необходимѣйшей предпосылки—рабочей силы. Отсюда попытки прикрѣпить рабочихъ къ землѣ устройствомъ рентныхъ имѣній и тому подобныхъ учрежденій. Но тамъ, гдѣ эти попытки не удаются, послѣдствіемъ ихъ бываетъ банкротство крупнаго хозяйства. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ происходитъ раздробленіе крупной земельной собственности. Такимъ образомъ, именно развитіе въ сторону современнаго капиталистическаго хозяйства и есть та сила, которая ведетъ въ Остъ-Эльбіи къ увеличенію числа мелкихъ хозяйствъ и къ сокращенію площади крупныхъ.

Ничто не говоритъ о гибели крупнаго хозяйства, но и не говоритъ о поглощеніи мелкаго. Ни одна группа хозяйствъ не увеличивается рѣшительно и всюду въ своей площади. Обратное движеніе въ одномъ мѣстѣ парализуется движеніемъ впередъ въ другомъ.

Если исходить только изъ статистики земельныхъ площадей, то можетъ казаться, будто сельское хозяйство совсѣмъ не развивается, стоитъ на мѣстѣ. Но въ дѣйствительности оно развивается и какъ разъ въ направленіи все возрастающей зависимости отъ индустріи.

Идеалъ самостоятельнаго мелкаго производителя,—хозяйство крестьянской семьи, самостоятельно производящей для себя все необходимое безъ помощи наемныхъ рабочихъ,—отошелъ въ область преданія. Еще въ началѣ нашего столѣтія эта хозяйственная форма господствовала въ Европѣ; теперь же она исчезла почти безслѣдно.

На мѣсто крестьянина, совмѣщавшаго въ своемъ лицѣ сельскаго хозяина и ремесленника, выступаетъ крестьянинъ исключительно въ роли сельскаго хозяина; и въ

самомъ сельскомъ хозяйствѣ мы наблюдаемъ въ средѣ отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ все возрастающую специализацію въ производствѣ товаровъ на рынокъ. Съ теченіемъ времени крестьянинъ становится все зависимѣе отъ рынка, а слѣдовательно, и отъ общества; его работа все больше становится частью громаднаго общественнаго трудового процесса, какимъ является товарное производство,—процесса, опредѣляемаго индустріей.

На мѣсто крестьянина, работающаго лишь съ помощью своей семьи и только на себя, выступаетъ, съ одной стороны, крестьянинъ, пользующійся наемнымъ трудомъ, съ другой—крестьянинъ—владѣлецъ карликоваго хозяйства, которое является для него лишь подспорьемъ въ бюджетѣ. Этотъ крестьянинъ удовлетворяетъ свою потребность въ деньгахъ продажей своей рабочей силы, являясь наемнымъ рабочимъ въ лѣсномъ и сельскомъ хозяйствѣ, отхожепромышленникомъ, кустаремъ, или, наконецъ, рабочимъ въ одномъ изъ тѣхъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій, которыя все болѣе проникаютъ въ сельскія мѣстности. Такимъ путемъ владѣльцы карликовыхъ хозяйствъ, какъ и хозяйственные мужички, попадаютъ во все усиливающуюся зависимость отъ индустріи. За это говорятъ нижеприведенныя данныя, представляющія среднія цифры для всей имперіи, крупныхъ союзныхъ государствъ и нѣкоторыхъ округовъ. Каждые 100 собственниковъ сельскохозяйственныхъ предпріятій подраздѣлялись по ихъ главному роду занятій слѣдующимъ образомъ:

	Самостоятельное сельское хозяйство.	Наемная работа.			
		Сельское хозяйство.	Промышленность.	Прочіе роды занятій.	Итого.
Германія	44,96	12,90	14,23	3,96	31,09
Пруссія	40,62	16,39	15,82	4,19	36,40
Баварія	64,79	5,19	6,02	2,20	13,41
Саксонія	38,54	4,63	19,34	4,56	28,53
Вюртембергъ . . .	59,53	3,53	7,80	2,32	13,65
Баденъ	59,80	3,69	10,38	3,21	17,28
Гессенъ	44,89	8,79	13,34	4,21	26,34
Эльзасъ и Лотарингія	52,35	6,51	14,59	3,46	24,56

	Самостоятельное сельское хозяйство.	Наемная работа.			
		Сельское хозяйство.	Промышленность.	Прочіе роды занятій.	Итого.
Отдѣльные округа:					
Пров. Магдебургъ.	25,85	22,88	20,73	5,30	48,91
» Мерзебургъ.	29,13	17,73	24,79	4,07	46,59
» Эрфуртъ . .	32,87	11,59	17,32	4,30	32,21
» Гильдесгеймъ	26,08	14,38	22,41	7,65	44,44
» Мюкстеръ .	44,40	5,67	20,51	3,70	29,88
» Арексбергъ.	16,19	3,89	45,43	6,15	55,47
» Дюссельдорфъ	21,11	5,74	31,95	5,14	42,83

Внѣ Пруссіи мы находимъ многочисленныхъ промышленныхъ наемныхъ рабочихъ, владѣющихъ въ то же время сельскохозяйственными предпріятіями, въ Баварскомъ Пфальцѣ (они составляютъ 14,11% всѣхъ владѣльцевъ сельскихъ предпріятій противъ 47,57% самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ и 6,06% сельскохозяйственныхъ рабочихъ); въ Саксоніи въ округѣ Дрездена (22,15% первыхъ на 34.51% вторыхъ и 9,16% третьихъ); въ Вюртембергѣ въ округѣ Неккаръ (8,75% первыхъ на 58.73% и 3,14%); въ Баденѣ въ округѣ Карлсруэ (14,28% на 60,43% и 2,16%), въ Гессенѣ въ провинціи Штаркенбургъ (19,20% на 37,69% и 8,41%). Среди мелкихъ государствъ отличаются перевѣсомъ промышленныхъ рабочихъ, владѣющихъ сельскохозяйственными предпріятіями, надъ самостоятельными сельскими хозяевами:

	Самостоятельные сельскіе хозяева.	Промышленные рабочіе.
Брауншвейгъ	21,77%	25,82%
Ангальтъ	20,07	28,06
Рейсъ	29,34	31,18
Шаумбургъ-Липпе	23,54	30,08
Липпе	31,96	36,36

Теперь ясно, какъ ошибочно считать крестьяниномъ каждаго, владѣющаго сельскохозяйственнымъ предпріятіемъ. Крестьяне не только составляютъ меньшинство сельскохозяйственнаго населенія—въ немъ насчитывалось среди занятыхъ хозяйственной дѣятельностью 31% самостоятельныхъ и 69% наемныхъ рабочихъ,—но не образуютъ даже большинства среди владѣльцевъ сельскохозяйственныхъ предпріятій въ имперіи (самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ только 45%); въ промышленныхъ областяхъ они даже менѣе многочисленны, чѣмъ наемные промышленные рабочіе, являющіеся въ то же время собственниками сельскохозяйственныхъ предпріятій.

Изъ 5.558.317 сельскохозяйственныхъ предпріятій въ 1895 г. только 2.449.130 составляли собственность самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ. Число самостоятельныхъ хозяевъ, имѣвшихъ еще подсобный промыселъ, достигало цифры 504,164. Какое колоссальное преувеличеніе допускаетъ, слѣдовательно, Бернштейнъ, когда онъ говоритъ о тѣхъ „более чѣмъ пяти милліонахъ“ сельскохозяйственныхъ предпріятій „частновладѣльческаго характера“, которыя еще останутся послѣ передачи въ собственность государства всѣхъ предпріятій площадью болѣе 20 гектаровъ. Почти три милліона сельскохозяйственныхъ предпріятій являются только подспорьемъ домашняго хозяйства и не имѣютъ никакого или почти никакого значенія въ товарномъ производствѣ, а слѣдовательно, и въ „частновладѣльческомъ“ хозяйствѣ. Соціализмъ представляетъ организацію общественнаго труда, слѣдовательно, товарнаго производства. Организація труда частнаго домашняго хозяйства не является ближайшей задачей соціализма. Соціализмъ столь же мало разобьется о картофельныя поля и огороды сельскихъ промышленныхъ рабочихъ и сельскохозяйственныхъ рабочихъ, какъ и о „предпріятія“ торговокъ фруктами, парикмахеровъ и продавцовъ жареныхъ каштановъ.

Но не останется ли все еще болѣе двухъ милліоновъ предпріятій, которыя можно назвать крестьянскими? Однако и эти предпріятія, несомнѣнно, попадаютъ во все бо̀льшую зависимость отъ крупнаго производства, хотя эта зависимость иного рода, чѣмъ у крестьянъ, владѣльцевъ карликовыхъ хозяйствъ.

Одно изъ характернѣйшихъ явленій современнаго экономическаго развитія это паденіе земельной ренты,

а часто даже сельскохозяйственной прибыли, доходности сельскаго хозяйства. Тѣмъ необходимѣе сельскохозяйственному предпринимателю пополнять этотъ дефицитъ болѣе доходной промысловой дѣятельностью,— и онъ находитъ ее въ промышленности, въ сельскохозяйственной промышленности, снабжая ее продуктами своего сельскаго хозяйства, какъ сырьемъ.

На ту же дорогу его толкаетъ и другое обстоятельство, — растущая нужда въ рабочихъ рукахъ. Сельское хозяйство уже не въ состоянiи привязать своихъ рабочихъ къ землѣ, такъ какъ промышленность доставляетъ имъ возможность болѣе культурнаго существованiя. Только возникновенiе промышленности можетъ удержать наемныхъ рабочихъ въ деревнѣ.

Совмѣщенiе сельскаго хозяйства съ промышленностью становится, поэтому, все болѣе жизненнымъ вопросомъ для перваго. Крупные земельные собственники первые положили этому починъ, а теперь и болѣе мелкiя хозяйства пытаются, при помощи кооперативныхъ товариществъ, использовать выгоды этой новой формы хозяйства.

Промышленность, какъ болѣе выгодный и болѣе современный способъ производства, является въ этой комбинацiи доминирующимъ факторомъ, сельское же хозяйство попадаетъ во все бо́льшую зависимость отъ нея, а такъ какъ въ сельскохозяйственной промышленности господствуетъ та же самая тенденцiя къ концентрацiи, что и во всякой другой, то такимъ путемъ и сельское хозяйство попадаетъ въ лоно той же тенденцiи.

Конечно, изъ статистическихъ данныхъ о земельной площади мы этого не увидимъ. Не проводя различiя между капиталистически эксплуатируемымъ кустаремъ и самостоятельнымъ ремесленникомъ, работающимъ на заказъ, статистика не даетъ возможности и распознать, является ли крестьянское предпрiятiе еще вполнѣ самостоятельнымъ, или же представляетъ часть крупнаго общественнаго предпрiятiя. Несмотря на это, тенденцiя все растущей зависимости сельскаго хозяйства отъ промышленности проявляется такъ сильно и ясно, что уже не требуетъ никакихъ доказательствъ.

Если, по исключенiи несамостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ, число сельскохозяйственныхъ предпрiятiй, которыя и въ соцiалистическомъ обществѣ будто бы останутся „частновладѣльческими", понижается съ пяти до двухъ миллiоновъ, то это число снова значительно со-

кратится, если мы исключимъ всѣ хозяйства, зависящія отъ промышленности. Если къ государству отойдутъ 400 сахарныхъ заводовъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ окажутся въ полнѣйшей зависимости отъ государственнаго хозяйства и тѣ 113.244 предпріятія, которыя воздѣлываютъ свекловицу. Въ товарищескихъ и сборныхъ молочныхъ участвуютъ 148.082 хозяйства. Сколько производителей молока, овощей, фруктовъ являются нынѣ только вспомогательными рабочими крупныхъ фабрикъ консервовъ и т. д.! Кромѣ того, нельзя игнорировать и тѣхъ сельскохозяйственныхъ предпріятій, которыя не стоятъ въ прямой экономической зависимости отъ даннаго промышленнаго предпріятія, но по своей сущности связаны съ опредѣленной промышленной отраслью. Какъ скоро эта послѣдняя окажется готовой къ обобществленію, первыя, если не юридически, то фактически, должны будутъ за ней послѣдовать. Такъ, въ странахъ съ табачной монополіей, гдѣ однѣ лишь табачныя фабрики представляютъ собой крупныя предпріятія, мелкіе табачные плантаторы не являются „господами въ собственномъ домѣ", а находятся въ полнѣйшемъ подчиненіи у государственныхъ чиновниковъ какъ въ разведеніи, такъ и въ обработкѣ своего продукта. Введеніе табачной монополіи въ Германіи изъяло бы изъ „частнаго хозяйства" въ очень важныхъ правахъ, болѣе 150 тысячъ табачныхъ плантаторовъ.

Ко всему этому присоединяется еще одинъ моментъ. Капиталистическому способу производства свойственна тенденція такимъ образомъ вліять на земельную собственность и сельское хозяйство, что земельный собственникъ и сельскій хозяинъ становятся двумя различными лицами. Это ясно, какъ день, при арендной системѣ, но фактически то же достигается и при ипотечной системѣ. Функціи ипотечнаго кредитора соотвѣтствуютъ функціямъ земельнаго собственника при арендной системѣ; какъ здѣсь, такъ и тамъ онѣ одинаково просты: присвоеніе земельной ренты безъ всякаго вмѣшательства въ процессъ производства. Чѣмъ болѣе развивается арендная система, чѣмъ болѣе увеличивается ипотечная задолженность, тѣмъ многочисленнѣе становятся тѣ сельскіе хозяева, которые не заинтересованы въ сохраненіи частной собственности на землю; напротивъ — по крайней мѣрѣ въ государствѣ, въ которомъ считаются съ ихъ мнѣніемъ — они заинтересованы въ переходѣ къ государству земельной собственности и ипотечныхъ дол-

говъ; это, конечно еще не означаетъ соціализаціи сельскаго хозяйства, но въ демократическомъ государствѣ все же представляетъ важный шагъ къ нему.

Тутъ заслуживаетъ особаго вниманія ростъ арендной системы. Въ Германіи въ 1895 г. насчитывалось сельскохозяйственныхъ предпріятій.

	Съ исключительно арендованной землей.	Съ одной или частью съ арендованной землей.	Съ исключительно собственной землей.
1882	829.137	2.322.899	2.953.445
1895	912.959	2.607.210	2.951.107
Увеличеніе или уменьшеніе.	+ 83.822	+ 284.311	— 2.338
Изъ каждыхъ 100	предпріятій	приходилось	на эти катег.
1882	15,7	44,02	55,98
1895	16,4	46.91	53,09
Увеличеніе или уменьшеніе,	+ 0,7	+ 2,89	— 2,89

Извѣстно, что ипотечная задолженность имѣній возрастаетъ. Во избѣжаніе недоразумѣній слѣдуетъ замѣтить, что задолженность еще не свидѣтельствуетъ съ необходимостью объ упадкѣ сельскаго хозяйства. Такъ же, какъ и повышеніе арендныхъ цѣнъ на землю, она можетъ быть слѣдствіемъ повышенія земельной ренты, сельскохозяйственнаго прогресса. Но ростъ ипотечныхъ долговъ во всякомъ случаѣ доказываетъ, что процессъ отдѣленія сельскаго хозяйства отъ земельной собственности и выдѣленія земельной ренты въ самостоятельную экономическую категорію идетъ быстро впередъ и заинтересованность сельскаго хозяина въ сохраненіи частной земельной собственности все уменьшается. Если въ Пруссіи въ теченіе десятилѣтія (съ 1886 по 1895 г.) задолженность сельскихъ земельныхъ участковъ возрасла

на $1\frac{1}{2}$ миллiарда марокъ, то за тотъ же перiодъ времени земельная собственность фактически перешла въ размѣрѣ той же цѣнности отъ сельскихъ хозяевъ къ ипотечнымъ кредиторамъ.

Одновременно, но только гораздо быстрѣе, чѣмъ концентрацiя земельныхъ участковъ отдѣльныхъ предпрiятiй, происходитъ концентрацiя ипотечныхъ долговъ въ рукахъ нѣкоторыхъ банковъ, сберегательныхъ кассъ и тому подобныхъ учрежденiй.

Этотъ процессъ концентрацiи не подлежитъ никакому сомнѣнiю. Правда, указывалось на то, что ипотечные банки не являются настоящими кредиторами сельскихъ хозяевъ, но только посредниками между ними и отдѣльными капиталистами, прiобрѣтающими закладные листы. Это составляетъ, конечно, большую разницу для капиталистовъ, но не для сельскихъ хозяевъ. Они имѣютъ дѣло съ банкомъ, но не съ владѣльцами закладныхъ листовъ. Банкъ отнимаетъ у нихъ прибавочную цѣнность, продаетъ ихъ имѣнiя съ аукцiона, если они не въ состоянiи уплатить проценты. На мѣсто сложныхъ и безконечно измѣнчивыхъ личныхъ отношенiй сотенъ тысячъ крестьянъ къ сотнямъ тысячъ деревенскихъ ростовщиковъ мы видимъ однообразныя отношенiя первыхъ къ немногимъ бюрократическимъ, централизованнымъ учрежденiямъ, которыя уже теперь находятся подъ влiянiемъ и контролемъ государства и переходъ которыхъ въ государственную собственность въ техническомъ отношенiи весьма легко осуществимъ.

И такъ мы видимъ, что процессъ концентрацiи капитала имѣетъ мѣсто и въ деревнѣ. Безъ сомнѣнiя, ожиданiя Маркса, высказанныя имъ при основанiи „Интернацiонала", не сбылись: не произошло упрощенiя аграрнаго вопроса путемъ концентрацiи всей земельной площади въ немногихъ рукахъ. Все же концентрацiя капитала, превращая мелкихъ крестьянъ въ наемныхъ рабочихъ, вызывая все возрастающее совмѣщенiе сельскаго хозяйства и промышленности, содѣйствуя развитiю арендной системы и росту ипотечныхъ долговъ, которые все больше централизуются въ крупныхъ общественныхъ институтахъ, тѣмъ самымъ способствуетъ прiобщенiю сельскаго хозяйства къ общественному процессу производства.

Конечно, мы никогда не достигнемъ въ сельскомъ хозяйствѣ той простоты и ясности отношенiй, какъ въ промышленности. Множество дiаметрально противо-

положныхъ теченій смѣшиваются тамъ и сталкиваются другъ съ другомъ, классовыя отношенія носятъ неопредѣленный характеръ, особенно, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ арендная система еще мало развита, гдѣ масса предпринимателей, а также и наемныхъ рабочихъ, еще владѣютъ земельной собственностью. Смѣна временъ года часто приноситъ съ собой перемѣну классового положенія: одинъ и тотъ же крестьянинъ сегодня является предпринимателемъ, а завтра будетъ наемнымъ рабочимъ. Если еще присоединить къ этому мѣстную обособленность деревни и, какъ результатъ этого, мѣстныя различія въ экономическомъ положеніи, то станетъ понятно, какъ трудно сельскому пролетаріату проникнуться вполнѣ опредѣленнымъ классовымъ самосознаніемъ.

Мы не скрываемъ отъ себя тѣхъ затрудненій, которыя возникаютъ при агитаціи въ деревнѣ и при выработкѣ для нея теоретическихъ основаній. Но тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что концентрація капитала не остановилась передъ деревней и что она, хотя и окольными путями, дѣйствуетъ въ области сельскаго хозяйства въ томъ же направленіи, какъ и въ промышленности.

Но если ожиданія Маркса относительно концентраціи земельной собственности не вполнѣ оправдались, то тѣмъ полнѣе осуществились ожиданія, высказанныя имъ по отношенію къ совокупности современнаго процесса производства. „Магнаты капитала, узурпирующіе и монополизирующіе", всѣ выгоды капиталистическаго „процесса превращенія", стали уже дѣйствительностью за короткій періодъ времени, прошедшій съ тѣхъ поръ, какъ Марксъ высказалъ эти слова, и все болѣе становятся дѣйствительностью вслѣдствіе завершенія концентраціи капитала въ формѣ картелей и трестовъ.

Это новообразованіе есть продуктъ самаго послѣдняго времени. Попытки монополизировать торговлю, устранить изъ нея конкуренцію путемъ изгнанія конкурентовъ, скупки товаровъ дѣлались уже въ ранней стадіи товарной торговли. Во время реформаціи всѣ жалуются на это. Но исключеніе конкуренціи изъ производства, монополизація цѣлой отрасли промышленности путемъ соединенія всѣхъ предпріятій въ одну организацію, притомъ промышленности не маленькаго города, а громаднаго государства, даже міра, промышленности, производящей не рѣдкіе предметы роскоши, а предметы первой необходимости для широкихъ массъ насе-

ленія,—такая монополизація осуществилась и пріобрѣла экономическое значеніе лишь послѣ смерти Маркса (въ 1883 г.). Съ этого времени она идетъ впередъ такъ быстро, что становится все болѣе господствующимъ факторомъ всей экономической и даже политической жизни капиталистическихъ націй.

О картеляхъ и трестахъ у насъ будетъ еще рѣчь въ главѣ о теоріи кризисовъ, здѣсь же мы ограничимся простымъ констатированіемъ ихъ существованія. Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ финансовая аристократія, она всегда благодаря государственнымъ долгамъ держала въ своемъ подчиненіи правительства. Современные же финансовые короли благодаря картелямъ и трестамъ пріобрѣтаютъ непосредственное господство надъ націями, дѣлаютъ себѣ подвластнымъ производство. Таковы производители угля и желѣза — этихъ главныхъ условій существованія крупной промышленности,—союзы которыхъ все сильнѣе опредѣляютъ внутреннюю политику и всю хозяйственную жизнь. Борьба противъ отдѣльныхъ картелей въ данной отрасли промышленности приводитъ къ возникновенію новыхъ картелей въ зависящихъ отъ нихъ промышленныхъ отрасляхъ. Иногда эта борьба ведетъ къ объединенію разнородныхъ предпріятій въ одно предпріятіе колоссальныхъ размѣровъ. Такъ теперь на нашихъ глазахъ происходитъ въ Германіи борьба между угольнымъ синдикатомъ, взвинчивающимъ вверхъ цѣны на уголь, и желѣзозаводчиками, не желающими платить такихъ цѣнъ. Крупные желѣзодѣлательные и сталелитейные заводы пытаются теперь (когда мы это пишемъ) освободиться отъ власти угольнаго синдиката путемъ покупки собственныхъ копей. Но и желѣзозаводчики по примѣру угольной картели, насколько возможно, повышаютъ цѣны на свой продуктъ. Въ Австріи желѣзодѣлательная картель привела къ подавленію всѣхъ производствъ, потребляющихъ въ значительныхъ размѣрахъ желѣзо. Можетъ быть, такое положеніе вызоветъ, въ концѣ концовъ, объединеніе всѣхъ потребителей желѣза, которые сообща откроютъ свои желѣзодѣлательные заводы. Извѣстно, что такія колоссальныя предпріятія, какъ желѣзныя дороги, уже давно имѣютъ свои собственныя угольныя копи и паровозныя мастерскія.

Объединеніе въ формѣ картелей или трестовъ многихъ однородныхъ предпріятій, съ одной стороны, соединеніе многихъ разнородныхъ предпріятій въ однѣхъ

рукахъ, съ другой—представляются наиболѣе характернымъ явленіемъ для нашей современной экономической жизни. Комбинаціи такого рода все учащаются: почти каждый день промышленнаго подъема приноситъ извѣстіе о новой картели. Сельскохозяйственная промышленность тоже пріобщилась къ этому процессу: къ спиртозаводчикамъ присоединился сахарный синдикатъ; идетъ уже рѣчь о маслобойной картели крупныхъ молочныхъ.

Весь этотъ процессъ, имѣющій за собой не болѣе 20 лѣтъ, сталъ возможенъ только благодаря концентраціи капитала, которую онъ, въ свою очередь, сильно подвигаетъ впередъ. Картели и тресты лучше всего свидѣтельствуютъ о томъ, что Марксова теорія концентраціи справедлива во всемъ ея объемѣ, а не только въ одной своей части, что она даетъ совершенно вѣрную картину капиталистической дѣйствительности. Но Бернштейнъ, не забывшій въ своей критикѣ теоріи концентраціи ни ничтожныхъ огородовъ, ни убогихъ швей, совершенно умалчиваетъ о предпринимательскихъ союзахъ—этомъ важнѣйшемъ послѣ аграрнаго кризиса явленіи современной экономической жизни, происшедшемъ со смерти Маркса—изученіе которыхъ необходимо для каждаго, кто ставитъ себѣ задачей дальнѣйшее развитіе экономическихъ воззрѣній Маркса.

Гдѣ картели говорятъ за Маркса, тамъ Бернштейнъ молчитъ о нихъ. Онъ вспоминаетъ о ихъ существованіи только въ связи съ теоріей кризисовъ, гдѣ, какъ ему кажется, онѣ говорятъ противъ Маркса.

с). Ростъ числа имущихъ.

Бернштейнъ не выдвинулъ никакихъ аргументовъ, которые могли бы заставить насъ отказаться отъ теоріи Маркса о постоянно растущей концентраціи капитала. Промысловая перепись, какъ и появленіе трестовъ и картелей, блестящимъ образомъ подтвердила его положеніе, и сельскохозяйственное развитіе въ этомъ отношеніи не представляетъ исключенія.

Непрерывно же растущая концентрація капитала означаетъ непрерывное сокращеніе (по крайней мѣрѣ относительное) мелкихъ и увеличеніе числа крупныхъ предпринимателей, слѣдовательно, ростъ пролетаріата и—до извѣстнаго предѣла—капиталистовъ; но сокращеніе числа мелкихъ предпринимателей идетъ сильнѣе и,

слѣдовательно, концентрація означаетъ возрастаніе числа неимущихъ, уменьшеніе числа имущихъ.

Такой выводъ Бернштейнъ считаетъ невѣрнымъ. Въ своей запискѣ къ Штуттгартскому партейтагу онъ пишетъ:

„Обостреніе общественныхъ отношеній происходитъ не такъ, какъ изображалось въ „Манифестѣ". Замалчиваніе подобнаго факта не только безполезно, но и является величайшей глупостью. Число имущихъ не уменьшилось, а увеличилось. Огромному росту общественнаго богатства сопутствуетъ не сокращающееся число магнатовъ капитала, но все увеличивающійся ростъ капиталистовъ всѣхъ степеней Средніе слои измѣнили свою физіономію, но не исчезли съ общественной арены".

Эти доводы въ своемъ полемическомъ сочиненіи онъ вновь повторяетъ съ особой язвительностью:

„Совершеннно ошибочно утверждать, что современное развитіе свидѣтельствутъ объ относительномъ или даже абсолютномъ уменьшеніи числа имущихъ. Не „болѣе или менѣе", но только болѣе, то-есть, абсолютно и относительно растетъ число имущихъ. Если бы дѣятельность и успѣхи соціаль-демократовъ опредѣлялись тѣмъ, что число имущихъ уменьшается, то они могли бы дѣйствительно „залечь спать". Но дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ. Не отъ уменьшенія, а отъ увеличенія общественнаго богатства зависятъ успѣхи соціализма. Соціализмъ или соціалистическое движеніе новаго времени изжило уже много суевѣрій. Ему осталось изжить еще одно, въ силу котораго его будущее зависитъ отъ концентраціи собственности и, если угодно, отъ поглощенія прибавочной цѣнности численно все уменьшающейся группой капиталистическихъ колоссовъ" (стр. 50—51).

Далѣе на 178 стр. говорится:

„Число имущихъ увеличивается, а не уменьшается. Это не измышленіе буржуазныхъ экономистовъ, апостоловъ соціальной гармоніи, а факты, подтверждаемые данными податнаго вѣдомства, очень часто къ огорченію тѣхъ лицъ, которыхъ они касаются; факты, неоспоримость которыхъ уже не можетъ быть болѣе поколеблена. Но какое отношеніе имѣютъ эти факты къ побѣдѣ соціализма? Почему осуществленіе соціализма должно зависѣть отъ ихъ признанія или опроверженія? Очень просто: такъ, повидимому, предписываетъ діалектическая схема".

Эти разсужденія кажутся на первый взглядъ ясными. И однако стоитъ только внимательнѣе въ нихъ разобраться, какъ сразу же поражаешься ихъ неясностью. Бернштейнъ говоритъ объ имущихъ. Кто же эти имущіе? Марксъ въ своемъ „Капиталѣ“ не выставлялъ никакой теоріи увеличенія или уменьшенія числа „имущихъ“. Они вообще не составляютъ никакого отдѣльнаго класса. Если каждый, обладающій какой-либо собственностью, является „имущимъ“, то и наемные рабочіе тоже будутъ имущими. Владѣютъ же они платьемъ, бѣльемъ, по большей части мебелью, а иногда домишкомъ или картофельнымъ полемъ.

Ни въ „Капиталѣ“, ни въ „Манифестѣ“ мы не находимъ утвержденія, что число имущихъ уменьшается. Но совершенно опредѣленно говорится о ростѣ числа пролетаріевъ, „класса современныхъ рабочихъ, которые существуютъ до тѣхъ поръ, пока находятъ работу, и до тѣхъ поръ находятъ работу, пока ихъ трудъ увеличиваетъ капиталъ“. Если классовая борьба пролетаріата закончится его побѣдой, то несомнѣнно, завершеніе борьбы будетъ означать наступленіе соціализма.

Но какъ можетъ эта борьба привести къ побѣдѣ, если число пролетаріевъ не растетъ абсолютно и относительно? Разъ Бернштейнъ утверждаетъ, что число имущихъ не уменьшается, а увеличивается, то мы имѣли бы право признать это нѣсколько неопредѣленное выраженіе равнозначащимъ утвержденію, что количество пролетаріата относительно уменьшается. Но откуда въ такомъ случаѣ его увѣренность въ побѣдѣ соціализма? Вспомнимъ слова Бернштейна въ главѣ о матеріалистическомъ пониманіи исторіи, что въ современномъ обществѣ этическіе факты пріобрѣтаютъ больше мѣста для самостоятельнаго своего проявленія, чѣмъ раньше (стр. 11). Отсюда можно было бы заключить, что Бернштейнъ ожидаетъ побѣды соціализма отъ этой самостоятельной, не зависящей отъ экономическихъ условій этики, но не отъ классовой борьбы пролетаріата. Такъ я понималъ Бернштейна и еще болѣе утвердился въ этомъ пониманіи послѣ заявленій Бернштейна (мы выше ихъ приводили) въ Vorwärts'ѣ, гдѣ онъ говорилъ о невозможности и безполезности давать соціализму матеріалистическое обоснованіе и указывалъ намъ на правосознаніе „людей“, какъ на залогъ побѣды соціализма.

„Признавая силу правосознанія движущимъ факторомъ общественнаго развитія“, говоритъ онъ тамъ, „я

тѣмъ самымъ не вижу центра тяжести въ вопросахъ о томъ, увеличивается или уменьшается число имущихъ и т. п., какъ это дѣлаютъ и вообще обязаны дѣлать тѣ, кто принимаетъ положеніе объ „имманентной экономической необходимости“.

Но мое предположеніе, что разъ Бернштейнъ предсказываетъ побѣду соціализма, несмотря на ростъ имущихъ, то онъ ея ожидаетъ отъ правосознанія не только неимущихъ, но также имущихъ, встрѣтило со стороны Бернштейна очень хорошій пріемъ. „Грубое недоразумѣніе“,—вотъ наименьшій упрекъ, брошенный мнѣ Бернштейномъ въ своемъ возраженіи (Vorwärts, 18 апрѣля):

„Какъ бы ни было велико его (Каутскаго) предубѣжденіе противъ моихъ взглядовъ, все же онъ не могъ приписать мнѣ такой нелѣпости, будто я ожидаю побѣды соціализма отъ роста правосознанія нынѣшнихъ имущихъ. Ибо правосознаніе есть не что иное, какъ убѣжденіе, что право на моей сторонѣ.... Я считаю только невозможнымъ и безполезнымъ обосновывать соціализмъ исключительно на экономикѣ. Концентрація средствъ производства еще не можетъ сама по себѣ привести къ соціализму; еще не доказано, что она несоединима съ другими общественными формами. Соціализмъ становится необходимымъ лишь тогда, когда рядомъ съ концентраціей капитала, между прочимъ, выступаетъ сознательное стремленіе неимущаго класса изъять изъ частныхъ рукъ концентрированныя средства производства и стать полноправными членами въ общественномъ руководительствѣ производствомъ“.

Бернштейну, слѣдовательно, нельзя приписывать такой „нелѣпости“, какъ ожиданіе побѣды соціализма отъ развитія правосознанія имущихъ; эта побѣда зависитъ отъ концентраціи средствъ производства и (между прочимъ) отъ сознательнаго стремленія неимущаго класса. Но ставить побѣду соціализма въ зависимость отъ роста „неимущаго“ класса и, слѣдовательно, отъ уменьшенія числа имущихъ, это, по мнѣнію того же Бернштейна, значитъ только слѣдовать „діалектической схемѣ“. Сегодня неимущіе еще слишкомъ слабы, чтобы имѣть возможность осуществить соціализмъ. Но по Бернштейну число имущихъ непрерывно день отъ дня увеличивается. Отъ ихъ правосознанія ничего нельзя ожидать, и все-таки побѣда соціализма несомнѣнна. Откуда? Почему? Это для насъ теперь покрыто мракомъ неизвѣстности болѣе, чѣмъ когда-либо.

Также мало выяснила полемика съ Бернштейномъ, что́ понимаетъ онъ подъ словомъ „имущіе“. Я указывалъ ему на данныя промысловой переписи. Онѣ свидѣтельствуютъ, что въ Германіи изъ общаго числа лицъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, промышленности и торговлѣ, число самостоятельныхъ хозяевъ понизилось съ 32 до 29%; число же наемныхъ рабочихъ и служащихъ, напротивъ, возрасло съ 68 до 71%. Но вѣдь такія цифры во всякомъ случаѣ указываютъ на несомнѣнный ростъ пролетаріата. Бернштейнъ возразилъ на это въ Vorwärts'ѣ отъ 26 марта:

„Несомнѣнно, что въ передовыхъ странахъ ростъ числа наемныхъ рабочихъ въ настоящее время происходитъ быстрѣе, чѣмъ ростъ всего населенія. Но я никогда и не думалъ оспаривать это. Каутскій видитъ въ моемъ сочиненіи то, чего въ немъ вовсе нѣтъ“.

Конечно, моя привычка очень дурна, но я боюсь, что мнѣ будетъ трудно съ ней разстаться, пока мы будемъ находиться въ туманѣ Бернштейновскихъ опредѣленій.

Въ своемъ заявленіи Штуттгартскому партейтагу онъ говоритъ, то объ „имущихъ“, то о „капиталистахъ“. Въ „Vorwärts'ѣ“ (21 апрѣля) онъ поясняетъ, что словомъ „имущіе“ онъ вездѣ обозначалъ людей, получающихъ „благодаря принадлежащей имъ собственности болѣе высокій доходъ“. Слѣдовательно, то должны быть капиталисты и крупные земельные собственники. Что число послѣднихъ увеличивается, этого не говоритъ даже Бернштейнъ. Но что число капиталистовъ возрастаетъ, этого Марксъ и Энгельсъ не отрицали. Этотъ ростъ есть прежде всего самостоятельное слѣдствіе расширенія капиталистическаго способа производства: число крупныхъ промышленныхъ предпріятій (съ числомъ рабочихъ свыше 50-ти) за время съ 1882 до 1895 г. возрасло въ Германіи съ 9974 до 18995, т. е, на 90 проц. Если число капиталистовъ увеличилось въ той же пропорціи, чего во всякомъ случаѣ съ точностью нельзя установить, то оно за 13 лѣтъ почти удвоилось.

Если Бернштейнъ хотѣлъ сказать, что число капиталистовъ, тѣхъ самыхъ, которые „благодаря своей собственности получаютъ болѣе крупный доходъ“, увеличилось, то онъ былъ бы вполнѣ правъ. Но одновременно съ этимъ значительно возрасло пролетарское населеніе и притомъ гораздо сильнѣе, чѣмъ все населеніе страны. Уже изъ одного этого можно заключить — далѣе это

станетъ еще яснѣе—что ростъ числа капиталистовъ долженъ происходить не за счетъ пролетаріата, а за счетъ остальныхъ слоевъ народа, т. е. мелкой буржуазіи и крестьянства.

Коммунистическій манифестъ ничего другого и не утверждалъ. Но въ этомъ именно-и заключается то обостреніе общественныхъ отношеній, которое отрицаетъ Бернштейнъ. Слѣдовательно, онъ не отождествляетъ „имущихъ" просто съ капиталистами. Такъ, на 50 стр. своей книги онъ замѣчаетъ:

„Естественно, не всѣ получающіе болѣе крупный доходъ могутъ быть отнесены къ „имущимъ"; но что въ значительной степени это такъ, видно изъ того, что въ 1895—96 г. въ Пруссіи было обложено дополнительнымъ налогомъ 1.552,332 лица, имѣвшихъ чистаго подлежащаго обложенію имущества цѣнностью свыше 6,000 марокъ. Болѣе половины изъ нихъ, именно, 598,063 *) уплачивали налогъ съ чистаго имущества свыше 20,000 марокъ, а 385 тысячъ съ имущества цѣнностью свыше 32,000 марокъ".

Какъ уже упоминалось, Бернштейнъ указывалъ въ „Vorwärts'ѣ, что подъ „имущими" въ своей книгѣ онъ понималъ „вообще" тѣхъ людей, „которые благодаря своей собственности получаютъ болѣе крупный доходъ". Но никто не станетъ думать, что „благодаря" собственности въ 6,000 мар. и даже въ 32,000 мар. можно получать „болѣе крупный" доходъ. Здѣсь Бернштейнъ уже понимаетъ подъ „имущими" не людей, получающихъ со своей собственности крупный доходъ; здѣсь онъ къ имущимъ причисляетъ, кромѣ капиталистовъ, также и средніе слои, мелкую буржуазію. Онъ говоритъ объ этомъ на стр. 52:

„Если бы рабочій классъ сталъ дожидаться, пока капиталъ уничтожитъ средніе классы, то онъ, дѣйствительно, могъ бы надолго почить глубокимъ сномъ. Капиталъ, экспропріируя эти классы въ одной формѣ, снова призываетъ ихъ къ жизни, измѣняя лишь ихъ физіономію".

На стр. 65 онъ продолжаетъ:

„Скала доходовъ и скала предпріятій обнаруживаетъ при ихъ расчлененіи ясно выраженный параллелизмъ, въ

---

*) Въ статистическія данныя, очевидно, вкралась опечатка, не исправленная въ нѣмецкомъ изданіи. Ибо число 598,063 не составляетъ болѣе половины числа 1.552,332. *Прим. Ред.*

особенности, если принять въ расчетъ среднiе члены. Они, какъ мы видимъ, никогда численно не уменьшаются, но большей частью почти повсюду растутъ. То, что они отдаютъ верхнимъ членамъ, они пополняютъ притокомъ снизу; что-же переходитъ отъ нихъ къ нижнимъ группамъ, то возмѣщается сверху. Если крушенiе современнаго общества зависитъ отъ исчезновенiя среднихъ членовъ между вершиной и основанiемъ соцiальной пирамиды, если оно обусловливается поглощенiемъ этихъ среднихъ членовъ крайними, стоящими или надъ или подъ ними, то это крушенiе въ Англiи, Германiи, Францiи такъ же далеко отъ осуществленiя, какъ въ болѣе раннiя эпохи девятнадцатаго столѣтiя".

Это положенiе вообще находится въ противорѣчiи съ „Коммунистическимъ манифестомъ", который говоритъ: „Общество все болѣе распадается на два громадныхъ враждебныхъ лагеря, на два громадныхъ стоящихъ прямо другъ противъ друга, класса: буржуазiю и пролетарiатъ". Но то же положенiе является несовмѣстимымъ и съ отождествленiемъ имущихъ и капиталистовъ, если одновременно капиталисты и пролетарiи относительно растутъ числомъ. Ибо подобный приростъ можетъ происходить только за счетъ среднихъ членовъ, т. е. путемъ, изображеннымъ въ „Коммунистическомъ манифестѣ".

Господинъ Оппенгеймеръ пытался помочь Бернштейну и заявилъ въ „Sozialistische Monatshefte", что нужно строго разграничивать области производства и распредѣленiя. Число несамостоятельныхъ наемныхъ рабочихъ возрастаетъ, но они все болѣе перестаютъ быть угнетенными неимущими. Такъ будто бы слѣдуетъ понимать слова Бернштейна о возрастанiи числа имущихъ. „Параллелизмъ въ развитiи обѣихъ областей сталъ догмой; а теперь, когда Бернштейнъ на основанiи колоссальнаго статистическаго матерiала выступилъ съ отрицанiемъ этого параллелизма, — что составляетъ центральный пунктъ его теоретической критики въ области экономики,—теперь опять выдвигаютъ противъ него въ видѣ доказательства ту же спорную догму".

Передъ нами теперь третiй варiантъ о возрастанiи числа имущихъ. Самъ Бернштейнъ отождествляетъ имущихъ съ капиталистами; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ своей книги онъ подъ имущими подразумѣваетъ среднiе слои; наконецъ, по Оппенгеймеру инкриминируемое

положеніе означаетъ ростъ благосостоянія наемныхъ рабочихъ. Отождествлять повышеніе заработной платы съ ростомъ имущихъ, — это очень своеобразно. Бернштейнъ однажды заявилъ вполнѣ ясно, что даже не всѣ получающіе болѣе крупный доходъ являются имущими. Однако, это заявленіе еще не даетъ намъ смѣлости утверждать, что нѣкоторыя мѣста въ книгѣ Бернштейна не могутъ быть истолкованы въ смыслѣ Оппенгеймера.

Мы не можемъ рѣшительно остановиться ни на томъ, ни на другомъ толкованіи, такъ какъ увѣрены, что какое бы изъ нихъ мы ни приняли, Бернштейнъ непремѣнно обвинитъ насъ въ грубомъ непониманіи и искаженіи его взглядовъ. Намъ кажется, что Бернштейнъ подъ увеличеніемъ числа имущихъ понималъ въ разныхъ мѣстахъ разное. Это не дѣлаетъ критику его положенія легкой и пріятной. Но тѣмъ не менѣе мы должны этимъ заняться. Оппенгеймеръ имѣлъ полное право заявить, что это положеніе, что бы оно ни означало, „представляетъ центральный пунктъ его теоретической критики въ области экономики“. Именно это положеніе, несмотря на свою неясность, болѣе всего использовали противъ насъ наши противники, и вслѣдствіе этого мы должны выяснить свое отношеніе къ этому пункту.

По заявленію Оппенгеймера, въ основаніи этого положенія лежитъ колоссальный статистическій матеріалъ. Этотъ-то матеріалъ и долженъ послужить основаніемъ нашей критики.

Истинное счастіе, что Бернштейну удалось изложить этотъ „колоссальный матеріалъ“ на двухъ неполныхъ печатныхъ страницахъ. Тамъ мы находимъ цифры прусскаго дополнительнаго налога, которыхъ мы разъ уже касались. Это единственныя данныя, какъ соглашается и самъ Бернштейнъ, имѣющія значеніе переписи имущихъ. Но эти цифры представлены только за одинъ годъ и поэтому на основаніи ихъ совершенно невозможно получить отвѣтъ, увеличивается или уменьшается число имущихъ. Дополнительный налогъ введенъ еще слишкомъ недавно, чтобы мы имѣли право выводить опредѣленныя заключенія изъ сравненія данныхъ за различные годы.

Для Бернштейна же и абсолютныя числа уже имѣютъ большую цѣнность. „Итоги росписи къ прусскому дополнительному налогу за 1895 г. наполняютъ его чувствомъ удовлетворенія, ибо они говорятъ ему о боль-

шомъ числѣ имущихъ. Другіе же, весьма буржуазно мыслящіе люди, гораздо меньше восторгаются ими.

„Итоги росписи къ прусскому дополнительному налогу (1895 г.)", пишетъ Геркнеръ (Arbeiterfrage 2 изд. 9 стр.), не даютъ радостной картины распредѣленія имуществъ, какъ показываетъ слѣдующая таблица:

Имущества, за исключеніемъ движимости. Марокъ.	Плательщики налога.		Общая сумма имуществъ.	
	Въ абсолютныхъ числахъ.	Въ %%	Въ абсолютныхъ числахъ.	Въ %%
отъ 6.000 до 20.000	563.370	48,89	2.978.304	9,50
» 20.000 » 32.000	203.834	17,69	2.214,248	7,13
» 32.000 » 52.000	162.262	14,08	3.286.804	10,59
» 52.000 » 100.000	122.683	10,65	4.279.289	13,78
» 100.000 » 200.000	57.179	4,96	3.993.809	12,86
» 200.000 » 500.000	29.373	2,55	4.500.373	14,50
» 500.000 » 1.000.000	8.375	0,73	2.279.304	9,60
» 1.000.000 » 2.000.000	3.429	0,30	2.453.064	7,90
Болѣе 2.000.000	1.827	0,16	4.360.638	14,05

„Нельзя считать нормальнымъ такое распредѣленіе имуществъ, когда двѣ высшія, охватывающія милліонеровъ, группы, численностью въ 5.256 человѣкъ, имѣютъ вмѣстѣ имущества на 1,621 милліоновъ марокъ больше, чѣмъ двѣ низшія группы, взятыя вмѣстѣ, хотя послѣднія заключаютъ въ себѣ 767,204 плательщиковъ. И однако эти цифры обнаруживаютъ лишь неравномѣрность въ распредѣленіи имущества среди владѣющихъ классовъ. Не только

съ соціальной точки зрѣнія, но и съ точки зрѣнія экономическаго прогресса такое распредѣленіе доходовъ вызываетъ тяжелыя опасенія",—только не у Бернштейна. Вѣдь на то онъ не буржуазный экономистъ, а соціаль-демократъ и марксистъ.

Другая часть „колоссальнаго статистическаго матеріала", на основаніи котораго долженъ быть доказанъ ростъ числа имущихъ, не содержитъ въ себѣ статистики имуществъ и собственности, но просто статистику подоходнаго налога.

Доходъ и доходъ съ собственности не являются неизбѣжно однимъ и тѣмъ же. Если теперь три четверти дохода свыше 3,000 марокъ получаются съ собственности, а спустя 30 лѣтъ три четверти этого дохода будутъ уже представлять заработокъ труда, то при прежней высотѣ дохода статистика подоходнаго налога совершенно не обнаружитъ происшедшаго въ общественныхъ отношеніяхъ переворота. Она намъ не отвѣчаетъ на вопросъ увеличивается или уменьшается число имущихъ.

Эта статистика можетъ даже обнаруживать повышеніе доходовъ, хотя бы этого не было въ дѣйствительности. Остановимся опять на нашемъ примѣрѣ. Въ теченіе 30 лѣтъ размѣръ доходовъ остался прежній, но ихъ характеръ измѣнился. Тридцать лѣтъ тому назадъ три четверти получались съ собственности, а четверть приходилась на заработную плату и жалованіе. Теперь же отношеніе обратное. Но доходъ въ видѣ жалованія можно опредѣлить съ большей точностью, чѣмъ доходъ съ коммерческаго предпріятія. Если тридцать лѣтъ тому назадъ четверть доходовъ опредѣлялась вѣрно, а относительно трехъ четвертей доходъ вообще показывался меньше дѣйствительнаго на 30%, то теперь также, ceteris paribus, должно наступить обратное отношеніе. Подоходный налогъ въ этомъ случаѣ можетъ показать увеличеніе доходовъ, хотя въ дѣйствительности этого нѣтъ и здѣсь только сказывается результатъ уменьшенія капиталистическихъ доходовъ.

У насъ нѣтъ совершенно научно поставленной подоходной статистики. Наша статистика пріурочена къ цѣлямъ податного обложенія. Она отвѣчаетъ не научнымъ интересамъ, а интересамъ фиска, и ея выводы искажаются въ зависимости отъ матеріальныхъ интересовъ. Вслѣдствіе этого данными статистики подоходнаго налога можно пользоваться при изслѣдованіи

движенія доходовъ только съ величайшей осторожностью, и эти данныя имѣютъ исключительно симптоматическое значеніе. Они не даютъ какихъ-либо выводовъ относительно распредѣленія собственности. Врядъ ли кто-либо другой, кромѣ Бернштейна, пользовался статистикой подоходнаго налога въ этихъ цѣляхъ. Ею пользуются для доказательства роста благосостоянія, но совершенно невозможно на ея основаніи дѣлать выводы объ измѣненіяхъ, происшедшихъ въ числѣ имущихъ.

Итакъ, во всемъ колоссальномъ статистическомъ матеріалѣ нѣтъ ни одной единственной цифры, которая подтверждала бы положеніе о ростѣ числа имущихъ. Все-таки мы займемся этимъ матеріаломъ.

Мы можемъ совсѣмъ не касаться цифръ доходовъ во Франціи. Для нея представлены только абсолютныя, а не относительныя числа, которыя, слѣдовательно, не могутъ дать указаній, происходитъ ли увеличеніе или уменьшеніе числа имущихъ. Нѣтъ и свѣдѣній, къ какому году относятся эти данныя, а также неизвѣстно, на основаніи какихъ матеріаловъ они получены. Извѣстно, что во Франціи не существуетъ подоходнаго налога. Леруа Болье поэтому отказался, отъ вычисленія французскихъ доходовъ; онъ пытался составить картину распредѣленія народнаго дохода, на основаніи данныхъ о земельной собственности, о городскихъ квартирныхъ платахъ и данныхъ похоронныхъ кассъ. (Essai sur la rèpartition des richesses. Стр. 499).

Если Бернштейнъ очень увѣренно намъ заявляетъ, будто во Франціи насчитывается 1.700.000 семей со среднимъ доходомъ въ 5.200 франковъ, то мы, разумѣется, не должны удовлетвориться одной его ссылкой „на Мюлльгалля", а потребовать болѣе вѣскихъ данныхъ. Очевидно, рѣчь идетъ лишь о приблизительной оцѣнкѣ.

Перейдемъ теперь къ Саксоніи. Изъ колоссальнаго статистическаго матеріала о Саксоніи дѣлается лишь незначительное употребленіе: „Съ 1879 по 1890 г. число доходовъ отъ 1.600 до 3.300 марокъ возрасло тамъ съ 62.140 до 91.124, а число доходовъ отъ 3.300 до 9.600 марокъ увеличилось съ 24.414 до 38.841". Это все, кромѣ указанія въ подстрочномъ примѣчаніи, что „въ Саксоніи съ 1879 по 1892 годъ число лицъ съ доходомъ отъ 800 до 3.300 марокъ (лучше оплачиваемые рабочіе и мелкая буржуазія) увеличилось съ 227.839 до 439.948, т. е. увеличилось съ 20,94% до 30,48% всѣхъ плательщиковъ".

Но мы ничего не узнаемъ о движеніи другихъ доходовъ. Слѣдовательно, и данныя о Саксоніи не позволяютъ намъ дѣлать какія-либо сравненія.

Мы хотимъ пополнить пробѣлы, допущенные Бернштейномъ. Если мы вмѣсто данныхъ за 1890 годъ возьмемъ данныя за 1894 г. (они имѣются уже въ таблицѣ въ вышеупомянутой книгѣ Геркнера), то отъ этого дѣло нисколько не должно измѣниться.

По этой таблицѣ въ Саксонскомъ королевствѣ значилось подлежащихъ обложенію физическихъ лицъ:

СЪ ДОХОДОМЪ.	1879 г.	1894 г.	УВЕЛИЧЕНІЕ.	
			Въ абсолютныхъ числахъ.	Въ %
до 800 мар.	828.686	972.257	143.571	17,3
отъ 800 » 1.600 »	165.362	357.974	192.612	116,4
» 1.600 » 3.300 »	61.810	106.136	44.326	71,6
» 3.300 » 9.600 »	24.072	41.890	17.818	74,0
» 9.600 » 54.000 »	4.683	10.518	5.835	154,4
Болѣе 54.000 »	238	886	648	272,0

Если обратимся къ абсолютному приросту, то мы увидимъ, что число плательщиковъ съ доходомъ ниже 800 марокъ увеличилось на 143.571, число же получающихъ свыше 3.300 марокъ дохода только на 24.291. Но такъ какъ лица, получающія менѣе 800 марокъ дохода, обладаютъ сомнительнымъ преимуществомъ составлять три четверти всего числа плательщиковъ, напротивъ же лица, съ доходомъ свыше 3.300, составляютъ двадцатую часть, то увеличеніе числа первыхъ, выраженное въ процентахъ, окажется гораздо менѣе значительнымъ, чѣмъ послѣднихъ. Переходя же къ относи-

тельнымъ числамъ, мы увидимъ, что число лицъ, съ доходомъ ниже 800 марокъ, растетъ всего медленнѣе; но къ нимъ примыкаютъ какъ разъ тѣ группы, на увеличеніи которыхъ особенно настаивалъ одинъ только Бернштейнъ. Послѣ первой группы доходовъ онѣ растутъ всего медленнѣе. Такъ группа съ доходомъ отъ 1.600 до 3.300 марокъ возрасла только на 71,7%, отъ 3.300 до 9.600 марокъ на 74%. Всего быстрѣе растетъ группа со среднимъ пролетарскимъ доходомъ отъ 860 до 1.600 марокъ, именно, на 116,4%. Въ ней въ свою очередь число лицъ, съ болѣе низкимъ доходомъ,—отъ 800 до 950 марокъ,—опять-таки растетъ быстрѣе: на 133,5%, между тѣмъ какъ число получающихъ отъ 1.400 до 1.600 мар. дохода увеличилось только на 79,5%. Еще быстрѣе ростъ группы съ колоссальнымъ доходомъ выше 54.000 марокъ: онъ достигаетъ 272%. „Слѣдовательно, можно сказать, что современное распредѣленіе доходовъ относительно наиболѣе укрѣпляетъ слой средняго рабочаго класса и группу милліонеровъ“ (Геркнеръ).

Если бы Бернштейнъ хотѣлъ только сказать, что ростъ наемныхъ рабочихъ не совпадаетъ съ ростомъ бѣдноты, что пролетаризація народныхъ массъ не вызываетъ непремѣнно ихъ пауперизаціи, то онъ имѣлъ бы право ссылаться на эти цифры, но въ такомъ случаѣ онѣ очень мало говорили бы противъ теоріи Маркса. (Мы еще вернемся къ этому при обсужденіи теоріи обнищанія).

Теорія Маркса только утверждаетъ, что всего быстрѣе растетъ число наемныхъ рабочихъ и крупныхъ буржуа, промежуточные же слои относительно сокращаются. Если возможно вообще дѣлать какія-либо заключенія на основаніи статистики подоходнаго налога, то данныя саксонской статистики говорятъ то-же самое.

Если заявленіе Бернштейна о ростѣ имущихъ не представляетъ собой своеобразной формы утвержденія, что денежная заработная плата возрастаетъ, если оно равнозначитъ утвержденію, что число имущихъ средней зажиточности растетъ быстрѣе числа наемныхъ рабочихъ и крупныхъ капиталистовъ, что, слѣдовательно, соціальныя противорѣчія не обостряются, а смягчаются,— въ такомъ случаѣ саксонскія данныя не даютъ ему никакихъ основаній для выводовъ подобнаго рода.

Однако, у Бернштейна имѣются еще два доказатель-

ства: прусская и англійская статистика. Имъ придаетъ онъ главное значеніе. Эти данныя должны обладать неотразимой силой.

„Въ Пруссіи, какъ извѣстно читавшимъ Лассаля, въ 1854 г. при населеніи въ 16,3 милліона только 44.407 лицъ обладали доходомъ свыше 1.000 талеровъ, а въ 1894—95 году при населеніи въ 33 милліона 321296 лицъ уплачивали налогъ съ дохода свыше 3.000 марокъ. Въ 1897—98 г. число это повысилось до 347.328 лицъ. Въ то время какъ все населеніе удвоилось, слой болѣе обезпеченныхъ лицъ увеличился больше, чѣмъ въ семь разъ. Если даже принять во вниманіе, что присоединенныя въ 1866 г. провинціи дали несравненно болѣе высокую цифру благосостоянія, чѣмъ коренная Пруссія, и что за этотъ періодъ времени цѣны на многіе съѣстные припасы значительно повысились, — то все-же ростъ болѣе обезпеченныхъ классовъ въ отношеніи ко всему населенію по меньшей мѣрѣ значительно превысилъ отношеніе 2 : 1. Возьмемъ болѣе поздній періодъ времени и мы увидимъ, что за 14 лѣтъ, съ 1876 по 1890 г., при общемъ увеличеніи числа плательщиковъ налога на 20,56% въ группѣ доходовъ отъ 2.000 до 20.000 мар. (зажиточная и мелкая буржуазія) число плательщиковъ налога возрасло съ 442.534 до 582.024. т. е. на 31,52%. Группа имущихъ въ полномъ смыслѣ слова (6000 марокъ дохода и выше) въ то же самое время увеличилась съ 66.319 до 109.095 лицъ, т. е. на 58,47%. Пять шестыхъ этого прироста, именно 33.226 изъ 38.776, приходятся на средній слой съ доходомъ отъ 6.000 до 20.000 марокъ“.

Эти данныя, обладающія на первый взглядъ большой убѣдительностью, при подробномъ изслѣдованіи теряютъ свою неотразимость. Прежде всего поражаетъ сравненіе старой Пруссіи 1854 г. съ новой 1894 года. Съ того времени Пруссія не только увеличилась вслѣдствіе присоединенія богатыхъ провинцій, какъ это признаетъ и самъ Бернштейнъ, но и стала господствующимъ въ Германской Имперіи государствомъ. Главный городъ Пруссіи, насчитывавшій въ 1854 г. 17 милліоновъ жителей, сталъ столицей громаднаго государства, число жителей котораго въ 1894 г. достигало 51 милліона, слѣдовательно въ 3 раза превосходило населеніе Пруссіи въ 1854 г. Населеніе Берлина немногимъ болѣе 400 тысячъ жителей въ 1854 г. съ тѣхъ поръ увеличилось въ 4 раза, и Берлинъ пріобрѣлъ притягательную силу для крупнѣйшихъ доходовъ не только Пруссіи, но и всей импе-

ріи. Слѣдовательно, рядъ факторовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ относительнымъ увеличеніемъ числа имущихъ, обусловливаемымъ капиталистическимъ развитіемъ, благопріятствовалъ росту подоходнаго налога. Уже одно это лишаетъ всякаго значенія сравненіе данныхъ за 1854 и 1894 гг.

Къ этому присоединяется еще одно рѣшающее обстоятельство. Статистика подоходнаго налога въ 1894 г. велась на основаніи совсѣмъ другого закона, чѣмъ въ 1854 г. Укажемъ только два пункта различія. По закону 1851 г. облагались подоходнымъ налогомъ только физическія лица. По закону же 1891 г. обложенію сверхъ того подлежатъ еще и торгово-промышленныя общества (акціонерныя компаніи, потребительныя общества). По первому закону опредѣленіе размѣра доходовъ производилось комиссіей, члены которой выбирались представительствомъ округа или города, и которая должна была воздерживаться отъ слишкомъ „стѣснительнаго вторженія" въ область доходовъ плательщика. По новому закону владѣлецъ самъ обязанъ давать свѣдѣнія о своихъ доходахъ, при чемъ за невѣрныя показанія установлены большіе штрафы и облегченъ контроль надъ доставляемыми свѣдѣніями. Въ виду этихъ и нѣкоторыхъ другихъ измѣненій Пьерсторфъ пишетъ (въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften", 1-ый дополнительный томъ, стр. 280): „Основательное ознакомленіе съ существующимъ распредѣленіемъ доходовъ въ Пруссіи стало возможнымъ только съ введеніемъ новаго закона 24 іюня 1891 года о подоходномъ налогѣ. Результаты прежнихъ классоваго и подоходнаго налоговъ представляютъ очень сомнительную цѣнность для изученія распредѣленія доходовъ, ибо они основывались исключительно на оцѣнкѣ третьихъ лицъ."

Такимъ образомъ, сравненіе результатовъ 1854 и 1894 г. не представляетъ никакой цѣнности въ научномъ отношеніи. Но Бернштейнъ приводитъ для Пруссіи еще другія данныя за 1876 и 1890 гг. Объ этихъ данныхъ можно сказать то же самое, что и о данныхъ за 1854 годъ, то-есть, что они очень сомнительны.[1] Къ тому же Бернштейнъ не приводитъ ихъ полностью. Онъ заимствуетъ ихъ изъ таблицы, составленной Зётберомъ и напечатанной въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften". Согласно этой таблицѣ насчитывалось:

Группы доходовъ.	Число плательщиковъ налога. Безъ семьи. Лица.	Безъ семьи. %%	Съ семьей. Лица.	Съ семьей. %%	Доходы. Сумма доходовъ въ милліонахъ марокъ.	Доходы. %%
Въ 1876 году.						
до 525 марокъ.	3.311.752	39,11	6.369.856	25,65	1.324,7	16,86
отъ 525 » 2.000 »	4.704.757	55,57	16.840.444	67,82	4.354,4	55,42
» 2.000 » 20.000 »	442.534	5,22	1.593.244	6,41	1.879,1	22,64
Болѣе 20.000 »	8.033	0,10	29.240	0,12	398,8	5,08
Въ 1890 году.						
до 525 марокъ.	4.094.428	40,11	8.383.359	28,62	1.647,4	16,58
отъ 525 » 2.000 »	5.517.828	54,05	18.562.145	63,81	5.119,7	51,53
» 2.000 » 20.000 »	582.053	5,71	2.095.348	7,21	2.475,2	24,96
Болѣе 20.000 »	13.583	0,13	47.081	0,16	693,8	6,98

Изъ этихъ, представленныхъ во всей полнотѣ, данныхъ получается иная картина, чѣмъ изъ частичныхъ

выписокъ у Бернштейна. Даже если мы присчитаемъ всѣхъ плательщиковъ налога съ доходомъ свыше 2000 марокъ къ имущимъ, то число ихъ увеличится только на 145 тысячъ. Между тѣмъ одновременно число лицъ съ доходомъ ниже 2000 мар. возрасло съ лишнимъ въ десять разъ, именно на 1600000. Правда, число лицъ съ доходомъ отъ 2000 до 20.000 марокъ увеличилось на 31,52%, тогда какъ общее число плательщиковъ налога только на 20,56%. Но именно самая бѣдная группа съ доходомъ ниже 525 марокъ возрасла на 23,6%,—быстрѣе общаго числа плательщиковъ. Этотъ ростъ окажется еще ощутительнѣе, если мы примемъ во вниманіе не только однихъ плательщиковъ налога, но также и членовъ ихъ семей. Въ то время какъ все населеніе Пруссіи съ 1876 до 1890 г. увеличилось съ 24.832.784 до 29.087.933 т. е., на 17,1%, число же плательщиковъ налога, съ доходомъ ниже 525 мар. считая и членовъ семей, возрасло съ 6.369.856 до 8.383.359 т. е. на *31,6*%. При этомъ средняя цифра доходовъ въ этой группѣ понизилась съ 208 до 197 марокъ. И это Бернштейнъ называетъ ростомъ числа имущихъ, смягченіемъ соціальныхъ противорѣчій, настолько очевиднымъ, что всякая попытка скрыть его отъ себя была бы нелѣпостью.

Авторъ, у котораго Бернштейнъ заимствовалъ свои данныя, далеко не такъ оптимистически смотритъ на нихъ. Мы читаемъ тамъ: „Зётберъ долженъ самъ согласиться, что результаты его изслѣдованій даютъ основаніе признать все усиливающуюся неравномѣрность въ распредѣленіи доходовъ; ибо низшія и высшія по доходу группы увеличиваются числомъ, среднія цыфры дохода для низшихъ группъ падаютъ, для высшихъ подымаются“. Далѣе читаемъ: „Но онъ самъ не признаетъ правильности подобнаго вывода, ибо оцѣнка доходовъ группъ, изъятыхъ отъ обложенія, дѣлается снисходительнѣе, высшихъ же строже, да и прогрессъ народнаго хозяйства можетъ проявиться не иначе, какъ въ постепенномъ переходѣ плательщиковъ изъ низшихъ группъ обложенія въ высшія“. Другими словами, Зётберъ на основаніи данныхъ прусской подоходной статистики приходитъ къ совсѣмъ противоположному выводу, чѣмъ Бернштейнъ. Несмотря на это Бернштейнъ настаиваетъ на справедливости либеральныхъ взглядовъ о происходящемъ смягченіи соціальныхъ противорѣчій, какъ изъ теоретическихъ соображеній, которыхъ мы здѣсь

совсѣмъ не касаемся, такъ и потому, что оцѣнка была ненадежной. Но послѣдній доводъ въ лучшемъ случаѣ свидѣтельствуетъ только о томъ, что данныя Зётбера ничего не доказываютъ противъ утвержденій Бернштейна. Бернштейну осталось путемъ искусственнаго изолированія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ данныхъ изъ таблицы Зётбера добыть блестящее подтвержденіе для своего положенія.

Мы также думаемъ, что таблица Зётбера ничего не доказываетъ. Она содержитъ въ себѣ данныя почти за тотъ же періодъ времени, какъ и вышеупомянутая таблица для Саксоніи, но обнаруживаетъ совсѣмъ другую тенденцію развитія. Въ Саксоніи мы наблюдаемъ уменьшеніе пауперизма и количественное увеличеніе пролетаріата съ болѣе высокой заработной платой. Это происходитъ, съ одной стороны, за счетъ бѣдняковъ, а съ другой за счетъ имущихъ низшей группы. Въ Пруссіи за тотъ же періодъ времени наблюдается относительное уменьшеніе лучше оплачиваемаго слоя пролетаріата (абсолютный приростъ 1.722.000), но за то также ростъ имущаго населенія и низшихъ слоевъ пролетаріата.

Нельзя допустить, чтобы въ Саксоніи и Пруссіи въ одно и то же время происходили столь противоположные процессы развитія. Вѣрнѣе всего, что по крайней мѣрѣ прусскія данныя не даютъ основанія для какихъ бы то ни было выводовъ, что въ виду существовавшихъ до 1891 г. пріемовъ податной оцѣнки можно было предвидѣть заранѣе.

Отъ колоссальнаго статистическаго матеріала, который намъ представилъ Бернштейнъ, остается теперь только Англія.

Предположимъ, что англійскія данныя обнаруживаютъ ростъ числа имущихъ (хотя съ этимъ нельзя согласиться). Однако это частное явленіе еще намъ не говоритъ ничего объ общемъ законѣ капиталистическаго способа производства, такъ какъ, повидимому, промышленное развитіе Англіи перестало быть типомъ капиталистическаго индустріализма.

Несомнѣнно одно: было бы смѣшно возводить въ законъ капиталистическаго способа производства возрастаніе числа имущихъ только на основаніи роста доходовъ и имуществъ, происходящихъ въ мѣстѣ ихъ жительства. Навѣрно въ Монте-Карло или въ бер-

линскомъ Тиргартенѣ*) ростъ числа имущихъ превосходитъ ростъ всего населенія, но развѣ это что-либо доказываетъ? Чтобы открыть законъ способа производства, нужно изучать все поле дѣйствія, а не одну только его часть.

Между тѣмъ Англія все болѣе пріобрѣтаетъ характеръ міроваго Тиргартена. Съ одной стороны, все возрастаютъ ея колоніальныя владѣнія, увеличивается число англійскихъ чиновниковъ и разныхъ авантюристовъ, которыя, наживаясь въ колоніяхъ, проживаютъ свои состоянія все же въ Англіи. Съ другой стороны, происходитъ еще болѣе быстрый ростъ промышленныхъ предпріятій, основанныхъ на англійскіе капиталы за границей,—банковъ, торговыхъ домовъ, фабрикъ, желѣзныхъ дорогъ,—управляющіе и акціонеры которыхъ, живя въ Англіи, получаютъ и проживаютъ тамъ всю прибавочную цѣнность, производимую внѣ Англіи. Не менѣе быстро увеличивается задолженность иностранныхъ государствъ передъ англійскими капиталистами.

„Одна Индія",—замѣтилъ Марксъ уже пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ,—„платитъ 5 милліоновъ (фунт. стер.) дани за „хорошее управленіе", проценты и дивиденты на англійскіе капиталы и т. д.; при чемъ сюда еще не входятъ суммы, отсылаемыя ежегодно на родину отчасти чиновниками, отправляющими сбереженія изъ своего жалованія, отчасти англійскими купцами, желающими помѣстить часть своей прибыли въ Англіи. Поэтому каждой англійской колоніи приходится постоянно платить по переводамъ крупныя суммы. Большинство банковъ въ Австраліи, Вестъ-Индіи и Канадѣ основаны на англійскіе капиталы и Англія получаетъ ихъ дивиденты. Англія же получаетъ проценты съ разныхъ европейскихъ, сѣверо и южно-американскихъ государственныхъ бумагъ, которыми она владѣетъ. Къ этому нужно прибавить ея участіе въ разныхъ иностранныхъ предпріятіяхъ: желѣзныхъ дорогахъ, рудникахъ, каналахъ и т. д., за что она получаетъ тоже соотвѣтствующій доходъ... А съ другой стороны почти совершенно прекратился отливъ денежныхъ суммъ за границу для владѣльцевъ англійскихъ цѣнныхъ бумагъ, а также и для англичанъ, живущихъ за границей" („Kapital" III. 2. Стр. 130).

За промежутокъ времени, прошедшій съ тѣхъ поръ,

*) Кварталъ Берлина, гдѣ живетъ крупная буржуазія. Ред.

какъ написаны эти строки, процессъ еще болѣе пошелъ впередъ въ томъ же направленіи. Населеніе Великобританіи и Ирландіи въ 1871 г. достигало 31.800.000, въ 1891 г. оно возрасло до 37.700.000,—слѣдовательно увеличилось на неполныхъ 20%; населеніе же Британскихъ колоній за то же время увеличилось съ 200 до 300 слишкомъ милліоновъ человѣкъ, слѣдовательно, болѣе чѣмъ на 50%. Еще быстрѣе расширяется область приложенія англійскихъ капиталовъ. Мюльгалль считалъ въ 1882 г. сумму англійскихъ капиталовъ, помѣщенныхъ за границей, въ 22 милліарда марокъ; теперь же Бернштейнъ самъ называетъ уже сумму въ 43 милліарда. Суммы, вложенныя въ англійскія акціонерныя общества, онъ опредѣляетъ въ 22 милліона. Если эти цифры вѣрны, то, слѣдовательно, за 15 лѣтъ сумма англійскихъ капиталовъ за границей удвоилась. Во всякомъ случаѣ область приложенія англійскихъ капиталовъ (по количеству населенія) возрастаетъ несравненно быстрѣе, чѣмъ британское населеніе. Если бы Бернштейнъ хотѣлъ вывести изъ англійскихъ статистическихъ данныхъ законъ о ростѣ числа имущихъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ, то онъ былъ бы обязанъ сравнить этотъ ростъ съ увеличеніемъ пролетаріата не только въ Англіи, но также и во всѣхъ областяхъ приложенія англійскихъ капиталовъ.

Но конечно эту задачу нельзя разрѣшить при помощи приведеннаго имъ статистическаго матеріала.

Между тѣмъ и сопоставленіе роста имущихъ съ ростомъ всего населенія Англіи было бы не лишено значенія. Если бы при этомъ обнаружился болѣе быстрый ростъ имущихъ, то это отнюдь не означало бы, что открытый Марксомъ законъ капиталистическаго способа производства невѣренъ, а свидѣтельствовало бы только о томъ, что въ Англіи увеличились препятствія для развитія соціализма.

Съ марксистской точки зрѣнія революціонную силу въ современномъ обществѣ представляетъ не капиталъ вообще, а только промышленный капиталъ. Это онъ создаетъ предварительныя условія для соціалистическаго производства и вызываетъ къ жизни пролетаріатъ, историческую задачу котораго и составляетъ введеніе этого производства.

Торговый и ссудный капиталы, наоборотъ, сами по себѣ не представляютъ еще революціонной силы и не вызываютъ къ жизни революціоннаго пролетаріата.

Если въ Англіи ростъ торговаго и не занятаго въ отечественной промышленности ссуднаго капитала происходитъ быстрѣе роста промышленнаго капитала, то въ такомъ случаѣ очень возможно, что тамъ число имущихъ увеличивается быстрѣе населенія. Также возможно, что тамъ наблюдается смягченіе соціальныхъ противорѣчій, какъ слѣдствіе того, что соціальное развитіе задерживается въ сравненіи съ промышленными по преимуществу странами, какъ Германія и Америка.

Неоднократно сами англичане выражали опасеніе, что Англію постигнетъ судьба Голландіи. Голландія въ 17 столѣтіи была во всѣхъ отношеніяхъ наиболѣе капиталистически развитымъ государствомъ въ мірѣ; но тамъ развитіе коммерческаго и денежнаго капитала стало преобладать надъ развитіемъ капитала промышленнаго, такъ что, наконецъ, Голландія, ставъ однимъ изъ богатѣйшихъ капиталами государствъ, съ многочисленнымъ слоемъ имущихъ лицъ, превратилась одновременно въ одну изъ наиболѣе отсталыхъ экономически странъ и не имѣющую ни малѣйшаго значенія для соціальнаго развитія.

Постигнетъ ли Англію та же судьба, превратится ли она изъ мастерской міра въ его денежный мѣшокъ, сейчасъ мы еще не можемъ предсказать. Но несомнѣнно, что соціализмъ можетъ родиться только въ мастерской, а не въ денежномъ мѣшкѣ.

Но для Бернштейна подобныя различія не существуютъ. Марксъ различалъ промышленный капиталъ отъ торговаго и ссуднаго и изучалъ въ отдѣльности законы развитія каждой изъ этихъ разновидностей капитала. Бернштейнъ же, задаваясь задачей углубить и усовершенствовать марксизмъ, смѣшиваетъ всѣ разновидности капитала, ставитъ на мѣсто точнаго понятія: капиталисты—туманное понятіе: „имущіе“, и притомъ употребляетъ это понятіе въ столь разнообразныхъ значеніяхъ, что въ концѣ концовъ, ни онъ самъ, ни его читатели не знаютъ навѣрное, какой смыслъ оно скрываетъ въ себѣ. Таковъ путь очищенія и усовершенствованія марксизма.

Если бы даже Бернштейну удалось доказать, что въ Англіи происходитъ относительный ростъ числа имущихъ, то этотъ фактъ самъ по себѣ еще очень мало выяснялъ бы вопросъ объ общемъ законѣ капиталистическаго способа производства.

Данныхъ по статистикѣ собственности Бернштейнъ

даетъ столь же мало, какъ прежде; онъ ограничивается исключительно статистикой доходовъ. Прежде всего онъ приводитъ намъ нѣкоторыя абсолютныя числа за 1893-94 гг., которыя, конечно, сами по себѣ ничего не доказываютъ. А затѣмъ онъ вынимаетъ свой главный козырь, который частью напечатанъ жирнымъ шрифтомъ, дабы какъ нибудь читатель не могъ его просмотрѣть.

„Въ Britisch Review отъ 22 мая 1897 г. имѣются нѣкоторыя данныя о ростѣ доходовъ въ Англіи съ 1851 до 1881 гг. Согласно этимъ даннымъ въ Англіи насчитывалось семействъ съ доходомъ отъ 150 до 1.000 фунтовъ стерлинговъ (средняя и мелкая буржузія и высшая рабочая аристократія): въ 1851 г. около 300.000, въ 1881 г. около 900.000. Тогда какъ за эти 30 лѣтъ населеніе возрасло въ отношеніи 27 къ 35, т. е. едва на 30%, число лицъ въ указанной группѣ доходовъ возрасло въ отношеніи 27:90, т. е. на $233^{1}/_{3}$%. Въ настоящее время по оцѣнкѣ Джиффена эта группа плательщиковъ достигаетъ цифры полутора милліоновъ". (Стр. 49).

Да, по оцѣнкѣ! Основу главнаго козыря, напечатаннаго жирнымъ шрифтомъ, составляетъ оцѣнка, а не подсчетъ. Въ дальнѣйшемъ эта построенная лишь на оцѣнкѣ гипотеза выдается за фактъ, установленный податнымъ вѣдомствомъ и „до сихъ поръ остающійся неопровергнутымъ". (Стр. 178).

Но почему же опредѣленіе числа плательщиковъ основано только на оцѣнкѣ, а не на подсчетѣ? По очень простой причинѣ: послѣднее невозможно.

Англійскій законъ о подоходномъ обложеніи подраздѣляетъ доходы, по источникамъ ихъ полученія, на пять большихъ классовъ: 1. земельная собственность, 2. землепользованіе, 3. государственная рента, 4. жалованіе чиновниковъ и наконецъ 5. классъ остальныхъ доходовъ, получающихся съ промышленности, торговли и проч. Каждый изъ этихъ классовъ подраздѣляется на подгруппы съ особымъ размѣромъ обложенія. Мы имѣемъ только число плательщиковъ и ихъ распредѣленіе по степенямъ обложенія внутри отдѣльныхъ группъ; общее же число плательщиковъ и сумма дохода каждаго изъ нихъ остаются для насъ неизвѣстными и могутъ быть только „опредѣлены", т. е. болѣе или менѣе точно оцѣнены.

Здѣсь много простору для произвольныхъ статистическихъ построеній.

Какъ мало можно доказать на основаніи англійской

статистики подоходнаго налога, видно изъ слѣдующаго примѣра. Въ статистикѣ Кольба сравниваются данныя о доходахъ по шедулѣ Д. (промышленность и торговля) въ 1812 и 1847 гг. Тамъ мы находимъ:

Доходы отъ	150 до 500 фунтовъ стерлинговъ. Увеличеніе	196%
«	500 1.000	148 »
«	1.000 » 2.000	148 »
«	2.000 » 3.000	118 »
«	5.000 и выше	189 »

Изъ этой таблицы Кольбъ дѣлаетъ выводъ: „Все населеніе увеличилось на 60%, **слѣдовательно ростъ благосостоянія въ три раза сильнѣе роста населенія**“ (сравн. „Statistik“ 1875 г., стр. 431). Этотъ выводъ почти совпадаетъ съ выводомъ, который дѣлаетъ Бернштейнъ о періодѣ времени съ 1851 по 1881 г. Годы съ 1812 до 1847-го были наиболѣе тяжелыми для рабочаго населенія въ Англіи; они дали Энгельсу матеріалъ для его „Положенія рабочаго класса въ Англіи“; пролетаріатъ въ то время утопалъ въ пауперизмѣ и преступности; не было ни законовъ по охранѣ труда, ни могущественнаго профессіональнаго движенія, которыя бы противодѣйствовали физическому и моральному вырожденію пролетаріата, — и за это самое время ростъ подоходнаго налога даетъ ту же самую картину, что и теперь.

Удачную критику англійской статистики подоходнаго налога мы находимъ у **Макса Шиппеля** въ его книгѣ „Современная нищета“ (1888 г.). Ея эпиграфъ: „Изъ двухъ міровъ ты долженъ избрать одинъ. Послѣ выбора уже нѣтъ возврата“.

Даже господинъ Леруа-Болье, буржуазный оптимистъ in optima forma, предшественникъ Бернштейна въ той области, о которой идетъ рѣчь, соглашается:

„Къ несчастью у насъ нѣтъ сколько-нибудь положительныхъ данныхъ о доходахъ въ Англіи, подобно тому какъ они у насъ имѣлись относительно Германіи.... Мы поэтому вынуждены ограничиться только приблизительной оцѣнкой (aux indications approximatives)“ (Essay sur la repartition des richesses, стр. 526). Но гдѣ буржуазный оптимистъ только изслѣдуетъ почву и съ величайшей осторожностью двигается впередъ, тамъ соціаль-демократъ Бернштейнъ съ легкимъ сердцемъ хватается за каждую цифру, не считаясь съ ея происхожденіемъ, если только она говоритъ противъ соціалистическаго

ученія. „Britisch Review“ не былъ (онъ уже закрылся) спеціальнымъ статистическимъ или экономическимъ журналомъ, то былъ полуполитическій, полулитературный еженедѣльникъ консервативнаго направленія, который, насколько возможно судить по номеру, имѣвшемуся у меня, задавался главнымъ образомъ цѣлью дискредитировать и не только соціализмъ, но и демократію. Статья, на которую ссылается Бернштейнъ, оказывается анонимнымъ фельетономъ по поводу юбилея королевы, полемизирующимъ противъ утопистовъ и радикаловъ, въ которомъ въ комически розовыхъ краскахъ рисуется соціальный прогрессъ въ Англіи. Вотъ выводъ, къ которому онъ приходитъ: „Рабочій классъ изумилъ насъ быстротой, съ которой онъ все богатѣетъ; а мелкая буржуазія (the middle classes)—быстротой ея роста“. Въ видѣ доказательства передъ нами фигурируютъ голыя цифры (приведенныя выше), безъ всякаго указанія, какимъ путемъ они получены и откуда заимствованы. Но Бернштейнъ принимаетъ ихъ безъ разбора, и съ большой спѣсью выдвигаетъ противъ насъ. Такую же цѣнность, какъ и эти данныя, имѣетъ указаніе въ статьѣ на многочисленныя виллы, выстроенныя вокругъ Лондона. „Виллы съ прекрасными садами, гдѣ изящныя дамы и приличные молодые люди элегантно играютъ въ лаунъ-теннисъ“ и т. д. Вотъ примѣръ того, съ какимъ легкомысліемъ обращались со статистикой въ юбилейномъ фельетонѣ. Въ Англіи до сихъ поръ еще не ведется статистики наемнымъ рабочимъ, а только общая статистика всѣхъ занятыхъ въ промышленности безъ указанія ихъ положенія. Члены же семей подсчитываются отдѣльно. Авторъ юбилейнаго гимна очень рѣшительно заявляетъ, что рабочее населеніе Соединеннаго королевства въ 1851 г. достигало 26 милліоновъ, а въ 1881 г. 30 милліоновъ. Но все населеніе въ 1851 г. насчитывало 27.746.000 лицъ, а въ 1881 г. 34.885.000 лицъ. Изъ этого слѣдуетъ, что все непролетарское населеніе (арендаторы, ремесленники, мелкіе торговцы, интеллигенція, капиталисты, земельные собственники и т. д.) въ 1851 г. составляло немногимъ больше 1½ милліона т. е. только 6% всего населенія страны! Это просто нелѣпость. Бакстеръ въ 1867 году считалъ, что въ Соединенномъ королевствѣ наемные рабочіе составляютъ 80% всѣхъ лицъ, получающихъ доходъ. Такъ какъ благодаря женскому и дѣтскому труду число незанятыхъ членовъ семьи въ средѣ рабочихъ менѣе значительно, чѣмъ

среди высшихъ классовъ, то число послѣднихъ по отношенію ко всему населенію составляло нѣсколько болѣе 20%.

И эта поверхностная, вульгарная болтовня о гармоніи является тѣмъ научнымъ источникомъ, который доставляетъ Бернштейну его лучшее оружіе противъ ученія Маркса! Въ слѣдующій разъ онъ противопоставитъ „Капиталу“ анонимный фельетонъ изъ „Woche“ господина Шерля!

Чѣмъ ближе мы знакомимся со статистическимъ матеріаломъ Бернштейна, тѣмъ загадочнѣе становится для насъ его превращеніе. Напрасно мы будемъ искать фактовъ, которые могли дать ему поводъ выступить противъ того ученія, истинность котораго онъ признавалъ во всей полнотѣ, въ дѣлѣ распространенія котораго онъ всегда стоялъ въ первыхъ рядахъ и которое всегда блестяще защищалъ отъ всѣхъ нападеній противниковъ.

Акціонерныя общества.

Въ своей полемикѣ Бернштейнъ ссылается на увеличеніе биржевыхъ листковъ, какъ на доказательство роста числа имущихъ.

Однако это увеличеніе доказываетъ только то, чего никто и не думалъ отрицать и чему мы въ статистическихъ данныхъ столько разъ находили подтвержденіе: что число капиталистическихъ предпріятій все увеличивается, капитализмъ все развивается, подчиняя себѣ постоянно новыя отрасли промышленной жизни, завоевывая отдаленнѣйшія части земного шара, что всемірный рынокъ постоянно развивается, отдѣльные предприниматели все менѣе въ состояніи обозрѣть положеніе дѣлъ при посредствѣ своихъ личныхъ связей, что только средства нѣкоторыхъ большихъ газетъ могутъ дать имъ этотъ обзоръ. Наконецъ, это постоянное возникновеніе биржевыхъ листковъ свидѣтельствуетъ о быстромъ ростѣ акціонернаго дѣла, о непрерывномъ увеличеніи числа капиталистическихъ предпріятій, подчиненныхъ опредѣленному общественному контролю и вызывающихъ потребность въ гласности,—той гласности, которая, какъ показало панамское дѣло, стала такимъ желаннымъ и дорогимъ товаромъ.

Но количество биржевыхъ листковъ ровно ничего не говоритъ намъ о числѣ имущихъ. Всякій занятый въ торговлѣ и въ перевозочномъ дѣлѣ долженъ ихъ еже-

дневно прочитывать, безразлично, является ли онъ капиталистомъ или только служащимъ у капиталиста.

Для столь общеизвѣстнаго факта, какъ увеличенiе числа имущихъ, должны бы найтись болѣе опредѣленныя доказательства.

Бернштейну кажется, что такое доказательство даетъ и акцiонерное дѣло.

Акцiонерныя общества, по его мнѣнiю, сильно противодѣйствуютъ централизацiи состоянiй вслѣдствiе централизацiи предпрiятiй.

„Къ сожалѣнiю, пока совсѣмъ нѣтъ достаточныхъ цифровыхъ данныхъ о фактическомъ распредѣленiи акцiй перваго выпуска, привилегированныхъ и другихъ паевъ акцiонерныхъ обществъ, принявшихъ въ настоящее время столь большiе размѣры, такъ какъ въ большинствѣ странъ паи анонимны (т. е., какъ всякiя бумажныя деньги могутъ безъ формальностей мѣнять владѣльца), въ Англiи же, гдѣ преобладаютъ именныя акцiи и гдѣ каждый можетъ просмотрѣть списки владѣльцевъ именныхъ акцiй, имѣющiеся въ государственномъ регистрацiонномъ бюро, составленiе точной статистики акцiонеровъ представляетъ колоссальную задачу, за выполненiе которой пока еще никто не могъ взяться. Число акцiонеровъ можно только приблизительно опредѣлить на основанiи нѣкоторыхъ публикацiй отдѣльныхъ обществъ. Дабы показать, однако, что существующiя на этотъ счетъ представленiя обманчивы и что современнѣйшая и дѣйствительнѣйшая форма капиталистической централизацiи, именно „трестъ“, вызываетъ въ сущности совершенно иное перераспредѣленiе состоянiй, чѣмъ кажется издали,—для доказательства этого приведемъ здѣсь нѣкоторыя цифры, могущiя легко быть провѣренными.

Англiйскiй трестъ швейной пряжи, существующiй около года, насчитываетъ не менѣе 12,300 владѣльцевъ паевъ. Изъ нихъ было:

6,000	владѣльц. акцiй перваго выпуска	цѣною въ средн.	1,200 марокъ.
4,500	„ привилег. акцiй	„ „ „ „	3,000 „
1,800	„ облигацiй	„ „ „ „	6,300 „

Трестъ тонкой пряжи также насчитываетъ значительное число владѣльцевъ паевъ, именно 5,454.

2,904	владѣльц. акцiй перваго выпуска	цѣною въ средн.	6,000 марокъ.
1,870	„ привилег. акцiй	„ „ „ „	10,000 „
680	„ облигацiй	„ „ „ „	26,000 „

Ту же картину даетъ распредѣленіе акцій и въ хлопчатобумажномъ трестѣ П. и Т. Коатсъ. Это только отдѣльные примѣры дробленія состояній въ централизованныхъ предпріятіяхъ. Само собой разумѣется, что не всѣ номинальные акціонеры могутъ быть названы фактически капиталистами и очень часто одинъ и тотъ же крупный капиталистъ появляется во всевозможныхъ обществахъ. Но несмотря на это число акціонеровъ и находящихся въ ихъ рукахъ акцій все увеличивается. Всего владѣльцевъ акцій въ Англіи значительно больше одного милліона". (Стр. 47—49).

Итакъ, у насъ совершенно нѣтъ статистики о распредѣленіи акцій; не всякій, владѣющій акціей, является капиталистомъ; одинъ и тотъ же крупный капиталистъ фигурируетъ въ различныхъ обществахъ въ видѣ мелкаго капиталиста. Все это признаетъ самъ Бернштейнъ. Но вѣдь другими словами это означаетъ, что всѣ приводимыя имъ данныя, какъ показатели увеличенія числа имущихъ, лишены всякой крѣпости. Они доказываютъ еще менѣе, чѣмъ статистика подоходнаго налога. Пользованіе ими доказываетъ лишь одно: полное недоумѣніе Бернштейна, откуда бы достать хоть сколько-нибудь сносное доказательство.

Тѣ теоретическія разсужденія, которыми онъ снабжаетъ свои цифры, столь же мало доказательны, какъ и сами цифры. „Форма акціонернаго общества" говоритъ онъ, въ очень существенныхъ размѣрахъ противодѣйствуетъ тенденціи къ централизаціи состояній вслѣдствіе централизаціи предпріятій". Почему? „Она допускаетъ сильное раздробленіе уже концентрированнаго капитала и дѣлаетъ совершенно излишнимъ соединеніе капиталовъ въ рукахъ отдѣльныхъ магнатовъ съ цѣлью концентраціи промышленныхъ предпріятій. Если несоціалистическіе экономисты использовали этотъ фактъ для прикрашиванія соціальной дѣйствительности, то это еще не даетъ никакихъ основаній соціалистамъ скрывать его или замалчивать" (стр. 47).

Итакъ, опять фактъ, являющійся для насъ, соціалистовъ, неудобнымъ и который мы хотѣли бы скрыть или замолчать. Но въ чемъ же состоитъ этотъ „фактъ"? Развѣ фактъ, что форма акціонерныхъ обществъ противодѣйствуетъ централизаціи имуществъ? Вовсе нѣтъ, это еще нужно доказать. Установленнымъ является лишь тотъ фактъ, что форма акціонернаго общества допускаетъ раздробленіе уже существующаго капитала,

дѣлаетъ излишнимъ присвоеніе капиталовъ отдѣльными магнатами. Но было бы очень неосмотрительно полагать, что раздробленіе это совершается безпрепятственно въ дѣйствительности и что магнаты капитала уже отказались отъ присвоенія капиталовъ, потому что это стало излишнимъ.

Акцій не дарятъ въ этомъ жалкомъ мірѣ, но онѣ продаются, онѣ не несутъ съ собой обладанія деньгами, напротивъ, нужно имѣть деньги, чтобы обладать ими. Учрежденіе акціонерныхъ обществъ не вноситъ никакихъ измѣненій въ существующее распредѣленіе собственности. Форма акціонерныхъ обществъ дѣлаетъ то же, что и сберегательныя кассы, банки, то—есть превращаетъ въ капиталы тѣ небольшія денежныя суммы, которыя въ отдѣльности не достигаютъ размѣровъ, годныхъ для основанія капиталистическаго предпріятія. Форма акціонернаго общества увеличиваетъ, поэтому, сумму капиталовъ, стоящихъ къ услугамъ капиталистическаго производства; она позволяетъ превращать въ капиталъ собственность, которая иначе не стала бы капиталомъ, но лежала бы подобно сокровищу, не принося процентовъ. Но эта форма отнюдь ничего не измѣняетъ въ существующемъ распредѣленіи наличной собственности.

Увеличеніе числа акціонеровъ вовсе не указываетъ на ростъ числа имущихъ. Оно только доказываетъ, что въ капиталистическомъ обществѣ форма акціи становится все болѣе господствующей формой собственности.

Слѣдовательно, ссылка на форму акціонернаго общества вовсе не даетъ отвѣта на вопросъ, гдѣ же, наконецъ, причина этого мнимаго роста числа имущихъ? Форма эта можетъ только служить отраженіемъ этого роста, если онъ происходитъ, но не можетъ быть его причиной.

Но какъ же можетъ происходить ростъ числа имущихъ, если увеличивается численно пролетаріатъ? Бернштейнъ объ этомъ не даетъ намъ никакихъ точныхъ указаній. Должны ли непрерывно растущіе въ своей численности пролетаріи сберегать изъ своего заработка столь крупныя суммы, чтобы имѣть возможность стать капиталистами? Бернштейнъ питаетъ, правда, столь же большое уваженіе къ Шульце-Деличу, какъ и къ господину Юліусу Вольфу. Но пока онъ этого прямо не высказалъ, у меня нѣтъ основаній приписывать ему взглядъ, согласно которому ростъ имущихъ происхо-

дитъ благодаря сбереженіямъ рабочихъ. Остается только одно объясненіе, которое онъ самъ указалъ: раздробленіе уже концентрированнаго капитала.

Такое раздробленіе происходитъ и притомъ непрерывно. Его причиной является право наслѣдованія. Если феодальное наслѣдственное право лишаетъ наслѣдства всѣхъ дѣтей отъ одного брака въ пользу одного только ребенка, то буржуазное требуетъ равномѣрнаго раздѣла наслѣдства между всѣми дѣтьми. Этотъ институтъ, безъ сомнѣнія, очень сильно противодѣйствуетъ концентраціи капитала, которая въ противномъ случаѣ, шла бы еще быстрѣе. Но если бы дробленіе капиталовъ вслѣдствіе наслѣдованія приводило къ болѣе быстрому росту числа капиталистовъ, чѣмъ всего населенія, то и естественный ихъ приростъ также долженъ бы быть болѣе быстрымъ. Въ дѣйствительности же происходитъ какъ разъ наоборотъ. Пролетаріи не напрасно называются такъ: они производятъ многочисленное потомство (Proles). Наоборотъ, вся семейная жизнь капиталистовъ пріурочена къ тому, чтобы, насколько возможно, противодѣйствовать результатамъ дробленія наслѣдства. Браки по возможности заключаются такъ, что приводятъ къ сліянію двухъ капиталовъ, страстно жаждущихъ другъ друга, и система двухъ дѣторожденій Zweikindersystem пріобрѣтаетъ среди имущихъ все большее распространеніе. Поэтому заранѣе можно сказать, что они не производятъ относительно болѣе многочисленнаго потомства, чѣмъ пролетаріи. Но какъ же происходитъ въ такомъ случаѣ „все усиливающееся раздробленіе уже концентрированныхъ капиталовъ? Вѣдь не дарятъ же капиталисты своихъ капиталовъ? Но что же сталось тогда съ тѣмъ непріятнымъ для соціалистовъ фактомъ, который они пытаются или скрыть или замолчать? Мы не можемъ заставить Бернштейна вѣрить въ честность прежнихъ его партійныхъ товарищей, но мы желали бы знать, по крайней мѣрѣ, въ чемъ заключается наша нечестность?

Быть можетъ, Бернштейнъ думалъ, что если „форма акціонернаго общества“ не вноситъ непосредственно никакихъ измѣненій въ распредѣленіе собственности, то все же благодаря ей развивается тенденція къ децентрализаціи капитала? Онъ этого не заявлялъ, да и утверждать это нѣтъ ни малѣйшихъ основаній. Напротивъ, все говоритъ въ пользу противоположнаго заключенія.

Крупные капиталисты сохраняютъ для себя акціи съ

хорошимъ дивидендомъ. Мелкому же люду изъ бумагъ съ высокою доходностью достаются только ненадежныя, которыя всего менѣе могутъ быть средствомъ для превращенія неимущихъ въ имущихъ; наоборотъ—онѣ являются лишь средствомъ спекулянтовъ для уловленія въ свои карманы грошевыхъ сбереженій мелкихъ буржуа и пролетарской аристократіи.

Даже самъ Леруа-Болье, взгляды котораго не страдаютъ излишнимъ пессимизмомъ, долженъ былъ признать въ своей уже многократно цитированной книгѣ: „правда, до сихъ поръ акціонерныя общества давали сильный толчекъ къ развитію духа предпріимчивости и способствовали росту производства, но, безъ сомнѣнія, они также способствовали созданію большого неравенства въ распредѣленіи собственности. Они дали возможность столичнымъ финансистамъ захватить въ свои руки весьма значительную часть сбереженій публики; они гораздо въ большей степени, чѣмъ промышленность и торговля, явились источникомъ колоссальныхъ состояній... Они повели, безъ сомнѣнія, къ безмѣрному обогащенію нѣкоторыхъ ловкихъ аферистовъ и къ обѣдненію многочисленныхъ наивныхъ и простосердечныхъ людей“ (стр. 335, 338). Вѣроятность „все усиливающагося раздробленія уже концентрированнаго капитала“ принимаетъ здѣсь другую форму, чѣмъ у нашего марксиста. Правда, Леруа-Болье въ этомъ случаѣ утѣшаетъ себя по обыкновенію ожиданіемъ, что эти темныя стороны акціонернаго дѣла являются, очевидно, только временными. Онъ писалъ это какъ разъ во время основанія панамскаго общества.

Если форма акціонернаго общества представляетъ лучшее средство для улавливанія и обиранія простодушныхъ людей, то, съ другой стороны, она является въ рукахъ крупныхъ капиталистовъ могучимъ орудіемъ, ибо она не что иное, какъ особая форма кредита. Кредитъ „является не только новымъ могущественнымъ оружіемъ при конкуренціи. Путемъ невидимыхъ нитей извлекаетъ онъ разсѣянныя тамъ и сямъ въ обществѣ крупныя и мелкія денежныя суммы и сосредоточиваетъ ихъ въ рукахъ капиталиста или ассоціаціи капиталистовъ. Кредитъ является специфическимъ орудіемъ концентраціи капиталовъ“ (Марксъ). Бернштейнъ думаетъ, что форма акціонернаго общества дѣлаетъ „излишнимъ присвоеніе капиталовъ отдѣльными магнатами съ цѣлью концентраціи промышленныхъ пред-

пріятій". Но что намъ за дѣло до того, что „магнаты", не смущаясь, попрежнему пользуются этой самой формой для эксплуатаціи чужихъ капиталовъ и, такимъ образомъ, создаютъ и поддерживаютъ „промышленныя предпріятія" такихъ размѣровъ, до которыхъ они никогда не могли бы довести ихъ при помощи своихъ собственныхъ капиталовъ?

Совсѣмъ недавно въ одной американской газетѣ мы прочли, что номинальная цѣнность бумагъ Standard-Oil-Trusts'а достигала 97.250.000 долларовъ. Одинъ Джонъ Д. Рокфеллеръ владѣлъ акціями на сумму въ 49.000.000 долларовъ. Изъ этого видно, что онъ обладалъ большинствомъ голосовъ, и акціонерная форма давала ему возможность свободно распоряжаться капиталами въ двойномъ почти размѣрѣ. Это можетъ казаться безразличнымъ только съ точки зрѣнія распредѣленія прибыли. Но рѣшающимъ соціальнымъ моментомъ является не распредѣленіе, а производство, и здѣсь могущество, а вмѣстѣ съ тѣмъ также и доходъ одного Рокфеллера чрезвычайно возросли благодаря взносамъ акціонеровъ-соучастниковъ.

Акціонерное дѣло не только не противодѣйствуетъ концентраціи капиталовъ, но, наоборотъ, служитъ лучшимъ средствомъ довести до крайности эту концентрацію. Только благодаря акціонерной формѣ возникли чудовищныя предпріятія, которыя совсѣмъ не осуществимы при помощи отдѣльныхъ капиталовъ. Только акціонерныя общества въ состояніи монополизировать цѣлыя промышленныя отрасли. Развѣ монопольное положеніе трестовъ, желѣзныхъ дорогъ, крупныхъ банковъ стало меньшимъ оттого, что они являются акціонерными обществами? И развѣ вслѣдствіе этого они перестаютъ быть простымъ орудіемъ въ рукахъ отдѣльныхъ финансовыхъ магнатовъ, „узурпирующихъ и монополизирующихъ всѣ выгоды этого процесса превращенія".

У насъ нѣтъ статистики распредѣленія акцій между ихъ владѣльцами, но все указываетъ на то, что въ акціонерныхъ обществахъ происходитъ такой же процессъ накопленія и централизаціи капиталовъ, какой мы можемъ наблюдать въ капиталистическихъ предпріятіяхъ.

Благодаря акціонернымъ обществамъ увеличивается не число имущихъ, а количество праздныхъ людей среди имущихъ. Къ акціонернымъ обществамъ переходятъ отъ капиталистовъ тѣ функціи, которыя они вы-

полняли въ экономической жизни, и потому самое существованіе капиталистовъ дѣлается въ капиталистическомъ обществѣ излишнимъ. Этотъ фактъ выпукло иллюстрируется быстрымъ ростомъ числа акціонерныхъ предпріятій.

Безпрерывный ростъ акціонерныхъ обществъ, снимающихъ съ капиталиста всѣ заботы о помѣщеніи своихъ капиталовъ, является для Бернштейна симптомомъ роста имущихъ. Но въ дѣйствительности это указываетъ только на ростъ праздныхъ людей въ средѣ имущихъ, доказываетъ только, какъ быстро становится классъ капиталистовъ совсѣмъ излишнимъ для экономической жизни общества, какъ сильно идетъ постепенное превращеніе его въ паразита, выросшаго на общественномъ организмѣ.

Быстрый ростъ акціонерныхъ предпріятій доказываетъ не увеличеніе числа имущихъ, но все возрастающую ненужность капиталистическаго производства, все увеличивающуюся возможность, даже необходимость соціалистическаго производства.

Но у Бернштейна имѣется въ запасѣ еще одно доказательство количественнаго роста имущихъ:

„Если мы не въ состояніи установить этотъ фактъ эмпирически на основаніи статистики доходовъ и занятій, то его можно доказать чисто дедуктивнымъ путемъ, какъ необходимое слѣдствіе всего современнаго хозяйственнаго развитія.

Самый характерный признакъ современнаго способа производства составляетъ сильное повышеніе производительности труда. Слѣдствіемъ этого является столь же сильное увеличеніе производства,—въ видѣ массоваго производства предметовъ потребленія. Куда же дѣвается это богатство? Или поставимъ вопросъ по существу: куда дѣвается прибавочный продуктъ, создаваемый промышленными наемными рабочими сверхъ ихъ собственнаго потребленія, ограниченнаго заработной платой? „Магнаты капитала“ могли бы обладать въ десять разъ большимъ желудкомъ, чѣмъ ихъ снабдило народное остроуміе, и держать въ десять разъ больше прислуги, чѣмъ это бываетъ въ дѣйствительности, но и тогда ихъ потребленіе по отношенію ко всему количеству ежегоднаго національнаго продукта—припомнимъ, что крупное капиталистическое производство является прежде всего массовымъ производствомъ—оказалось бы только перышкомъ на вѣсахъ. Гдѣ же, слѣдовательно,

остается та масса товаровъ, которую не потребляютъ магнаты и ихъ прислуга? Если она не достается такъ или иначе пролетаріямъ, то должна же она попасть въ руки другого класса. Или не прекращающееся относительное уменьшеніе числа капиталистовъ и непрерывный ростъ благосостоянія пролетаріата, или многочисленный среднiй классъ, вотъ единственная альтернатива, допустимая при постоянномъ ростѣ производства" (стр. 51, 52).

Таково теоретическое доказательство, приводимое Бернштейномъ въ пользу своего положенія, которое, какъ мы видѣли, всего менѣе „эмпирически установлено" статистикой доходовъ и занятій. Во всякомъ случаѣ своеобразно то доказательство, которое заключается въ вопросѣ: куда же дѣвается богатство? Бернштейнъ не говоритъ намъ, какъ и почему ростъ общественнаго богатства способствуетъ росту числа имущихъ. Съ него довольно и того, что онъ не знаетъ, куда бы въ противномъ случаѣ могло дѣваться богатство.

Попробуемъ же мы вмѣсто Бернштейна дать отвѣтъ на этотъ вопросъ.

С. Потребленіе прибавочной цѣнности.

Прежде всего предъ нами магнаты капитала. Что роскошь, мотовство безмѣрно растутъ въ ихъ рядахъ, часто принимая прямо безумныя формы,—для этого достаточно бѣгло взглянуть на жизнь и занятія „сливокъ" общества въ Нью-Іоркѣ, Парижѣ, Лондонѣ, на Ривьерѣ и тому подобныхъ мѣстахъ. Виллы, замки, яхты, охотничьи парки этихъ господъ, ихъ праздники, страсти, метрессы, азартныя игры,—все это требуетъ отъ каждаго магната все большихъ и большихъ издержекъ. Жизненный бюджетъ этихъ благородныхъ господъ выростаетъ съ головокружительной скоростью, такъ что сами короли не всегда могутъ подражать имъ и идутъ на заурядныя мошенническія продѣлки, чтобы не утратить въ кругу прожигателей жизни своего положенія. Что вокругъ магнатовъ толпится все увеличивающаяся свита всевозможныхъ паразитовъ, сильно содѣйствующая „раздробленію уже концентрированнаго капитала",—это общепризнанный фактъ. Но когда Бернштейнъ говорилъ о ростѣ „имущихъ", не думалъ же онъ объ этихъ паразитахъ, шулерахъ, жокеяхъ, проституткахъ и т. п.

Но наряду съ все усиливающейся роскошью и расточительностью отдѣльныхъ магнатовъ растетъ сильно и ихъ число и, притомъ, гораздо скорѣе, чѣмъ все населеніе или рабочій классъ. Этотъ приростъ можетъ быть легче выраженъ въ цифровыхъ данныхъ, чѣмъ усиленіе ихъ расточительности. Быстрый количественный ростъ магнатовъ капитала подтверждается слѣдующими данными: въ Германіи съ 1892 по 1895 г. число промышленныхъ предпріятій увеличилось только на 4,6%, все населеніе страны на 14,5%, гигантскія же предпріятія болѣе чѣмъ съ 1000 рабочихъ обнаруживаютъ увеличеніе на 100%! На тотъ же процессъ указываютъ, какъ мы видѣли, и довольно достовѣрныя данныя саксонской подоходной статистики. Общее число платящихъ налоги физическихъ лицъ съ 1879 по 1894 г. возросло на **37,4**%, съ 1.084.751 до 1.490.558 человѣкъ, тогда какъ число физическихъ лицъ съ коллоссальнымъ доходомъ болѣе чѣмъ въ 54.000 марокъ увеличилось на **272**%, съ 238 до 886 человѣкъ. Число этихъ имущихъ во всякомъ случаѣ увеличивается очень быстро.

Но растетъ не только число расточителей, а также и ихъ расточительность—если это не вызываетъ полнаго разоренія населенія, то исключительно благодаря изумительному росту производительности труда при капиталистическомъ режимѣ. Растетъ также и другой видъ расточительности, тѣсно связанный съ этимъ режимомъ, расточительность, такъ сказать, неличная.

Бернштейнъ самъ указываетъ двѣ причины этого рода расточительности: „кризисы и непроизводительные расходы на армію и т. п. поглощаютъ много средствъ, но"—прибавляетъ онъ,—„въ послѣднее время они поглощаютъ только извѣстную долю общаго прибавочнаго продукта". Однако, это происходитъ не только въ послѣднее время. Спрашивается только, какъ велика эта доля. Убытки, причиняемые кризисами, нельзя точно опредѣлить на основаніи цифровыхъ данныхъ. Другое дѣло съ издержками на армію.

Въ Германіи издержки на сухопутную армію, флотъ и на уплату процентовъ по государственному долгу, вызванному исключительно расходами на военное дѣло, въ 1874 году достигали 368 милліоновъ марокъ, въ 1899 году онѣ уже поднялись до 809 милліоновъ. Слѣдовательно, весь военно-морской бюджетъ более, чѣмъ удвоился, между тѣмъ какъ населеніе возросло съ 41 милліона (въ 1871 г.) до 52 милліоновъ (въ 1895 г.).

Однако, эта расточительность не ограничивается еще приведенными суммами: ежегодно трудъ сотенъ тысячъ людей рабочаго возраста, стоящихъ подъ ружьемъ, *тратится совершенно непроизводительно. Численность* арміи въ 1874 г. достигала 400 тысячъ человѣкъ, а теперь достигаетъ уже 600 тысячъ, и вся рабочая сила этихъ людей тратилась безполезно. Если мы будемъ считать, что каждый изъ нихъ ежегодно можетъ произвести продуктовъ на сумму только въ 1000 марокъ,—считая и прибавочный продуктъ и заработную плату,—то расточительность, вызванная неиспользованіемъ рабочей силы во всей арміи достигала бы уже суммы въ 600 милліоновъ. Если къ этому прибавить весь военный бюджетъ, то окажется, что въ настоящее время народное хозяйство тратитъ ежегодно полтора милліарда, тогда какъ 25 лѣтъ тому назадъ эта сумма составляла 800 милліоновъ. Издержки Германіи въ теченіе 25 лѣтъ достигли почти 25 милліардовъ, суммы въ шесть разъ превышающей полученную съ Франціи контрибуцію. Это уже очень значительная „доля всего прибавочнаго продукта". Если несмотря на это милитаризмъ не ведетъ неизбѣжно къ полному разоренію народовъ, если онъ, какъ мы видимъ на примѣрѣ Германіи, можетъ итти рука объ руку съ значительнымъ ростомъ общественнаго богатства, то это происходитъ исключительно благодаря огромной производительности труда при капиталистическомъ режимѣ и, безъ сомнѣнія, тѣмъ гибельнѣе онъ для тѣхъ націй, гдѣ нѣтъ могущественной и богатой капиталами крупной промышленности. Тамъ поглощается настолько значительная „доля всего прибавочнаго продукта", что вся экономическая жизнь страдаетъ подъ бременемъ милитаризма, какъ это показываетъ намъ примѣръ Италіи и Испаніи.

Но милитаризмъ и кризисы еще не единственныя причины расточительности въ капиталистическомъ обществѣ. Въ своей статьѣ въ „Neue Zeit" въ 1889 г. о „Расточительности при капиталистическомъ способѣ производства", я уже указывалъ на нѣкоторыя другія причины (стр. 25 и слѣд.). Позволю себѣ привести изъ нея нѣсколько выдержекъ.

Одна изъ существенныхъ причинъ расточительности—это м о д а. Перемѣнчивость моды вовсе не является закономъ природы, а представляетъ особенность извѣстныхъ общественныхъ условій.

„Въ наше время любятъ общественнымъ явленіямъ

давать естественно-научное объясненіе. Въ „вѣчномъ естественномъ законѣ“ „борьбы за существованіе“ видятъ источникъ свободной конкуренціи, столь молодой исторически, и въ безсмысленности и перемѣнчивости модъ на костюмы признаютъ естественную необходимость, обусловленную половымъ подборомъ. При этомъ забываютъ лишь одну мелочь, именно, что вся суть моды въ ея перемѣнчивости, тогда какъ свойства, изъ которыхъ возникъ половой подборъ, оставались неизмѣнными въ теченіе цѣлыхъ историческихъ періодовъ. Изъ исторіи самого человѣчества мы знаемъ, что первобытные народы передавали неизмѣнно изъ рода въ родъ свою привязанность къ опредѣленной одеждѣ и архитектурѣ.

„Только при извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ мы наблюдаемъ быструю смѣну модъ: въ революціонные періоды, когда характеръ общества быстро мѣнялся, и, затѣмъ, во времена безумной роскоши, когда, съ одной стороны, господствующіе классы получали такъ много прибавочной цѣнности или прибавочнаго продукта, что по меньшей мѣрѣ часть ихъ были вынуждены проматывать, лишь бы какъ-нибудь отъ нихъ избавиться, и когда, съ другой стороны, проституція дѣлалась общественной силой.

„Въ мірѣ животныхъ половой подборъ вызываетъ у самцевъ особые рѣзко замѣтные признаки: гривы, пестрыя перья, рога, пѣвучіе голоса и т. д. „Половой подборъ“ у проститутокъ высшаго и низшаго разряда выражается въ бросающихся въ глаза женскихъ туалетахъ.... Но бросающееся въ глаза это новое. Поэтому возникаетъ постоянная перемѣнчивость моды.... Но не въ одномъ этомъ кроется причина измѣненій моды. Быть постоянно одѣтымъ по самой послѣдней модѣ составляетъ признакъ тѣмъ большаго благосостоянія, чѣмъ быстрѣе мѣняется мода. Отсюда возникаетъ стремленіе не только постоянно одѣваться въ новое. Новое должно быть не просто новымъ, но и совсѣмъ другимъ, чѣмъ старое. Ничто, бывшее достояніемъ стараго сезона, не дожно уже появляться въ новомъ. Но не только дамы высшаго свѣта быстро мѣняютъ свои моды. Извѣстно, какіе дешевые и плохіе товары покупаютъ рабочіе. Костюмы дѣвочекъ и женщинъ изъ народа изнашиваются такъ быстро, что они вынуждены вскорѣ покупать себѣ новые. Если новое, то почему же не модное? Это соотвѣтствуетъ всему духу нашего времени, кото-

рое сглаживаетъ внѣшнія различія въ положеніи, въ которомъ все непрерывно движется и вѣчно стремится къ новому. Прежде слѣдовать модѣ составляло привилегію верхняго десятка тысячъ. А *сегодня „дамы“, преисполненныя* нравственнаго негодованія, замѣчаютъ, что даже среди служанокъ и фабричныхъ работницъ все болѣе распространяется „стремленіе“ всегда быть одѣтымъ по модѣ. Измѣненія моды теперь уже не происходятъ въ тѣсномъ кругу, ея дѣйствіе охватываетъ все общество и все болѣе отражается на производствѣ. Перемѣна моды однимъ ударомъ обезцѣниваетъ безконечное множество наполовину или совсѣмъ непотребленныхъ фабрикатовъ, которые или гніютъ въ складахъ, или выбрасываются, какъ негодное тряпье, если ихъ невозможно еще разъ подвергнуть переработкѣ. Такая перемѣнчивость моды вызываетъ страшную расточительность всевозможныхъ продуктовъ. Но благодаря этому отчасти сокращается препроизводство и возникаетъ спросъ на новые продукты. Поэтому иногда торговцы и фабриканты извѣстнаго рода товаровъ находятъ выгоднымъ содѣйствовать быстрымъ и рѣзкимъ скачкамъ моды и иногда даже прямо ихъ вызываютъ.

„Въ низшихъ слояхъ народа измѣненія моды касаются только одежды; у зажиточныхъ они простираются также на убранство дома. Отсутствіе въ наше время опредѣленнаго стиля даетъ имъ возможность по первому капризу мѣнять стиль своего жилища: сегодня нѣмецкій ренессансъ en vogue, завтра сумасбродный стиль эпохи „косичекъ“, послѣ завтра пошлый стиль первой французской имперіи и, въ концѣ концовъ, пестрый, восточный. Ясно, что эти вѣчныя измѣненія въ мебели, обояхъ и т. д. вызываютъ значительныя траты труда и матеріала....

„Укажемъ здѣсь еще одну форму расточительности, свойственную капиталистическому способу производства, вызываемую ростомъ большихъ городовъ.

Вслѣдствіе массоваго скопленія людей на небольшомъ пространствѣ, возникаютъ все большія и большія неудобства, и къ санитарной техникѣ предъявляются все болѣе широкіе запросы. Задачи, которыя разрѣшить въ деревнѣ негрудно, какъ, напримѣръ, снабженіе питьевой водой или вывозъ и утилизированіе отбросовъ, подвозъ съѣстныхъ припасовъ, устройство мѣстъ для игръ и отдыха,—эти задачи въ большихъ городахъ требуютъ устройства дорого стоющихъ парковъ, возведенія колос-

сальныхъ построекъ, скотобоенъ, водопроводовъ, канализацій и т. д. Съ гордостью и восторгомъ панегиристы нашего общественнаго строя указываютъ на современныя чудеса, совершенно затмившія чудеса древняго міра, и однако эти тріумфы человѣческаго ума являются лишь палліативами, чтобы смягчить ставшія невыносимыми бѣдствія нашего времени, совсѣмъ неизвѣстныя дѣтямъ природы. Проходитъ нѣсколько десятилѣтій, а иногда и лѣтъ, и вся ихъ польза благодаря дальнѣйшему росту городского населенія становится призрачной. Возникаетъ необходимость новыхъ построекъ еще болѣе грандіозныхъ, стоющихъ еще дороже. Иначе жизнь въ городѣ можетъ стать невозможной. Въ Парижѣ уже проектируется водопроводъ изъ Швейцаріи и отводъ сточныхъ водъ черезъ каналъ въ море. Эти гигантскія постройки оказались бы совершенно излишними въ такомъ обществѣ, гдѣ устранена противоположность между городомъ и деревней. Возведеніе такихъ сооруженій является въ сущности расточительностью, но эта расточительность неизбѣжна при современномъ способѣ производства. Какая растрата удобрительныхъ веществъ связана съ этимъ,—не приходится и говорить.

Все возрастающая потребность въ сооруженіяхъ такого рода, конечно, является толчкомъ для развитія строительной промышленности. Ростъ большихъ городовъ вызываетъ и другимъ путемъ ея развитіе. Деревня все пустѣетъ, ея жители все болѣе стремятся въ города.... Крестьянскія хижины покидаются, и прежніе ихъ обитатели нуждаются въ городахъ въ новыхъ жилищахъ. Начинается усиленная строительная дѣятельность, обусловленная не ростомъ населенія, а только простой перемѣной его мѣстожительства, перемѣной, которая вызывается не желаніемъ найти болѣе здоровую, красивую, плодородную мѣстность, не желаніемъ увеличить производительность своего труда, а только необходимостью быть ближе къ крупному рынку, гдѣ рабочая сила, какъ и всякій другой товаръ, имѣетъ больше данныхъ найти себѣ покупателя, чѣмъ въ отдаленныхъ мѣстахъ, лежащихъ въ сторонѣ отъ всемірнаго рынка.

„Но ростъ большихъ городовъ вызываетъ одновременно строительную дѣятельность и въ деревнѣ. Несмотря на всѣ гигіеническія предохранительныя мѣры и учрежденія жизнь въ большихъ городахъ становится все болѣе вредной для здоровья, и жителямъ въ силу необходимости приходится проводить часть года внѣ

города на свѣжемъ деревенскомъ воздухѣ, въ горахъ или на берегу озера, чтобы хоть отчасти парализовать вредное дѣйствіе городской жизни. То, что прежде считалось особой роскошью высшаго дворянства—обладать одновременно жилищемъ въ столицѣ и въ деревнѣ—теперь все болѣе становится обыкновенной потребностью всякой, даже скромной, буржуазной семьи. Такъ, возлѣ опустѣвшихъ крестьянскихъ хижинъ появляются виллы и отели, которые оживляются только въ теченіе нѣсколькихъ недѣль въ году, а остальное время пустуютъ.

Итакъ, ростъ большихъ городовъ сопровождается непрерывнымъ возрастаніемъ числа домовъ, которыми пользуются только отчасти и постройка которыхъ является, такимъ образомъ, расточительностью.

Но ростъ большихъ городовъ сопровождается постоянно совершающимися внутри ихъ измѣненіями. Вся дѣловая жизнь сосредоточивается въ сравнительно небольшой части города, въ центрѣ. Туда ежедневно собирается населеніе, участвующее такъ или иначе въ промышленной жизни, туда же направляется вся масса товаровъ, которые поглощаетъ, или сбываетъ большой городъ. Оттуда, въ свою очередь, направляется обратный потокъ людей и товаровъ къ периферіи или въ каналы міровой торговли. Непрерывное движеніе людей и товаровъ туда и обратно усиливается изъ года въ годъ, вызывая постоянное расширеніе путей сообщенія внутри города, постройку новыхъ крупныхъ дорожныхъ сооруженій, отведеніе земельныхъ участковъ для вокзаловъ и т. д. Для постройки домовъ остается все меньше свободнаго пространства и въ то же время все увеличивается въ центрѣ города спросъ на конторы, магазины, склады для товаровъ. Для удовлетворенія этой нужды старые и низкіе дома замѣняются новыми и высокими. Слѣдствіемъ всего этого является непрерывное революціонизированіе центральныхъ частей города,—постоянная ломка старыхъ и постройка новыхъ зданій, но вызываемая не ростомъ населенія, не техническими соображеніями, не обветшалостью зданій, а исключительно специфическими особенностями современнаго капиталистическаго способа производства.

Здѣсь такъ же, какъ и всюду въ предѣлахъ своего господства, онъ является революціоннымъ способомъ производства, comme il faut. Онъ не терпитъ вѣчнаго: сегодня онъ обезцѣниваетъ то, что вчера еше создавалъ,

стремится все сдѣлать негоднымъ, прежде чѣмъ оно стало негоднымъ, съ легкимъ сердцемъ уничтожаетъ сегодня продуктъ труда, затраченнаго вчера, чтобы имѣть возможность завтра вышвырнуть новый трудъ".

Если бы мы захотѣли дать дальнѣйшее обоснованіе и привести примѣры въ подтвержденіе только что сказаннаго, мы зашли бы слишкомъ далеко. Укажемъ только еще на одну разновидность расточительности.

Капиталистическое развитіе ведетъ къ непрерывному росту промышленной резервной арміи, какъ это доказалъ Марксъ. Бернштейнъ также не отрицаетъ этого, по крайней мѣрѣ, въ этомъ смыслѣ онъ нигдѣ не высказывается. Часть этой промышленной арміи состоитъ изъ безработныхъ. Другая часть влачитъ паразитическое существованіе, часто находя себѣ занятіе въ мелкой посреднической торговлѣ.

У насъ нѣтъ соизмѣримыхъ статистическихъ данныхъ о числѣ безработныхъ за разные періоды времени. Число безработныхъ колеблется въ связи съ состояніемъ промышленности. Всѣ наличныя данныя говорятъ за то, что во время кризиса, бывшаго въ восьмидесятыхъ годахъ, число безработныхъ поднялось до ужасающей высоты. То же было во время промышленнаго угнетенія въ началѣ настоящаго десятилѣтія, именно съ 1892 по 1894 г. Но никогда даже и во времена промышленнаго расцвѣта эта армія совсѣмъ не исчезаетъ. Въ 1895 г. была сдѣлана перепись безработныхъ въ Германіи. Тогда уже начинался періодъ промышленнаго подъема. Перепись 14 іюня дала 299352 безработныхъ, а 2 декабря 771005, т. е. 1,9% и 4,8% всего числа наемныхъ рабочихъ.

Среди безработныхъ оказалось:

По болѣзни:		По другимъ причинамъ.	
14 іюня	2 декабря	14 іюня	2 декабря
120,348	217,365	179,004	553,640

Слѣдовательно, бывшіе безъ работы не по болѣзни составляли лѣтомъ 1,11%, а зимой 3,43% всѣхъ наемныхъ рабочихъ.

Колебанія въ числѣ безработныхъ по отдѣльнымъ отраслямъ были весьма велики. Оказалось:

	Безработные (не по болѣзни).		% безработныхъ по отношенію къ числу наемн. рабочихъ.		На 100 безработныхъ въ іюнѣ приходилось въ декабрѣ.
	14 іюня.	2 декаб.	14 іюн.	2 дек.	
Сельское хозяйство . . .	158.340	18.442	0,33	2,82	858,06
Промышленность по обработкѣ камня и земли.	20.615	3.058	0,65	4,40	674,01
Строительныя работы . .	145.121	19.408	1,68	12,60	747,74

Особенно сильна безработица въ отдѣльныхъ крупныхъ городахъ. Безработныхъ было (не считая больныхъ):

14 іюня 1895 г.	% рабочихъ
Въ Гамбургѣ . . .	6,24
» Альтонѣ. . . .	5,79
» Берлинѣ . . .	4,70
» Лейпцигѣ . . .	4,05

2 декабря 1895 г.	% рабочихъ
Въ Альтонѣ . . .	9,51
» Данцигѣ . . .	9,09
» Кенигсбергѣ. .	7,57
» Штеттинѣ. .	7,19
» Гамбургѣ . . .	6.94
» Берлинѣ. . . .	6,36
» Магдебургѣ. . .	6,11

Эти цифры, несомнѣнно, достаточно значительны. Но, очевидно, они были бы гораздо больше, если бы регистрація безработныхъ исходила не изъ двухъ отдѣльныхъ моментовъ, а основывалась бы на подсчетѣ всѣхъ, кто хотя однажды въ году былъ безъ работы, и если бы всякій, не имѣющій работы въ своей главной профессіи, причислялся къ безработнымъ.

Въ Англіи среди организованныхъ рабочихъ, заработокъ которыхъ прочнѣе, чѣмъ у массы неорганизованныхъ, все же число безработныхъ по отношенію ко всѣмъ членамъ профессіональныхъ союзовъ составляло въ 1893 г. 7,5%, въ 1894 г. 6,9%, въ 1895 г. 5,8%.

Наиболѣе полныя данныя о количествѣ безработныхъ, повидимому, даетъ перепись, произведенная въ Соединенныхъ Штатахъ. При этой переписи считались безработными не только не имѣвшіе работы въ данный „моментъ“, но всѣ тѣ, кто въ теченіе года (съ 1 іюня 1889 по 31 мая 1890 г.) хоть однажды остался безъ работы по своей спеціальности. Оказалось безработныхъ 3.013.117 мужчинъ и 510.613 женщинъ, т. е., 16% и 13% всѣхъ занятыхъ въ промышленности лицъ (не только

наемныхъ рабочихъ) того и другого пола. И это было въ періодъ промышленнаго расцвѣта!

Безработные распредѣлялись по отраслямъ промышленности слѣдующимъ образомъ:

ЗАНЯТІЯ.	Мужчинъ, занятыхъ въ производствѣ свыше 10-лѣтняго возраста. Всего.	Въ томъ числѣ безработныхъ. Число.	Въ томъ числѣ безработныхъ. %	Женщинъ, занятыхъ въ производствѣ свыше 10-лѣтняго возраста. Всего.	Въ томъ числѣ безработныхъ. Число.	Въ томъ числѣ безработныхъ. %
Сельское хозяйство, рыболовство, горнопромышленность.	8.333.813	1.120.827	13,45	679.523	108.973	16,04
Свободныя профессіи и т. д. (professional service) . . .	632.646	54.654	8,64	311.657	87.920	28,21
Личная служба	2.692.879	689.30	25,60	1.667.698	130.774	7,84
Торговля и перевозка	3.097.701	247.757	8,00	228.421	15.114	6,62
Промышленность	4.064.051	900.572	22,16	1.027.242	167.832	16,34
Итого	18.821.090	3.013.117	16,01	3.914.541	510.613	13,00

Наибольшее количество безработныхъ, такимъ образомъ, мы находимъ въ промышленности и на личной службѣ. Они составляютъ здѣсь почти четверть всѣхъ занятыхъ въ этихъ двухъ группахъ лицъ.

Безработные по продолжительности безработицы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Безработные.	1—3 м-ца.		4—6 м-цевъ		7—12 м-цевъ.	
	Колич.	%	Колич.	%	Колич.	%
Мужчины	1.553.750	51,57	1.179.426	39,14	279.932	9,29
Женщины	265.106	51,92	188.992	37,01	56.515	11,07

Слѣдовательно, почти половина безработныхъ свыше четырехъ мѣсяцевъ въ году оставалась безъ работы. По подсчету составителей ценза во всей странѣ ежемѣсячная средняя цифра безработныхъ составляла болѣе одного милліона, т. е. круглымъ счетомъ 5% занятаго въ промышленности населенія.

Какой высоты достигаютъ эти цифры во время кризиса, объ этомъ не говоритъ никакая перепись.

Но вызываемое развитіемъ капитализма относительное перенаселеніе еще не исчерпывается одними безработными. Безработный, потерявшій надежду найти работу по своей спеціальности и не принадлежащій къ организаціи, могущей его поддержать, пытается по крайней мѣрѣ временно найти занятіе въ другой промышленной отрасли. Всего чаще въ этомъ случаѣ является для него прибѣжищемъ паразитическая мелкая торговля. Всякія самостоятельныя „предпріятія“ въ видѣ торговли въ разносъ, продажи газетъ и т. д. по большей части представляютъ собой для безработныхъ въ сущности лишь нѣсколько болѣе благородный, чѣмъ нищенство, способъ существованія.

Съ 1882 по 1895 г. въ Германіи число лицъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, осталось почи безъ измѣненія, въ индустріи увеличилось на 29,5%, а въ торговлѣ и перевозочной промышленности возросло на цѣлыхъ 49%.

При этомъ въ видѣ поясненія къ вышеприведеннымъ даннымъ укажу, что въ то время какъ число лицъ, за-

нятыхъ во всей промышленности, возросло на 29,5%, въ строительномъ дѣлѣ, которое носитъ чисто мѣстный характеръ и не принадлежитъ къ экспортной промышленности, число лицъ возросло на 42,9%, все же населеніе на 14,5%.

Эти уже факты указываютъ на рядъ явленій, обусловливающихъ поглощеніе продуктовъ растущей производительности внѣ зависимости отъ увеличенія числа имущихъ. Такъ, съ одной стороны, какъ мы видѣли, непрерывно усиливается непроизводительная трата рабочихъ силъ, увеличивается число непроизводительныхъ элементовъ въ обществѣ, съ другой стороны, возрастаетъ расточительность продуктовъ труда,

Мы еще не назвали самаго широкаго русла, въ которое направляется все растущій излишекъ произведенныхъ продуктовъ. Мы говоримъ о накопленіи капитала.

Бернштейнъ, повидимому, воображаетъ, что мы живемъ еще во времена натуральнаго хозяйства, когда эксплуататоры, выжимая изъ своихъ подданныхъ прибавочный продуктъ въ видѣ произведеній природы, не могутъ потребить его иначе, какъ только съѣсть вмѣстѣ со своими товарищами и слугами. „Магнаты капитала могли бы обладать въ десять разъ большимъ желудкомъ, чѣмъ ихъ снабдило народное остроуміе, и держать въ десять разъ больше прислуги, чѣмъ это бываетъ въ дѣйствительности, но и тогда бы ихъ потребленіе по отношенію ко всему количеству ежегоднаго національнаго продукта оказалось бы только перышкомъ на вѣсахъ".

Такимъ образомъ, по Бернштейну магнаты капитала не умѣютъ найти иного употребленія для своего ежегоднаго дохода, какъ только проѣсть его вмѣстѣ со своими слугами! Неудивительно, что онъ спрашиваетъ, куда дѣвается прибавочный продуктъ.

Если бы Бернштейнъ пожелалъ возстановить въ своей памяти „Капиталъ" Маркса съ иною цѣлью, чѣмъ выискиваніе противорѣчій и тенденціозныхъ искаженій, то онъ увидѣлъ бы, что 22-я глава, въ которой идетъ рѣчь о превращеніи прибавочной цѣнности въ капиталъ, является важнѣйшей и лучшей во всей книгѣ. Ежегодный доходъ капиталистовъ распредѣляется на двѣ части: фондъ личнаго потребленія и фондъ накопленія. Чѣмъ больше первая часть, тѣмъ меньше вторая. Но общественная миссія капиталиста главнымъ обра-

зомъ заключается въ накопленіи, въ собираніи капитала. При возникновеніи капиталистическаго способа производства, когда производительность труда и доля прибавочнаго продукта, а слѣдовательно, и доходы капиталистовъ въ общемъ были незначительны, можно было еще сомнѣваться, не помѣшаетъ ли накопленію капиталовъ расточительный образъ жизни капиталистовъ. Расточительность считалась тогда присущимъ дворянству порокомъ, которому противопоставляли бережливость, даже скупость, какъ буржуазную добродѣтель. Но чѣмъ сильнѣе растетъ производительность труда, тѣмъ болѣе должно ускоряться накопленіе капитала и одновременно расти роскошь среди капиталистовъ. „Магнатъ" можетъ спокойно удовлетворять свои грубые или тонкіе вкусы, и все-таки каждый годъ все большую долю прибавочнаго продукта, остающагося въ его карманѣ, онъ можетъ превращать въ новыя средства производства.

Если Бернштейнъ задается вопросомъ: куда же дѣвается прибавочный продуктъ, то пусть онъ посмотритъ на новыя машины, стоящія возлѣ старыхъ, на новыя фабрики, заводы, каменноугольныя копи, желѣзныя дороги, появляющіяся рядомъ съ существующими; пусть онъ посмотритъ на страны, бывшія еще немного десятилѣтій, даже лѣтъ, тому назадъ родиной первобытнаго варварства, въ которыхъ появилось теперь капиталистически развитое сельское хозяйство, капиталистическій транспортъ, капиталистическая промышленность. Все это безконечное множество новыхъ средствъ производства,—все это продуктъ прибавочнаго труда, который пролетаріатъ создаетъ капиталу. Это тотъ же „прибавочный продуктъ", присваеваемый капиталистомъ, какъ и его трюфели и устрицы, его скаковыя лошади и замки, бриллiанты его жены и содержанокъ.

Классъ капиталистовъ создалъ такую роскошь, о какой не было слышно уже со дней Римской имперіи; а вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ классъ въ теченіе немногихъ десятилѣтій достигъ повышенія производительности труда и расширенія области капиталистическаго способа производства съ быстротой, не имѣющей себѣ равнаго на всемъ протяженіи исторіи. И вотъ въ виду такого быстраго, прямо-таки сказочнаго развитія, Бернштейнъ ставитъ вопросъ: что же происходитъ съ прибавочнымъ продуктомъ? И ему кажется, что весь прибавочный продуктъ, который не помѣстится въ объемистыхъ желуд-

кахъ магнатовъ, долженъ пойти въ желудки другихъ имущихъ, а такъ какъ каждый желудокъ, даже и крупнаго милліонера, обладаетъ предѣльной растяжимостью, то увеличеніе всей массы прибавочнаго продукта неизбѣжно означаетъ для Бернштейна увеличеніе желудковъ, потребляющихъ этотъ продуктъ, и превращеніе обладателей этихъ желудковъ—въ имущихъ.

Такимъ то образомъ, Бернштейнъ подымаетъ „Капиталъ“ Маркса на высшую ступень научности, растворяя его противорѣчія и софизмы въ желудочномъ соку имущихъ.

Довольно о ростѣ массы прибавочнаго продукта и объ увеличеніи числа имущихъ! Мы видимъ, что первое явленіе отнюдь не обусловливаетъ неизбѣжнымъ образомъ второго. Ростъ числа наемныхъ рабочихъ, повышеніе производительности ихъ труда, усиленіе эксплуатаціи рабочихъ,—а вѣдь результатомъ всего этого и является ростъ массы прибавочной цѣнности, — все это, какъ и данныя подоходной статистики и акціонерныя общества, также мало доказываетъ, будто распредѣленіе имуществъ идетъ въ другую сторону, чѣмъ концентрирующійся капиталъ.

Съ этимъ вопросомъ здѣсь можно было бы покончить, но во избѣжаніе недоразумѣній мы должны привести еще нѣкоторыя соображенія.

— Какъ мы видѣли, Бернштейнъ не выяснилъ, что̀ собственно онъ понимаетъ подъ ростомъ имущихъ,— ростъ ли числа капиталистовъ, повышеніе ли жизненнаго уровня всего населенія, или возникновеніе новаго средняго сословія вмѣсто погибающаго стараго. Это три совершенно отдѣльныя явленія, которыя должны быть строго разграничены другъ отъ друга.

Мы видѣли, какъ обстоитъ дѣло съ ростомъ числа имущихъ. Мы находили до сихъ поръ только быстрый ростъ числа крупныхъ капиталистовъ и, напротивъ, относительное сокращеніе числа мелкихъ предпринимателей и вовсе не видѣли никакихъ признаковъ, позволяющихъ думать, что это уменьшеніе превратится благодаря акціонернымъ обществамъ въ ростъ мелкихъ состояній.

Второй вопросъ объ „обнищаніи“ народныхъ массъ. Несомнѣнно, что общее благосостояніе наемныхъ рабочихъ можетъ возрастать при одновременномъ уменьшеніи числа мелкихъ капиталистовъ.

Бернштейну этотъ вопросъ кажется рѣшеннымъ, и

онъ считаетъ излишнимъ заняться имъ поближе: „теорія обнищанія въ настоящее время почти всѣми сдана въ архивъ, если не со всѣми ея послѣдствіями и прямо, то, по крайней мѣрѣ, въ той формѣ, что ее по возможности отвергаютъ въ интерпретаціи“ (стр. 140).

Однако дѣло вовсе не такъ просто и ясно; такъ какъ эта теорія въ послѣднее время подвергалась критикѣ и въ партійныхъ кругахъ, даже помимо Бернштейна, мы считаемъ теперь умѣстнымъ подробнѣе остановиться на ней.

Теорія обнищанія.

Терминъ „теорія обнищанія“, какъ и термины: теорія крушенія и теорія катастрофъ, былъ введенъ въ обращеніе не Марксомъ или Энгельсомъ, а критиками ихъ воззрѣній.

Марксъ, правда, въ своей главѣ объ исторической тенденціи капиталистическаго накопленія говоритъ о ростѣ „нищеты, гнета, порабощенія, деградаціи, эксплуатаціи“, „но и о возмущеніи численно все возрастающаго рабочаго класса, воспитываемаго, объединяемаго, организуемаго механизмомъ самого капиталистическаго процесса производства“.

Бернштейнъ не соглашается, что Марксъ говорилъ здѣсь о растущей зрѣлости и силѣ пролетаріата. „Позволительно ли истолковывать слова Маркса о численномъ ростѣ, объединеніи и воспитаніи пролетаріата (изъ фразы о крушеніи) въ смыслѣ растущей его зрѣлости и силы,—зависитъ отъ того, какъ можно примирить эти послѣднія свойства съ вырожденіемъ и рабствомъ того же самаго пролетаріата. Я далекъ отъ мелочной придирчивости къ словамъ, но я могу только сказать, что на мой взглядъ, при такомъ предположеніи, между растущимъ числомъ, объединеніемъ и воспитаніемъ—которое, конечно, здѣсь нужно понимать въ смыслѣ политическаго воспитанія—и растущей зрѣлостью и силой еще существуетъ большое различіе, такое же, какъ между временной побѣдой и продолжительнымъ господствомъ“ (Vorwärts, 21 апрѣля).

Было бы, несомнѣнно, очень дурно, если бы мы прибѣгали къ „мелочной придирчивости къ словамъ“, чтобъ разобраться въ цитированномъ положеніи. Многозначительное само по себѣ, оно стоитъ въ концѣ сочиненія, занимающаго 800 страницъ, сочиненія, которое является

итогомъ болѣе чѣмъ 20-лѣтней научной и политической дѣятельности. Чтобы понять краткое положеніе, представляющее резюме взглядовъ Маркса, для этого нужно не словопреніемъ заниматься, а имѣть въ виду всю дѣятельность Маркса, помнить все содержаніе его произведеній. Но, прежде всего, должно имѣть въ виду фактъ самой дѣйствительности.

Можно представить три толкованія „теоріи обнищанія", толкованія, не исключающія другъ друга, а дополняющія и стоящія другъ съ другомъ въ тѣснѣйшей связи.

Прежде всего можно видѣть въ этой теоріи указаніе на наличность двухъ противоположныхъ другъ другу *тенденцій*: принижающей и возвышающей пролетаріатъ. Но противоположность этихъ двухъ тенденцій является только отраженіемъ противоположности, существующей между капиталистами и наемными рабочими. Въ силу конкуренціи капиталистамъ постоянно присуще стремленіе къ все большему подавленію своихъ рабочихъ, къ увеличенію рабочаго дня, къ уменьшенію ихъ заработной платы, къ усиленію своей власти надъ рабочими и т. д. Но съ той же неизбѣжностью раньше или позже возстанутъ порабощенные и угнетенные, самимъ же процессомъ производства объединенные и сорганизованные рабочіе.

Это, несомнѣнно, всѣмъ извѣстно. Но тутъ выступаютъ либеральные экономисты и заявляютъ: да, это все вѣрно, но только тенденція къ обнищанію пролетаріата представляетъ скоропреходящее явленіе, свойственное лишь начальной стадіи капиталистическаго способа производства, которое вскорѣ исчезнетъ.

Это, однако, невѣрно. Исчезнутъ только нѣкоторыя *проявленія тенденціи къ обнищанію, но не она сама*. Она неразрывно связана съ капиталистической системой эксплуатаціи и можетъ исчезнуть только съ ея устраненіемъ.

Стремленіе предпринимателей ухудшать положеніе рабочихъ и оказывать сильное сопротивленіе даже самой попыткѣ къ улучшенію ихъ положенія представляетъ неизбѣжное слѣдствіе капиталистическаго способа производства, конкуренціи и погони за прибылью, побуждающей къ постоянному сокращенію всѣхъ издержекъ производства, а слѣдовательно, и издержекъ на трудъ. Правда, иногда встрѣчаются фабриканты,—но они только бѣлыя вороны среди всего класса капитали-

стовъ,— понимающіе, что хорошая плата и короткій рабочій день увеличиваетъ продуктивность труда, но это не устраняетъ тенденціи къ „обнищанію“. Именно эти интеллигентные фабриканты въ большинствѣ случаевъ стремятся посредствомъ машинъ и другихъ способовъ, сокращающихъ примѣненіе труда, уменьшить число занятыхъ рабочихъ и замѣнить квалифицированный трудъ простымъ. Наконецъ, повсюду предпринимательскіе союзы, не довольствуясь порабощеніемъ и деградаціей рабочихъ, стремятся превратить ихъ въ безвольныхъ рабовъ.

Тамъ, гдѣ рабочимъ удалось нѣсколько перевоспитать предпринимателей, какъ, напримѣръ, въ Англіи, тамъ смягчаются формы борьбы между капиталистической тенденціей къ обнищанію и пролетарской къ возвышенію; но самая борьба остается, принимая все болѣе грандіозные размѣры, такъ какъ въ той и другой изъ враждебныхъ сторонъ постоянно возрастаетъ численность, сплоченность и готовность къ борьбѣ.

Слѣдовательно, въ смыслѣ тенденціи, неразрывно связанной съ существованіемъ капиталистическаго общества и проявляющейся во все болѣе широкихъ размѣрахъ, выраженіе о ростѣ нищеты, рабства и возмущенія безусловно подтверждается.

Но не противорѣчитъ дѣйствительности и другое толкованіе. Терминъ **нищета** можно понимать въ смыслѣ какъ **физической**, такъ и **соціальной нищеты**. Нищета въ первомъ смыслѣ измѣряется **физіологическими** потребностями людей, которыя, конечно, не вездѣ и не во всѣ времена однѣ и тѣ же, но въ общемъ между ними не существуетъ такой большой разницы, какъ между **соціальными потребностями**, неудовлетвореніе которыхъ порождаетъ соціальную нищету.

Если имѣть въ виду физіологическую нищету, то формулировку Маркса пришлось бы признать неудовлетворительной. Именно въ наиболѣе передовыхъ капиталистическихъ странахъ нельзя болѣе наблюдать роста физической нищеты. Всѣ факты скорѣе всего указываютъ на то, что тамъ физическая нищета уменьшается, хотя крайне медленно и не повсюду. Жизненный уровень рабочаго класса теперь выше, чѣмъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Конечно, было бы крупной ошибкой измѣрять его повышеніе повышеніемъ денежной платы. Не забудемъ, что съѣстные припасы съ тѣхъ поръ силь-

но вздорожали. Цѣны на хлѣбъ за послѣдніе годы упали, а также мѣстами и цѣны на мясо. Наоборотъ, поднялись квартирныя цѣны, налоги, а также и иныя статьи расхода въ бюджетѣ рабочаго класса. Указываютъ на уменьшеніе нищенства, какъ это можно видѣть, напримѣръ, въ Англіи, и забываютъ, что зато профессіональные союзы и другія вспомогательныя кассы поддерживаютъ на взносы съ рабочихъ многочисленныхъ безработныхъ, инвалидовъ, больныхъ, которые при отсутствіи этой поддержки попадали бы въ рабочіе дома и въ исправительныя заведенія. Если сравнивать настоящее съ прошедшимъ, то мы увидимъ, что тѣ расходы на бѣдныхъ, которые пополнялись раньше главнымъ образомъ налогомъ съ богатыхъ, теперь производятся за счетъ повысившейся заработной платы.

Это повышеніе въ общемъ не такъ значительно, какъ это кажется, если судить по дешевой платѣ, при перечисленіи же денежной платы на хлѣбъ повышеніе кажется еще большимъ, тогда какъ именно тѣ жизненныя потребности, удовлетвореніе которыхъ стало дороже въ этомъ случаѣ не принимаются въ расчетъ.

Нигдѣ условія развитія рабочаго класса не сложились такъ благопріятно, какъ въ Англіи. Такой трезвый и такъ мало склонный къ преувеличеніямъ изслѣдователь, какъ Сидней Веббъ, въ результатѣ своихъ изслѣдованій о происшедшихъ за 30 лѣтъ измѣненіяхъ въ положеніи англійскаго пролетаріата пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

„Можно безусловно признать, что съ 1837 г., правда, значительный слой рабочихъ достигъ крупныхъ успѣховъ, но другіе слои достигли очень незначительныхъ, если только вообще они получили какую-либо долю въ общемъ прогрессѣ богатства и цивилизаціи. Если мы для различныхъ условій жизни и труда установимъ уровень, ниже котораго рабочій уже не можетъ жить сносно, то мы найдемъ, что по отношенію къ платѣ, рабочему времени, квартирамъ и къ общей культурѣ процентное отношеніе тѣхъ, которые стоятъ ниже этого уровня, въ настоящее время менѣе значительно, чѣмъ въ 1837 г. Но мы также найдемъ, что самый низкій уровень теперь такъ же низокъ, какъ и тогда, и что общее число стоящихъ ниже принятаго нами уровня существованія по своей абсолютной величинѣ теперь внѣ сомнѣнія больше, чѣмъ въ 1837 г. Степень бѣдности сегодня такъ же

значительна, какъ когда-либо, ея размѣры столь же велики и даже, пожалуй, еще больше: низшіе слои попрежнему остаются неизмѣнно на уровнѣ 1837 года, къ великому для насъ укору.“ (Labour in the longest reign, стр. 18).

Уже за десять лѣтъ до этого Фридрихъ Энгельсъ пришелъ почти къ тѣмъ же самымъ выводамъ. Онъ писалъ въ „Neue Zeit“ въ 1885 г. о рабочемъ классѣ въ Англіи:

„Непрерывное улучшеніе положенія (съ 1848 года) наблюдается только въ двухъ охраняемыхъ группахъ рабочаго класса. Изъ нихъ первая—фабричные рабочіе. Законодательное установленіе для этой группы относительно раціональнаго нормальнаго рабочаго дня повліяло сравнительно благопріятно на возстановленіе ихъ физическаго здоровья и дало имъ моральное превосходство, усилившееся еще благодаря ихъ мѣстной сконцентрированности. Ихъ положеніе теперь, безъ сомнѣнія, лучше, чѣмъ до 1848 г. . . . То же самое можно сказать о второй группѣ: о крупныхъ трэдъ-юніонахъ. Они представляютъ организаціи рабочихъ цѣлыхъ отраслей труда, гдѣ исключительно употребляется или преобладаетъ трудъ взрослыхъ мужчинъ. Ихъ организованной силы до сихъ поръ не могла еще сломить конкуренція ни женскаго и дѣтскаго труда, ни машинъ. Машиностроительные рабочіе, плотники и столяры, строительные рабочіе, всѣ они сами по себѣ являются такой могущественной силой, что оказываются въ состояніи,—какъ это сдѣлали строительные рабочіе,—успѣшно бороться противъ введенія машинъ. Ихъ положеніе несомнѣнно значительно улучшилось съ 1848 г. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то обстоятельство, что вотъ уже болѣе 15 лѣтъ не только работодатели довольны ими, но и они въ высшей степени довольны своими работодателями. Они составляютъ аристократію рабочаго класса; они уже достигли сравнительно комфортабельнаго положенія и не желаютъ идти далѣе. Они образцовые рабочіе въ духѣ Леона Леви и Джиффена, а также добраго Брентано, и въ самомъ дѣлѣ они очень милые, обходительные люди для каждаго здравомыслящаго капиталиста въ отдѣльности и для класса капиталистовъ въ цѣломъ.

„Но что касается широкихъ массъ рабочихъ, то уровень нищеты и необезпеченности ихъ существованія сегодня такъ же низокъ, если не ниже, какъ прежде. Восточная часть Лондона представляетъ изъ себя все рас-

ширяющееся море нищеты, отчаянія, голодной нужды во время безработицы, физическаго и моральнаго угнетенія—во время работы“.

Это описаніе вполнѣ согласуется съ картиной, нарисованной Веббомъ.

Если эти обѣ картины вѣрны, если въ Эльдорадо трэдъ-юніонизма, кооперативнаго движенія, муниципальнаго соціализма рабочіе достигли не слишкомъ многаго, то, несомнѣнно, во всякомъ другомъ мѣстѣ ихъ успѣхи еще менѣе значительны.

Но если подъемъ рабочаго класса изъ физической нищеты является такимъ длительнымъ процессомъ, то отсюда само собой вытекаетъ увеличеніе его соціальной нищеты, такъ какъ производительность труда растетъ гораздо быстрѣе. Это значитъ, что рабочій классъ все въ большей степени является исключеннымъ изъ прогресса культуры, которую онъ самъ созидалъ, что жизненный уровень буржуазіи повышается быстрѣе, чѣмъ жизненный уровень пролетаріата, что соціальныя противорѣчія между ними неизмѣнно возрастаютъ.

Нужно думать, что въ соціальной теоріи понятіе нищета прежде всего должно приниматься въ соціальномъ смыслѣ. Но Бернштейнъ держится другого мнѣнія. Въ пониманіи нищеты, какъ соціальнаго явленія, онъ видитъ не что иное, какъ отказъ отъ „теоріи обнищанія“, однако „не прямой“,—на что мы „апологеты и крючкотворцы“ неспособны,—но „по крайней мѣрѣ въ такой формѣ, что мы по возможности отвергаемъ ее въ интерпретаціи“.

„Попытку такого ниспроверженія,—говоритъ онъ,—дѣлаетъ г. Куновъ въ своей статьѣ о крушеніи. Если Марксъ въ заключеніе къ первой части „Капитала“ говоритъ о „ростѣ нищеты“, какъ о спутникѣ капиталистическаго способа производства, то подъ этимъ, по словамъ Кунова, нужно понимать не просто абсолютный регрессъ въ хозяйственномъ положеніи рабочаго, а „только регрессъ въ его общественномъ положеніи, взятомъ въ цѣломъ, по отношенію къ прогрессирующему культурному развитію, другими словами, по отношенію къ росту производительности и къ повышенію уровня общихъ культурныхъ потребностей“. Понятіе нищеты не есть что-либо неизмѣнное. „Что для рабочаго одной категоріи, котораго отдѣляетъ отъ его работодателя глубокая пропасть въ

образованіи, является желаннымъ положеніемъ, то для квалифицированнаго рабочаго другой категоріи, который, можетъ быть, духовно превосходитъ своего „работодателя“, это положеніе можетъ показаться такой бездной „нищеты и гнета“, что въ возмущеніи онъ возстанетъ противъ него“. („Neue Zeit“ XVII. 1. стр. 402, 403).

„Къ сожалѣнію, Марксъ говоритъ въ данномъ мѣстѣ не только объ увеличивающейся массѣ нищеты и гнета, но также о возрастающихъ „рабствѣ, вырожденіи, эксплоатаціи“. Должны ли мы также все это понимать въ сказанномъ, пикквикскомъ смыслѣ. Должны ли мы понимать вырожденіе рабочихъ, какъ относительное вырожденіе по сравненію съ повышенной общей цивилизаціей? Я этого не думаю, какъ не думаетъ, вѣроятно, и Куновъ. Нѣтъ, Марксъ говоритъ въ данномъ мѣстѣ совершенно опредѣленно: „непрерывно уменьшающееся число магнатовъ капитала“, которые „узурпируютъ всѣ выгоды“ капиталистическаго процесса превращенія, и ростъ „массы нищеты, гнета“ и т. д. („Капиталъ“ 1-я часть, 24 глава, 7 стр.). Можно обосновывать теорію крушенія на этомъ противопоставленіи, но не на моральной нищетѣ, испытываемой рабочимъ передъ духовно-низшимъ начальникомъ, какъ это бываетъ въ каждой канцеляріи, каждой чиновничьей организаціи (стр. 148)“.

Это я называю смотрѣть въ корень вещей. Вмѣсто соціальной нищеты, вмѣсто растущей противоположности между буржуазнымъ и пролетарскимъ уровнемъ жизни, у Бернштейна неожиданно выступаетъ моральная нищета подчиненныхъ передъ духовно-низшими начальниками, какъ это бываетъ во всякой канцеляріи, моральная нищета непризнаннаго генія. Видѣть въ нищетѣ не физическое, а соціальное явленіе для Бернштейна значитъ придавать слову пикквикскій смыслъ. Если это такъ, то клубъ этихъ пикквиковъ очень почтенный.

Я здѣсь напомню одно извѣстное мѣсто изъ „Отвѣтнаго письма“ Лассаля.

„Всѣ страданія и лишенія людей зависятъ только отъ отношенія средствъ удовлетворенія къ существующимъ въ то же время потребностямъ и жизненнымъ привычкамъ. Всѣ страданія и лишенія людей и всѣ удовлетворенія людей, слѣдовательно, всякое человѣческое положеніе

измѣряются только путемъ сравненія съ положеніемъ, въ какомъ находятся въ то же самое время другіе люди по отношенію къ обычнымъ жизненнымъ потребностямъ. Всякое положеніе одного класса измѣряется всегда только отношеніемъ его къ положенію другихъ классовъ въ то же самое время". (Изд. Бернштейна II. стр. 426).

То же говорилъ Ротбертусъ уже въ 1850 г. въ своемъ первомъ соціальномъ письмѣ къ фонъ Кирхману:

„Бѣдность есть общественное, то-есть, относительное понятіе. И я утверждаю, что съ тѣхъ поръ какъ рабочій классъ добился въ другихъ областяхъ высшаго общественнаго положенія, его законныя потребности значительно возрасли и было бы ошибочно теперь, когда онъ занялъ высшее положеніе, не говорить объ ухудшеніи его матеріальнаго положенія даже при оставшейся неизмѣнной заработной платѣ. . . . Если еще прибавить къ этому, что ростъ національнаго богатства, создавая средства къ повышенію ихъ доходовъ, идетъ на пользу исключительно другихъ классовъ, то станетъ вполнѣ ясно, что вслѣдствіе этого несоотвѣтствія между потребностями и удовлетвореніемъ, между соблазнами и внутреннимъ самоотреченіемъ, экономическое положеніе рабочаго класса должно придти въ разстройство". (Письмо напечатано у Целлера: „Zur Erkenntniss unserer staatswirthschaftlichen Zustände", стр. 272).

Марксъ думалъ точно такъ же. Это ясно изъ того, что, онъ говорилъ о ростѣ нищеты въ „Капиталѣ", въ сочиненіи, которое такъ рѣшительно подчеркиваетъ физическое возрожденіе англійскаго рабочаго класса, благодаря фабричному законодательству. И Энгельсъ замѣтилъ въ 1891 году—году составленія Эрфуртской программы,—что возрастающее противорѣчіе между трудомъ и капиталомъ происходитъ отъ того, что все большая часть увеличивающейся массы продуктовъ удерживается классомъ капиталистовъ, „между тѣмъ какъ доля, достающаяся рабочему классу, (считая на голову) или только очень медленно возрастаетъ, или совсѣмъ не возрастаетъ, при нѣкоторыхъ же обстоятельствахъ даже можетъ падать, хотя это не неизбѣжно". (Предисловіе къ соч. Маркса „Наемный трудъ и капиталъ" стр. 9. Сравн. также предисловіе къ 2-му изд. его „Положенія рабочаго класса въ Англіи". Стр. 10).

Нашъ Пикквикскій клубъ представляетъ изъ себя уже не слишкомъ дурное общество. И эти пикквики

начали съ „отверганія“ своихъ взглядовъ въ то время, когда они еще только слагались.

Но какъ-же намъ быть съ „вырожденіемъ“? Ну, разъ ужъ мы хотимъ быть „мелочно придирчивыми“, то должны замѣтить, что Марксъ говорилъ не о „вырожденіи“, а о „деградаціи“. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ „Капитала“ Энгельсъ часто замѣнялъ иностранныя слова нѣмецкими, и потому употреблялъ тамъ вмѣсто „деградаціи“ „вырожденіе“. Я предпочелъ бы слово „униженіе“, обозначающее не столько физіологическій, сколько соціальный упадокъ. Уже въ своемъ проектѣ программы 1891 г. я говорилъ о растущемъ „униженіи“, а не „вырожденіи“.

Но и слово „вырожденіе“ имѣетъ за себя основаніе. Мы видимъ, что случаи самоубійства и сумасшествія учащаются, а данныя рекрутскаго набора говорятъ намъ, что вырожденіе распространилось уже изъ городовъ на деревни, дотолѣ доставлявшія городу притокъ свѣжей крови. Такимъ образомъ, можно говорить съ полнымъ правомъ о вырожденіи не одного только рабочаго класса, а всего капиталистическаго общества. Но мнѣ кажется, что Марксъ въ цитированномъ мѣстѣ хотѣлъ указать на растущую соціальную противоположность между буржуазіей и пролетаріатомъ, и эта противоположность не обостряется вслѣдствіе роста физическаго вырожденія во всѣхъ классахъ,—если не говорить о томъ, что она дѣлаетъ всѣхъ болѣе нервными.

Какъ бы то ни было, изощреніе Бернштейномъ своего остроумія по поводу „относительнаго вырожденія“ не должно насъ сбить съ толку въ соціальномъ пониманіи нищеты.

Ростъ нищеты въ соціальномъ смыслѣ засвидѣтельствованъ самой буржуазіей, но она дала ей только другое названіе: она называетъ ее ж а д н о с т ь ю. О словахъ мы спорить не будемъ. Рѣшающимъ является тотъ фактъ, что противоположность между потребностями наемныхъ рабочихъ и возможностью ихъ удовлетворенія изъ заработной платы, а слѣдовательно также и противоположность между наемнымъ трудомъ и капиталомъ, все возрастаетъ. Именно въ этой нищетѣ физически и духовно мощнаго пролетаріата видѣлъ авторъ „Капитала“ могущественный двигатель къ соціализму, а не въ безднѣ отчаянія наполовину озвѣрѣлыхъ, выродившихся, золотушныхъ ордъ. Значенія этой нищеты нельзя опровергнуть указаніемъ на повысившійся уровень жизни пролетаріата.

Едва ли, конечно, возможно привести цифровыя доказательства роста соціальной нищеты. Для того, чтобы имѣть возможность измѣрить, въ какой степени возрасла эксплуатація рабочихъ и вслѣдствіе этого ухудшилось ихъ соціальное положеніе, мы должны бы имѣть точныя данныя за разныя десятилѣтія о количествѣ ежегодно создаваемыхъ цѣнностей и о распредѣленіи ихъ между капиталистами и пролетаріатомъ.

Но мы имѣемъ данныя, при помощи которыхъ можемъ постигнуть направленіе развитія.

Марксъ указалъ намъ въ своемъ „Капиталѣ" на важное средство, дающее предпринимателю полную возможность увеличивать нищету рабочаго класса даже тамъ, гдѣ рабочая сила оплачивается по своей цѣнности, гдѣ заработная плата не падаетъ ниже издержекъ воспроизведенія рабочаго класса. Это стремленіе къ увеличенію абсолютной и относительной прибавочной цѣнности.

Наиболѣе простымъ средствомъ для увеличенія первой является удлиненіе рабочаго дня. Оно скоро находитъ свои естественныя границы въ истощеніи рабочихъ. Оно не можетъ переходить извѣстныхъ размѣровъ, по достиженіи которыхъ развитіе можетъ идти только въ направленіи къ сокращенію рабочаго дня. При развитомъ капиталистическомъ производствѣ въ такомъ направленіи дѣйствуетъ цѣлый рядъ факторовъ, о которыхъ здѣсь невозможно подробнѣе говорить. Всѣ эти факторы привели къ тому, что въ борьбѣ за рабочій день, имѣвшей мѣсто за послѣднія десятилѣтія въ капиталистическихъ странахъ, всюду проявилась тенденція къ непрерывному сокращенію рабочаго дня. Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи нельзя говорить о ростѣ нищеты. Но сокращеніе рабочаго времени обыкновенно уравновѣшивается усиленнымъ высасываніемъ труда въ болѣе короткое время, интенсификаціей труда. При этомъ часто примѣняется утонченнѣйшія системы въ видѣ сдѣльной работы, премій, участія въ прибыляхъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что угнетеніе рабочихъ, достигаемое путемъ увеличенія абсолютной прибавочной цѣнности, въ странахъ съ капиталистически развитымъ производствомъ уже дошло до своихъ предѣловъ.

Но чѣмъ больше закрывается для капитала этотъ путь къ увеличенію выжимаемой имъ прибавочной цѣнности, тѣмъ усерднѣе примѣняетъ онъ способы для повышенія относительной прибавочной цѣнности. Для

этого онъ стремится путемъ все развивающагося раздѣленія труда и усовершенствованія машинъ замѣнить квалифицированныхъ рабочихъ простыми, мужской трудъ—женскимъ, трудъ взрослыхъ рабочихъ—дѣтскимъ. И послѣднему стремленію поставлены, впрочемъ, нѣкоторыя границы, хотя въ очень несовершенномъ видѣ, законами по охранѣ труда. Охрана дѣтей старше 14-лѣтняго возраста даже въ странахъ съ самымъ прогрессивнымъ рабочимъ законодательствомъ не достаточна и предоставляетъ полнѣйшій просторъ для всевозможной эксплуатаціи дѣтскаго труда, не исключая и самой худшей, именно, въ домашней промышленности.

Широкое примѣненіе машинъ и распространеніе женскаго труда во всякомъ случаѣ останутся и должны остаться неограниченными, если не хотимъ задержать экономическаго развитія. Эти два наиболѣе сильныхъ средства, ухудшающія положеніе рабочихъ, ни при какихъ условіяхъ не могутъ быть запрещены капиталистамъ, и они тѣмъ охотнѣе ими пользуются, чѣмъ затруднительнѣе становятся для нихъ другія.

Ростъ дѣтскаго и женскаго труда является уже вѣрнымъ симптомомъ возрастающей нищеты рабочаго класса. Онъ не является непремѣнно показателемъ растущей физической нищеты, но безусловно свидѣтельствуетъ объ увеличивающейся невозможности удовлетворять потребности всей семьи заработкомъ одного мужа. Далеко не одно и то же, происходитъ ли это потому, что понизилась заработная плата, или потому, что возраели потребности. Въ послѣднемъ случаѣ нищета гораздо скорѣе приведетъ къ возмущенію, и возмущеніе приведетъ къ болѣе прочнымъ результатамъ, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Но какъ здѣсь, такъ и тамъ возможно говорить о ростѣ нищеты. Если заработокъ мужчины недостаточенъ для поддержанія жены и дѣтей, то, съ одной стороны, это приводитъ къ уходу дѣтей и замужнихъ женщинъ на фабрику для поддержанія семьи своимъ заработкомъ, съ другой стороны послѣдствіемъ этого является воздержаніе мужчинъ отъ брака и ростъ проституціи, какъ суррогата брака. Вслѣдствіе этого возрастаетъ число незамужнихъ дѣвушекъ, которыя, съ своей стороны, вынуждены искать себѣ средствъ къ существованію въ наемномъ трудѣ. Такъ разрушаетъ капиталистическій способъ производства исторически унаслѣдованную буржуазную семью, не замѣняя ее другой

формой, и создаетъ такимъ образомъ важнѣйшій источникъ обнищанія и вырожденія.

Число заключаемыхъ браковъ колеблется въ зависимости отъ того, насколько благопріятно положеніе промышленности, но въ общемъ уменьшается. На каждыхъ 1000 жителей приходилось заключенныхъ браковъ:

	Въ Германіи.	Въ Австріи.	Во Франціи.	Въ Великобританіи.
1872 . . .	10,3	9,3	9,7	8,5
1873	10,0	8,9	8,8	8,6
1874	9,5	9,0	8,3	8,3
1880	7,5	7,6	7,4	7,3
1881	7,5	8,0	7,5	7,5
1882	7,1	7,6	7,4	7,6
1890	8,0	7,6	7,07	7,6
1891 . . .	8,0	7,8	7,5	7,7
1895	7,9	7,9	7,5	7,7

При этомъ, число взрослыхъ въ населеніи увеличивается.

По переписи 1880 г. въ Германіи дѣти ниже 15-лѣтняго возраста составляли 35,4% населенія, въ 1890 г.— 35,15%. Число семейныхъ, вдовыхъ, разведенныхъ за то же самое время увеличилось съ 18.100.000 до 19.800.000, т. е. на 9,3%, число же холостыхъ за 15 лѣтъ возрасло съ 11 100.000 до 12.300.000, т. е. на 10,2%.

Одновременно съ этимъ женскій трудъ сильно распространился. Въ Германіи число занятыхъ въ промышленности женщинъ съ 1882 по 1895 годъ увеличилось съ 5.541.517 до 6.578.350, болѣе чѣмъ на одинъ милліонъ. Въ промышленности и торговлѣ за то же время увеличилось:

	Мужчинъ	Женщинъ	Тѣхъ и другихъ
Служащихъ	115,6%	254,7%	118,9%
Наемныхъ рабочихъ . .	52,8%	104,9%	62,6%

Такимъ образомъ, ростъ числа наемныхъ работницъ происходитъ вдвое быстрѣе роста числа мужчинъ.

Укажемъ при этомъ отношеніе числа женщинъ работницъ къ общему количеству рабочихъ въ промыслахъ:

Съ широкимъ примѣненіемъ женскаго труда	% по отношенію ко всѣмъ рабочимъ данной отрасли промышленности.
Содержаніе гостиницъ, ресторановъ	66,9
Текстильная промышленность	50,8
Изготовленіе одежды и пр. (прачешныя, парикмахерскія и т. д.)	37,6
Писчебумажное производство	35,9
Торговля	29,2
Огородничество	24,6
Производство пищевыхъ и гастрономическихъ продуктовъ	2),1
Съ рѣдкимъ примѣненіемъ женскаго труда.	
Перевозочная промышленность	0,9
Строительная промышленность	1,1
Машиностроительная промышленность	2,6
Горнопромышленность	3,1
Скотоводство и рыболовство	4,0
Деревообдѣлочная промышленность и рѣзныя работы	6,1
Страховое дѣло	6,4

Растущее примѣненіе женскаго труда является самымъ вѣрнымъ показателемъ роста нищеты. Оно, въ свою очередь, порождаетъ вновь нищету. Капиталистическое общество не создаетъ никакихъ высшихъ формъ домоводства, которыя могли бы явиться на смѣну раздробленныхъ отдѣльныхъ хозяйствъ. Наемный трудъ женщины несетъ съ собой ея собственное изнуреніе, такъ какъ къ заботамъ по домашнему хозяйству присоединяется еще наемная работа. Онъ приводитъ къ гибели пролетарскаго домашняго очага, благодаря ему

дѣти пролетаріевъ остаются безъ призора, онъ вызываетъ усиленное посѣщеніе трактировъ. Женщина-работница, обремененная трудомъ, отвыкшая отъ домашняго хозяйства, отъ шитья и стряпни, перестаетъ быть прежней хозяйкой дома, умѣвшей сводить кое-какъ концы съ концами. Много ли выгоды принесетъ рабочему увеличеніе заработка и паденіе цѣнъ на хлѣбъ, если его жена не умѣетъ экономно приготовить изъ муки вкусное и питательное блюдо! Поможетъ ли ему удешевленіе одежды, если его жена не можетъ починить его поношеннаго платья, и потому онъ вынужденъ покупать теперь одежды вдвое больше, чѣмъ прежде! Какъ легко наемный трудъ женщины приводитъ не только къ соціальной, но и къ физической нищетѣ!

Но несомнѣнно этотъ процессъ превращенія женщинъ въ наемныхъ работницъ, влекущій за собой все возрастающую деградацію, оказывается также одной изъ важныхъ причинъ все возрастающаго возмущенія, все болѣе толкая въ ряды борющагося пролетаріата женщинъ работницъ, еще недавно бывшихъ только домохозяйками и не понимавшихъ его борьбы.

Вмѣстѣ съ эксплуатаціей женщинъ наемнымъ трудомъ возрастаетъ также эксплуатація рабочей силы малолѣтнихъ. Къ сожалѣнію, въ нѣмецкой промысловой статистикѣ подсчетъ занятыхъ въ промышленности лицъ моложе 20-лѣтняго возраста въ 1895 году производился другимъ способомъ, чѣмъ въ 1882 г., такъ что ниже 20 лѣтъ нельзя прослѣдить примѣненіе наемнаго труда по отдѣльнымъ возрастнымъ группамъ. Мы только можемъ сравнить между собою данныя обѣихъ переписей относительно всей въ цѣломъ группы рабочихъ ниже 20-лѣтняго возраста.

Оказывается, что на каждыхъ 100 наемныхъ рабочихъ приходилось лицъ ниже 20-лѣтняго возраста:

	Сельское хозяйство.		Промышленность.		Торговля.		ИТОГО.	
	1882	1895	1882	1895	1882	1895	1882	1895
Наемн. рабочіе	30,51	32,61	28,41	28,80	23,09	25,03	29,20	30,11

Сейчасъ у насъ нѣтъ времени обсуждать послѣдствія какъ распространенія машинъ, такъ и другихъ факторовъ, ухудшающихъ положеніе рабочихъ. О безработицѣ мы уже говорили по другому поводу. Здѣсь мы только приведемъ очень важную выдержку изъ „Капитала“: „Въ четвертомъ отдѣлѣ при анализѣ производства относительной прибавочной цѣнности указывалось, что всѣ способы повышенія общественной производительности труда при капиталистическомъ строѣ производятся за счетъ индивидуальнаго рабочаго; что всѣ средства къ развитію производства становятся средствомъ эксплуатаціи и господства надъ производителями, превращаютъ рабочаго въ получеловѣка, низводятъ его на роль живого придатка машины; муками работы уничтожаютъ все ея содержаніе, убиваютъ въ рабочемъ пониманіе духовныхъ силъ, скрытыхъ въ процессѣ работы, по мѣрѣ того какъ въ этомъ процессѣ наука становится все болѣе самостоятельной силой; дѣлаютъ условія труда, при которыхъ онъ работаетъ все болѣе ненормальными, подчиняютъ его на время процесса труда мелочной ненавистной тираніи, превращаютъ его жизнь въ рабочее время, бросаютъ его жену и дѣтей подъ ярмо капитализма. Но всѣ способы производства прибавочной цѣнности являются вмѣстѣ съ тѣмъ средствами накопленія и всякое усиленіе накопленія является средствомъ къ развитію этихъ способовъ. Поэтому, по мѣрѣ накопленія капитала положеніе рабочаго, к а к о в а б ы н и б ы л а е г о п л а т а, ухудшается. Наконецъ, законъ, поддерживающій всегда равновѣсіе между относительнымъ перенаселеніемъ или промышленной резервной арміей, съ одной стороны, размѣрами и энергіей накопленія, съ другой, приковываетъ рабочаго къ капиталу крѣпче, чѣмъ цѣпи Гефеста приковали Прометея къ скалѣ. Поэтому, накопленіе капитала обусловливаетъ соотвѣтствующее накопленіе нищеты. Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ вмѣстѣ съ тѣмъ означаетъ скопленіе нищеты, мукъ работы, рабства, невѣжества, жестокости и моральной деградаціи на противоположномъ полюсѣ, то есть, на сторонѣ класса, который собственнымъ трудомъ создаетъ капиталы“ („Kapital“ I, 2 изд. стр. 671).

О паденіи заработной платы Марксъ здѣсь не говоритъ. Иначе обстоитъ дѣло съ тѣми тенденціями, о которыхъ онъ здѣсь говоритъ, какъ напримѣръ превращеніе жизни рабочаго въ рабочее время. Эта тенденція

въ дальнѣйшемъ оказалась нѣсколько ограниченной, но большинство еще и теперь остаются въ силѣ, какъ и прежде; и это даетъ намъ полное право говорить о ростѣ массы нищеты, рабства, деградаціи, эксплуатаціи. Однако, это положеніе допускаетъ еще третье толкованіе.

Мы до сихъ поръ имѣли въ виду только классъ наемныхъ рабочихъ, но Марксъ въ главѣ о тенденціяхъ капиталистическаго накопленія говоритъ также и о другихъ классахъ.

Если положеніе пролетаріевъ является бѣдственнымъ и порабощеннымъ, то масса нищеты и порабощенія внутри всего народа должна увеличиваться въ той же степени, въ какой численный ростъ пролетаріата опережаетъ другіе классы, а того, что онъ всюду растетъ, отрицать невозможно.

Но численный ростъ пролетаріата въ народной массѣ является только симптомомъ, хотя, конечно, также и причиной растущей въ другихъ классахъ нищеты.

Въ областяхъ, вновь завоеванныхъ капиталистической промышленностью и смежныхъ съ ними,—слово „область“ мы понимаемъ здѣсь какъ въ экономическомъ такъ и географическомъ смыслѣ,—эта пауперизирующая работа капитализма проявляется такъ энергично и разрушительно, что несетъ съ собой не только соціальную, но и ужасную физическую нищету, прямой голодъ, нужду въ предметахъ первой необходимости, полнѣйшую гибель.

Это извѣстный и всѣми признаваемый фактъ. Но буржуазные экономисты и здѣсь утѣшаются соображеніемъ, будто бы это только временное явленіе, представляющее лишь переходную стадію, за которой послѣдуетъ подъемъ подавленныхъ классовъ народа.

Это вѣрно для отдѣльныхъ мѣстностей и отраслей промышленности, но отнюдь не для всего капиталистическаго общества. Несомнѣнно, рано или поздно многіе слои пролетаріата освобождаются отъ физической нищеты. Но капиталистическій способъ производства въ своемъ поступательномъ движеніи захватываетъ все новыя промышленныя области и все новыя и новыя страны, разоряя мелкихъ предпринимателей, пролетаризируя и ввергая ихъ въ нищету, и этотъ процессъ будетъ происходить непрерывно, пока существуетъ капиталистическій способъ производства, ибо существо-

ваніе послѣдняго возможно лишь при постоянномъ расширеніи сферы его господства.

Бернштейнъ съ чувствомъ удовлетворенія указываетъ на то, какъ многочисленны еще повсюду мелкія предпріятія. Мы уже видѣли, какъ мало этотъ фактъ говоритъ противъ концентраціи капитала. Но именно это и говоритъ за „теорію обнищанія". Ремесленники, мелкіе торговцы, карликовые крестьяне-собственники, всѣ они все болѣе и болѣе впадаютъ въ нищету. Если жизненный уровень буржуазіи повышается быстрѣе, чѣмъ уровень пролетаріата, то уровень послѣдняго, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ его слоевъ, повышается быстрѣе уровня владѣльцевъ мелкихъ предпріятій. Владѣльцы мнимо самостоятельныхъ карликовыхъ предпріятій все болѣе теряютъ положеніе среднихъ членовъ между пролетаріатомъ и буржуазіей; они становятся средними членами между наемнымъ пролетаріатомъ и лумпенпролетаріатомъ. Въ ихъ среду, а не въ ряды наемныхъ рабочихъ, все болѣе и болѣе стремится избыточное населеніе. Такъ вновь обновляется мелкое производство, находя себѣ всегда новыхъ рекрутовъ для пополненія своихъ порѣдѣвшихъ благодаря безчисленнымъ банкротствамъ рядовъ. Мелкое производство не исчезаетъ, но все болѣе приходитъ въ упадокъ.

Но въ странахъ, гдѣ еще только возникаетъ капиталистическій строй, ростъ нищеты происходитъ еще быстрѣе и замѣтнѣе и представляетъ еще болѣе неоспоримый фактъ. Теперь, конечно, можетъ казаться, что нѣмецкимъ, англійскимъ, французскимъ, американскимъ рабочимъ нѣтъ надобности сильно интересоваться тѣмъ, что происходитъ за границей. Они вѣдь примѣрные люди въ духѣ этической школы политической экономіи, одаренные трезвымъ и близорукимъ эгоизмомъ. Что имъ за дѣло, если голодъ и нищета растутъ въ Италіи, въ славянскихъ и венгерскихъ провинціяхъ Австріи, въ Балканскихъ государствахъ, въ Россіи, въ Китаѣ, Остъ-Индіи? Лишь бы только ихъ собственное положеніе улучшалось,—тогда они могутъ быть вполнѣ довольны капиталистическимъ обществомъ.

Эти пресловутые „практики" и „этики" забываютъ, что едва ли найдется хоть одна страна, въ которой не было бы областей, мало затронутыхъ капиталистической крупной промышленностью и представляющихъ картину обнищанія. Очень сомнительно, чтобы Ирландія перестала въ Англіи играть роль подобной обнищавшей

области. Непрерывное уменьшеніе ея населенія во всякомъ случаѣ не говоритъ за это. Въ Германіи есть еще своя Силезія, а въ Американскихъ штатахъ южные штаты.

Но интернаціональная солидарность пролетаріата оказывается также не пустою иллюзіей. Чѣмъ ужаснѣе нищета въ одной мѣстности и выше уровень жизни пролетаріевъ въ другой, чѣмъ болѣе развиты пути сообщенія, тѣмъ сильнѣе направляется потокъ обнищавшихъ массъ въ области съ болѣе высокимъ уровнемъ жизни. Обнищавшіе итальянцы, поляки, словаки, кули экспортируютъ свою нищету въ страны съ высшей культурой, въ страны, оказывающія сильное противодѣйствіе деградирующей тенденціи капитала. Они понижаютъ эту культуру и ослабляютъ это противодѣйствіе.

Вопросъ объ „обнищаніи", какъ видно, далеко не простой, а напротивъ, очень сложный вопросъ. Нищета принимаетъ разнообразнѣйшія формы и каждая изъ нихъ проходитъ особый путь развитія, но всѣ онѣ приводятъ къ одному результату: къ обостренію соціальныхъ противорѣчій, къ обостренію пролетарской борьбы противъ гнета капитала.

Мы видѣли, что тамъ, гдѣ капиталистическій способъ производства захватываетъ вновь новую отрасль промышленности или страну, онъ порождаетъ массу физической нищеты. Въ отрасляхъ промышленности и странахъ съ высоко развитымъ капитализмомъ факторы, противодѣйствующіе росту физической нищеты, благодаря окрѣпленію пролетаріата постепенно одерживаютъ верхъ надъ понижающими тенденціями, но соціальное обнищаніе происходитъ и тамъ вслѣдствіе усиливающихся раздѣленія труда и введенія машинъ, дѣлающихъ работу монотонной и непріятной, вслѣдствіе примѣненія женскаго, а также часто и дѣтскаго труда, вытѣсненія квалифицированнаго труда, вслѣдствіе растущей необезпеченности существованія и того, что пролетарскій уровень жизни повышается медленнѣе буржуазнаго. Нѣкоторымъ избраннымъ, исключительно счастливымъ слоямъ пролетаріата, можетъ быть удастся преодолѣть также и эту стадію обнищанія и подняться до такого жизненнаго уровня, который даже съ буржуазной точки зрѣнія не можетъ быть названъ нищенскимъ. Но и для нихъ также остается въ силѣ господствующая надъ всѣмъ ходомъ капиталистическаго развитія *тенденція* къ обнищанію; вслѣдствіе кризиса,

вслѣдствіе какого-либо изобрѣтенія, коалиціи фабрикантовъ, конкуренціи ниже стоящихъ рабочихъ слоевъ имъ постоянно угрожаетъ опасность потерять свое привилегированное положеніе и раздѣлить общую горькую долю. Такимъ образомъ, при капиталистическомъ способѣ производства нищета господствуетъ всюду. Ея масса тѣмъ больше, чѣмъ больше численность пролетаріата, чѣмъ болѣе разоряются мелкія предпріятія капиталомъ. или попадаютъ въ зависимость отъ него. Но вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается борьба противъ нищеты, все болѣе разрастается возмущеніе рабочаго класса противъ господства капитала.

Такой представляется мнѣ та теорія Маркса, которую критики марксизма называютъ теоріей обнищанія. Бернштейнъ заявилъ, что она отвергнута, но онъ не указалъ, что говоритъ противъ нея, онъ даже не сказалъ, что онъ подъ ней понимаетъ.

Развитіе различныхъ формъ нищеты, о которыхъ мы здѣсь говорили, вполнѣ совмѣстимо съ заключающейся въ „Капиталѣ“ Марксовой „догмой“; эти формы въ своихъ существенныхъ чертахъ классически изслѣдованы именно въ „Капиталѣ“. Поэтому намъ оставалось бы только разсмотрѣть, получили ли изображенныя нами тенденціи точное выраженіе въ цитированномъ мѣстѣ „Капитала“. Я однако свободно могу воздержаться отъ подобной придирчивости. Мнѣ кажется, это мѣсто совершенно ясно и вполнѣ опредѣленно по смыслу, а также неоспоримо для всякаго, кто только самъ изучилъ „Капиталъ“. Что касается меня, то я всегда понималъ его въ вышеуказанномъ смыслѣ. Но этотъ вопросъ имѣетъ совершенно второстепенное значеніе. Выводы „Капитала“ относительно положенія пролетаріата не опровергнуты тѣмъ, что Бернштейнъ слово нищета и деградація толкуетъ въ смыслѣ, всего менѣе согласномъ съ дѣйствительностью.

Если мы вернемся отъ теоріи обнищанія опять къ вопросу: куда же дѣвается возрастающее богатство капиталистическаго общества, то на этотъ вопросъ мы теперь можемъ отвѣтить: эта теорія вовсе не отрицаетъ, что часть увеличившагося богатства можетъ доставаться также и рабочему классу. Во всякомъ случаѣ капиталистическому способу производства присуща постоянная тенденція, направленная къ пониженію положенія наемнаго пролетаріата и остальной народной массы. Но, являясь источникомъ этой вновь возникающей

нищеты, капитализмъ въ то же время порождаетъ также и тенденцію къ ограниченію этой нищеты. Постоянно растетъ не физическая, а соціальная нищета, растетъ именно противорѣчіе между культурными потребностями и средствами къ ихъ удовлетворенію у отдѣльнаго рабочаго; другими словами, масса продуктовъ, приходящихся на каждаго рабочаго, можетъ возрастать, доля же рабочаго въ создаваемомъ имъ количествѣ продуктовъ уменьшается.

g) Новое среднее сословіе.

Прежде чѣмъ отъ вопроса объ увеличеніи числа имущихъ перейти къ другому, мы хотимъ еще вкратцѣ разсмотрѣть, не понималъ ли Бернштейнъ подъ ростомъ числа имущихъ не ростъ капиталистовъ, а увеличеніе тѣхъ слоевъ населенія, которые по своему доходу являются средними. Это во всякомъ случаѣ объяснило бы, почему онъ придаетъ такое большое значеніе статистикѣ подоходнаго налога, которая ровно ничего не говоритъ о распредѣленіи собственности. Кромѣ того, нѣкоторыя его заявленія указываютъ на подобное пониманіе, хотя онъ и говоритъ въ другихъ мѣстахъ вполнѣ опредѣленно о ростѣ числа капиталистовъ.

Если Бернштейнъ хотѣлъ только сказать, что среднее сословіе не вымираетъ, что лишь мѣсто стараго занимаетъ новое, мѣсто самостоятельныхъ ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ—„интеллигенція", то мы безъ оговорокъ согласились бы съ нимъ. Я могу здѣсь указать на то, что уже въ 1895 г. въ статьяхъ въ Neue Zeit „Die Intelligenz und die Sozialdemokratie" я признавалъ появленіе этого средняго сословія и указывалъ, какъ на важнѣйшую задачу нашей партіи, на изученіе условій, при которыхъ мы могли бы завоевать этотъ слой населенія: „Появляется новое сильное своей численностью, непрерывно увеличивающееся среднее сословіе, ростъ котораго при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ будетъ компенсировать убыль въ рядахъ средняго сословія, причиняемую гибелью мелкихъ предпріятій". (Neue Zeit., XIII, 2, стр. 16).

Главную причину возрастанія этого слоя населенія нужно видѣть въ томъ, что господствующіе и эксплуатирующіе классы все болѣе передаютъ свои функціи

платнымъ интеллигентнымъ работникамъ; эти послѣдніе продаютъ свой трудъ и сдѣльно,—врачи, адвокаты, художники,—или за опредѣленное жалованіе,—чиновники всякаго рода. Въ средніе вѣка духовенство поставляло изъ своей среды ученыхъ, врачей, художниковъ, частью чиновниковъ для административныхъ функцій; функціи дворянства составляли общественное управленіе, судъ, полиція, но прежде всего военная служба. Благодаря возникновенію современнаго государства и современной науки оба эти класса лишились своихъ функцій, но сами продолжали существовать; они только вмѣстѣ со своимъ соціальнымъ значеніемъ потеряли и большую часть своей независимости.

Но отнятыя у нихъ функціи съ того времени все болѣе и болѣе разростались, и по мѣрѣ того какъ соціальное развитіе ставитъ все бóльшія задачи передъ государствомъ, общинами и наукой, число работниковъ, обслуживающихъ эти функціи, растетъ изъ года въ годъ.

Но и самъ классъ капиталистовъ уже давно началъ освобождаться отъ своихъ функцій въ торговлѣ и промышленности, перелагая ихъ на наемныхъ служащихъ, торговцевъ, техниковъ. Вначалѣ послѣдніе являлись только помощниками капиталиста: онъ передавалъ имъ ту часть своихъ функцій по надзору, руководству, организаціи труда, закупкѣ средствъ производства, продажѣ продуктовъ, которую онъ не могъ выполнить вслѣдствіе все растущихъ требованій въ спеціальномъ образованіи для каждой отдѣльной функціи. Но, въ концѣ концовъ, акціонерныя общества дѣлаютъ капиталиста совершенно излишнимъ и даже высшее руководство предпріятіемъ передается наемному служащему. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что акціонерныя общества, повышая число хорошо оплачиваемыхъ служащихъ, тѣмъ самымъ содѣйствуютъ образованію средняго сословія. Если Бернштейнъ отождествляетъ лицъ, получающихъ средній доходъ, съ имущими, то онъ, конечно, можетъ сказать, что акціонерныя общества содѣйствуютъ увеличенію числа имущихъ; но это происходитъ отнюдь не благодаря дробленію капиталовъ, которому, по мнѣнію Бернштейна, способствуютъ акціонерныя общества.

Интеллигенція представляетъ изъ себя наиболѣе быстро растущій слой народа. По даннымъ нѣмецкой промысловой переписи число наемныхъ рабочихъ съ 1882 по 1895 г. возросло на 62,6%, а число служащихъ на

118,9%. Однако, такого быстраго увеличенія было еще недостаточно, чтобы парализовать относительное уменьшеніе числа предпринимателей, абсолютный приростъ которыхъ составлялъ только 1,3%. Лица, занятыя въ предпріятіяхъ, подраздѣлялись по процентному отношенію слѣдующимъ образомъ:

	1882 г.	1895 г.
Предприниматели. . . .	39,6	28,7
Служащіе	2,8	4,4
Наемные рабочіе	57,6	66,9

Если бы мы даже отнесли служащихъ вмѣстѣ съ предпринимателями къ разряду „имущихъ“, то и тогда бы процентъ ихъ за время съ 1882 по 1895 г. упалъ съ 42,4% до 33,1%. Слѣдовательно, и при такомъ расчетѣ выводы Бернштейна не подтверждались бы.

Результатъ получится тотъ же самый, если мы, насколько позволяетъ намъ это статистика занятій, примемъ во вниманіе и сельское хозяйство. Въ Германіи изъ каждыхъ 100 занятыхъ въ промышленности лицъ приходилось:

		Самостоятельные.	Служащіе.	Рабочіе.
Сельское хозяйство . .	1882	27,78	0,81	71,41
	1895	30,98	1,16	67,86
Промышленность . .	1882	34,41	1,55	64,04
	1895	24,90	3,18	71,92
Торговля	1882	44,67	9,02	46,31
	1895	36,07	11,20	52,73
Итого .	1882	32,03	1,90	66,07
	1895	28,94	3,29	67.77

Медленнѣе, чѣмъ ростъ служащихъ въ промышленности, но быстрѣе роста всего населенія (14,5%) происходитъ увеличеніе числа чиновниковъ, состоящихъ на государственной, общественной службѣ, въ духовномъ вѣдомствѣ и лицъ свободныхъ профессій. Ихъ число возросло съ 579.322 до 794.983 т., е. на 37,2%.

Такимъ образомъ, мы наблюдаемъ быстрый ростъ этихъ элементовъ, но мы впали бы въ большое заблужденіе, если бы вздумали причислить ихъ просто къ имущимъ. Новое среднее сословіе выростаетъ на совершенно иной почвѣ, чѣмъ старое, составлявшее прочный оплотъ частной собственности на средства производства, такъ какъ на ней основывалось его собственное существованіе.

Новое среднее сословіе покоится на совершенно иныхъ основаніяхъ. Частная собственность на средства производства по большей части не играетъ для него никакой роли. Тамъ, гдѣ члены этого новаго сословія выступаютъ въ качествѣ самостоятельныхъ работниковъ, средства производства почти всегда обладаютъ самой незначительной стоимостью, напримѣръ, у живописцевъ, врачей, писателей. Тамъ же, гдѣ средства производства представляютъ изъ себя капиталъ, „умственные работники“ выступаютъ въ своей массѣ въ качествѣ наемныхъ работниковъ, а не капиталистовъ.

Но, конечно, такъ же ошибочно было бы причислять просто—напросто новое среднее сословіе къ пролетаріату.

Оно вышло изъ буржуазіи, связано съ ней разнообразными родственными и соціальными узами, находится въ одинаковыхъ съ ней жизненныхъ условіяхъ, а цѣлый рядъ интеллигентныхъ профессій еще тѣснѣе связанъ съ буржуазіей. Это особенно тѣ профессіи, представители которыхъ, замѣняя капиталистовъ въ роли директоровъ и другихъ служащихъ въ ихъ предпріятіяхъ, дѣлаютъ благодаря этому ихъ самихъ излишними. Но вмѣстѣ съ функціями капиталистовъ они воспринимаютъ также образъ мыслей буржуазіи, проникаются ея антагонизмомъ въ отношеніяхъ къ пролетаріату.

Въ другой группѣ интеллигентныхъ профессій сама профессіональная дѣятельность связана съ выраженіемъ извѣстныхъ политическихъ и религіозныхъ взглядовъ. Это относится къ сотрудникамъ политическихъ журналовъ, къ различнымъ судебнымъ чиновникамъ, напримѣръ, къ прокурорамъ, къ полицейскимъ, духовнымъ

лицамъ и т. д. Отъ государства, церкви, капиталистовъ, издателей и т. д. въ этихъ профессіяхъ получаютъ работу только люди, или раздѣляющіе „образъ мыслей" своихъ работодателей, или готовые за деньги защищать чужіе взгляды. Благодаря этому возникаетъ также антагонизмъ многочисленной „интеллигенціи" къ пролетаріату.

Но наиболѣе сильный антагонизмъ *между* интеллигенціей и пролетаріатомъ обусловливается привилегированнымъ положеніемъ первой. Ея преимущества основываются на привилегіи образованія. Безъ сомнѣнія, она настолько заинтересована въ образованіи народныхъ массъ, что желаетъ, чтобы онѣ поняли значеніе науки и склонились бы передъ ней и ея представителями, но ея интересы подсказываютъ ей необходимость противиться всѣмъ стремленіямъ къ расширенію круга участниковъ высшаго спеціальнаго образованія.

Несомнѣнно, капиталистическій способъ производства нуждается въ большомъ количествѣ интеллигенціи. При феодальномъ строѣ постановка школьнаго дѣла была недостаточна, чтобы создавать кадры интеллигенціи. Буржуазный строй, поэтому, повсюду стремился къ улучшенію и расширенію не только низшаго, но и высшаго образованія. Думали этимъ не только содѣйствовать развитію производства, но также и смягчить классовыя противорѣчія; такъ какъ высшее образованіе открываетъ доступъ въ ряды буржуазіи, то казалось само собой разумѣющимся, что всеобщее распространеніе высшаго образованія означало бы подъемъ всего пролетаріата до условій буржуазнаго существованія.

Но буржуазный уровень жизни представляется необходимымъ спутникомъ высшаго образованія только тамъ, гдѣ оно является привилегіей. Гдѣ же оно становится всеобщимъ, тамъ оно не превращаетъ пролетарія въ буржуа, а, наоборотъ, низводитъ „умственнаго работника" въ разрядъ пролетаріевъ. Это тоже частичное явленіе процесса обнищанія народныхъ массъ.

Въ странахъ, гдѣ существуетъ настолько широкая постановка народнаго образованія, что оно уже перестало быть привилегіей, начинаетъ возникать въ средѣ интеллигенціи враждебное отношеніе къ образованію народныхъ массъ. Эти враждебные просвѣщенію слои тѣмъ самымъ становятся въ противорѣчіе съ потребностями современнаго производства, они дѣлаются болѣе враждебными прогрессу, чѣмъ сами капиталисты, они

идутъ рука объ руку съ реакціоннѣйшими изъ реакціонеровъ, съ защитниками сословнаго строя и съ аграріями. Цвѣтъ современной науки, профессора и студенты университетовъ, являются наиболѣе ожесточенными противниками женскаго образованія, считаютъ нормальнымъ устраненіе еврейской интеллигенціи отъ конкуренціи въ различныхъ мѣстахъ и должностяхъ, стремятся, насколько возможно, повысить стоимость высшаго образованія и тѣмъ сдѣлать его недоступнымъ для небогатыхъ.

Но здѣсь они встрѣчаютъ энергичное сопротивленіе со стороны пролетаріата, который, борясь противъ всѣхъ привилегій, самымъ рѣшительнымъ образомъ борется противъ привилегіи образованія.

Несмотря на всѣ препятствія распространеніе народнаго образованія дѣлаетъ большіе успѣхи, а вмѣстѣ съ тѣмъ пролетаризируются одни за другими слои интеллигенціи. Легко себѣ представить, какая масса спеціалистовъ торговаго дѣла выходитъ ежегодно изъ нашихъ коммерческихъ училищъ, музыкантовъ—изъ музыкальныхъ школъ, скульпторовъ и рисовальщиковъ—изъ художественныхъ, механиковъ и химиковъ—изъ техническихъ училищъ и т. д. Между тѣмъ процессъ капиталистической концентраціи захватываетъ и области торговли, искусства, прикладной науки; все крупнѣе становятся размѣры капиталовъ, необходимыхъ для обоснованія въ этой области жизнеспособныхъ самостоятельныхъ предпріятій. Такимъ образомъ, поскольку возрастаетъ здѣсь количество получившихъ образованіе работниковъ, постольку же для нихъ уменьшается вѣроятность стать когда-либо самостоятельными предпринимателями, и ихъ жребіемъ становится наемный трудъ въ теченіе всей жизни. Одновременно, какъ слѣдствіе быстраго увеличенія числа образованныхъ работниковъ, для одного за другимъ слоя интеллигенціи наступаетъ моментъ, когда исчезаетъ всякая надежда упрочить свое положеніе путемъ профессіональной обособленности и искусственнаго ограниченія круга конкурентовъ. И здѣсь начинается процессъ соціальнаго обнищанія, и притомъ все болѣе мучительный, ибо мѣриломъ ихъ собственной нищеты является все повышающееся жизненное положеніе буржуазіи. Хотя бы видимое сохраненіе этого положенія становится вопросомъ жизни для умственнаго работника. Если у работника, занятаго физическимъ трудомъ, физическое обнищаніе прежде всего

отражается на качествѣ его квартиры, затѣмъ на одеждѣ и, наконецъ, на питаніи, то у умственнаго работника какъ разъ наоборотъ. Онъ прежде всего экономитъ на питаніи.

Но для этихъ пролетаризированныхъ слоевъ интеллигенціи, хотя и носящихъ буржуазную внѣшность, приходитъ часъ, когда просыпается ихъ пролетарское сердце, возникаетъ интересъ къ пролетарской борьбѣ и, наконецъ, они принимаютъ въ ней дѣятельное участіе. Здѣсь въ первыхъ рядахъ идутъ приказчики, скульпторы, музыканты. Другіе пойдутъ по ихъ слѣдамъ.

Либеральные экономисты, указывая на быстрый ростъ „интеллигенціи", какъ на признакъ того, что капиталистическій способъ производства создаетъ собственное среднее сословіе, забываютъ, что, чѣмъ скорѣе происходитъ этотъ ростъ, тѣмъ быстрѣе совершается процессъ пролетаризаціи внутри новаго средняго сословія.

Но между этими двумя слоями интеллигенціи,— однимъ рѣзко антипролетарскимъ съ буржуазнымъ образомъ мысли и другимъ съ опредѣленно пролетарскимъ настроеніемъ,—остается еще широкій слой, который не чувствуетъ себя ни пролетарскимъ, ни капиталистическимъ и мнитъ себя внѣ сферы классовыхъ противорѣчій.

Этотъ средній слой новаго средняго сословія имѣетъ много общаго по неопредѣленности своего соціальнаго положенія со старой мелкой буржуазіей. Поэтому, его отношенія къ пролетаріату, такъ же какъ и послѣдняго къ нему, носятъ нерѣшительный и непостоянный характеръ. Сегодня онъ громитъ алчность капитала, а завтра дурныя привычки пролетаріата. Сегодня онъ призываетъ пролетаріатъ къ охранѣ своего человѣческаго достоинства, а завтра выступаетъ проповѣдникомъ соціальнаго мира.

Но два момента отличаютъ его отъ старой мелкой буржуазіи: одинъ положительный, другой отрицательный. Съ одной стороны, онъ отличается отъ нея своимъ широкимъ духовнымъ кругозоромъ и достигнутой имъ способностью къ абстрактному мышленію. Какъ разъ этому слою населенія всего легче подняться надъ сословной и классовой ограниченностью, возвыситься до благороднаго идеалистическаго чувства внѣ зависимости отъ временныхъ и частныхъ интересовъ, всего легче понять и встать на защиту коренныхъ потребностей всего общества.

Но, съ другой стороны, его отличаетъ отъ старой мелкой буржуазіи отсутствіе боевого настроенія. Если мелкая буржуазія, прежде чѣмъ капиталъ перервалъ ея жизненный нервъ, являлась классомъ въ высшей степени боеспособнымъ и полнымъ воинственнаго пыла, то, напротивъ, средніе между буржуазіей и пролетаріатомъ слои лишены совершенно возможности вести упорную борьбу противъ господствующихъ классовъ. Малочисленные, не объединенные классовымъ интересомъ и потому безъ сплоченной организаціи, не имѣя значительнаго имущества, но зато обладая буржуазными потребностями, они могутъ бороться, только примкнувъ къ другому классу, который самъ достаточно силенъ, чтобы доставить имъ средства для борьбы и для существованія. Поэтому средній слой интеллигенціи—„духовная аристократія“—можетъ быть въ массѣ своей только до тѣхъ поръ оппозиціоннымъ, пока оппозиціонна буржуазія. Но онъ теряетъ свой оппозиціонный боевой духъ и способность къ борьбѣ, лишь только буржуазія политически успокаивается; тогда онъ дѣлается жеманнымъ и робкимъ, объявляетъ всѣ средства для достиженія прогресса безнравственными, кромѣ пріобрѣтенія благоволенія сильныхъ міра путемъ убѣжденія, становится трусливымъ и византійствующимъ.

Классовая борьба ему ненавистна. Онъ проповѣдуетъ ея прекращеніе или хотя бы ея ослабленіе. Въ классовой борьбѣ онъ видитъ возстаніе, мятежъ, революцію. Путемъ соціальныхъ реформъ онъ думаетъ ее устранить.

Безъ всякаго полемическаго задора противъ Бернштейна, превращеніе котораго тогда только еще подготовлялось, я утверждалъ, „что среди тѣхъ, кто не заинтересованъ непосредственно въ капиталистической эксплуатаціи, едва ли найдется самостоятельно мыслящій и честный ученый, который не стоялъ бы на соціаль-политической точкѣ зрѣнія и который не заявлялъ бы, что для рабочихъ нужно что-нибудь сдѣлать,—хотя это „что-нибудь“ можно понимать весьма разнообразно. Штуммъ и Евгеній Рихтеръ,—патріархально-абсолютистскій предприниматель и манчестерецъ,—уже не имѣютъ въ средѣ интеллигенціи вліятельныхъ сторонниковъ. Жалобы на капиталъ и симпатіи къ пролетаріату,—по крайней мѣрѣ къ эксплуатируемому, если и не къ борющемуся,—теперь стали модными и слова Гаркура: мы нынче всѣ соціалисты—для этихъ круговъ

начинаютъ оправдываться. Конечно, не пролетарскій революціонный соціализмъ исповѣдуютъ наши поэты и художники, наши ученые, журналисты и т. п. въ своихъ салонахъ и кафэ, въ своихъ ателье и аудиторіяхъ, но разновидность соціализма, чрезвычайно похожую на охарактеризованный въ 1847 г. въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“ „истинный соціализмъ“. Эти элементы не разъ уже заявляли, что отъ соціаль-демократіи ихъ отдѣляетъ только пролетарская грубость, но въ дѣйствительности ихъ отталкиваетъ не внѣшность, а недостатокъ у нихъ самихъ проницательности или выдержки. Если проницательностью они далеко превзошли ограниченныхъ капиталистовъ, то все же они еще не понимаютъ, что невозможно спасти настоящее общество и воспрепятствовать побѣдѣ пролетаріата, они не понимаютъ своего собственнаго безсилія по отношенію къ общественному ходу развитія, или же у нихъ недостаетъ необходимыхъ альтруизма, мужества и силы, чтобы признать это и порвать съ буржуазнымъ обществомъ“. (Neue Zeit, XIII, 2, стр. 76, 77).

Только немногіе отваживаются и могутъ отважиться на этотъ разрывъ. Правда, пролетаріатъ имѣетъ вѣрныхъ друзей также и среди рыцарей духа, но эти молчаливые сообщники, желающіе ему побѣды, только тогда будутъ въ состояніи выступить открыто, когда пролетаріатъ достигнетъ этой побѣды. Пролетаріатъ не долженъ разсчитывать на значительный приливъ борцевъ изъ среды рыцарей духа, но зато въ ихъ рядахъ онъ встрѣтитъ не много ожесточенныхъ враговъ.

Эти краткія соображенія говорятъ уже за то, что растущая интеллигенція является классомъ, представляющимъ для борющагося пролетаріата важную и интересную задачу. Было бы, конечно, слишкомъ смѣло разсчитывать пролетаріату на весь этотъ классъ, но было бы еще бóльшей ошибкой причислить его просто къ „имущимъ“. Мы находимъ въ этомъ слоѣ соединенными въ узкихъ рамкахъ всѣ соціальныя противорѣчія, характерныя для всего капиталистическаго общества, но мы наблюдаемъ въ этомъ микрокосмѣ, такъ же какъ и во всемъ общественномъ организмѣ, ростъ пролетарскихъ элементовъ.

Въ виду этого легко можно устранить послѣднее возраженіе Бернштейна противъ того, что онъ называетъ Марксовой теоріей крушенія.

Ростъ новаго средняго сословія интеллигенціи столь

же мало можно отрицать, какъ и увеличеніе физическаго благосостоянія среди отдѣльныхъ группъ рабочихъ. Но ни то, ни другое явленіе не противорѣчитъ ученію Маркса о концентраціи капитала, о ростѣ эксплуатаціи пролетаріата и объ обостреніи соціальныхъ противорѣчій. Несомнѣнно, фактъ роста числа имущихъ стоялъ бы въ противорѣчіи съ теоріей крушенія. Но *такой ростъ Бернштейномъ не доказанъ*. Данныя статистики, такъ же какъ и теоретическія соображенія, говорятъ противное.

h) Теорія кризисовъ.

Въ сравненіи съ теоріей концентраціи капитала и обостренія соціальныхъ противорѣчій теорія періодическихъ промышленныхъ кризисовъ имѣетъ только второстепенное значеніе. Кризисы усиливаютъ дѣйствіе вышеупомянутаго процесса, ускоряютъ процессъ концентраціи капитала, увеличиваютъ численность пролетаріата и необезпеченность его положенія.

Но въ конечномъ результатѣ этого процесса не произошло бы никакихъ измѣненій, если бы періодическіе кризисы не были неразрывно связаны съ самой сущностью капиталистическаго способа производства.

Бернштейнъ, однако, не идетъ такъ далеко, чтобы утверждать это опредѣленно. Мы уже указывали на то, что онъ въ своей статьѣ въ „Probleme des sozialismus“ сражается противъ теоріи кризисовъ какого-то великаго незнакомца, согласно которой соціализмъ будетъ результатомъ будущаго міроваго кризиса. Марксъ и Энгельсъ никогда не утверждали ничего подобнаго. Точно такъ же напрасно мы стали бы искать подобныхъ утвержденій въ какомъ-либо извѣстномъ марксистскомъ сочиненіи. Несмотря на это, Бернштейнъ переноситъ аргументацію изъ своихъ статей въ свою книгу „Die Voraussetzungen des Sozialismus“, но при этомъ не разбираетъ въ отдѣльности тѣхъ взглядовъ, противъ которыхъ они первоначально были направлены. Поэтому совершенно неясно, какая же существуетъ связь между этой аргументаціей и изслѣдованіемъ о предпосылкахъ соціализма. Было бы безполезно задаваться вопросомъ, что *должно доказывать* указаніе на то, что наступленіе въ ближайшемъ будущемъ міроваго кризиса не является безусловно неизбѣжнымъ и что грядущіе кризисы, по всей вѣроятности, выльются въ формѣ частныхъ кризисовъ въ

отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности по отдѣльнымъ странамъ. Вліяніе кризисовъ на обостреніе соціальныхъ противорѣчій отъ этого не измѣнится.

Такимъ образомъ, можно совершенно спокойно исключить кризисы изъ изслѣдуемыхъ Бернштейномъ предпосылокъ соціализма; и мы должны тѣмъ скорѣе перейти отъ нихъ къ очереднымъ дѣламъ, что мы сознаемъ всю громадную сложность этого вопроса, для успѣшнаго разрѣшенія котораго намъ было бы необходимо больше времени и мѣста, чѣмъ мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи.

Если мы и коснемся здѣсь нѣсколько вопроса о кризисахъ, то только съ цѣлью устранить нѣкоторыя недоразумѣнія, вызванныя главой о кризисахъ.

Нѣкоторые умники были готовы уже утверждать, что Бернштейнъ, опровергнувъ существованіе десятилѣтняго цикла промышленныхъ кризисовъ, доказалъ тѣмъ полную несостоятельность Марксовой теоріи кризисовъ.

По поводу этого прежде всего замѣтимъ, что признаніе десятилѣтнихъ періодовъ промышленныхъ кризисовъ не входитъ въ *теорію*, а составляетъ *эмпирически* установленный фактъ. Мы знаемъ, что сильные промышленные кризисы были въ 1815, 1825, 1836, 1847, 1857 г. г. Потомъ начинаются большія войны: итальянская, американская, датская, прусско-австрійская, франко-прусская и съ тѣхъ поръ десятилѣтній (приблизительно) циклъ кризисовъ былъ нарушенъ. Слѣдующій всеобщій кризисъ разразился въ 1873 г., потомъ наступилъ промышленный застой небывалой продолжительности: въ теченіе полутора десятилѣтія. Наконецъ, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ послѣдовалъ новый промышленный подъемъ; немного лѣтъ спустя снова періодъ угнетеннаго состоянія промышленности на міровомъ рынкѣ съ сильными кризисами въ отдѣльныхъ странахъ: въ 1890 г. въ Аргентинѣ, въ 1893 г. въ Соединенныхъ Штатахъ; а теперь вотъ уже 3 года мы являемся свидѣтелями всеобщаго промышленнаго оживленія. Является ли оно предвѣстникомъ новаго кризиса, или ему суждено быть прологомъ продолжительной эры невозмутимаго капиталистическаго благополучія?

Биржа уже подготовляется къ слѣдующему краху. Она, повидимому, дальновиднѣе иныхъ нашихъ молодыхъ соціалистовъ, для которыхъ достаточно двухъ

лѣтъ промышленнаго подъема, чтобы выкинуть за бортъ опытъ цѣлаго столѣтія и теоріи, основанныя на данныхъ этого опыта. Нѣкоторые болѣе или менѣе опредѣленные соціалистическіе теоретики могутъ считать опровергнутой теорію Маркса о кризисахъ. Но всѣ буржуазные практики считаются уже съ кризисомъ, ожидаемымъ въ теченіе ближайшихъ лѣтъ.

Марксъ не изобрѣлъ цикла кризисовъ, а только изучалъ и разъяснялъ его. Что этотъ циклъ болѣе уже не десятилѣтній, было извѣстно задолго до Бернштейна. Онъ также вовсе не утверждалъ, что открылъ марксистамъ въ этомъ отношеніи что-нибудь новое. Вопросъ не въ томъ, повторяются ли кризисы каждыя десять лѣтъ, но въ томъ должны ли они вообще отъ времени до времени повторяться.

Причины кризиса коренятся въ самой сущности товарнаго производства. Товарное производство это производство при помощи производителей, изолированныхъ другъ отъ друга, производство на рынокъ, а слѣдовательно, для удовлетворенія измѣнчивыхъ потребностей неопредѣленнаго числа потребителей. Регулирующимъ элементомъ въ этой анархической системѣ производства является колебаніе цѣнъ: если произведено болѣе, чѣмъ нужно, цѣны падаютъ, если менѣе, онѣ поднимаются выше своего средняго уровня. Поэтому тотъ фактъ, что товары продаются по своей производственной цѣнѣ составляетъ явленіе, присущее товарному производству и періодически неизбѣжно повторяющееся; но этотъ фактъ вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ и основаніе кризиса. Но чтобы въ дѣйствительности произошелъ кризисъ, нужны еще нѣкоторыя условія, отсутствующія въ началѣ развитія товарнаго производства и создаваемыя лишь капиталистическимъ способомъ производства. Только онъ все болѣе превращаетъ все производство въ товарное производство, тогда какъ до него значительная часть производства служила для собственнаго потребленія. Такимъ образомъ, только благодаря ему экономическое существованіе значительной части общества становится зависимымъ отъ безпрепятственнаго сбыта товаровъ. Кромѣ того, капиталистическій способъ производства вслѣдствіе все усиливающагося общественнаго раздѣленія труда и развитія кредитной системы ставитъ отдѣльныхъ производителей въ тѣсную зависимость другъ отъ друга, такъ что всякая задержка въ сбытѣ товаровъ въ одномъ мѣстѣ вызы-

ваетъ его остановку въ другомъ и, такимъ образомъ, кризисъ въ отдѣльной крупной промышленной отрасли, работающей на массовый сбытъ, приводитъ къ остановкѣ всей промышленной жизни, является несчастьемъ для всей націи, даже для нѣсколькихъ націй.

Вмѣстѣ съ тѣмъ капиталистическій способъ производства превращаетъ тѣсный, хорошо знакомый, почти неизмѣняющійся мѣстный рынокъ при простомъ товарномъ производствѣ въ громадный, необозримый, подвергающійся непрерывнымъ измѣненіямъ міровой рынокъ, увеличиваетъ число торговыхъ посредниковъ, отдѣляющихъ производителя отъ потребителя. Производителю становится все труднѣе оріентироваться въ положеніи рынка.

При этомъ чрезвычайно возрастаетъ эластичность производительныхъ силъ благодаря современной научной техникѣ и кредитной системѣ, но еще болѣе благодаря постоянно существующей при капиталистическомъ способѣ производства промышленной арміи, которая даетъ возможность расширять производство по желанію.

Такъ, каждое значительное повышеніе спроса приводитъ къ болѣе значительному расширенію производства, чѣмъ это вызывается существующими потребностями, то-есть, къ перепроизводству, за которымъ слѣдуютъ затрудненія въ сбытѣ, паденіе цѣнъ, сокращеніе производства, многочисленныя банкротства и захватывающая широкіе слои безработица, другими словами— кризисъ.

Рука объ руку съ этимъ процессомъ происходитъ другой, котораго нельзя смѣшивать съ первымъ.

Для капиталистическаго способа производства характерно въ отличіе отъ всѣхъ прежде существовавшихъ его безпрерывное расширеніе, ставшее для него жизненнымъ условіемъ; при этомъ способѣ производства капиталъ и рабочая сила возрастаютъ непрерывно и быстро.

Прежде всего капиталистическій способъ производства представляетъ благопріятныя условія для естественнаго роста пролетаріата. Въ цеховомъ ремеслѣ, такъ же какъ и въ крестьянствѣ, по крайней мѣрѣ въ малоземельномъ, существуетъ много препятствій для роста населенія, ибо только владѣлецъ предпріятія въ состояніи обзавестись семьей и прокормить ее. Несамостоятельный рабочій на этой хозяйственной степени обыкновенно живетъ при семьѣ своего хозяина (реме-

сленника или сельскаго хозяина) и не имѣетъ своего собственнаго очага. Капиталистическій способъ производства, отдѣляя повсюду промышленныя предпріятія отъ домашняго хозяйства, создаетъ возможность пролетарію обзавестись своимъ собственнымъ хозяйствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ для него безполезнымъ ждать съ обоснованіемъ своего собственнаго хозяйства до тѣхъ поръ, пока не станетъ господиномъ въ собственномъ предпріятіи. Этотъ же способъ производства разрушаетъ семью, толкаетъ жену и дѣтей на заводы и фабрики, дѣлаетъ молодого рабочаго очень рано самостоятельнымъ, но въ то же время настолько выжимаетъ изъ него рабочую силу, что онъ скоро превращается въ инвалида. Подмастерью и сельскому работнику приходилось откладывать заключеніе брака до болѣе поздняго возраста; онъ долженъ былъ ждать до тѣхъ поръ, пока накопится достаточно сбереженій для обзаведенія своимъ собственнымъ хозяйствомъ. Напротивъ, для наемнаго рабочаго при капиталистическомъ способѣ производства отсрочка не только безцѣльна, но даже невыгодна: чѣмъ онъ старше, тѣмъ меньше у него надежды содержать семью на собственный заработокъ. И женщины изъ пролетаріата тѣмъ легче рѣшаются на бракъ, что онѣ сами себя содержатъ. А такъ какъ дѣвушки и юноши уже съ раннихъ лѣтъ экономически самостоятельны, то при вступленіи въ бракъ они не считаются съ желаніемъ родителей, которое прежде значило больше, чѣмъ желанія обѣихъ сторонъ.

Правда, нѣкоторые другіе факторы при капиталистическомъ способѣ производства задерживаютъ быстрый ростъ населенія, напримѣръ, проституція. Но несмотря на это мы видимъ въ большихъ промышленныхъ государствахъ быстрое увеличеніе населенія, какъ, напр., въ Германіи, Англіи и Соединенныхъ Штатахъ, росту которыхъ во всякомъ случаѣ содѣйствуетъ иммиграція, но въ убывающей степени. Численность населенія равнялась:

Германская имперія	(1871)	41 100,000	(1895)	52.200,000
Англія и Валисъ	(1871)	22.700,000	(1896)	30.700,000
Соединенные Штаты	(1870)	38.500,000	(1897)	72.200,000

Говорятъ, что этотъ быстрый ростъ населенія вызываетъ необходимость столь же быстраго расширенія промышленности. Это вѣрно, но, съ другой стороны, именно этотъ быстрый ростъ населенія представляетъ

слѣдствіе постояннаго расширенія капиталистическаго индустріализма.

Но еще быстрѣе, чѣмъ ростъ всего населенія, растетъ въ немъ количество рабочихъ силъ. Въ Германіи въ 1882 г. лица, занятыя въ промышленности, составляли 38,99%, а въ 1895 г. уже 40,12% всего народонаселенія. Въ то же самое время число лицъ безъ спеціальной профессіи уменьшилось съ 55,08% до 53,15%. Это объясняется именно увеличеніемъ женскаго труда.

Экономическое развитіе, обусловливающее этотъ ростъ рабочихъ силъ, въ то же время уменьшаетъ число рабочихъ силъ, приходящихся на капиталъ даннаго размѣра: увеличиваетъ число и стоимость машинъ, сырыхъ продуктовъ и вспомогательныхъ матеріаловъ, приходящихся на опредѣленное число занятыхъ рабочихъ. Потому, если то же самое или даже большее число рабочихъ находитъ себѣ занятіе, то примѣняемый въ производствѣ капиталъ долженъ непрерывно и быстро увеличиваться.

Въ капиталѣ нѣтъ недостатка. Чѣмъ выше производительность труда, чѣмъ шире примѣненіе необученныхъ, незрѣлыхъ, женскихъ рабочихъ силъ, тѣмъ выше норма прибавочной цѣнности, тѣмъ быстрѣе можетъ происходить накопленіе новаго капитала. Къ тому же оно является необходимымъ и для самихъ капиталистовъ, такъ какъ съ ходомъ экономическаго развитія въ каждой промышленной отрасли увеличивается минимумъ капитала, необходимый, чтобы предпріятіе могло успѣшно конкурировать, и, такимъ образомъ, чѣмъ ожесточеннѣе конкуренція, тѣмъ выше шансы крупнаго и тѣмъ ниже шансы мелкаго капитала. Непрерывное увеличеніе размѣровъ предпріятія, постоянное расширеніе производства представляетъ, такимъ образомъ, при капиталистическомъ способѣ производства условіе существованія не только для наемнаго пролетаріата, но также и для класса капиталистовъ.

Но предварительнымъ условіемъ для этого является соотвѣтствующее расширеніе рынка, ростъ не только физическихъ потребностей,—это само собой разумѣется,—но увеличеніе экономическаго спроса, увеличеніе обладающаго покупательной силой спроса на массовые продукты капиталистическаго производства. Ибо капиталистическое производство стремится къ постоянному пониженію цѣнности того, что представляетъ предметъ обмѣна для рабочей массы,—ихъ рабочей силы, а по-

тому количество продуктовъ своего труда, которое они могутъ купить, все уменьшается.

Поэтому непрерывное расширеніе рынка представляетъ важнѣйшую задачу для промышленниковъ-капиталистовъ.

Существуютъ два рынка: внутренній и внѣшній. Въ послѣднее время, когда говорятъ о расширеніи рынка, имѣютъ въ виду почти исключительно расширеніе внѣшняго; но Зомбартъ былъ вполнѣ правъ, указывая на то, какое значеніе, помимо внѣшняго, имѣетъ еще внутренній рынокъ. Злобныя выходки противъ соціальдемократіи, которыми онъ сопровождалъ свое положеніе въ „Soziale Praxis“ были, конечно, въ высшей степени неумѣстны.

Сейчасъ мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ о вытѣсненіи съ внутренняго рынка иностранной промышленности при помощи запретительныхъ пошлинъ. Это вытѣсненіе означаетъ расширеніе внутренняго рынка только для капиталистической промышленности данной націи, а не для всей въ совокупности промышленности, дѣйствующей на всемірномъ рынкѣ.

Но расширеніе внутренняго рынка для капиталистической промышленности всегда еще возможно путемъ вытѣсненія домашней промышленности,—процессъ, бывшій въ полномъ расцвѣтѣ въ прошломъ столѣтіи, но едва ли вполнѣ завершившійся и теперь въ какомъ-либо государствѣ, даже и въ Великобританіи. Этому процессу способствуетъ улучшеніе путей сообщенія, въ особенности желѣзныхъ дорогъ, сама постройка которыхъ для капиталистической промышленности тоже имѣетъ большое значеніе. Чѣмъ больше желѣзнодорожная сѣть, тѣмъ быстрѣе притокъ изъ деревни въ городъ, тѣмъ болѣе оживляется строительная дѣятельность въ городахъ, вызывающая опять въ свою очередь новый спросъ на трудъ и матеріалы. Съ другой стороны, отливъ рабочихъ силъ изъ деревни вызываетъ примѣненіе сберегающихъ трудъ машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ, слѣдовательно, расширяетъ рынокъ для машиностроительной промышленности.

Вообще крупныя преобразованія въ техникѣ являются важнымъ фактомъ расширенія внутренняго рынка. Настоящему промышленному подъему немало способствовало развитіе электротехники за послѣднее десятилѣтіе. Это развитіе вызвало массу всевозможныхъ нововведе-

ній въ освѣщеніи, транспортѣ, промышленности, а коегдѣ и въ сельскомъ хозяйствѣ.

Но также и внутренній рынокъ можетъ неожиданно расшириться вслѣдствіе быстро повысившейся добычи благородныхъ металловъ, даже если они добываются и не въ данной странѣ. Достаточно, если въ ней живутъ владѣльцы золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ. Подобно тому какъ открытіе золотыхъ розсыпей въ Калифорніи и Австраліи сильно способствовало прекращенію и Европейскаго кризиса, продолжавшагося съ 1847 до 1849 года, такъ и открытіе золота въ Южной Африкѣ содѣйствовало прекращенію кризиса съ 1873 по 1887 г. г. и теперешнему процвѣтанію. Ежегодная цѣнность добычи золота составляла въ милліонахъ марокъ.

Съ 1831 до 1840 г.	56,6	Съ 1851 до 1855 г.	556,3
„ 1841 „ 1850 г.	152,8	„ 1856 „ 1860 г.	562,9

Съ тѣхъ поръ добыча золота вновь упала: съ 1881 до 1885 г. г. она составляла въ среднемъ 432 милліона марокъ въ годъ. Въ 1889 г. снова началось быстрое повышеніе въ добычѣ золота. Вотъ цифры:

1889 г.	503,8	мил. мар.	1892 г.	594,7	мил. мар.	1895 г.	813,9	мил. мар.
1890 г.	487,5	„ „	1893 г.	672,7	„ „	1896 г.	828,2	„ „
1891 г.	532,4	„ „	1894 г.	736,5	„ „	1897 г.	961,0	„ „
						1898 г.	1224,0	„ „

Расширенію внутренняго, точно такъ же какъ и внѣшняго рынка, способствуютъ одни и тѣ же обстоятельства: увеличеніе добычи благородныхъ металловъ, расширеніе и улучшеніе путей сообщенія, — постройка пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ,—гибель примитивной домашней промышленности и, наконецъ, введеніе новаго способа производства и возникновеніе крупной промышленности въ экономически отсталыхъ странахъ, получающихъ необходимыя машины изъ странъ съ развитой крупной промышленностью.

Съ 1891 по 1895 г. длина желѣзнодорожной сѣти возросла въ слѣдующихъ государствахъ:

	%	километры.
Германія	6,8	2,989
Франція	6,5	2,476
Бельгія	4,5	238
Великобританія съ Ирландіей	3,5	1,161

Напротивъ въ:	%	километры.
Россіи	21,4	6,675
Азіи	22,1	7,838
Африкѣ	25,2	2,647

Въ 1895 году еще только начиналась постройка колоссальныхъ желѣзнодорожныхъ линій въ Сибири и Китаѣ.

На гибели примитивной домашней промышленности основывается прежде всего расширеніе рынка для текстильной промышленности. Напротивъ, размѣры и значеніе желѣзодѣлательной промышленности основываются на расширеніи и улучшеніи путей сообщенія и на развитіи крупной промышленности за границей.

Оба описанные здѣсь процесса—промышленный циклъ, т. е. постоянная смѣна процвѣтанія, кризиса, застоя и вновь оживленія въ дѣлахъ, съ одной стороны, и, съ другой,—постоянное стремленіе къ расширенію производства и рынка для его сбыта — сплетаются другъ съ другомъ и представляются единымъ процессомъ. Всякое растущее расширеніе рынка является стимуломъ къ развитію производства, толкаетъ его къ перепроизводству и кризису. Напротивъ, всякій кризисъ вызываетъ стремленіе къ расширенію рынка.

Но оба процесса для соціальнаго развитія имѣютъ различное значеніе. Кризисы ускоряютъ ходъ развитія въ направленіи къ соціализму, усиливая концентрацію капиталовъ, увеличивая необезпеченность пролетаріата въ его жизненномъ положеніи и, такимъ образомъ, обостряя силу чувства, влекущаго пролетаріатъ въ объятія соціализма. Но необходимость постояннаго расширенія рынка содержитъ въ себѣ еще другой моментъ: ясно, что капиталистическій способъ производства въ извѣстный историческій моментъ станетъ невозможностью, какъ только окажется, что рынокъ не въ состояніи далѣе расширяться тѣмъ же темпомъ, какъ производство, т.е. какъ только перепроизводство станетъ хроническимъ.

Бернштейнъ понимаетъ подъ исторической необходимостью только принудительное положеніе. Мы здѣсь видимъ подобное положеніе, и если оно наступитъ, оно неизбѣжно приведетъ къ соціализму.

Но подобное положеніе должно наступить, если экономическое развитіе будетъ итти тѣмъ же путемъ, какимъ оно шло до сихъ поръ, ибо,

какъ внѣшній, такъ и внутренній рынокъ имѣютъ свои границы, между тѣмъ какъ расширеніе производства въ дѣйствительности безгранично. Притомъ дѣло идетъ не о постоянной, неизмѣнной границѣ—это совершенно недостижимо въ экономичекомъ развитіи, — а объ эластической, но постоянно суживающейся границѣ. Нельзя достигнуть предѣла, дальше котораго расширеніе рынка было бы абсолютно невозможно; но капиталистическій способъ производства долженъ сдѣлаться невыносимымъ не только для пролетаріата, но и для всей массы населенія, какъ только возможность расширенія рынка окажется позади потребности въ расширеніи производства, потребности обусловленной ростомъ промышленнаго населенія, увеличеніемъ капитала, прогрессомъ технологіи.

Но чѣмъ выше процентъ населенія, живущаго наемнымъ трудомъ, тѣмъ быстрѣе также увеличеніе рабочаго населенія.

Чѣмъ выше количество капитала и норма эксплуатаціи, тѣмъ больше масса ежегодно накопляемой прибыли; чѣмъ распространеннѣе капиталистическій способъ производства, тѣмъ шире также становится сфера приложенія современной науки, тѣмъ многочисленнѣе слой интеллигенціи, тѣмъ больше средствъ находитъ духъ изобрѣтенія, тѣмъ быстрѣе, слѣдовательно, происходятъ измѣненія въ техникѣ, тѣмъ болѣе повышается производительность труда.

Такимъ образомъ, темпъ роста мірового производства неизмѣнно ускоряется. Но способенъ ли міровой рынокъ въ той же степени къ непрерывному расширенію?

Для той самой капиталистической крупной промышленности, которая первая стала играть роль на всемірномъ рынкѣ, для текстильной промышленности, уже теперь въ мѣстахъ ея первоначальнаго развитія наступило время хроническаго перепроизводства. Правда, рынокъ все еще расширяется, но количество заграничныхъ конкурентовъ растетъ много быстрѣе.

Такъ, въ Англіи для ея могущественной текстильной промышленности ужъ наступилъ періодъ застоя. Даже періодъ общаго процвѣтанія не вызываетъ въ ней сколько-нибудь сильнаго подъема. Цѣнность экспорта изъ Великобританіи составляла въ милліонахъ фунтовъ стерлинговъ:

	1880	1885	1890	1895	1897
Хлопчатобумажная пряжа . . .	11,9	11,9	12,3	9,3	9,9
Хлопчатобумажныя ткани . .	63,7	55,1	62,1	54,5	54,0
Итого	75,6	67,0	74,4	63,8	63,9

Почти въ томъ же положеніи находится хлопчатобумажная промышленность и въ остальной Западной Европѣ; лишь съ трудомъ расширяетъ еще она свои области сбыта.

Совершенно инымъ оказывается положеніе желѣзодѣлательной промышленности. Если проведеніе желѣзныхъ дорогъ въ Европѣ и Соединенныхъ Штатахъ относительно все болѣе замедляется, то для желѣзнодорожнаго строительства остаются открытыми еще необозримыя пространства въ варварскихъ и полуцивилизованныхъ странахъ; машиностроительной промышленности предстоитъ еще использовать обширныя области, которыя тѣмъ быстрѣе созрѣваютъ для капиталистической крупной индустріи и капиталистической горнопромышленности, чѣмъ больше избытокъ капиталовъ, который должны экспортировать Европа и Америка, чѣмъ тѣснѣе становится ихъ связь съ міровымъ рынкомъ, благодаря желѣзнымъ дорогамъ и пароходству.

Но какихъ бы размѣровъ ни достигалъ притокъ ссужаемыхъ капиталовъ въ отсталыя области, все же онѣ не въ состояніи при помощи однихъ этихъ капиталовъ оплачивать промышленные продукты, доставляемые имъ странами крупной промышленности.

Напротивъ, эти капиталы отягощаютъ ихъ непрерывно растущими платежами процентовъ. Но эти области могутъ доставлять для оплаты промышленныхъ продуктовъ и уплаты процентовъ за ссуженный капиталъ только сырые продукты, въ томъ числѣ массу такихъ, которые производитъ и европейское сельское хозяйство, или которые представляютъ суррогаты европейскихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. И чѣмъ совершеннѣе пути сообщенія, тѣмъ легче проникаютъ эти товары въ Европу, тѣмъ легче имъ конкурировать съ европейскими продуктами.

Такъ на ряду съ хроническими кризисами, прерываемыми только краткими періодами слабаго подъема, или на ряду съ полнымъ застоемъ въ текстильной промышленности наблюдаемъ мы также кризисъ въ сельскомъ хозяйствѣ и въ сельскохозяйственной промышленности—въ производствѣ сахара и спирта. И если несмотря на это все еще удается искусственными мѣрами достигнуть дальнѣйшаго развитія сахарной промышленности, то тѣмъ губительнѣе долженъ быть окончательный крахъ. Но и расцвѣтъ желѣзодѣлательной промышленности (включая сюда и машиностроеніе), про-

мышленности, которая занимаетъ теперь центральное мѣсто и на которой покоится нынѣ переживаемый періодъ расцвѣта, долженъ когда-нибудь кончиться; этотъ подъемъ долженъ перейти не только во временный и переходящій кризисъ, но и въ хроническое перепроизводство и застой,—конечно, въ томъ случаѣ, если капиталистическій способъ производства и далѣе будетъ непрерывно развиваться, такъ какъ нужно имѣть въ виду что желѣзодѣлательная промышленность, поставляя машины за границу, тѣмъ самымъ сама себѣ роетъ могилу. Вначалѣ она создаетъ конкурентовъ отечественной текстильной индустріи и сельскому хозяйству, но рано или поздно и своихъ собственныхъ конкурентовъ, которые не только удовлетворяютъ потребности своей страны, но и производятъ все большій излишекъ на всемірный рынокъ.

Повидимому, можно думать, что и въ Англіи желѣзодѣлательная промышленность достигла возможнаго предѣла своего расширенія, въ противоположность Германіи и главнымъ образомъ Соединеннымъ Штатамъ. Теперешній періодъ процвѣтанія лишь въ незначительной степени повысилъ производство чугуна въ Англіи. По Лондонскому „Economist'у“ отъ 1 іюля текущаго года производство чугуна составляло въ тоннахъ:

	1896 г.	1897 г.	1898 г.
Великобританія . . .	8,659,681	8,681,151	8.877,109
Германія	6 372,575	6,864,405	7,215,927
Соединенные Штаты .	8,623,127	9,652.680	11.733,934

В. Р. Лаусонъ въ статьѣ: „Три года американскаго развитія“ въ „Bankers magazine“ за августъ 1899 г. даетъ слѣдующія цифры производства стальныхъ рельсовъ (въ тоннахъ):

	Англія	Соедин. Штаты.
1897	921,131	1,644,520
1898	751,591	1,976,702

Все производство сталелитейныхъ заводовъ съ бессемеровскимъ литьемъ достигало въ тоннахъ:

	Англія.	Соедин: Штаты.
1897	1,884,155	5,475,315
1898	1,759,368	6,609,017

Лаусонъ, несмотря на противоположныя увѣренія англійскихъ желѣзозаводчиковъ, усматриваетъ въ этихъ

данныхъ очень тревожные признаки для желѣзодѣлательной промышленности своей страны.

Но разъ желѣзодѣлательная промышленность въ странахъ съ развитой крупной промышленностью вступитъ въ тотъ фазисъ, который въ настоящее время переживаютъ текстильная промышленность и сельское хозяйство Англіи, тогда способности капиталистическаго способа производства къ расширенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его жизнеспособности наступитъ конецъ.

И мы увидимъ, что для этого не требуется слишкомъ много времени, если вспомнимъ, какъ быстро развилась сильная крупная промышленность въ Соединенныхъ Штатахъ, Японіи, Россіи,—въ Соединенныхъ Штатахъ крупная промышленность въ теченіе одного полвѣка достигла такого развитія, что теперь уже является грознымъ соперникомъ англійской и германской промышленности.

Но признаніе возможности неисцѣлимаго хроническаго перепроизводства еще не тождественно съ предсказаніемъ наступленія въ ближайшемъ будущемъ огромнаго мірового кризиса, всемірнаго пожара, изъ котораго народится соціалистическое общество въ полной красѣ, подобно Фениксу.

Процессъ наступленія хроническаго перепроизводства можетъ быть медленно затяжнымъ. Мы однако мало знаемъ, какъ и когда онъ произойдетъ. Я охотно соглашусь, что можно сомнѣваться даже въ томъ, наступитъ ли онъ вообще когда-нибудь, и для такого сомнѣнія тѣмъ больше данныхъ, чѣмъ быстрѣе будутъ успѣхи соціалистическаго движенія.

Неисцѣлимое хроническое перепроизводство означаетъ крайній предѣлъ, при которомъ можетъ вообще существовать капиталистическій строй, но оно не является непремѣнно его смертнымъ приговоромъ. Мы видѣли, что матеріалистическое пониманіе исторіи рядомъ съ экономическимъ принужденіемъ признаетъ еще и другіе факторы соціальнаго развитія. Хотя эти факторы исходятъ изъ экономическаго базиса, тѣмъ не менѣе нерѣдко они обладаютъ идеологическимъ и этическимъ характеромъ. Эти факторы мы выражаемъ въ формулѣ классовой борьбы. Классовая борьба пролетаріата можетъ привести къ ниспроверженію капиталистическаго способа производства еще прежде, чѣмъ послѣдній вступитъ въ стадію своего разложенія. Если указаніе на хроническое перепроизводство не тождественно съ пред-

сказаніемъ большого, всемірнаго кризиса, то оно также не тождественно и съ предсказаніемъ особой формы гибели капиталистическаго производства. Значеніе этого указанія въ томъ, что оно, точно установивъ крайніе предѣлы жизнеспособности настоящаго общества, приближаетъ къ намъ соціализмъ изъ той туманной дали, въ которую его въ настоящее время отодвинули многіе соціалисты, такъ что изъ цѣли, которая можетъ быть осуществится черезъ пятьсотъ лѣтъ,—а можетъ быть совсѣмъ не осуществится,—соціализмъ превращается въ видимую и неизбѣжную цѣль практической политики.

Таковы, по моему мнѣнію, руководящія соображенія при изслѣдованіи взаимной зависимости между кризисомъ и соціализмомъ.

Именно этого пункта Бернштейнъ не касается; онъ занимается почти исключительно опроверженіемъ неимѣющаго никакого значенія фантастическаго представленія о какомъ-то неслыханномъ всеобщемъ кризисѣ.

Онъ задаетъ вопросъ: „нельзя ли признать, что могущественное пространственное расширеніе всемірнаго рынка въ связи съ необычайнымъ сокращеніемъ времени, необходимаго для передачи свѣдѣній и перевозки, настолько увеличитъ возможность сглаженія разстройствъ рынка, а чрезвычайно возросшее богатство европейскихъ промышленныхъ странъ въ связи съ эластичностью современной кредитной системы и съ развитіемъ промышленныхъ картелей настолько уменьшаетъ обратное воздѣйствіе мѣстныхъ и частичныхъ разстройствъ на общее положеніе дѣлъ, что по крайней мѣрѣ на продолжительное время можно считать невѣроятнымъ возникновеніе всеобщихъ промышленныхъ кризисовъ, подобныхъ бывавшимъ ранѣе“ (стр. 70).

Какой характеръ примутъ будущіе кризисы, теперь, конечно, нельзя сказать. Очень вѣроятно, что они въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ будутъ носить другой характеръ, чѣмъ предшествующіе. Но здѣсь дѣло не въ этомъ. Вопросъ заключается въ томъ, то ли значеніе будутъ имѣть для пролетаріата и для среднихъ слоевъ будущіе кризисы, какъ и прошедшіе; и мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, которыя говорили бы противъ этого.

Впрочемъ, мнѣ не совсѣмъ ясно, почему расширеніе всемірнаго рынка и кредитной системы, такъ же какъ и ростъ богатства, должны противодѣйствовать всеобщему распространенію кризисовъ. Здѣсь дѣло идетъ не о „мѣстныхъ и частичныхъ разстройст-

вахъ въ общемъ положеніи дѣлъ", но о всеобщемъ перепроизводствѣ. Чѣмъ лучше средства сношенія и перевозки, тѣмъ больше единства пріобрѣтаетъ всемірный рынокъ, тѣмъ тѣснѣе связываются судьбы одной части съ другими. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и развитіе кредитной системы. Но это самое развитіе облегчаетъ также и неожиданное расширеніе производства. Оно происходитъ благодаря росту богатства, которое, однако, означаетъ только увеличеніе капиталовъ, вызывающихъ расширеніе производства. Конечно, мѣстныя и частичныя разстройства легче устранимы при помощи этой массы капиталовъ, кредита и при наличности средствъ для быстраго сообщенія; такимъ образомъ могъ бы быть устраненъ, какъ указалъ уже Энгельсъ, рядъ факторовъ, обусловливающихъ кризисы, и разсадниковъ кризисовъ; но какъ могутъ противодѣйствовать эти средства всеобщему перепроизводству? А разъ перепроизводство становится всеобщимъ, то и крахъ долженъ быть всеобщимъ. Процвѣтаніе и кризисъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ неразлучны другъ съ другомъ.

Но, несомнѣнно, этимъ еще не сказано, что будущій кризисъ долженъ быть всеобщимъ и всепоглощающимъ.

Но картели? Не являются ли онѣ средствомъ ограничить и регулировать производство и, такимъ образомъ, предупреждать перепроизводство и кризисы?

Такой цѣли онѣ, навѣрное, не преслѣдуютъ Ихъ задачей является повышеніе прибыли на капиталъ. Однимъ изъ средствъ къ этому является, безъ сомнѣнія, повышеніе цѣнъ, а слѣдовательно, и нормы прибыли при помощи сокращенія предложенія на рынкѣ. Но нельзя произвольно повышать цѣны, даже при условіи, что рынокъ монополизированъ, къ чему стремятся картели. Въ той же степени, въ какой повышаются цѣны, понижается, съ одной стороны, спросъ на товары, а съ другой—создается стимулъ для капиталистовъ, стоящихъ внѣ картели, получить свою долю исключительной прибыли, основывая конкурирующія предпріятія, и такимъ образомъ разрушить монополію и расширить производство.

Поэтому ограниченіе предложенія на рынкѣ посредствомъ картелей или трестовъ имѣетъ свои границы.

Съ другой стороны, прибыль при одинаковыхъ обстоятельствахъ тѣмъ выше, чѣмъ дешевле производство продуктовъ, а это, между прочимъ, значитъ, чѣмъ

крупнѣе размѣры производства. Чѣмъ крупнѣе размѣры производства, тѣмъ технически совершеннѣе можетъ быть оно поставлено, тѣмъ болѣе оно оказывается въ состояніи уничтожать въ зародышѣ каждаго вновь появляющагося конкурента, который иначе могъ бы быть угрозой монополіи картели. И чѣмъ значительнѣе и быстрѣе оборотъ капитала, тѣмъ больше при одинаковыхъ обстоятельствахъ количество прибыли.

Поэтому, съ несравненно большимъ правомъ, чѣмъ о Марксѣ, можно бы сказать о руководителѣ картели, что въ его груди живутъ двѣ души,— одна стремится къ наибольшему сокращенію, а другая къ наибольшему расширенію производства. Но руководитель картели—не мятущійся Фаустъ, а человѣкъ дѣла и вмѣсто того, чтобы переживать внутри себя борьбу двухъ душъ, онъ очень просто стремится на двухъ различныхъ рынкахъ различными путями добиться увеличенія своей прибыли.

На внутреннемъ рынкѣ предложеніе ограничивается насколько возможно, и цѣны доводятся до такой высоты, какая совмѣстима съ наивозможно большей прибылью. Но ограничивается только п р е д л о ж е н і е, а не п р о и з в о д с т в о. Производство, насколько возможно, расширяется и излишекъ сбывается за границу. Чѣмъ выше цѣны и прибыль на внутреннемъ рынкѣ, тѣмъ легче на внѣшнемъ выдержать конкуренцію, продавая товары за безцѣнокъ. И если при этомъ возмѣстятся, хотя бы только, издержки производства, то и тогда сбытъ представляется выгоднымъ: благодаря ему оказывается возможнымъ непрерывное веденіе предпріятія въ самыхъ крупныхъ размѣрахъ.

Гдѣ, слѣдовательно, дѣло идетъ о промышленности, работающей на массовый сбытъ, и объ экспортной промышленности,— а это именно отрасли всего болѣе склонныя къ перепроизводству—тамъ нельзя расчитывать на урегулированіе и ограниченіе производства при помощи картелей.

Соединенные Штаты являются страной картелей. Но мы не видимъ тамъ ограниченія производства. Производство чугуна за послѣднія пять лѣтъ тамъ болѣе ч ѣ м ъ у д в о и л о с ь. Въ 1894 г. оно достигало около $6^1/_2$ милліоновъ тоннъ, въ 1898 г. почти 12 милл., а за 1899 г. по даннымъ за первое полугодіе оно опредѣляется въ 14 милліоновъ (Лаусонъ въ „Bankers magazine").

Бернштейну приходится согласиться, что при нѣко-

торыхъ обстоятельствахъ существованіе картелей приводитъ прямо къ перепроизводству.

Однако онъ возражаетъ: „Но обыкновенно этотъ маневръ имѣетъ мѣсто только тамъ, гдѣ запретительныя пошлины являются поощреніемъ для картелей, лишая иностранную промышленность возможности отвѣтить той же монетой„ (стр 78). Правда, онъ убѣжденъ, „что въ тѣхъ современныхъ промышленныхъ странахъ, гдѣ тресты и картели поддерживаются и развиваются при помощи запретительныхъ пошлинъ, они дѣйствительно должны стать факторами кризисовъ въ данной индустріи—и если не сразу, то позднѣе и въ самой „защищенной“ странѣ. Такимъ образомъ спрашивается лишь, какъ долго народы будутъ мириться съ подобной системой хозяйства“. (стр. 79).

Такимъ образомъ, далекія отъ того, чтобы регулировать производство, картели должны стать факторами кризисовъ и „спрашивается только, какъ долго народы будутъ мириться съ подобной системой хозяйства“.

Это, въ дѣйствительности, вопросъ. Но на него Бернштейнъ столь же мало можетъ отвѣтить, какъ и на многіе другіе вопросы, имъ поставленные.

Бернштейнъ исходилъ изъ соображенія, что расширеніе мірового рынка, ростъ богатства, эластичность современной кредитной системы на ряду съ развитіемъ промышленныхъ картелей „по крайней мѣрѣ на продолжительное время“ сдѣлали невѣроятнымъ наступленіе всеобщихъ промышленныхъ кризисовъ. И вдругъ теперь тѣ же самыя картели становятся новыми факторами кризисовъ по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока народы будутъ мириться съ системой запретительныхъ пошлинъ, слѣдовательно, „по крайней мѣрѣ на продолжительное время“.

У насъ нѣтъ никакой надежды, что мы еще разъ доживемъ до режима свободной торговли. Пока народы мирятся съ капитализмомъ, они будутъ мириться также и съ запретительными пошлинами, именно вслѣдствіе растущаго перепроизводства. У капиталистическаго строя нѣтъ никакихъ средствъ для спасенія отъ перепроизводства; охранительныя пошлины являются не больше, какъ попыткой смягчить только дѣйствіе перепроизводства, т. е. попыткой перенести его послѣдствія изъ своей собственной страны на другую. Конечно, эта попытка оказывается не безрезультатной только до тѣхъ поръ, пока другія страны не отвѣтили тѣмъ же,

но легче ввести охранительныя пошлины, чѣмъ ихъ отмѣнить, особенно въ періодъ такого отчаяннаго состязанія на всемірномъ рынкѣ, а безуспѣшность попытки скорѣе всего толкаетъ къ усиленію этой мѣры, чѣмъ къ ея отмѣнѣ.

Но гдѣ же теперь мы находимъ среди буржуазныхъ партій сторонниковъ свободной торговли? Онѣ ставятъ вопросъ лишь о бо́льшихъ или меньшихъ запретительныхъ пошлинахъ, о торговыхъ договорахъ или возможности таможенной войны. Но свободная торговля! Для капиталиста это идеалъ прошедшаго. Для него свободная торговля является только однимъ изъ многихъ признаковъ, характерныхъ для Англіи, какъ исключительной страны. И даже въ Англіи уже теперь развивается движеніе за введеніе запретительныхъ пошлинъ.

Итакъ, если только свобода торговли можетъ уничтожить кризисы, вызванные существованіемъ картелей, то это ихъ дѣйствіе еще долго останется въ силѣ. Будущій кризисъ, который, быть можетъ, наступитъ уже черезъ два-три года, такимъ путемъ не будетъ предотвращенъ.

Но многія и именно самыя могущественныя картели содѣйствуютъ появленію кризисовъ не только тѣмъ, что поощряютъ къ расширенію производства и уничтожающей конкуренціи на міровомъ рынкѣ, но и тѣмъ, что создаютъ стимулъ для спекуляціи.

Бернштейнъ полагаетъ, что спекуляція является главнымъ образомъ только дѣтской болѣзнью капиталистическаго способа производства, которая исчезнетъ вмѣстѣ съ возрастомъ. „Спекуляція обусловлена соотношеніемъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ условій. Чѣмъ больше преобладаютъ послѣднія, тѣмъ болѣе расцвѣтаетъ спекуляція; чѣмъ болѣе послѣднія вытѣсняются первыми, тѣмъ болѣе спекуляція теряетъ почву. Поэтому самыя безумныя спекуляціи имѣли мѣсто на зарѣ капиталистической эры; самымъ бѣшенымъ оргіямъ предавались обыкновенно въ странахъ съ болѣе молодымъ капиталистическимъ развитіемъ“ (стр. 73).

Но въ чемъ кроется причина возникновенія этого „болѣе молодого капиталистическаго развитія“? Она обусловливается главнымъ образомъ притокомъ капиталовъ изъ болѣе старыхъ странъ. А неизвѣстныя условія болѣе молодыхъ странъ являются въ такомъ случаѣ тѣмъ большей причиной оргій въ старѣйшихъ странахъ, чѣмъ болѣе капиталовъ помѣщено ими за границей.

Аргентинскія и трансваальскія спекуляціи носили характеръ „бѣшеныхъ оргій“ не только въ Буэносъ-Айресѣ и Іоганненсбургѣ, но и въ почтенномъ старомъ лондонскомъ Сити.

Какъ при открытіи новыхъ странъ, такъ и при примѣненіи новыхъ изобрѣтеній и обоснованіи новыхъ промышленныхъ отраслей преобладаютъ „неизвѣстныя условія“ и поэтому именно такія страны и отрасли представляютъ почву для спекуляціи. Нельзя утверждать, что съ развитіемъ капиталистической эры исчезнетъ тотъ или другой факторъ. Какъ разъ напротивъ.

И такъ же мало можно утверждать, что спекуляція теперь будетъ менѣе сильна, чѣмъ раньше. Капиталисты были осторожны, пока у нихъ были еще живы воспоминанія о размѣрахъ ужаснаго застоя въ восьмидесятыхъ годахъ. А теперь они бросились въ спекуляцію болѣе, чѣмъ когда-либо. Нѣкоторыя данныя, которыя мы заимствуемъ изъ „Deutscher Oekonomist“ отъ 22 іюля текущаго года, могутъ намъ это иллюстрировать.

Въ Германіи сумма ежегодно помѣщавшагося въ биржевыхъ цѣнностяхъ капитала составляла въ милліонахъ марокъ:

Годъ выпуска	1887	1888	1889	1890	1891	1892	1893	1894
Биржевыя бумаги вообще	1008	1985	1745	1520	1217	1016	1266	1420
Акціи нѣмецк: пром. о-въ	?	194,5	337,4	200,5	29,7	14,8	25,3	79,0

Годъ выпуска	1895	1896	1897	1898	1899 г. (1-ое полугодіе).
Биржевыя бумаги вообще	1375	1896	1944	2407	1595
Акціи нѣмецк. пром. общ.	*223,2*	*333,9*	*318,2*	*520,6*	*518*

По даннымъ нижняго ряда можно очень легко прослѣдить промышленный циклъ съ его кульминаціоннымъ пунктомъ въ 1889 г., его глубокимъ застоемъ въ 1892 г. новымъ оживленіемъ, начинающимся съ 1895 г., подъемомъ послѣднихъ лѣтъ, идущимъ рѣзкими скачками; первое полугодіе 1899 г. приноситъ столько новыхъ бумажныхъ цѣнностей, сколько приходилось на весь прошедшій годъ, который также являлся уже годомъ высшаго оживленія промышленности.

Приведемъ теперь еще рядъ данныхъ о среднемъ эмиссіонномъ лажѣ *) нѣмецкихъ промышленныхъ акцій. Онъ составлялъ въ процентахъ:

1888	1889	1890	1891	1892	1893
38,06	45,87	30,05	20,0	14,7	29,1

1894	1895	1896	1897	1898	1899 (1-ое полугодіе)
31,0	38,6	36,1	66,7	67,7	69,9

*) Т. е. разницѣ между эмиссіонной цѣной и номинальной. Ред.

Редакція цитируемаго изданія замѣчаетъ: „Эмиссіонный курсъ достигъ небывалой ранѣе высоты. При этомъ обыкновенно бумаги вздуваются еще выше эмиссіоннаго курса. На ненормальность такого подъема мы уже часто указывали. Въ дѣйствительности основаніемъ для повышенія курса служитъ не повышенная оцѣнка стоимости предпріятія, но исключительно всеобщее ожиданіе, что курсъ будетъ повышаться еще далѣе, а слѣдовательно, самая обыкновенная спекуляція на курсовую разницу. Небывалая еще высота эмиссіоннаго лажа, въ среднемъ около 70%, доказываетъ, что эта спекуляція приняла небывалые еще размѣры".

То же самое говоритъ въ вышеупомянутой статьѣ Лаусонъ относительно спекуляціи на улицѣ Уолстритъ (Wallstreet, т. е. въ Нью-Іоркѣ). Онъ полагаетъ, что только осторожная политика Нью-Іоркскихъ банковъ предотвратила возникновеніе такихъ мошенническихъ спекуляцій, какъ тихоокеанская. Главнымъ объектомъ мошенническихъ спекуляцій являются тресты.

Соединенные Штаты представляютъ изъ себя страну картелей. Это страна, обладающая эластичной кредитной организаціей, громадными богатствами, высоко развитымъ телеграфнымъ и транспортнымъ сообщеніемъ, громаднѣйшимъ внутреннимъ рынкомъ, и однако тамъ разразился самый ужасный кризисъ (1893—1896г. г.), какой знало наше десятилѣтіе.

Но предположимъ, что картели будутъ дѣйствительно въ состояніи предотвращать кризисы благодаря ограниченію производства. Но что выиграютъ въ такомъ случаѣ пролетаріатъ и средніе слои? Картели являются однимъ изъ самыхъ могучихъ средствъ экспропріаціи мелкихъ капиталистовъ. Если картели сдѣлаютъ невозможными кризисы, приводящіе къ тому же самому, то господство крупнаго капитала не станетъ благодаря этому менѣе гнетущимъ.

А пролетаріатъ? Всѣмъ извѣстно, что объединеніе предпринимателей въ прочные союзы не способствуетъ повышенію заработной платы, развитію профессіональныхъ союзовъ, увеличенію независимости рабочихъ. Но, можетъ быть, зато ихъ заработокъ становится болѣе постояннымъ? Какъ разъ всего меньше постоянства въ заработкѣ можно найти тамъ, гдѣ картели, дѣйствительно, оказались въ состояніи ограничить производство. Трестъ несравненно скорѣе, чѣмъ отдѣльное предпріятіе, можетъ достигнуть высшей производительности тру-

да. Онъ упраздняетъ мелкія предпріятія съ нераціональной постановкой дѣла, упрощаетъ управленіе, усиливаетъ раздѣленіе труда, способствуя своими колоссальными денежными средствами испытанію и примѣненію новыхъ изобрѣтеній. Поэтому, чѣмъ болѣе происходитъ вмѣстѣ съ тѣмъ ограниченіе производства, тѣмъ болѣе должны эти усовершенствованія приводить къ сокращенію количества рабочихъ. Для части рабочихъ, наиболѣе покорныхъ и самыхъ опытныхъ, картель можетъ обезпечить бо́льшее постоянство въ заработкѣ. Для большинства же остальныхъ это постоянство представляетъ не что иное, какъ бо́льшее постоянство безработицы.

Какимъ образомъ картель можетъ предотвратить кризисъ? Только путемъ ограниченія производства. Но мы видѣли, что постоянное расширеніе производства является жизненнымъ условіемъ для капиталистическаго способа производства и главнымъ образомъ для пролетаріата. Мы здѣсь не касаемся того, что сдѣлали бы съ вновь накопленными капиталами картели, если бы имъ удалось урегулировать производство, пришлось ли бы имъ подъ давленіемъ этихъ капиталовъ вновь расширить производство, или это повело бы къ ихъ гибели. Вѣрнѣе всего, что всякая остановка въ расширеніи производства при теперешнемъ способѣ производства должна создать невыносимое положеніе; нелѣпо думать, что для рабочихъ такое положеніе является менѣе тягостнымъ, если оно вызывается искусственнымъ соединеніемъ предпринимателей въ картели, а не кризисами и банкротствами. Напротивъ, если предприниматели хотятъ предотвратить кризисъ, подвергая рабочихъ въ періодъ расцвѣта обычнымъ при кризисѣ лишеніямъ, если для спасенія прибыли они взваливаютъ на спину однихъ рабочихъ послѣдствія ограниченія производства, если они возлагаютъ на нихъ послѣдствія перепроизводства еще прежде, чѣмъ оно наступило,—то все это можетъ привести только къ крайнему обостренію вражды между трудомъ и капиталомъ.

Картели не только не лишаютъ кризисовъ тѣхъ вліяній, которыя дѣйствуютъ въ направленіи къ соціализму, но, напротивъ того, сами дѣйствуютъ въ томъ же направленіи,—и, что весьма вѣроятно, не задерживаютъ, притомъ, и кризисовъ. Картели болѣе, чѣмъ всякое другое явленіе капиталистической хозяйственной жизни, вселяютъ въ трудящіеся слои народа чувство необходимости экспропріаціи экспропріирующихъ и сознаніе,

что завоеванiе политической власти пролетарiатомъ есть единственное дѣйствительное средство для осуществленiя этой цѣли.

Бернштейнъ тоже понимаетъ, какiя бѣдствiя могутъ принести картели пролетарiату, но его гипнотизируетъ навязчивая идея, будто въ средѣ соцiаль-демократiи находятся влiятельные люди, ожидающiе освобожденiя пролетарiата не путемъ его упорной борьбы противъ своихъ враговъ, а отъ дѣйствiя воображаемаго всемiрнаго кризиса.

„Капиталистическое средство обороны противъ кризисовъ“, говоритъ онъ, „носитъ въ себѣ въ скрытой формѣ зародышъ новаго еще болѣе сильнаго порабощенiя рабочаго класса, а также зародышъ привилегiй производства, представляющихъ болѣе острую форму старыхъ цеховыхъ привилегiй. Вмѣсто того, чтобы предсказывать „безсилiе“ картелей и трестовъ, мнѣ представляется съ точки зрѣнiя рабочаго класса несравненно болѣе важнымъ указывать на ихъ жизнеспособность въ настоящее время. Достижима ли для картелей первая цѣль—служить орудiемъ обороны противъ кризисовъ—это самъ по себѣ для рабочаго класса второстепенный вопросъ. Но онъ становится въ высшей степени важнымъ вопросомъ, разъ только мы станемъ связывать съ всеобщимъ кризисомъ какiя бы то ни было надежды на освободительное движенiе рабочаго класса. Ибо въ такомъ случаѣ представленiе, что картели совсѣмъ безсильны противъ кризисовъ, можетъ сдѣлаться причиной самыхъ роковыхъ ошибокъ“.

Какими фантазерами считаетъ, должно быть, Бернштейнъ своихъ партiйныхъ товарищей! И какiя фантастическiя представленiя существуютъ у него о нашемъ движенiи, если онъ допускаетъ, что у насъ связываютъ съ грядущимъ кризисомъ какiя-то настолько опредѣленныя надежды, что онѣ даже могутъ явиться причиной самыхъ роковыхъ ошибокъ. Къ сожалѣнiю, находятся люди, которые на основанiи подобныхъ возгласовъ Кассандры въ пустое пространство судятъ о соцiаль-демократiи.

i) Формулировка программы.

Разборомъ значенiя кризисовъ и картелей Бернштейнъ заканчиваетъ свои изслѣдованiя о хозяйственномъ развитiи современнаго общества. Дали ли они

намъ поводъ для измѣненія нашей программы? Доказали ли они, что экономическое развитіе происходитъ въ другомъ направленіи, чѣмъ указывалъ Марксъ?

Мнѣ кажется мы можемъ спокойно на этотъ вопросъ отвѣтить: „нѣтъ“.

При этомъ я говорю не только объ одной Эрфуртской программѣ, но объ основной точкѣ зрѣнія, изъ которой исходятъ почти всѣ современныя соціальдемократическія программы, поскольку онѣ вообще содержатъ въ себѣ основаніе соціальдемократическихъ требованій.

Такъ, напримѣръ, въ Гайнфельдской программѣ австрійской рабочей партіи мы находимъ:

„Соціалистическая рабочая партія въ Австріи стремится къ освобожденію всего народа безъ различія національности, расы и пола изъ цѣпей экономической зависимости, къ устраненію политическаго безправія и къ поднятію изъ духовнаго порабощенія. Причину подобнаго недостойнаго положенія нужно искать не въ отдѣльныхъ политическихъ учрежденіяхъ, но въ томъ обусловливающемъ самую сущность всего общественнаго строя господствующемъ фактѣ, что орудія труда монополизированы въ рукахъ отдѣльныхъ собственниковъ. Владѣлецъ рабочей силы, рабочій классъ, сталъ вслѣдствіе этого рабомъ собственника орудій труда, класса капиталистовъ, политическое и экономическое господство которыхъ нашло себѣ выраженіе въ современномъ государствѣ. Частная собственность на средства производства, означая такимъ образомъ въ политическомъ отношеніи классовое государство, въ экономическомъ отношеніи означаетъ увеличивающуюся массу нищеты и растущее обнищаніе все болѣе широкихъ слоевъ народа.

„Благодаря техническому развитію, колоссальному росту производительныхъ силъ эта форма собственности не только оказывается излишней, но и *фактически упраздняется для громаднаго большинства народа, а одновременно съ этимъ создаются необходимыя духовныя и матеріальныя предпосылки для формы общественной собственности*. Переходъ орудій труда въ общую собственность всего трудящагося народа означаетъ, такимъ образомъ, не только освобожденіе рабочаго класса, но также завершеніе исторически необходимаго развитія. Проводникомъ этого развитія

можетъ быть только обладающій классовымъ самосознаніемъ и организованный въ политическую партію пролетаріатъ. Поэтому организовать политически пролетаріатъ, развить въ немъ сознаніе своего положенія и своихъ задачъ, сдѣлать его духовно и физически способнымъ къ борьбѣ и поддерживать его въ этомъ состояніи является настоящей программой австрійской соціальдемократической рабочей партіи, для проведенія которой она будетъ пользоваться всѣми цѣлесообразными и отвѣчающими естественному правосознанію народа средствами."

Программа французской рабочей партіи начинается съ заявленія:

„Что освобожденіе производящаго класса является освобожденіемъ всего человѣчества безъ различія пола и расы;

„что производители не могутъ быть свободны, если они не являются собственниками средствъ производства;

„что существуетъ двѣ формы собственности на орудія производства:

„1) Форма индивидуальной собственности, которая никогда не достигала всеобщаго распространенія, и которая путемъ промышленнаго развитія устраняется все болѣе;

2) Форма общественной собственности, матеріальные и интеллектуальные элементы которой создаетъ развитіе самого капиталистическаго общества".

Повсюду мы находимъ въ существенныхъ чертахъ тотъ же самый ходъ мыслей, какъ и въ Эрфуртской программѣ. Такимъ образомъ, прежде всего дѣло идетъ не объ особой формѣ программы, но объ общихъ воззрѣніяхъ, составляющихъ основаніе международнаго соціальдемократическаго движенія.

Въ то время, когда эти строки должны были пойти въ наборъ въ „Vorwärts" (3 сентября), появилась статья Бернштейна: „Мое отношеніе къ теоретической части Эрфуртской программы". Въ ней онъ высказывается только противъ „теперешняго аподиктическаго пониманія" отдѣльныхъ ея положеній. „Я говорю объ ея теперешнемъ пониманіи, потому что—если не считать аграрнаго вопроса,—я ее принимаю, несмотря на ея условную вѣрность. По отношенію же къ аграрному вопросу, она еще не содержитъ въ себѣ послѣдняго слова".

Это совсѣмъ еще не указываетъ на настоятельную необходимость пересмотра программы. То же самое говоритъ Бернштейтъ въ концѣ своей статьи:

„О моемъ отношеніи къ теоретической части партійной программы послѣ всего прежняго не можетъ быть сомнѣнія. Если бы измѣненіе программы стояло на очереди, то я бы, будь на то желаніе другихъ, не замедлилъ ни одной минуты и переработалъ ея текстъ соотвѣтственно моимъ взглядамъ. Но браться за это по собственной иниціативѣ я не имѣю склонности. Не я возбудилъ дискуссію по программнымъ вопросамъ. Я счелъ бы ее завершенной только въ томъ случаѣ, если бы въ самой партіи распространилось убѣжденіе, что программа въ ея настоящемъ пониманіи болѣе не соотвѣтствуетъ состоянію соціальнаго познанія и не удовлетворяетъ задачамъ пропаганды. Пока этого нѣтъ, задача писателей, занимающихся теоретическими вопросами, можетъ состоять только въ томъ, чтобы по мѣрѣ своихъ силъ работать надъ расширеніемъ теоретическихъ познаній“.

Происходившая до сихъ поръ дискуссія не дала на мой взглядъ никакихъ поводовъ для пересмотра текста Эрфуртской программы. Но если бы дѣло дошло до пересмотра, то прежде всего было бы необходимо изслѣдовать, таково ли въ дѣйствительности настоящее пониманіе программы, какимъ оно оказывается въ изложеніи Бернштейна.

Я, думается мнѣ, доказалъ, что критика Бернштейномъ такъ называемой теоріи крушенія страдаетъ не только тѣмъ, что въ ней невѣрно понимаются дѣйствительныя соотношенія, но также и тѣмъ, что она излагаетъ соціальдемократическую теорію несогласно съ господствующими въ нашей партіи воззрѣніями. То же самое обнаруживаетъ его критика изложенія Эрфуртской программы. Онъ говоритъ тамъ между прочимъ:

„Такимъ образомъ, резюмируя вкратцѣ, я не подписываюсь подъ тѣми именно положеніями, въ которыхъ соціализмъ понимается какъ необходимый результатъ чисто экономическихъ условій, какъ выходъ изъ экономическаго крушенія и альтернатива или просто результатъ насильственнаго переворота“.

Теперь я спрашиваю, гдѣ въ Эрфуртской программѣ говорится объ экономическомъ крушеніи и насильственномъ переворотѣ? Вотъ мѣсто, въ которомъ идетъ рѣчь о соціализмѣ: „Только превращеніе капита-

листической частной собственности на орудія производства въ общественную собственность и товарнаго производства въ соціалистическое можетъ привести къ тому, что крупныя предпріятія и непрерывно растущая производительность общественнаго труда, бывшая до сихъ поръ для эксплуатируемыхъ классовъ источникомъ нищеты и угнетенія, превратится въ источникъ высшаго благосостоянія и гармоническаго развитія".

Гдѣ же здѣсь мы видимъ крушеніе, гдѣ переворотъ? Эрфуртская программа ровно ничего не говоритъ, какія формы развитія ведутъ къ соціализму, по той простой причинѣ, что здѣсь нельзя сказать ничего опредѣленнаго.

Эрфуртская программа была единогласно принята комиссіей, выбранной для ея составленія. Въ той же комиссіи былъ и Фольмаръ, защищавшій на томъ же самомъ конгрессѣ свои рѣчи, произнесенныя имъ въ „Эльдорадо". Думаетъ ли Бернштейнъ, что Фольмаръ согласился бы съ недопускающимъ сомнѣній изложеніемъ программы, если бы въ ней говорилось о неизбѣжности насильственнаго переворота? Нѣтъ, программа ничего не говоритъ о томъ, какимъ образомъ осуществится соціализмъ — путемъ ли мирной незамѣтной работы, или насильственнаго переворота, или же, какъ многіе изъ насъ думали, и тѣмъ и другимъ путемъ вмѣстѣ.

Другое же возраженіе Бернштейна противъ изложенія Эрфуртской программы возникаетъ и отпадаетъ вмѣстѣ съ его пониманіемъ „экономической необходимости", которую онъ отождествляетъ въ упомянутой статьѣ съ технической необходимостью и противопоставляетъ ее общественной потребности. Онъ возражаетъ, „что необходимость обобществленія производства не можетъ быть выведена изъ промышленно-техническихъ основаній", какъ будто бы хоть словомъ упоминаетъ объ этомъ Эрфуртская программа. „Промышленно-техническое развитіе производства является вещественнымъ факторомъ соціалистическаго развитія не въ томъ смыслѣ, что этотъ факторъ непосредственно самъ собой толкаетъ къ обобществленію. Напротивъ, это происходитъ всегда сначала косвеннымъ путемъ, въ виду другихъ соціальныхъ или даже политическихъ потребностей, какъ это видно на примѣрѣ почтъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д.".

Сравнимъ съ этимъ вышецитированный отрывокъ

изъ Эрфуртской программы, гдѣ необходимость соціализма выводится изъ потребностей рабочаго класса, а не изъ потребностей промышленной техники, и мы увидимъ, чего стоитъ Бернштейновская критика экономической необходимости.

Въ другомъ мѣстѣ упомянутаго сочиненія Бернштейнъ выступаетъ противъ положенія, что осуществленіе соціализма „можетъ быть дѣломъ только рабочаго класса", и чувствуетъ себя вынужденнымъ разъяснить намъ съ важнымъ видомъ, что въ партіи, кромѣ пролетаріевъ, есть также еще другіе элементы, которые часто приносятъ ей величайшую пользу.

Но если бы этотъ фактъ противорѣчилъ вышеупомянутому положенію, то какъ могло случиться, что всѣ двадцать одинъ членъ программной комиссіи, въ томъ числѣ цѣлый рядъ „академиковъ" и „мелкихъ буржуа", согласились съ этимъ положеніемъ, какъ могло случиться, что и Бернштейнъ не увидѣлъ въ немъ недостатковъ? Развѣ онъ стоялъ тогда на той точкѣ зрѣнія, что только мозолистый кулакъ рабочаго можетъ имѣть какое-либо значеніе въ соціаль-демократіи? Такимъ образомъ, если теперь онъ отказывается подписаться подъ положеніемъ, подъ которымъ онъ подписался восемь лѣтъ тому назадъ, то это можетъ объясняться только тѣмъ, что теперь онъ толкуетъ это положеніе иначе, чѣмъ тогда. Раньше онъ вполнѣ ясно понималъ, что оно касается только классовъ, а не индивидуумовъ, что оно говоритъ: изъ всѣхъ классовъ только рабочій классъ стремится къ соціализму. Мы въ дальнѣйшемъ еще вернемся къ этому.

Такимъ образомъ, чтобы разобраться въ Бернштейновской критикѣ изложенія программы, необходимо прежде всего выяснить, то ли она говоритъ въ дѣйствительности, что изъ нея теперь вычиталъ Бернштейнъ.

Бернштейну не нравятся въ частности слишкомъ категорическое изложеніе того мѣста, гдѣ говорится о гибели мелкаго производства, какъ и ссылка на ростъ нищеты, на обостреніе классовыхъ противорѣчій и на кризисы.

Нужно ли еще намъ послѣ всего сказаннаго разъяснять, что мы можемъ со спокойной совѣстью сохранить эти положенія безъ измѣненія, разъ только мы не будемъ вычитывать въ нихъ того, чего тамъ нѣтъ?

Мѣсто о гибели мелкаго производства совершенно

вѣрно, если принимать во вниманіе развитіе всего общества, а не отдѣльныхъ отраслей труда. Но вѣдь эта точка зрѣнія является для насъ рѣшающей. Какъ нужно понимать „теорію крушенія“, мы уже видѣли. Увеличивающееся обостреніе соціальныхъ противорѣчій, намъ кажется, также можно считать доказаннымъ. Къ этому мы еще вернемся. Наконецъ, если бы мы вычеркнули мѣсто, въ которомъ идетъ рѣчь о кризисахъ, то мы рисковали бы очутиться въ положеніи грюндеровъ священной германско-прусской имперіи, крахъ которыхъ Марксъ предсказалъ въ 1872 году, и подобно имъ претерпѣть горькое испытаніе, которое въ должной мѣрѣ научило бы насъ діалектикѣ.

Однако, вернемся опять къ сочиненію Бернштейна. Тамъ идетъ дѣло не о пониманіи отдѣльныхъ положеній программы, но о тѣхъ взглядахъ, которые лежатъ въ основаніи всякой соціальдемократической программы. И наши противники также взглянули на сочиненіе Бернштейна, какъ на разрывъ съ нашими основными положеніями, какъ на признакъ того, что соціаль-демократія стала сомнѣваться въ самой себѣ. И дѣйствительно, изъ его разсужденій вытекаетъ не тотъ выводъ, что только пониманіе отдѣльныхъ положеній программы является слишкомъ категорическимъ. Утверждаетъ же онъ, — иногда, какъ мы видѣли, слишкомъ рѣшительно,—что экономическое развитіе современнаго общества происходитъ отнюдь не въ томъ направленіи, какъ думалъ Марксъ, и какъ, согласно Марксу, принимается въ соціальдемократическихъ программахъ. Если Бернштейнъ правъ, то должны быть измѣнены не только редакція вступительной части нашей программы, но также и ея содержаніе.

Оруженосецъ Бернштейна Герцъ, относительно котораго Бернштейнъ призналъ, что тотъ понимаетъ его лучше, чѣмъ критики, заявилъ же въ „Deutsche Worten“ съ полнымъ правомъ, что онъ „съ Эрфуртской программой, конечно, абсолютно не согласенъ“.

Это, дѣйствительно, логическій выводъ изъ Бернштейновской точки зрѣнія.

Но что же тогда станется съ соціалистическими требованіями, которыя наша программа выводитъ изъ развитыхъ въ ея вступительной части положеній?

Конечно, эти требованія не должны стать непремѣнно шаткими потому только, что ихъ обоснованіе стало шаткимъ. Очень часто вѣрнымъ взглядамъ даютъ невѣрное

обоснованіе. Но нельзя требовать, чтобы взгляды считались вѣрными, пока они не обоснованы.

Я охотно соглашаюсь, что соціализмъ помимо марксистскаго обоснованія можно обосновать еще инымъ способомъ.

Было много соціалистовъ до Маркса и кромѣ Маркса, которые дали очень вѣрное и глубокое обоснованіе своимъ соціалистическимъ требованіямъ,—но вѣдь у нихъ всѣхъ имѣлось обоснованіе.

Конечно, Бернштейнъ правъ, что не „пониманіе формъ дѣйствительнаго развитія дѣлаетъ человѣка соціалистомъ", но „пониманіе того, какимъ должно быть общество, соціалистическій образъ мысли, хотѣніе" (Vorwärts 6 мая 1899 г.). Но если это хотѣніе выступаетъ какъ sic volo, sic jubeo безъ всякаго обоснованія, то отъ подобнаго соціализма нельзя ожидать большой пропагандистской силы. Подобное хотѣніе можетъ отнять у соціализма почву; соціализмъ станетъ частнымъ дѣломъ, а не центромъ, вокругъ котораго должна кристаллизироваться большая партія. Бернштейнъ, какъ мы уже видѣли въ первой главѣ, ни разу даже не высказался, является ли для него соціализмъ необходимостью или только благимъ пожеланіемъ. Но онъ также оставляетъ невыясненнымъ, почему соціализмъ является хотя бы только желательнымъ. Онъ отбрасываетъ его чисто экономическое обоснованіе; но что же онъ даетъ взамѣнъ его?

Правда, Бернштейнъ замѣчаетъ между прочимъ (въ „Vorwärts'ѣ" 26 марта): „Въ соціалистическомъ движеніи правосознаніе, стремленіе къ еще болѣе справедливому положенію вещей является по меньшей мѣрѣ столь же полнымъ значенія и столь же важнымъ факторомъ, какъ матеріальная нужда"; но напрасно мы стали бы искать у него доводовъ въ пользу того, что соціалистическое общество будетъ „еще справедливѣе", чѣмъ современное, такъ какъ онъ только показалъ, что послѣднее совсѣмъ не такъ несправедливо, какъ принято думать. И почему „правосознаніе" (рабочаго, какъ онъ позднѣе замѣтилъ) должно вести именно къ соціализму? Я понимаю слово правосознаніе, какъ правовое чувство, какъ стремленіе къ справедливости, какъ другое выраженіе „стремленія къ справедливому состоянію". А Бернштейнъ поучаетъ меня, что правосознаніе означаетъ „сознаніе, что я имѣю право на своей сторонѣ". Это, конечно, нѣчто иное, но почему благо-

родное сознаніе ведетъ не только къ неуступчивости, но также и къ соціалистическому мышленію,—это остается для меня неяснымъ. Конечно, путемъ такого рода правосознанія соціаль-демократы будутъ крѣпко прикованы къ соціаль-демократіи, но позволительно думать, что ея противники, даже и изъ среды самого рабочаго класса, вслѣдствіе того же сознанія будутъ избѣгать ея.

Въ другомъ мѣстѣ Бернштейнъ указываетъ на то, что „классовая борьба останется классовой борьбой, если побудительной силой рабочаго движенія явится не крайняя матеріальная нужда, но растущія культурныя требованія рабочихъ, ихъ возрастающій культурный уровень и увеличивающееся сознаніе ихъ равноправія“.

Да, но эти факторы, также какъ и упомянутое „правосознаніе“, приводятъ только къ существованію рабочаго движенія, къ стремленію рабочихъ къ высшей культурѣ и равноправію, но отнюдь не обосновываютъ, почему рабочіе должны быть того убѣжденія, что они достигнутъ высшей культуры и равноправія только путемъ уничтоженія капиталистическаго способа производства и капиталистической формы собственности. Факторы рабочаго движенія, на которые указываетъ здѣсь Бернштейнъ, признаетъ также и Максъ Гиренъ.

Напрасно мы искали бы въ книгѣ Бернштейна указанія на другіе факторы рабочаго движенія. Неизбѣжность или даже только желательность соціализма не только не выясняется въ его книгѣ, но становится въ высшей степени сомнительной.

Возраженія, выдвигаемыя имъ противъ Марксовой теоріи капитала, оказываются тѣми же самыми, которыя уже давно выдвигали либеральные экономисты противъ соціализма вообще. Пока я не научился лучшему, я не вижу никакихъ основаній дѣлать изъ этихъ возраженій какіе-либо другіе выводы, чѣмъ сдѣлали либералы.

Если громадныя бѣдствія, приносимыя капиталистическимъ способомъ производства, присущи ему только въ начальной стадіи его развитія, въ дальнѣйшемъ же ходѣ развитія они уменьшатся, если число имущихъ возрастаетъ, соціальныя противорѣчія все болѣе смягчаются, пролетаріатъ пріобрѣтаетъ все больше надеждъ достигнуть самостоятельности или хотя бы удовлетворительнаго положенія, то къ чему же тогда соціализмъ? Дабы соціализмъ не былъ безсмысленнымъ спортомъ,

онъ долженъ нести съ собой не только опредѣленный образъ мыслей, опредѣленную волю, но также опредѣленный взглядъ на ходъ развитія. Если бы я раздѣлялъ тѣ взгляды на капиталистическое развитіе, которые Бернштейнъ высказалъ въ своей книгѣ, тогда,—это я долженъ открыто признать,—я считалъ бы соціализмъ тяжелымъ заблужденіемъ. Если бы Бернштейну удалось меня убѣдить, что его возраженія противъ соціалистическаго пониманія современнаго способа производства вѣрны, то я согласился бы съ профессоромъ Дилемъ и сказалъ бы: наше мѣсто болѣе не въ соціальдемократіи, а скорѣе въ южно-нѣмецкой народной партіи, или, такъ какъ я не хочу разстаться съ моей партіей, то я предложилъ бы ей замѣнить Эрфуртскую программу программой народной партіи, которая выступаетъ за законодательную охрану труда, свободу коалицій и поощреніе коопераціи и заявляетъ, что демократія и освобожденіе рабочихъ связаны другъ съ другомъ. Чего же еще больше хочетъ Бернштейнъ?

Фактически различные оттѣнки соціаль-реформистскаго либерализма причисляютъ Бернштейна къ числу своихъ сторонниковъ. Они не имѣютъ на это права, разъ Бернштейнъ—членъ партіи. Вопросъ о его положеніи рѣшается его собственной волей, его собственнымъ образомъ мыслей. А они, по его словамъ, въ настоящее время, какъ и прежде остаются соціальдемократическими. Но тѣ, по моему мнѣнію, имѣютъ право объявить своей его теоретическую позицію, такъ какъ она не зависитъ ни отъ воли, ни отъ образа мыслей.

Къ счастью, факты дѣйствительности не таковы, чтобы это право либераловъ могло нанести хоть малѣйшій ущербъ нашему „правосознанію".

III. Тактика.

а) Политика и Экономика.

Мы достигли послѣдняго пункта бернштейновской критики, пункта, которому въ его книгѣ отведено больше всего мѣста, но о которомъ мы будемъ говорить лишь вкратцѣ. Теорія двухъ душъ, примѣнявшаяся раньше къ Марксу и Энгельсу, переносится здѣсь на соціаль-демократію. Ахъ! двѣ души живутъ въ груди ея! Одна революціонная, другая реформистская. Но первая душа существуетъ лишь по традиціи, вторая же почер-

паетъ свои жизненныя силы въ современной дѣйствительности. Революціонная душа управляетъ лишь словами соціаль-демократіи, реформистская же—ея дѣйствіями. Пусть же она имѣетъ мужество казаться тѣмъ, что она есть—демократически-соціалистической партіей реформъ, и тогда она избавится отъ своихъ внутреннихъ противорѣчій и вырветъ изъ-подъ ногъ противниковъ почву для опасныхъ нападокъ.

Итакъ, можно думать, что критика Бернштейна направлена здѣсь противъ словъ. Противорѣчіе, имъ усмотрѣнное, вытекаетъ не изъ дѣйствительныхъ различій, но частью изъ безсмысленной любви къ трескучимъ фразамъ, частью изъ слѣпой вѣры въ букву, вѣры, которая не въ состояніи подняться до самостоятельнаго пониманія вещей, но лишь механически повторяетъ старыя рѣчи.

Взгляды, высказываемые Бернштейномъ, навѣрное, весьма льстятъ самолюбію его и его приверженцевъ въ партіи, которые такимъ образомъ выдаются изъ тупоумной массы вѣрующихъ и кучки фантазеровъ и мечтателей, какъ смѣлые, самостоятельные и трезвые мыслители. Однако, полезно было бы поискать причинъ партійныхъ разногласій не въ недостаткѣ ума у одного и умственномъ превосходствѣ другого, но порыться нѣсколько поглубже и изслѣдовать противорѣчіе не только въ словахъ и аргументахъ, но и въ вещахъ.

Бернштейнъ указываетъ намъ на значеніе товариществъ, профессіональныхъ союзовъ и такъ называемаго муниципальнаго соціализма. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что во всѣхъ этихъ областяхъ можетъ и должно быть сдѣлано весьма многое въ дѣлѣ освободительной борьбы пролетаріата. Но вѣдь отъ этого не отказывались самые рѣшительные противники Бернштейна. Парвусъ даже нѣсколько разъ упрекалъ руководителей нашей партіи въ томъ, что они мало заботятся о профессіональныхъ союзахъ, и нигдѣ потребительныя товарищества такъ не процвѣтаютъ, какъ въ Саксоніи, въ странѣ, гдѣ Бернштейнъ больше всего подвергался нападкамъ.

Итакъ, относительно этого вопроса нѣтъ никакого различія въ мнѣніяхъ. Это различіе начинается съ момента, когда рѣчь заходитъ объ опредѣленіи границъ того, что можетъ быть сдѣлано въ каждой изъ этихъ

областей въ цѣляхъ поддержки освободительной борьбы пролетаріата. Здѣсь начинаются разногласія, которыя Бернштейнъ однако лишь чувствовалъ, но не выразилъ въ ясной формѣ. Затрагивая иногда эту проблему соціализма, онъ постоянно теряетъ ее опять изъ виду. Но вопросъ о вспомогательномъ значеніи товариществъ, профессіональныхъ союзовъ и коммунальной политики тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ вопросомъ объ ихъ отношеніи къ государственной политикѣ.

Бернштейнъ не касался послѣдняго вопроса, но одинъ изъ его сторонниковъ, упомянутый уже д-ръ Вольтманъ, говорилъ объ этомъ предметѣ въ рядѣ статей о книгѣ Бернштейна „Къ спору о конечной цѣли и движеніи“ (въ Elberfelder Freie Presse. April 1899) и ранѣе еще въ докладѣ о политической и экономической власти (читанномъ въ Барменѣ 22 февраля с. г.). И тамъ и здѣсь онъ защищаетъ то основное положеніе, что лишь экономическое могущество даетъ политическую власть. Поэтому стремленіе пролетаріата къ политической власти является безцѣльнымъ до тѣхъ поръ, пока онъ не пріобрѣлъ экономическаго могущества путемъ организаціи профессіональныхъ союзовъ и товариществъ. Въ Эрфуртской программѣ говорится: „Борьба рабочаго класса противъ капиталистической эксплуатаціи необходимымъ образомъ является политической борьбой. Рабочій классъ не можетъ вести своей экономической борьбы и развивать свои экономическія организаціи безъ политическихъ правъ“. Вольтманъ замѣчаетъ на это:

„Требованіе вполнѣ справедливое, но, спрашивается: какимъ образомъ рабочій классъ получитъ политическія права? Объ этомъ въ программѣ нѣтъ ни слова. Составители программы настолько наивны, что требуютъ ихъ отъ государства. На основаніи какой силы?

„Эта фраза должна бы гласить наоборотъ: „Борьба рабочаго класса противъ капиталистической эксплуатаціи необходимо является хозяйственно-политической борьбой. Рабочій классъ не можетъ добиться политическихъ правъ и вліянія безъ хозяйственныхъ организацій“.

Возможно, что требовать отъ государства политическихъ правъ весьма наивно, но Вольтманъ, къ сожалѣнію, позабылъ сообщить намъ, отъ кого же можно требовать политическихъ правъ, какъ не отъ государства

съ его органами—правительствомъ и парламентомъ. Какъ разъ въ настоящую минуту наши бельгійскіе товарищи оказываются столь наивными, что требуютъ всеобщаго избирательнаго права отъ парламента и правительства, а не какого-нибудь потребительнаго товарищества.

Но на основаніи какой же силы требуемъ мы политическихъ правъ? Не господствуетъ ли экономика надъ политикой, не должны ли мы сначала добиться экономическаго могущества, прежде чѣмъ притязать на политическія права? Рабочій классъ, говоритъ Вольтманъ, не можетъ завоевать политическихъ правъ и вліянія безъ хозяйственныхъ организацій.

Но не нуждаются ли послѣднія въ свою очередь въ политическихъ „правахъ и вліяніи", чтобы имѣть возможность развиваться? Что было бы съ профессіональными союзами и кооперативными товариществами безъ права коалицій и права союзовъ? Развѣ не приходилось всюду рабочему классу сначала завоевывать эти политическія права, прежде чѣмъ онъ могъ приняться за устройство своихъ хозяйственныхъ организацій? И развѣ не подвергаются еще теперь въ восточной Европѣ эти политическія права опасному оспариванію? Законъ о соціалистахъ не остановился передъ рабочими союзами, а „каторжный" законъ и понынѣ еще не отошелъ въ область преданій.

Но, съ другой стороны, неоспоримо и то, что политическая власть является въ конечномъ счетѣ лишь результатомъ экономическаго могущества. Что же это за роковая путаница! Безъ экономическаго могущества мы не можемъ добиться политическихъ правъ, а безъ политическихъ правъ—экономическаго могущества!

Къ счастію, имѣется въ высшей степени простое средство выбраться изъ этой путаницы: стоитъ только устранить смѣшеніе понятій экономическаго *могущества* и экономической *организаціи*, на чемъ основано какъ разъ все разсужденіе Вольтмана.

Если бы пролетаріатъ не владѣлъ экономическимъ могуществомъ, то онъ, навѣрное, не могъ бы добиться политическихъ правъ. Но основа этого могущества заключается въ той роли, которую играетъ пролетаріатъ въ *процессѣ производства*, а послѣдній не зависитъ отъ благоусмотрѣнія правительствъ. Повсюду правительства и капиталисты усердно насаждаютъ капиталистическій способъ производства. Но насаждать его—это значитъ увеличивать массу пролетаріата, концен-

трировать эту массу въ отдѣльныхъ пунктахъ, обучать ее и организовать—организовать сначала лишь для производства, а затѣмъ, при посредствѣ фабрики, и для классовой борьбы. Правительства и капиталисты трудятся сообща надъ тѣмъ, чтобы экономическая жизнь націи все болѣе и болѣе зависѣла отъ наемныхъ рабочихъ и чтобы послѣдніе все болѣе и болѣе господствовали надъ ней, господствовали въ той мѣрѣ, въ какой они приходятъ къ сознанію своей силы.

Этотъ ростъ экономической мощи пролетаріата идетъ повсюду впередъ какъ въ демократическихъ странахъ, такъ и въ деспотическихъ, въ Россіи, какъ и въ Швейцаріи, и въ немъ рабочій классъ почерпаетъ силы для того безостановочнаго побѣдоноснаго шествія, которое составляетъ важнѣйшее содержаніе исторіи нашего вѣка. Если бы возраженія Бернштейна были справедливы, если бы процессъ концентраціи капитала и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пролетаріата совершался не такъ, какъ утверждалъ еще „Коммунистическій Манифестъ“,—то какъ бы ревностно ни трудился пролетаріатъ надъ своими экономическими организаціями, правительства и капиталисты были бы достаточно сильны, чтобы разомъ покончить съ этими организаціями. Напротивъ, они изнуряются въ безнадежной борьбѣ, когда врагъ, противъ котораго они борются, возстаетъ послѣ каждаго пораженія еще болѣе многочисленнымъ и сплоченнымъ и въ то же время дѣлается все болѣе и болѣе необходимымъ для нихъ самихъ.

Вотъ, гдѣ лежитъ та сила, на основаніи которой рабочій классъ требуетъ отъ государства политическихъ правъ, на основаніи которой онъ уже добился нѣкоторыхъ правъ и будетъ добиваться впредь.

Само собой понятно, что эти политическія права служатъ для пролетаріата къ тому, чтобы укрѣплять свои организаціи и такимъ образомъ еще болѣе увеличивать свою экономическую мощь. Никто еще, вѣдь, не оспаривалъ, что пролетаріатъ, крѣпко организованный въ союзы, располагающій богатыми потребительными обществами, многочисленными типографіями, широко распространенной прессой, что такой пролетаріатъ добьется совершенно другихъ успѣховъ и въ избирательной компаніи и въ парламентѣ, чѣмъ пролетаріатъ, не обладающій этими средствами борьбы. Но основа экономической мощи пролетаріата создается самостоятельно въ процессѣ экономическаго

развитія. И высшей формой классовой борьбы, которая кладетъ свой отпечатокъ на всякую другую, является не борьба отдѣльныхъ экономическихъ организацій, но борьба всего пролетаріата за самую могущественную общественную организацію—за государство, то-есть политическая борьба, которая въ конечномъ счетѣ и является рѣшающей.

Этимъ, конечно, вовсе не утверждается, что отношеніе между экономической борьбой и политической во всѣ времена и при всѣхъ обстоятельствахъ должно быть однимъ и тѣмъ же, что политическая борьба всегда приводитъ къ крупнымъ и быстрымъ успѣхамъ рабочаго класса, что борьба за экономическія организаціи и посредствомъ ихъ должна всегда стоять на второмъ планѣ.

Соотносительное значеніе экономической и политической борьбы подвержено нѣкоторымъ колебаніямъ, подобно колебательному движенію капиталистической промышленности. Какъ въ движеніи промышленности мы видимъ колебаніе между процвѣтаніемъ и кризисомъ, такъ и въ политикѣ мы встрѣчаемъ моменты грандіозныхъ сраженій, быстраго прогресса на политическомъ поприщѣ—моменты политическихъ „революцій",—смѣняющіеся моментами политическаго застоя, когда на первый планъ выступаетъ развитіе экономическихъ организацій, соціальная „реформа". Между обоими этими колебаніями, промышленнымъ и политическимъ, существуетъ не только сходство, но и зависимость.

Въ моменты промышленнаго процвѣтанія общественное недовольство, естественно, затихаетъ, усиливается стремленіе выбиться собственными силами, слабѣетъ потребность въ помощи со стороны государства. Не только капиталисты, но и рабочіе начинаютъ признавать за политикой меньше значенія, чѣмъ за экономическими предпріятіями и организаціями, обѣщающими осязательныя выгоды.

Въ моменты кризиса исчезаетъ надежда двинуться впередъ на почвѣ чистой экономики; государство, какъ могучая экономическая сила, должно притти на помощь; государствомъ нужно овладѣть, чтобы снова встать на твердую почву; общественное недовольство растетъ, всѣ противорѣчія обостряются и все зоветъ къ политической борьбѣ.

Разумѣется, напряженность политической борьбы, ея ослабленіе и выступленіе на первый планъ чисто эко-

номической дѣятельности зависятъ не только отъ промышленнаго расцвѣта или кризиса. Дѣйствуютъ здѣсь и другіе факторы, ослабляющіе или усиливающіе. Но, во всякомъ случаѣ, этотъ хозяйственный циклъ оказываетъ громадное вліяніе на отношеніе между экономикой и политикой.

Революція 1848 г. вспыхнула въ моментъ хозяйственнаго кризиса. А одной изъ причинъ, которыя сдѣлали невозможнымъ оживленіе революціи послѣ ея пораженія, слѣдуетъ прежде всего считать—помимо страха буржуазіи передъ пролетаріатомъ, выразившимся такъ сильно въ іюньскіе дни,—промышленный расцвѣтъ, наступившій въ 1850 г. Въ своемъ предисловіи къ „Разоблаченіямъ относительно процесса коммунистовъ въ Кельнѣ“ Энгельсъ писалъ: „Промышленный кризисъ 1847 г., подготовившій революцію 48 г., кончился; наступилъ новый періодъ неслыханнаго до сихъ поръ промышленнаго расцвѣта. Для того, кто имѣлъ глаза, чтобы видѣть, и пользовался ими, должно было быть яснымъ, что революція 48 г. постепенно умирала“.

Еще въ 1850 г. въ обозрѣніи „Neue Rheinishe Zeitung“ Марксъ и Энгельсъ заявляли: „При всеобщемъ процвѣтаніи, когда производительныя силы буржуазнаго общества развиваются такъ пышно, какъ только это возможно въ границахъ буржуазныхъ отношеній, не можетъ быть рѣчи о дѣйствительной революціи. Такая революція возможна лишь въ тѣ періоды, когда оба эти фактора, современныя производительныя силы и буржуазныя производственныя формы, вступаютъ въ противорѣчіе другъ съ другомъ“.

Послѣдній періодъ неслыханнаго экономическаго расцвѣта наступилъ въ 1871 г. Но онъ слѣдовалъ не за неудавшейся революціей, какъ расцвѣтъ 1850 г., а за очень удачной европейской революціей, совершенной, правда, не народнымъ возстаніемъ, а династическими войнами. Звучали еще отголоски событій 1866 и 1870-71 гг.

Паденіе австрійскаго абсолютизма и французской имперіи, объединеніе Германіи и введеніе всеобщаго избирательнаго права, наконецъ, геройская борьба коммуны—все это были такія событія, которыя не способствовали усыпленію интереса рабочихъ къ политикѣ, ослабленію вѣры въ быстрые успѣхи политической борьбы и выступленію на первый планъ чисто экономической дѣятельности. Это тѣмъ менѣе было возможно, что періодъ расцвѣта былъ слишкомъ коротокъ и про-

фессіональные союзы и товарищества едва лишь начали свое существованіе послѣ реакціи 1849 г.

За исключеніемъ Англіи, политическая борьба оставалась для пролетаріата на первомъ планѣ, онъ оставался „революціоннымъ".

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мы снова находимся въ періодѣ процвѣтанія, но послѣдній болѣе продолжителенъ, чѣмъ расцвѣтъ, наступившій съ 1871 г. Нынѣшній расцвѣтъ уже застаетъ болѣе сильныя хозяйственныя организаціи и совпадаетъ съ продолжительнымъ политическимъ застоемъ, благодаря этому еще болѣе укрѣпившимся.

Мы переживаемъ, слѣдовательно, такое же положеніе, какъ въ 1850 г.: моментъ политической реакціи и промышленнаго расцвѣта. Но между нынѣшнимъ и 50-мъ годомъ лежатъ полстолѣтія капиталистическаго развитія и пролетарской классовой борьбы, цѣлый человѣческій вѣкъ дѣйствія свободы союзовъ. Если положеніе 1850 г. означало полное прекращеніе всякаго рабочаго движенія на европейскомъ материкѣ, то положеніе 1899 г. означаетъ только то, что экономическая борьба заняла первое мѣсто, что рабочія массы пришли къ тому заключенію, что въ данный моментъ посредствомъ профессіональныхъ и кооперативныхъ организацій онѣ могутъ добиться большаго, чѣмъ путемъ политической дѣятельности.

Современная дѣйствительность отчасти оправдываетъ книгу Бернштейна. Его подчеркиваніе мелкой экономической работы соотвѣтствуетъ дѣйствительной потребности, его сомнѣніе въ вѣроятности крупныхъ и быстрыхъ политическихъ измѣненій—катастрофъ—соотвѣтствуетъ опыту послѣднихъ лѣтъ. Но „практики", читающіе книгу Бернштейна, совершенно равнодушны къ его теоріи; они интересуется лишь его выводами относительно задачъ и условій настоящаго.

Но какъ разъ въ томъ, что книга Бернштейна соотвѣтствуетъ лишь данному положенію вещей, и лежитъ ея слабость. Ибо онъ высказываетъ предположенія не относительно нашей ближайшей дѣятельности, а относительно соціализма, не о задачахъ нынѣшняго дня, а о „задачахъ соціаль-демократіи„ вообще.

Когда въ 1850 г. наступилъ періодъ процвѣтанія промышленности, Марксъ и Энгельсъ вывели изъ этого свои заключенія относительно тактики ближайшаго будущаго, но не сложили въ кладовую своихъ выводовъ,

добытыхъ изученіемъ всего процесса капиталистическаго развитія. Если бы Бернштейнъ выступилъ и заявилъ, что въ настоящій моментъ расцвѣта и реакціи на политическомъ поприщѣ нельзя добиться крупныхъ успѣховъ и что, пока онъ продолжается, мы должны свои силы направить на мелкую реформаторскую работу въ профессіональныхъ союзахъ, коммунахъ, товариществахъ и т. д.,—то это заявленіе встрѣтило бы полное одобреніе и согласіе въ кругахъ нашей партіи.

Но Бернштейнъ объявляетъ временное экономическое и политическое состояніе общества нормальнымъ его состояніемъ, объявляетъ политическій застой медленнымъ, но вѣрнымъ прогрессомъ по пути къ демократіи и соціальной реформѣ, воображаетъ, что нынѣшній расцвѣтъ промышленности будетъ продолжаться безъ конца, и приходитъ такимъ образомъ къ оптимистическому взгляду на ходъ развитія государства и общества, взгляду, который не имѣетъ подъ собой никакой почвы и который рухнетъ вмѣстѣ съ политическимъ застоемъ и экономическимъ расцвѣтомъ.

То, что Бернштейну кажется противорѣчіемъ между традиціонными революціонными фразами и настоящимъ реформистскимъ настроеніемъ, является отчасти не чѣмъ инымъ, какъ различіемъ между воззрѣніемъ, которое основывается на всей совокупности явленій современнаго способа производства, и воззрѣніемъ, которое принимаетъ во вниманіе одну изъ фазъ его.

Онъ говоритъ о „тактикѣ, приноровленной къ катастрофамъ“. Но гдѣ онъ нашелъ такую тактику у германской соціаль-демократіи, онъ не сообщаетъ. Въ дѣйствительности же благодаря своей теоретической основѣ нѣтъ тактики, болѣе умѣющей приспособляться, чѣмъ тактика соціаль-демократіи. Она готова ко всякимъ случайностямъ и не назначаетъ никакого опредѣленнаго темпа развитія. Она считается съ кризисами и съ расцвѣтомъ, реакціей и съ революціей, съ катастрофами и съ медленнымъ мирнымъ развитіемъ. Въ этой способности приспособляться главнымъ образомъ заключается жизненная сила. Она не имѣетъ никакихъ основаній подтачивать эту силу приспособленіемъ своей общей тактики къ особенностямъ даннаго положенія, или къ катастрофамъ, или къ мелкой мирной работѣ на всѣ времена.

Соціаль-демократіи такъ же мало подобаетъ тактика, которая совершенно игнорируетъ кризисы, катастрофы

и революціи, какъ и тактика, спекулирующая на нихъ. Соціаль-демократія старается использовать всякое положеніе и не связываетъ себѣ рукъ на будущее.

b) Самостоятельная или несамостоятельная политика?

За противоположеніемъ пережившей себя революціонной фразеологіи и дѣйствительнаго демократически-соціалистическаго реформизма скрывается, по моему мнѣнію, какъ я уже высказывалъ, противоположность между общимъ, всеобъемлющимъ воззрѣніемъ на капиталистическій способъ производства и частнымъ, основаннымъ на временныхъ явленіяхъ и служащимъ временной потребности.

Но не одна эта противоположность. Есть еще другая практически важнѣе первой. Ибо первая имѣетъ главнымъ образомъ значеніе лишь въ области пропаганды, вторая же — и въ сферѣ нашихъ практическихъ дѣйствій.

Это противоположность между самостоятельной и несамостоятельной классовой политикой.

Долженъ ли пролетаріатъ организоваться въ самостоятельную классовую партію или же образовать съ другими классами одну великую демократическую партію?

Думается, что этотъ вопросъ теоретически разрѣшенъ еще Коммунистическимъ Манифестомъ, практически же для Германіи—выступленіемъ на сцену Лассаля. Но онъ принимаетъ постоянно все новыя формы. При этомъ нынѣ идетъ рѣчь о соціаль - демократіи не какъ объ обществѣ пропаганды, но какъ о политической силѣ перваго ранга. И вопросъ этотъ почти нигдѣ не можетъ уже сводиться къ тому: должны ли пролетаріи отказаться отъ соціаль - демократіи и примкнуть къ буржуазной демократіи, — но лишь къ тому: должны ли мы измѣнить программу и тактику соціаль - демократіи такимъ образомъ, что ея ряды были открыты для всѣхъ демократическихъ классовъ и слоевъ?

Вопросъ касается именно классовъ и слоевъ, а не отдѣльныхъ личностей. Само собой разумѣется, что соціаль-демократія рада каждому, къ какому бы онъ классу не принадлежалъ, разъ онъ готовъ принять участье въ классовой борьбѣ пролетаріата. Вопросъ въ томъ, должна ли соціаль-демократія служить и классовымъ интересамъ непролетарскихъ классовъ.

Утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ весьма желателенъ болѣе дальновиднымъ элементамъ буржуазной демократіи, которая находится въ процессѣ быстраго разложенія и которая можетъ ожидать своего воскресенія—если не по имени, то на дѣлѣ,—лишь отъ подобнаго „линянія“ соціаль-демократіи. Это преобразованіе желательно также и нѣкоторымъ элементамъ нашей партіи, которые видятъ въ немъ вѣрное средство сдѣлать какъ можно скорѣе партію великой и болѣе способной къ управленію государствомъ, чѣмъ это иначе можно ожидать отъ нея. Эти элементы группируются около Бернштейна, и его книга даетъ имъ дѣйствительно цѣлый рядъ аргументовъ: таковы, напр., приниженіе пролетарской классовой солидарности и классовыхъ противорѣчій между рабочими и буржуа, указаніе на демократію, которая, дескать, означаетъ принципіальное уничтоженіе классового господства; напоминаніе объ осторожности въ объявленіи войны либерализму; предпочтеніе нынѣшней тактики англійскихъ рабочихъ передъ тактикой чартистовъ.

Въ своей критикѣ книги Бернштейна въ „Vorwärts“ и въ „Neue Zeit“ я указывалъ уже, что отношеніе Бернштейна къ вопросу о классовой борьбѣ неясно. „Въ его разсужденіяхъ видно лишь одно желаніе умалить значеніе классовой солидарности пролетаріевъ и классовыхъ противорѣчій между ними и капиталистами“. (Neue Zeit, XIII, 2 S 70).

Бернштейнъ видитъ въ этой фразѣ „тяжелое обвиненіе“. Я же вижу здѣсь просто констатированіе факта. Я не утверждалъ, что выводы Бернштейна не соотвѣтствуютъ его убѣжденію; но вѣдь можно держаться убѣжденія, что классовая солидарность пролетаріата незначительна, и оставаться вполнѣ достойнымъ уваженія человѣкомъ. Рѣчь идетъ не о „нравственномъ негодованіи и догматическомъ порицаніи“, но объ изслѣдованіи вопроса, соотвѣтствуютъ ли факты взглядамъ Бернштейна, или нѣтъ.

Онъ говоритъ, напр., на стр. 89: „Я имѣлъ раньше случай замѣтить, что современный классъ наемныхъ рабочихъ не представляетъ собой однородной, одинаково не связанной въ отношеніи къ собственности, семьѣ и пр. массы, которую предвидѣлъ Коммунистическій Манифестъ; какъ разъ въ наиболѣе развитыхъ отрасляхъ фабричной промышленности мы находимъ цѣлую іерархію диференцированныхъ рабочихъ, между группами

которыхъ существуетъ лишь умѣренное чувство солидарности".

Конечно, онъ признаетъ, что между рабочей аристократіей и низшими пролетарскими слоями существуетъ извѣстная симпатія, не чуждая даже англійскимъ рабочимъ. „Но между такой политической или соціально-политической симпатіей и экономической солидарностью существуетъ большое различіе, которое можетъ нейтрализоваться подъ вліяніемъ сильнаго политическаго и экономическаго гнета, но которое, въ концѣ концовъ, дастъ себя знать въ томъ или иномъ видѣ, по мѣрѣ того, какъ этотъ гнетъ исчезаетъ. Было бы крупной ошибкой предполагать, что Англія въ этомъ отношеніи представляетъ исключеніе. То же самое явленіе только въ другой формѣ мы находимъ нынѣ во Франціи. Подобное же явленіе наблюдается въ Швейцаріи, Соединенныхъ Штатахъ и даже до извѣстной степени въ Германіи".

На это я возразилъ, что Англія составляетъ именно исключеніе. Борьба соперничающихъ другъ съ другомъ изъ-за рынка труда рабочихъ союзовъ есть спеціально англійское явленіе. Бернштейнъ на это заявляетъ, что подобная борьба въ Англіи по большей части прекратилась, но что и въ Германіи существуетъ „между рабочими борьба, возникшая въ силу экономическаго диференцированія или основывающаяся на почвѣ столкновенія экономическихъ интересовъ". „Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ происходитъ борьба между централизованными рабочими союзами и мѣстными организаціями, въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности соперничаютъ между собой общій промышленный союзъ и профессіональный ферейнъ".

На это я могу только замѣтить, что прекращеніе въ Англіи борьбы рабочихъ союзовъ другъ съ другомъ нисколько не опровергаетъ меня, ибо я считалъ такую борьбу исключеніемъ. Кромѣ того, недавно случившійся фактъ недопущенія на конгрессъ рабочихъ союзовъ крупнаго союза объединенныхъ машиностроительныхъ рабочихъ за штрейкбрэхерство не свидѣтельствуетъ о прекращеніи борьбы между рабочими союзами въ Англіи. Что же касается соперничества между централизованными и мѣстными союзами, между профессіональными ферейнами и промышленными союзами, то оно покоится на чемъ угодно, только не на недостаткѣ чувства солидарности и не на конфликтѣ интересовъ ра-

бочихъ различныхъ отраслей промышленности. Борьба, на которую указываетъ здѣсь Бернштейнъ, вытекаетъ отчасти изъ разногласій по вопросу о лучшей формѣ организаціи, частью изъ конфликтовъ о компетенціи, но никоимъ образомъ не изъ противорѣчія. Нужно чувствовать себя слишкомъ въ затруднительномъ положеніи, чтобы видѣть въ этихъ фактахъ доводъ въ пользу того, что между отдѣльными группами рабочихъ „существуетъ лишь умѣренное чувство солидарности".

Но, спрашиваетъ Бернштейнъ, что же станется при этой солидарности съ историческимъ матеріализмомъ и діалектикой? Мы имѣемъ рабочихъ разныхъ отраслей промышленности съ разными доходами. „Не вытекаетъ ли непосредственно изъ теоріи историческаго матеріализма, что различія въ положеніи и образѣ жизни отражаются и на образѣ мысли и на взаимныхъ отношеніяхъ соотвѣтствующихъ слоевъ? отвѣчаетъ ли такое предположеніе именно діалектическому способу разсужденія?"

Какимъ діалектикомъ и матеріалистомъ становится внезапно Бернштейнъ! Но, что существуютъ различія въ образѣ мысли различныхъ рабочихъ слоевъ, этого я никогда не отрицалъ; вопросъ въ томъ, настолько ли важны эти различія, чтобы они могли противодѣйствовать общей борьбѣ противъ капитала, уничтожить или даже ослабить пролетарскую солидарность.

Подобное—я утверждаю это—случается лишь тамъ, гдѣ пролетаріи занимаютъ привилегированное положеніе. Но это всегда бываетъ исключеніемъ и притомъ лишь временнымъ исключеніемъ. Капиталъ самъ заботится о томъ, чтобы уничтожать и стирать всякія привилегіи образованія, ловкости, организаціи рабочихъ, и рано или поздно это ему удается. Слои рабочихъ, воображающихъ, что они нѣчто большее, чѣмъ пролетаріи, низвергаются одинъ за другимъ въ одинаковое положеніе съ другими и приходятъ къ сознанію своей солидарности со всей массой. Этотъ процессъ совершается на нашихъ глазахъ, и ссоры между мѣстными и центральными организаціями рѣшительно ничего не доказываютъ.

Бернштейнъ полагаетъ, что между „политической или соціально-политической симпатіей и экономической солидарностью существуетъ большое различіе, которое можетъ нейтрализоваться подъ вліяніемъ сильнаго политическаго и экономическаго гнета, но которое даетъ

себя знать въ томъ или иномъ видѣ, по мѣрѣ того, какъ этотъ гнетъ исчезаетъ. Было бы крупной ошибкой предполагать, что Англія въ этомъ отношеніи принципіально представляетъ исключеніе“ (S. 90.).

Я не хочу оспаривать, что пролетарская солидарность исчезаетъ, когда прекращается политическій и экономическій гнетъ. Она является какъ разъ результатомъ этого гнета. Я даже охотно признаю, что тамъ, гдѣ сильный политическій и экономическій гнетъ совпадаетъ, тамъ чувство солидарности обыкновенно усиливается. Но развѣ сильный экономическій гнетъ со стороны класса капиталистовъ на пролетаріатъ не является необходимымъ жизненнымъ условіемъ капиталистической эксплуатаціи? Развѣ не вытекаетъ отсюда противоположность ихъ классовыхъ интересовъ? Въ сущности совершенно все равно, скажу ли я, что, по мнѣнію Бернштейна, классовая противоположность между пролетаріатомъ и капиталомъ менѣе рѣзка, чѣмъ въ дѣйствительности, или, если я скажу, что гнетъ со стороны класса капиталистовъ представляется ему меньшимъ.

Въ близкомъ родствѣ съ этимъ взглядомъ находится и тотъ, что демократія „является принципіальнымъ уничтоженіемъ классового господства, если не фактическимъ уничтоженіемъ классовъ“. (S. 126). „Демократію можно опредѣлить, какъ отсутствіе классового господства, какъ признакъ такого состоянія общества, въ которомъ ни одинъ классъ не пользуется политическими привилегіями по сравненію со всѣмъ населеніемъ“. (S. 122).

Мы обходимъ вопросъ о томъ, можно ли называть демократію „состояніемъ общества“. Но во всякомъ случаѣ опредѣленіе демократіи, какъ такой формы организаціи, въ которой ни одинъ классъ не пользуется политическими привилегіями, такое опредѣленіе очень одностороннее. Равноправіе является лишь о д н о й характерной чертой, но не в с е й характеристикой демократіи. Переводъ слова „демократія“ словомъ „народовластіе“ Бернштейну не нравится, ибо этимъ „дается лишь внѣшнее, чисто формальное опредѣленіе, въ то время какъ всѣ, кто употребляетъ нынѣ слово „демократія“, понимаютъ подъ нимъ нѣчто большее, чѣмъ простую форму господства“.

Болѣе, чѣмъ простую форму господства, но все же форму господства. Понятіе народовластія включаетъ въ себя понятіе равноправности, но не наоборотъ. Во време-

на римской имперіи мы находимъ равноправіе всѣхъ классовъ, никто не обладалъ политическими привилегіями, всѣ были одинаково политически безправными римскими гражданами. Общественный строй анархистовъ также отрицаетъ всякія политическія привилегіи, и все же анархисты не хотятъ—и вполнѣ правильно со своей точки зрѣнія—ничего слышать о демократіи, ибо она является формой господства. Она есть форма господства большинства.

Демократія вовсе не означаетъ фактическаго уничтоженіи классовъ, и Бернштейнъ не можетъ отрицать этого. При этомъ состояніи общества въ демократіи остаются тѣ же классы, ихъ противорѣчія и ихъ экономическія средства власти, какъ и при политической системѣ господства меньшинства. Почему же тогда демократія должна быть принципіально равнозначна уничтоженію классового господства. Она означаетъ господство тѣхъ классовъ, которые образуютъ большинство, или держатъ большинство въ экономической или интеллектуальной зависимости отъ себя.

Конечно, демократія есть неизбѣжное предшествующее условіе уничтоженія классового господства, но въ силу того, что она представляетъ единственную политическую форму, въ которой пролетаріатъ можетъ достигнуть классового господства; этимъ господствомъ онъ, какъ самый низшій классъ, можетъ воспользоваться естественно лишь за тѣмъ, чтобы уничтожить всякія классовыя различія. Безъ классового господства пролетаріата нѣтъ уничтоженія классовъ. Но Бернштейнъ боится этого классового господства, онъ ищетъ въ демократіи средства, которое бы „въ принципѣ" уничтожало классовое господство и дѣлало такимъ образомъ излишнимъ господство пролетаріата.

Онъ находитъ, что „мысль о подавленіи личности большинствомъ безусловно противорѣчитъ современному сознанію. Мы считаемъ теперь подавленіе меньшинства большинствомъ недемократичнымъ. На практикѣ обнаружилось, что. чѣмъ дольше въ современномъ государствѣ существуютъ демократическія учрежденія, тѣмъ болѣе начинаютъ уважаться и признаваться права меньшинства, тѣмъ болѣе партійныя битвы теряютъ свою ожесточенность". (S. 123, 124).

Гдѣ можно найти такую „практику"—этого онъ намъ не говоритъ. Мы видимъ, что здѣсь, какъ и раньше, Бернштейнъ принимаетъ за общій законъ современнаго раз-

витія то, что есть лишь временное явленіе и въ данномъ случаѣ лишь въ отдаленной странѣ, въ Англіи.

Тамъ царствуетъ минутное политическое затишье. Различія между обѣими крупными правительственными партіями постепенно стираются, борьба между Англіей и Ирландіей за послѣдніе годы потеряла свою остроту. Однако недалеко еще то время, когда „современное сознаніе“ англичанъ „безусловно“ привѣтствовало жестокости по отношенію къ ихъ ирландскимъ противникамъ, а послѣдніе отвѣчали на это кинжаломъ и динамитомъ. Подобные пріемы борьбы исчезли, послѣ того какъ Гладстонъ уступилъ Ирландіи.

Но что подавленіе меньшинства или болѣе слабыхъ отнюдь не безусловно противорѣчитъ духу англичанъ, это они доказали своей колоніальной политикой въ южной Африкѣ, въ Суданѣ и въ Индіи. А демократическая Америка? Никогда еще не линчевала она своихъ негровъ съ такой готовностью, какъ теперь, никогда еще не разстрѣливала забастовщиковъ такъ легко, какъ теперь, никогда еще американцы не выказывали себя болѣе кровожадными и тираническими по отношенію къ меньшинству. Филиппинская война не улучшитъ, конечно, ихъ нравовъ.

Можетъ быть демократическая Франція свидѣтельствуетъ, что партійная борьба потеряла свою ожесточенность, что личность начинаетъ выше цѣниться, что политическое развитіе принимаетъ все болѣе мягкія формы? Нечего и говорить объ Австріи и Италіи, избирательное право которыхъ до извѣстной степени позволяетъ уже причислять эти государства къ демократическимъ.

Но зачѣмъ далеко ходитъ. Что встрѣчаемъ мы въ германской имперіи поколѣніе спустя послѣ введенія всеобщаго избирательнаго права? Каторжный законопроектъ и судебную практику, которая лучше всего иллюстрируется лебтаускимъ приговоромъ! Бернштейнъ отказывается съ негодованіемъ отъ мысли о диктатурѣ пролетаріата. Мнѣ кажется довольно сомнительнымъ, можно ли справиться съ элементами въ родѣ прусскихъ юнкеровъ, Штуммовъ, Кюнеменнеровъ, Рокфеллеровъ и Гульдовъ, крупныхъ и мелкихъ бандитовъ, ютящихся около французскаго генеральнаго штаба, и другихъ склонныхъ къ рѣшительной политикѣ господъ, можно ли справиться съ ними, уважая въ то же время ихъ индивидуальность. И ничто не свидѣтельствуетъ о томъ,

что противорѣчія сглаживаются и смягчаются. Напротивъ! Я не хочу утверждать, что классовое господство пролетаріата должно принять формы классовой диктатуры. Но что демократическихъ формъ достаточно, чтобы сдѣлать излишнимъ классовое господство пролетаріата для его освобожденія—этого не доказываетъ ни теперешняя практика, ни ея перспектива.

Я не хочу быть ложно понятымъ. Я и не думаю отрицать, что при прочихъ равныхъ условіяхъ демократія съ ея свободами и ясно очерченными отношеніями силъ различныхъ партій и классовъ болѣе всего способна ослабить чрезмѣрное обостреніе классовой борьбы. Соціаль-демократія всегда признавала это. Но вопросъ не въ этомъ, а въ томъ: можетъ ли демократія противодѣйствовать необходимо вытекающему изъ экономическаго развитія обостренію классовыхъ противорѣчій, противодѣйствовать такимъ образомъ, чтобы классовое господство пролетаріата сдѣлалось излишнимъ. Противъ этого говорятъ и теорія и практика.

Разрѣшеніе проблемы диктатуры пролетаріата мы спокойно можемъ предоставить будущему. Мы не хотимъ и здѣсь связывать себѣ рукъ. Для настоящаго этотъ вопросъ имѣетъ значеніе постольку, поскольку наше убѣжденіе въ необходимости самостоятельной классовой организаціи пролетаріата опредѣляется нашими ожиданіями относительно уничтоженія классового господства въ демократіи.

Еще больше вліянія должно на это оказывать наше отношеніе къ либерализму.

Бернштейнъ рекомендуетъ намъ „соблюдать умѣренность въ объявленіи войны“ либерализму. „Вполнѣ справедливо,—продолжаетъ онъ,– что сильное либеральное движеніе новаго времени имѣло своей цѣлью прежде всего выгоды капиталистической буржуазіи, и партіи, называвшія себя либеральными, были или оказались, въ концѣ концовъ, просто лейбъ-гвардіей капитализма. Между этими партіями и соціаль-демократіей, разумѣется, можетъ царствовать лишь вражда. Но, что касается либерализма, какъ всемірно-историческаго движенія, то соціализмъ не только хронологически, но и по идейному содержанію является его законнымъ наслѣдникомъ, какъ это видно на каждомъ принципіальномъ вопросѣ, къ которому соціаль-демократіи приходилось опредѣлять свое отношеніе. Тамъ, гдѣ какое-нибудь экономическое требованіе соціалистической программы приходилось выполнять

такимъ образомъ или при такихъ обстоятельствахъ, что могло серьезно угрожать свободному развитію, тамъ соціалъ-демократія никогда не боялась перемѣнить свое отношеніе и стать противъ этого требованія. Обезпеченіе гражданской свободы было для нея всегда болѣе важнымъ, чѣмъ осуществленіе какого-нибудь экономическаго требованія. Просвѣщеніе и гарантіи личной свободы есть цѣль всѣхъ соціалистическихъ мѣръ, даже тѣхъ, которыя кажутся съ перваго взгляда насильственными... Французская конституція 1793 г. была послѣдовательнымъ выраженіемъ либеральныхъ идей той эпохи, и какъ мало мѣшала она и мѣшаетъ соціализму, это видно при бѣгломъ взглядѣ на ея содержаніе. И дѣйствительно Бабефъ и Равные видѣли въ ней превосходное начало для осуществленія своихъ коммунистическихъ стремленій и ставили поэтому во главѣ своихъ требованій возстановленіе конституціи 1793 г. То, что впослѣдствіи выступило, какъ политическій либерализмъ, было лишь ослабленіемъ и приспособленіемъ: послѣднее соотвѣтствовало, или удовлетворяло потребностямъ капиталистической буржуазіи послѣ паденія стараго режима, подобно тому какъ такъ называемое манчестерское ученіе было лишь ослабленіемъ и одностороннимъ изображеніемъ принциповъ, изложенныхъ классиками экономическаго либерализма. В ъ с у щ н о с т и, н ѣ т ъ н и о д н о й л и б е р а л ь н о й идеи, к о т о р а я н е п р и н а д л е ж а л а б ы к ъ и д е й н о м у с о д е р ж а н і ю с о ц і а л и з м а. Даже принципъ личной хозяйственной отвѣтственности, который кажется ужъ всецѣло манчестерскимъ, не можетъ, по моему мнѣнію, ни при какихъ обстоятельствахъ отрицаться соціализмомъ, ни теоретически, ни практически" (S. 129, 130).

„Принципъ личной хозяйственной отвѣтственности", „гражданская свобода", „просвѣщеніе и гарантіи личной свободы"—но вѣдь этими принципами и свободами, мнѣ кажется, не исчерпывается сущность либерализма. Мы понимали либерализмъ—точно такъ же какъ и соціализмъ—какъ опредѣленное историческое явленіе, а не какъ какую-то формулу свободъ, стоящую внѣ времени и пространства. По крайней мѣрѣ тотъ либерализмъ, которому соціаль-демократія объявляетъ войну, есть вполнѣ конкретное явленіе: то либеральныя партіи, о которыхъ Бернштейнъ самъ говоритъ, что онѣ представляютъ „просто лейбъ-гвардію капитализма". Но и въ своемъ чистѣйшемъ видѣ либерализмъ, идеалъ большинства

мыслителей философіи просвѣщенія, по своему соціальному содержанію ничего общаго съ соціализмомъ не имѣетъ, ни прямо, ни косвенно—въ послѣдствіяхъ. Иначе, конечно, обстоитъ дѣло съ политическимъ содержаніемъ либерализма — съ демократіей. Понятно, что соціализмъ принимаетъ ее, да и когда же соціаль-демократія объявляла войну демократическимъ идеямъ? Вся аргументація Бернштейна основана на смѣшеніи демократіи и экономическаго либерализма, что ясно видно изъ его ссылки на конституцію 1793 г. и на Бабефа.

Экономическое содержаніе либерализма соотвѣтствуетъ потребностямъ развитого товарнаго производства. Основное право, котораго онъ требуетъ—это полное, неограниченное право частной собственности не только на средства потребленія, но и на средства производства. Основная свобода, которую онъ требуетъ,—это свобода производства и продажи—laissez faire, laissez passer—каковой принципъ вовсе не является „ослабленіемъ и одностороннимъ изображеніемъ принциповъ, изложенныхъ классиками экономическаго либерализма", но былъ формулированъ первыми классиками—физіократами.

Конституція 1793 г., хотя и была основана на террористическомъ господствѣ низшихъ слоевъ народа, признавала также эти два принципа либерализма. Она заявляетъ: „Право собственности есть присущее каждому гражданину право по своему усмотрѣнію (à son gré) распоряжаться своимъ имуществомъ, своимъ доходомъ, плодами своей работы и усердія... Никакой родъ труда, воздѣлыванія земли, торговли не можетъ быть воспрещенъ гражданамъ". Не то провозглашалъ проектъ конституціи, который Робеспьеръ предлагалъ якобинцамъ. Тамъ говорилось: „Право собственности есть право каждаго гражданина распоряжаться той долей благъ, которую за нимъ обезпечиваетъ законъ. Право собственности, какъ и всякое другое право, ограничивается обязанностью уважать права другихъ. Поэтому оно не должно угрожать ни безопасности, ни свободѣ, ни существованію, ни собственности ближнихъ. Всякое владѣніе, всякое пріобрѣтеніе, которое нарушаетъ этотъ принципъ, недозволительно (illicite) и безнравственно".

Таковъ Робеспьеръ, который, конечно, не былъ соціалистомъ. И Бабёфъ будто бы разсчитывалъ найти въ экономическихъ принципахъ конституціи 1793 г. пре-

восходное начало для осуществлёнія общности имущества?

Объ этомъ не было, конечно, и рѣчи.

Но конституція 1793 г. заключала въ себѣ не только признаніе частной собственности и laissez faire, она содержала и основы демократической организаціи государства, что въ конституціи 1795 г. было уже устранено. Она давала прежде всего всеобщее, равное и прямое избирательное право, вмѣсто котораго вторая конституція установила цензовое и косвенное. Поэтому-то Бабёфъ и требовалъ замѣны конституціи 1795 конституціей 93 г. Бабёфъ требовалъ ея возстановленія потому, что она, какъ значилось въ его прокламаціи, „обезпечивала за всѣми гражданами неотъемлемое право голосовать законы, пользоваться политическими правами, собираться, требовать того, что они считаютъ необходимымъ, учиться, не умирать съ голоду—права, которыя были сплошь и открыто нарушены контръ-революціоннымъ актомъ 1795 г.“ (Заимствовано изъ книги Г. Девилля „Гракхъ Бабёфъ“ перев. Бернштейна стр. 24). Въ томъ же сочиненіи Девилль говоритъ дальше (стр. 26): „Конституція 1793 г., очень далекая отъ того, чтобы съ необходимостью вести къ коммунизму, какъ это утверждаетъ фантазеръ историкъ Зибель, объявила собственность абсолютнымъ правомъ, провозгласила полную независимость промышленности и торговли. Если коммунисты въ родѣ Бабёфа требовали прежде всего введенія этой конституціи, то потому, что, не теряя изъ виду коммунизма—цѣли своихъ стремленій,—они были убѣждены, что революція шла по своему истинному пути лишь до 9 термидора (1794 г.). Для того, чтобы революція могла закончиться своимъ естественнымъ, какъ они его понимали, эпилогомъ, нужно было заставить ее продолжать путь съ той точки, которой она достигла 9 термидора“.

Такимъ образомъ Бабёфъ и Равные требовали конституціи 1793 г. ради ея демократическаго содержанія, вопреки, а не ради ея экономическаго либерализма. Ссылаться на Бабёфа и на эту конституцію въ доказательство того, что либерализмъ не является препятствіемъ на дорогѣ соціализма, что либерализмъ, какъ однажды выразился Бернштейнъ, „выражаетъ общественный принципъ, завершеніемъ котораго будетъ соціализмъ“ (S. 132).—Это значитъ слишкомъ безцеремонно обращаться съ историческими фактами.

Еще хуже, чѣмъ Бабёфу и „Равнымъ", достается отъ Бернштейна чартистамъ, хотя они далеко уступали первымъ: тамъ попытка заговорщическимъ путемъ перепрыгнуть въ царство коммунизма, здѣсь только требованіе всеобщаго избирательнаго права и десятичасового рабочаго дня. Несмотря на это, они не пользуются расположеніемъ Бернштейна за то, что желали добиваться своей цѣли *независимо отъ „радикальной буржуазіи"* и даже наперекоръ ей.

Бернштейнъ замѣчаетъ: чѣмъ болѣе соціаль-демократія начинаетъ казаться тѣмъ, что она есть на самомъ дѣлѣ—демократически-соціалистической реформистской партіей—тѣмъ болѣе растутъ ея шансы на проведеніе политическихъ реформъ. „Страхъ есть, конечно, крупный факторъ въ политикѣ, но ошибочно думать, что страхъ все можетъ сдѣлать. Англійскіе рабочіе добились избирательныхъ правъ не тогда, когда кривлялось на революціонный ладъ чартистское движеніе, но тогда, когда революціонные лозунги смолкли и когда они, рабочіе, соединились съ радикальной буржуазіей для борьбы за реформы. И, если кто возразитъ мнѣ, что, нѣчто подобное въ Германіи невозможно, того я попрошу вспомнить, что говорила либеральная пресса еще 15, 20 лѣтъ назадъ о борьбѣ рабочихъ союзовъ и рабочемъ законодательствѣ и какъ говорили и голосовали представители этихъ партій въ рейхстагѣ, когда рѣшались эти вопросы. Тогда, быть можетъ, онъ согласится, что политическая реакція не представляетъ характернаго явленія въ буржуазной Германіи" (S. 167).

Справедливо, что чартисты добились не права голосованія, а другого—десятичасового рабочаго дня. Этотъ успѣхъ тоже немаловаженъ. Но, неужели Бернштейнъ думаетъ утверждать, что они не получили всеобщаго избирательнаго права, потому что „кривлялись по революціонному"? Вѣдь въ то самое время, когда потомки чартистовъ получили право голосованія, этого же права добились нѣмецкіе и французскіе рабочіе и притомъ въ значительно болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ англійскіе, хотя они очень даже „кривлялись по революціонному" и вовсе не шли навстрѣчу либеральной буржуазіи.

Какъ разъ всего менѣе англичане способны поддаваться простому „кривлянію". Чартистскія рѣчи и агитація не могли оттолкнуть отъ себя англійской буржуазіи во времена фритрэдерской агитаціи, ибо рѣчи и аги-

тація буржуазіи могли смѣло поспорить съ чартистскими по части „революціоннаго кривлянія". Буржуазія негодовала на чартистовъ вслѣдствіе того обстоятельства, что послѣдніе агитируютъ и организуются самостоятельно и даже вопреки фритрэдерамъ. Этого буржуазія имъ не простила, точно такъ же, какъ прусскіе прогрессисты не простили подобнаго же преступленія Лассалю, хотя онъ уже вовсе не „кривлялся по революціонному".

Уже изъ этого своеобразнаго противопоставленія двухъ моментовъ, не находящихся въ необходимомъ противорѣчіи—революціоннаго кривлянія и союза съ радикальной буржуазіей—ясно видно, что, борясь съ первымъ, Бернштейнъ собственно хлопочетъ о второмъ моментѣ. Но этотъ союзъ возможенъ въ двухъ формахъ: или какъ временное соединеніе организованнаго въ отдѣльную самостоятельную партію пролетаріта съ буржуазными партіями для достиженія опредѣленныхъ цѣлей—тактика, которую еще Коммунистическій манифестъ считалъ при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ необходимой; или какъ расширеніе пролетарской демократіи въ одну большую, обнимающую всѣ демократическіе элементы, народную партію, на подобіе той, которая образовалась въ Англіи послѣ усыпленія чартизма, въ противоположность континентальному развитію, и которую только что стало требовать реформистское направленіе нашей партіи.

Что говоритъ въ пользу такого расширенія? Надежда на то, что такая большая демократическая партія гораздо скорѣе получитъ большинство, чѣмъ одинъ пролетаріатъ для себя; что, отказавшись отъ „легенды о самопожираніи капитала" и революціоннаго кривлянія, она скорѣе сдѣлается способной управлять государствомъ; что пролетаріатъ, такимъ образомъ, скорѣе будетъ въ состояніи добиться, правда, не о п р е д ѣ л е н н о й власти, а просто власти. Конечно, на этомъ пути пролетаріату не придется осуществить всѣ свои требованія; надо отказаться отъ нихъ и послушать друзей народа. Но, вѣдь, лучше синицу въ руки, чѣмъ журавля въ небѣ. Нѣтъ хуже правила: все или ничего. Если мы не превратимъ нашей партіи изъ партіи наемныхъ рабочихъ въ партію народной массы, мы сами себя приговоримъ на вѣчныя время къ безсилію, къ совершенно безплодной оппозиціи.

Такова аргументація соціаль-реформистовъ. Они забываютъ, что, хотя соціаль-демократія не располагаетъ

министерскими постами, все же она проявляетъ всеобъемлющую положительную дѣятельность. Конечно, страхъ не можетъ сдѣлать всего, и я полагаю, что непосредственный, физическій страхъ передъ соціаль-демократіей мало можетъ помочь дѣлу. И, несмотря на это, мы видимъ, что вся наша внутренняя политика уже много лѣтъ вертится вокругъ соціаль-демократіи. Это вытекаетъ не изъ страха, что наша партія, если ей испортить ея расположеніе духа, разгромитъ въ одинъ прекрасный день все вокругъ, но изъ страха, что въ одинъ прекрасный день соціаль-демократія соберетъ вокругъ себя всю рабочую массу.

Количественный и качественный ростъ пролетаріата, ростъ вліянія соціаль-демократіи на этотъ пролетаріатъ, необходимость для другихъ партій вступать съ нашей партіей въ конкуренцію, чтобы не упустить совсѣмъ изъ рукъ силу, дѣлающуюся все болѣе значительной,—вотъ факторы, которые побуждаютъ буржуазно-демократическія партіи къ соціальнымъ реформамъ и которые вызвали въ либеральной прессѣ ту внезапную перемѣну настроенія, которая кажется Бернштейну столь знаменательной для характеристики благихъ намѣреній нѣмецкой буржуазіи.

Такимъ образомъ, соціаль-демократія еще задолго до того, когда будетъ у власти, вліяетъ на образованіе буржуазно-демократическихъ партій, которыя должны по крайней мѣрѣ часть требованій нашей партіи сдѣлать своими, дабы отъ нихъ совершенно не ускользнулъ рабочій классъ, самый сильный классъ націи.

Оставаясь чисто классовой партіей борющагося пролетаріата, соціаль-демократія вовсе не отказывается тѣмъ самымъ отъ всякой положительной дѣятельности. Но если бы она вздумала преобразовать свою программу и тактику такимъ образомъ, чтобы можно было принять въ свои ряды другіе классы и повести ихъ классовую борьбу, она подломила бы тѣмъ самымъ свою боевую силу и вмѣстѣ съ объединеніемъ потеряла бы свое единство.

Жертва была бы безполезна—и, какъ просто демократическая партія, она осталась бы партіей, гдѣ пролетаріатъ имѣлъ бы перевѣсъ. Но другіе классы не подчиняются пролетарскому руководству. Общая демократическая партія возможна лишь подъ буржуазнымъ руководствомъ. И если объединенная демократическая партія вообще мало возможна подъ такимъ руководствомъ—

она повсюду въ разложеніи—то она уже совершенно немыслима во главѣ съ пролетаріатомъ, какъ руководящимъ классомъ.

Но какіе классы имѣютъ значеніе для демократіи помимо пролетаріата? Мелкая буржуазія, крестьянство, интеллигенція. Но вѣдь и теперь никому изъ членовъ этихъ классовъ не возбраненъ доступъ въ нашу партію, если онъ чувствуетъ себя пролетаріемъ и хочетъ принять участіе въ пролетарской классовой борьбѣ. Но какимъ образомъ мелкіе буржуа и мелкіе крестьяне, не стоящіе на пролетарской точкѣ зрѣнія, хотятъ улучшить свое положеніе? Прежде всего тѣмъ, что изъ маленькихъ эксплуататоровъ они хотятъ сдѣлаться большими эксплуататорами, капиталистами, крупными крестьянами, и тѣмъ, что не хотятъ знать границъ въ эксплуатаціи своей рабочей силы. Чѣмъ мельче эксплуататоръ, тѣмъ чувствительнѣе касается его всякая реформа. Пролетаріатъ можетъ лишь временно соединяться съ этими элементами для достиженія опредѣленныхъ политическихъ цѣлей, опредѣленной формы правленія, но никогда не можетъ образовать съ ними единой прочной организаціи.

А интеллигенція? Конечно, она большей частью не заинтересована въ эксплуатаціи наемнаго труда и сама принадлежитъ отчасти къ эксплуатируемымъ. Но она слаба количественно и еще слабѣе по силѣ. Она представляетъ изъ себя народный слой, мѣнѣе всего способный къ энергичной классовой борьбѣ. Какъ бы сильно ни ненавидѣла она капиталистическій режимъ, все же она остается его вѣрноподданнымъ. Конечно, соціальдемократія нуждается въ интеллигенціи, въ многочисленной интеллигенціи, но она рада лишь тѣмъ элементамъ интеллигенціи, которые рѣшили сжечь за собой всѣ корабли и итти безповоротно въ бой противъ буржуазнаго общества. Кто не можетъ или не хочетъ этого сдѣлать, пусть остается въ сторонѣ отъ пролетарскаго движенія. Въ противномъ случаѣ или оно его разочаруетъ, или онъ измѣнитъ ему. Между тѣмъ именно изъ рядовъ интеллигенціи идутъ самыя живыя стремленія превратить соціаль-демократію изъ классовой партіи въ партію народную. Крестьяне и мелкая буржуазія не обнаруживаютъ особенно сильной потребности въ этомъ.

Каково отношеніе Бернштейна къ этому вопросу, этого ясно не видно изъ его сочиненія. Онъ не высказывается опредѣленно, но его аргументація по вопросамъ тактики такова, что ее можно истолковать въ

пользу превращенія нашей партіи въ народную партію, и ее дѣйствительно такъ истолковываютъ. Поэтому было необходимо напомнить эту аргументацію и выяснить, какъ мало доказываетъ она то, на что претендуетъ.

Мы должны здѣсь еще разъ вернуться къ упомянутой уже раньше статьѣ Бернштейна, которая появилась во время печатанія этихъ строкъ и опредѣляетъ его отношеніе къ теоретической части Эрфуртской программы.

Между прочимъ онъ высказывается противъ того параграфа Эрфуртской программы, который говоритъ, что измѣненіе общественнаго строя можетъ быть только дѣломъ рабочаго класса. Бернштейнъ хотѣлъ бы сказать: можетъ быть главнымъ образомъ дѣломъ рабочаго класса. Это или значитъ то же самое, или расплывчато выражаетъ другую мысль. Мы уже указывали, что рѣчь здѣсь идетъ о борьбѣ классовъ, а не *лицъ*. Въ освободительной борьбѣ пролетаріата могутъ принимать участіе люди, принадлежащіе къ самымъ различнымъ классамъ. Эрфуртская программа никому въ этомъ не мѣшаетъ. Вопросъ въ томъ, можетъ ли освободительная борьба пролетаріата быть борьбой за непролетарскіе интересы. Эрфуртская программа рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно, Бернштейновское толкованіе оставляетъ его нерѣшеннымъ. Впрочемъ, толкованіе это говоритъ за то, что Бернштейнъ хочетъ создать почву для превращенія соціаль-демократіи въ партію демократическаго сброда, что партія должна имѣть не мужество казаться тѣмъ, чѣмъ она есть, но мужество стать чѣмъ-то совсѣмъ другимъ, чѣмъ она до сихъ поръ была, что она должна рухнуть вмѣстѣ съ принципомъ Интернаціонала—„освобожденіе рабочаго класса должно быть достигнуто самимъ рабочимъ классомъ“.

Въ зависимости отъ того, будетъ ли соціаль-демократія пролетарской или народной партіей, должны по разному ставиться и ея конечныя цѣли.

Каждая политическая партія должна ставить своей задачей завоеваніе политической власти для того, чтобы преобразовать согласно своимъ взглядомъ государство и заставить государственную власть дѣйствовать на общество въ томъ или иномъ направленіи. Но каждая жизнеспособная партія должна также быть готовой къ тому, что ей можетъ достаться государственная власть; по-

этому ей необходимо всегда знать, какой цѣли она хочетъ заставить служить эту власть. Она должна всегда быть въ состояніи отвѣтить на этотъ вопросъ, если хочетъ развернуть свои пропагандистскія силы. Партія, которая съ самаго начала заявляетъ, что она способна лишь быть въ оппозиціи, что она стремится просто къ власти, а не къ опредѣленной власти—сама парализуетъ свои силы и подрываетъ всякое довѣріе массы.

Въ этомъ смыслѣ каждая партія должна также имѣть „конечную цѣль“ не какъ завершеніе соціальнаго развитія—послѣднее не имѣетъ ни конца ни конечной цѣли—но какъ конечную цѣль своихъ практическихъ дѣйствій.

Ясно, что народная партія, въ которой классовые интересы крестьянства и мелкой буржуазіи имѣли бы руководящее значеніе, даже при самомъ дружелюбномъ отношеніи къ рабочимъ, все же должна оставаться на почвѣ даннаго общественнаго порядка, частной собственности на средства производства и свободы частнаго производства. Она не можетъ пойти дальше конституціи 1793 г., дальше принципа либерализма. И сколько бы она ни кривлялась,—ей суждено быть не чѣмъ инымъ, какъ демократически-соціалистической партіей реформъ. Слово „соціалистическій“ здѣсь только отзвукъ, запахъ, воспоминаніе о прекрасномъ времени милой юношеской наивности или туманный призракъ какого-то рая, наступленія котораго каждому предоставляется свободно желать лѣтъ черезъ пятьсотъ. Но въ этомъ словѣ нѣтъ ничего, что было бы практически обязательнымъ.

Иначе „разумѣется“ ставитъ себѣ конечную цѣль чисто пролетарская партія. Пролетаріатъ не заинтересованъ въ сохраненіи частной собственности на средства производства. Даже въ томъ случаѣ, если онъ мирно и законно достигаетъ власти, если онъ окрыленъ ревностнымъ стремленіемъ ничего не низвергать и не отступать съ пути „органическаго развитія“, если онъ даже скептически относится къ соціалистической „утопіи“, все же, защищая свои интересы, онъ не будетъ придавать никакой цѣны сохраненію частной собственности на средства производства и сохраненію частнаго производства.

Напротивъ, пролетарскій режимъ долженъ повсюду бороться, во-первыхъ, за уничтоженіе частнаго характера крупной капиталистической монополіи и, во-вторыхъ, за устраненіе без-

работицы и уничтоженіе промышленной резервной арміи.

Но этимъ пролетаріатъ поражаетъ капиталистическій способъ производства въ самое сердце. Безъ монопольнаго союза предпринимателей, безъ арміи безработныхъ, готовыхъ занять мѣста стачечниковъ, положеніе капиталистовъ окажется хуже положенія организованнаго пролетаріата. Если капиталисты уже нынѣ жалуются на терроризмъ пролетаріата, то это только нелѣпый способъ выраженія. Напротивъ, разъ пролетаріатъ добьется господства въ государствѣ, онъ необходимо введетъ диктатуру на фабрикѣ. Положеніе тѣхъ капиталистовъ, которые будутъ существовать послѣ перехода картелей и трестовъ въ руки государства, сдѣлается невыносимымъ; они будутъ нести только рискъ производства, не будучи его хозяевами. Капиталисты будутъ тогда стремиться сильнѣе, чѣмъ рабочіе теперь, къ выгодной передачѣ производства въ руки общества; для возможно болѣе быстраго и безболѣзненнаго рѣшенія этой проблемы они проявятъ болѣе силъ и ума, чѣмъ теперь въ борьбѣ съ пролетарскимъ движеніемъ. Такимъ образомъ, побѣдоносный пролетаріатъ будетъ вынужденъ на переходъ къ соціалистическому производству, хотя бы онъ не боролся за него съ самаго начала, а слѣдовалъ бы просто логикѣ своихъ классовыхъ интересовъ.

Другими словами, капиталистическое производство и и политическое господство пролетаріата несовмѣстимы другъ съ другомъ. Больше этого ничего сказать нельзя. Мы не знаемъ, какимъ образомъ наступитъ это господство, путемъ одного ли грандіознаго возстанія или нѣсколькихъ катастрофъ, или медленнаго постепеннаго осуществленія. Мы не знаемъ также, каковы будутъ общество и пролетаріатъ къ началу господства, ибо оба эти фактора безпрерывно измѣняются. Нѣтъ еще и теперь многихъ предпосылокъ соціализма, которыя къ тому времени выяснятъ, насколько трудно или легко будетъ выполнить задачи пролетарскаго режима. Одно лишь можемъ мы утверждать, что побѣдоносный пролетаріатъ необходимо будетъ вынужденъ замѣнить капиталистическое производство соціалистическимъ.

Если пролетаріатъ организуется въ самостоятельную политическую партію, которая сознательно ведетъ классовую борьбу, то онъ долженъ своей цѣлью ставить уничтоженіе частной собственности на капиталистическія средства производства и уничтоженіе частнаго ка-

питалистическаго производства; онъ долженъ смотрѣть на соціализмъ, не какъ на завершеніе либеральныхъ идей, но какъ на побѣду надъ ними; онъ не можетъ быть партіей, которая довольствуется демократически-соціалистическими реформами, онъ долженъ быть партіей соціальной революціи.

Дѣло идетъ здѣсь, разумѣется, о революціи не въ полицейскомъ смыслѣ, въ смыслѣ вооруженнаго возстанія. Безумна была бы та партія, которая принципіально стояла бы за возстаніе, до тѣхъ поръ, пока въ ея распоряженіи находятся другіе, болѣе спокойные и требующіе меньшихъ жертвъ пути. Въ этомъ смыслѣ соціаль-демократія никогда не была принципіально революціонной. Она революціонна лишь въ томъ смыслѣ, что сознаетъ, что могла бы, овладѣвъ политической властью, воспользоваться послѣдней для уничтоженія того способа производства, на которомъ основывается современный общественный строй. Мнѣ стыдно повторять эти избитыя истины, но ничего не остается дѣлать послѣ той путаницы, которую внесъ Бернштейнъ своей полемикой противъ нашей тактики, „основанной на катастрофахъ“.

Бернштейнъ ясно заявляетъ, что слово революція „употребляется имъ исключительно въ политическомъ значеніи его, какъ равнозначащее возстанію или внѣзаконной силѣ“ (S. 87). При этомъ онъ замѣчаетъ: „Извѣстно, что Марксъ и Энгельсъ до позднихъ лѣтъ смотрѣли на революцію, какъ на неизбѣжный почти всюду путь, а различнымъ послѣдователямъ ученія Маркса этотъ путь и теперь еще кажется неизбѣжнымъ. Часто онъ считается даже болѣе короткимъ путемъ“.

Въ качествѣ доказательства къ этому знаменитому мѣсту, Бернштейнъ цитируетъ слова Жюля Гэда, сказанныя имъ въ 1877 г., когда онъ, по моему мнѣнію, не былъ еще сложившимся марксистомъ.

Что же гласитъ это мѣсто? Я приведу его цѣликомъ, а не въ искаженномъ Бернштейномъ видѣ. Фраза въ квадратныхъ скобкахъ опущена въ Бернштейновской цитатѣ. „Но для кого не очевидно, что въ крупныхъ городахъ, гдѣ рабочіе образуютъ огромное большинство, если бы они захватили въ неограниченное распоряженіе, (добившись двухъ упомянутыхъ выше пунктовъ (республики и права общинъ на самоопредѣленіе), общественное управленіе, его функціи и законодательство,—для кого не очевидно, что экономи-

ческая революція была бы только вопросомъ мѣсяцевъ, можетъ быть даже недѣль?“ („Berliner Zukunft“, S. 87).

На Бернштейна слово революція производитъ кажется такое же сильное дѣйствіе, какъ на саксонскихъ жандармовъ. Точное выраженіе „экономическая революція„ должно было бы дать ему понять, что о возстаніи здѣсь нѣтъ и рѣчи. Дѣйствительно, Гэдъ имѣетъ въ виду лишь слѣдующее: если рабочіе въ большихъ городахъ, гдѣ они составляютъ большинство, добьются республики и самоуправленія общинъ, то соціалисты легко могли бы захватить въ свои руки законодательство и управленіе, чтобы организовать коммуны, можетъ быть, въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ на соціалистическихъ началахъ. Эта надежда кажется мнѣ довольно оптимистичной. Но во всякомъ случаѣ здѣсь дѣло идетъ о вполнѣ законномъ завоеваніи государственной власти посредствомъ избирательныхъ листковъ, иначе не было бы необходимости въ предположеніи республики и права общинъ на самоопредѣленіе. Бернштейнъ опустилъ оба эти существенныя предположенія, не знаю, на какомъ основаніи, чтобы придать такимъ образомъ этой фразѣ совершенно иной видъ. Конечно, отъ этого не становится красивѣе его ссылка на фразу Гэда, какъ на свидѣтельство марксистскаго бреда о вооруженномъ возстаніи.

Со временъ Лассаля соціаль-демократія старается выяснить разницу между революціей съ вилами и цѣпами и соціальной революціей и доказать, что принципіально она стремится только къ послѣдней. Мы можемъ польстить себѣ, что даже государственные прокуроры начинаютъ становиться на эту точку зрѣнія. И вдругъ теперь выступаетъ одинъ изъ старѣйшихъ и выдающихся вождей-теоретиковъ и говоритъ, что экономическая революція тожественна съ возстаніемъ, считаетъ нужнымъ предостеречь нѣмецкую соціаль-демократію отъ опрометчивыхъ возстаній!

Если бы книга Бернштейна имѣла вліяніе, она могла бы вновь оживить и укрѣпить тѣ сбивчивые взгляды, которые распространяютъ о насъ наши противники и выясненіе которыхъ поглотило изрядную долю нашей жизненной работы.

Ясно, что пролетаріатъ, какъ самостоятельная политическая партія, долженъ быть революціоннымъ не въ полицейскомъ смыслѣ, а въ смыслѣ политической эко-

номіи. Бернштейнъ предлагаетъ для обозначенія „принципіальнаго измѣненія общественнаго порядка“ слово „соціальное преобразованіе“. Но никто не станетъ утверждать, что послѣдній терминъ выражаетъ принципіальную противоположность между старымъ и новымъ общественнымъ порядкомъ—противоположность, которую самъ Бернштейнъ мѣстами отрицаетъ. Его соціализмъ есть завершеніе либерализма.

Я охотно признаю, что слово революція можетъ вводить въ заблужденіе; я считаю также полезнымъ не употреблять этого слова безъ надобности, но я не вижу пользы въ предостереженіи отъ ошибокъ, разъ самъ употребляешь слово въ сбивчивомъ смыслѣ. Не должны ли мы совсѣмъ перестать пользоваться этимъ словомъ? Нѣтъ, для обозначенія опредѣленнаго процесса оно незамѣнимо. Тамъ, гдѣ необходимо обозначить противоположность между направленіемъ, которое принципіально не хочетъ итти дальше реформъ въ рамкахъ существующаго общества, и другимъ, которое борется за высшій, основанный на другихъ началахъ, общественный строй, тамъ точнѣе будетъ обозначить цѣль послѣдняго направленія словомъ „соціальная революція“, а не „соціальное преобразованіе“. Никто, сколько-нибудь знакомый съ нашей партійной литературой, не можетъ сомнѣваться, что соціальная революція и политическое возстаніе суть два совершенно различныхъ понятія. Соціальная революція есть цѣль, которую можно себѣ принципіально поставить, возстаніе же есть средство для достиженія цѣли, которое всегда можно критиковать лишь съ точки зрѣнія цѣлесообразности.

Не только соціальную, но и политическую революцію нельзя отождествлять съ возстаніемъ. Не полицейскій языкъ называетъ политической революціей каждое сильное политическое потрясеніе, которое ускоряетъ темпъ политической жизни націи и заставляетъ ее сильнѣе пульсировать, въ противоположность контръ-революціи, потрясенію, которое замедляетъ ходъ политической машины. Возстаніе или „внѣзаконное употребленіе силы“ можетъ быть эпизодомъ, очень важнымъ эпизодомъ въ этомъ потрясеніи, но оно не есть сама революція. Созывъ генеральныхъ штатовъ, вполнѣ, конечно, законный, является столь же важнымъ моментомъ великой революціи, какъ и штурмъ Бастиліи. Никто не говоритъ о великомъ французскомъ возстаніи

1789 г. Возстанія или незаконныя насильственныя дѣйствія, которыя не оказываютъ никакого вліянія на политическую жизнь, въ родѣ сопротивленія индійскихъ туземцевъ чумнымъ комиссіямъ англичанъ, не называются революціями.

Чтобы избѣжать недоразумѣній, Бернштейнъ примѣняетъ слово революція какъ разъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ оно употребляется не въ научномъ и политическомъ языкѣ, а обыкновенно лишь полиціей и государственными прокурорами, ибо ихъ интересуютъ въ революціи лишь моменты, имѣющіе отношеніе къ уложенію о наказаніяхъ.

Соціальная революція не въ бернштейновскомъ смыслѣ есть необходимая конечная цѣль, къ которой необходимо стремится всякая самостоятельная политическая организація пролетаріата. Тотъ, кто организуетъ пролетаріатъ въ самостоятельную политическую партію, тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ подготовляетъ въ немъ почву для восприятія идеи соціальной революціи, какъ бы мирно и трезво онъ ни былъ настроенъ и какъ бы скептически ни смотрѣлъ на будущее. И наоборотъ, каждый, кто хочетъ отвлечь пролетаріатъ отъ другихъ политическихъ партій и сдѣлать его политически самостоятельнымъ, тѣмъ скорѣе достигнетъ этой цѣли, чѣмъ скорѣе онъ пробудитъ въ рабочемъ классѣ сознаніе необходимости соціальной революціи.

Съ другой стороны, мы видѣли, что политика демократическаго союза, растворенія пролетаріата въ народной партіи, ведетъ къ отрицанію революціи, къ самоограниченію соціальными реформами.

Такимъ образомъ отношеніе къ вопросу о соціальной революціи имѣетъ выдающееся практическое значеніе для настоящаго. Можно было бы думать, что безполезно спорить о революціи; это-де значило бы высиживать неснесенныя яйца. Временно оба направленія въ рабочемъ движеніи хотятъ одного и того же: соціально-политическихъ и демократическихъ реформъ. Нужно поэтому бороться за нихъ и не мѣшать единству спорами о вещахъ, относительно которыхъ никто не знаетъ, что съ ними будетъ. Но мы показали, что вопросъ о *конечной цѣли* нашей политики—революція или реформа—тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ вопросомъ объ *организаціи и пропагандѣ* пролетаріата, какъ *политической партіи въ настоящемъ*. Если бы это было не такъ, то подчерки-

ваніе революціонной точки зрѣнія однимъ направленіемъ было бы безцѣльнымъ, такъ же какъ и горячія нападки реформистовъ на то, что они называютъ „революціонной фразой“. Напротивъ, обостреніе противорѣчій становится понятнымъ, если мы видимъ, что за кажущейся борьбой изъ-за оборотовъ рѣчи скрывается борьба изъ-за вопроса, отвѣтъ на который является вопросомъ жизни для соціаль-демократіи, какъ и для буржуазной демократіи,—вопроса: долженъ ли пролетаріатъ вести свою классовую борьбу, какъ самостоятельная политическая организація, или, какъ часть народной партіи, обнимающей всѣ демократическіе слои.

c) Можемъ ли мы побѣдить?

Вотъ серьезный вопросъ, который Бернштейнъ ставитъ и... рѣшаетъ отрицательно.

Мы видѣли, что каждая жизнеспособная политическая партія должна стремиться овладѣть политической властью, что она не можетъ ограничиться одной оппозиціей. Къ соціаль-демократіи эта истина, по мнѣнію Бернштейна, не приложима. Соціаль-демократія на вѣчныя времена можетъ быть годной лишь въ качествѣ оппозиціонной партіи. Пролетаріатъ еще слишкомъ слабъ, думаетъ онъ, чтобы могъ разсчитывать на скорый захватъ политической власти. Но если бы это и удалось ему, то онъ могъ бы творить одни только безчинства, ибо онъ еще слишкомъ неразвитъ, чтобы прилично пользоваться своей властью, да и нѣтъ еще необходимыхъ условій для осуществленія соціализма. „Развѣ мы достигли уже надлежащей высоты развитія производительныхъ силъ для уничтоженія классовъ?“ спрашиваетъ онъ (S. 185).

Его отвѣтъ звучитъ весьма пессимистически.

А рабочіе? „Несмотря на значительные шаги впередъ, которые были сдѣланы рабочимъ классомъ въ интеллектуальномъ, политическомъ и профессіональномъ отношеніяхъ съ того времени, когда писали Марксъ и Энгельсъ, я даже и теперь не считаю рабочій классъ достаточно развитымъ для политическаго господства“. (S. 183).

Еще въ одной изъ прежнихъ частей своего сочиненія Бернштейнъ разбираетъ этотъ вопросъ. Мы уже достаточно говорили по поводу его размышленій о степени развитія современнаго способа производства и выяснили,

что невозможно предуказать опредѣленную стадію развитія производства, когда можно будетъ заявить: теперь общество созрѣло для соціализма. Сознательный захватъ пролетаріатомъ господства надъ всей экономической жизнью можетъ принять весьма различныя формы въ зависимости отъ большей или меньшей высоты капиталистическаго развитія; политическое господство пролетаріата можетъ имѣть различные результаты въ странѣ, гдѣ капитализмъ давно уже развился, и въ странѣ, гдѣ онъ только что развивается. Вотъ все, что можно сказать. Было бы абсурдомъ пытаться опредѣлить моментъ, съ котораго можно будетъ объявить, что теперь возможно осуществленіе соціализма.

Въ послѣдней части сочиненія Бернштейна очевидно охватило желаніе, присущее теперь и автору этихъ строкъ, — поскорѣе покончить съ дѣломъ въ виду близости заключенія. И потому онъ, не останавливаясь на подробностяхъ дѣла, довольствуется ссылкой на нѣкоторые авторитеты.

Но въ этомъ ему очень не везетъ.

Изъ троихъ авторовъ, на которыхъ онъ ссылается, взгляды двоихъ (Энгельса и Атлантикуса) онъ передаетъ невѣрно; что же касается третьяго, Нейпауэра, то мнѣніе его, которое Бернштейнъ считаетъ въ высшей степени заслуживающимъ вниманія, является просто гипотетическимъ, подробно не обоснованнымъ замѣчаніемъ. На мое заявленіе, что Энгельсъ и Атлантикусъ самымъ рѣшительнымъ образомъ утверждали противоположное тому, въ подтвержденіе чего Бернштейнъ призываетъ ихъ въ свидѣтели („Neue Zeit" XVII, 2, S. 74), послѣдній не находитъ ничего лучшаго возразить, какъ то, что взгляды Энгельса и Атлантикуса кажутся ему не свободными отъ возраженія въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ они расходятся съ нимъ („Neue Zeit", XVII, 2, S. 582 ff.).

Во всякомъ случаѣ довольно странно такъ оправдывать свою ссылку на автора. Но я не хочу останавливаться на этихъ не существенныхъ подробностяхъ и отсылаю того, кто этимъ интересуется, къ указаннымъ мѣстамъ „Neue Zeit".

Достаточно установить, что Бернштейнъ не привелъ ни малѣйшаго доказательства въ пользу своего утвержденія, будто производительныя силы еще недостаточно развились для уничтоженія классовъ; что всѣ его авторитеты обращаются скорѣе противъ него же.

Но созданная капитализмомъ степень развитія производства есть лишь одинъ изъ факторовъ, ведущихъ къ соціализму. Этотъ факторъ остается мертвымъ безъ второго, который даетъ ему жизнь — могучаго, политически зрѣлаго пролетаріата. Есть ли у насъ такой пролетаріатъ, каторый могъ бы захватить бразды правленія государствомъ? Можемъ ли мы вообще ожидать, что въ далекомъ будущемъ явится такой пролетаріатъ?

Бернштейнъ отвѣчаетъ и на этотъ вопросъ отрицательно. Онъ касается его, какъ и вопроса о матеріальныхъ предпосылкахъ соціализма, дважды въ своемъ сочиненіи; сначала въ срединѣ (S. 87 f. f.) и затѣмъ въ заключеніи.

Что такое современный пролетаріатъ? спрашиваетъ онъ (S. 88) и отвѣчаетъ:

„Если причислять къ пролетаріату всѣхъ, не обладающихъ собственностью, всѣхъ, не имѣющихъ дохода ни отъ имущества, ни отъ привилегированнаго положенія, то онъ составитъ, конечно, абсолютное большинство населенія передовыхъ странъ. Но въ такомъ случаѣ этотъ „пролетаріатъ“ оказывается смѣсью чрезвычайно разнородныхъ элементовъ, слоевъ, которые болѣе разнятся между собой, чѣмъ слои „народа“ 1789 г. Пока существуютъ нынѣшнія отношенія собственности, эти элементы скорѣе имѣютъ общіе или, по крайней мѣрѣ, однородные, чѣмъ противоположные интересы. Но какъ только нынѣшніе собственники и господа были бы устранены, или лишились бы своей позиціи, они тотчасъ стали бы сознавать разнородность своихъ потребностей и интересовъ“.

Въ этихъ фразахъ заключается такое же большое умаленіе одной стороны, какъ и преувеличеніе другой.

Умаленіе, если Бернштейнъ соглашается только въ томъ, что пролетаріатъ составляетъ лишь „абсолютное большинство“ населенія прогрессивныхъ странъ. Конечно, пролетаріатъ не такъ многочисленъ, какъ утверждаетъ главный свидѣтель Бернштейна противъ соціализма пресловутый фельетонистъ „British Review“, по расчетамъ котораго пролетаріатъ еще въ 1851 г. составлялъ 94% населенія Англіи. Мы видѣли, что Бакстеръ исчислялъ его въ 1867 г. приблизительно въ 80%. Въ германской имперіи въ 1882 г. самостоятельные составляли 29,25% всѣхъ занятыхъ промысловой дѣятельностью, а въ 1895 уже 26,84%. Несамостоятельные рабочіе составляютъ такимъ образомъ болѣе 70%, почти

три четверти всѣхъ занятыхъ промысловой дѣятельностью. Это уже весьма значительное „абсолютное большинство“. При этомъ имперская статистика причисляетъ къ этимъ „самостоятельнымъ“ не только самостоятельныхъ предпринимателей, каковы: капиталисты, ремесленники, мелкіе торговцы, крупные земельные собственники, крестьяне, но также и лицъ, занятыхъ въ кустарной промышленности, зависимыхъ руководителей предпріятій (напр., директора акціонерныхъ обществъ), „офицеровъ, высшихъ чиновниковъ, духовенство, управляющихъ, учителей, врачей, артистовъ, музыкантовъ, живописцевъ, частныхъ ученыхъ, частныхъ секретарей.“ („Statistik des Deutschen Reiches“ N. F. Bd. 111, S. 62, 63).

Нѣтъ надобности пояснять, что весьма многіе изъ этой категоріи самостоятельныхъ „не получаютъ дохода ни отъ имущества, ни отъ привилегированнаго положенія“.

Во всякомъ случаѣ это перечисленіе показываетъ, что если ужъ говорить о „смѣси чрезвычайно разнородныхъ элементовъ“, то таковую скорѣе представляютъ самостоятельные непролетаріи. Но Бернштейнъ интересуется только противорѣчіями интересовъ среди пролетаріата и онъ не можетъ найти для нихъ достаточно сильныхъ красокъ. Пролетаріатъ — это „смѣсь слоевъ, которые еще болѣе разнятся другъ отъ друга, чѣмъ слои „народа“ 1789 г.“

Дѣйствительно, смѣлое утвержденіе! Нынѣшній пролетаріатъ состоитъ изъ наемныхъ рабочихъ; „народъ 1789 г.“ состоялъ не только изъ наемныхъ рабочихъ, но также изъ ремесленниковъ, торговцевъ, крестьянъ и лумпенпролетаріевъ, которые тогда играли не послѣднюю роль въ этомъ народѣ даже въ политической жизни. Если же отождествлять „народъ 1789“ съ третьимъ сословіемъ, то тогда надо прибавить сюда капиталистовъ и интеллигенцію. Вотъ каковъ былъ пестрый сбродъ, который разрушилъ феодализмъ! Но Бернштейнъ утверждаетъ, что современный классъ наемныхъ рабочихъ состоитъ изъ слоевъ, которые разнятся другъ отъ друга еще болѣе, чѣмъ слои народа 1789 г! И тотъ же Бернштейнъ изумляется тому „поистинѣ азіатскому спокойствію“, съ какимъ Парвусъ (вниманіе!) зачисляетъ 5.600.000 сельскохозяйственныхъ наемныхъ рабочихъ въ армію пролетаріата. Ужъ не зачислить ли ихъ въ армію тѣхъ, кто получаетъ доходъ отъ имущества или отъ привилегированнаго положенія?

Въ качествѣ доказательства существованія глубокой противоположности интересовъ внутри класса наемныхъ рабочихъ Бернштейнъ напоминаетъ намъ о крупныхъ различіяхъ, существующихъ между рабочими, занятыми въ промышленности, торговлѣ, сельскомъ хозяйствѣ, а также между рабочими внутри каждой изъ этихъ категорій. Что касается различій профессіональной организаціи, то мы уже говорили о нихъ. Кто станетъ отрицать, что внутри класса наемныхъ рабочихъ имѣются различія? Кто не понимаетъ, что интересы служащаго въ торговомъ предпріятіи не тождественны съ интересами промышленнаго рабочаго, а интересы послѣдняго не тождественны съ интересами сельскохозяйственнаго рабочаго? Но вытекаетъ ли изъ этихъ различій такая противоположность интересовъ, которая дѣлала бы невозможнымъ прочное объединеніе этихъ различныхъ слоевъ въ одну политическую партію? Этого вопроса Бернштейнъ совершено не затронулъ, ибо всѣ его аргументы касаются трудностей профессіональнаго, а не политическаго объединенія.

Послушать Бернштейна, такъ первымъ условіемъ всякой замкнутой партійной организаціи является полное однообразіе всѣхъ интересовъ ея членовъ. Но возможны ли были бы тогда вообще политическія партіи?

Если пролетаріатъ не можетъ сдѣлаться господствующимъ классомъ благодаря различіямъ интересовъ въ его отдѣльныхъ слояхъ, то какъ же смогла господствовать буржуазія? Вѣдь между элементами буржуазіи существуютъ не только различія, но и противоположность интересовъ. Буржуазія состоитъ изъ капиталистовъ и интеллигенціи. Каждый изъ этихъ слоевъ распадается въ свою очередь на множество подслоевъ, которые часто находятся въ ожесточенной взаимной борьбѣ. Такъ у насъ есть крупные и мелкіе капиталисты; у насъ есть промышленный, торговый, ростовщическій капиталъ и финансовая аристократія, которая всѣхъ ихъ кладетъ въ карманъ. Среди собственниковъ промышленнаго капитала существуютъ противорѣчія интересовъ между производителями и потребителями сырыхъ матеріаловъ и т. д. А интеллигенція? Какая солидарность между врачомъ и адвокатомъ, между инженеромъ и филологомъ?

И все же всѣ эти элементы образуютъ сообща огромную политическую партію либерализма.

Буржуазія является уже одна болѣе разнородной, чѣмъ пролетаріатъ; не стоитъ, конечно, и говорить объ утвержденіи, будто нынѣшній пролетаріатъ болѣе разношерстенъ, чѣмъ весь народъ 1789 г., который кромѣ пролетаріата включалъ еще и много другихъ классовъ. Бернштейнъ самъ откажется отъ этого мнѣнія при болѣе спокойномъ разсмотрѣніи дѣла. Даже пролетаріатъ 1789 г. былъ болѣе разношерстенъ, чѣмъ нынѣшній: тогда еще существовала противоположность интересовъ между цеховыми и не цеховыми рабочими; отдѣльный рабочій въ ремеслѣ и мануфактурѣ былъ всю жизнь прикованъ къ одному и тому же дѣлу, и переходъ къ другому былъ не такъ легокъ, какъ теперь.

Если мы хотимъ изслѣдовать шансы пролетаріата на побѣду въ политической борьбѣ, то мы должны не только выставить на видъ тѣ моменты, которые могутъ нанести ущербъ его боевой способности, но и обратить вниманіе на другую сторону дѣла. Если Бернштейнъ видитъ въ „смѣси слоевъ", въ разнородности интересовъ факторъ, дѣлающій невозможнымъ политическое господство пролетаріата, то мы можемъ возразить, что смѣсь слоевъ, разнородность интересовъ у противниковъ пролетаріата гораздо значительнѣе, почему Марксъ и Энгельсъ всегда боролись противъ выраженія „реакціонная масса".

Крупное преимущество соціаль-демократіи передъ буржуазными партіями заключается какъ разъ въ единствѣ важнѣйшихъ интересовъ, ею представляемыхъ. Она является единственной изъ существующихъ партій, которая опирается лишь на одинъ классъ, ибо послѣдній составляетъ огромное большинство народа.

Каждая другая партія принуждена опираться на разнородные классы, между прочимъ и на части пролетаріата, если она хочетъ добиться и закрѣпить за собой большинство. *Соціаль-демократія превосходитъ другія* партіи именно своей замкнутостью и единствомъ. Въ этомъ именно и заключается въ значительной степени ея сила.

Но если уже тѣхъ различій, которыя существуютъ внутри пролетаріата, было бы достаточно для того, чтобы расколоть соціаль-демократію и сдѣлать ее неспособной къ политическому господству, то что же было бы съ ней, если бы къ этимъ противорѣчіямъ интересовъ присоединились новые благодаря превращенію соціаль-демократіи изъ пролетарской партіи въ народную?

Никто не утверждаетъ, что пролетаріатъ представляетъ однородную массу. Различія между рабочими чувствительно даютъ себя знать въ агитаціи. Здѣсь то становится яснымъ, что не всѣ пролетарскіе слои въ одинаковой мѣрѣ способны къ воспріятію соціалистическихъ идей и къ политической и профессіональной организаціи. Промышленные рабочіе являются піонерами, рабочіе же, занятые въ торговлѣ, и подавно сельскохозяйственные рабочіе идутъ въ аріергардѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣдніе слои доставятъ намъ много еще хлопотъ, прежде чѣмъ мы окончательно завладѣемъ ими. Но это доказываетъ лишь то, что соціаль-демократія не кончила еще своей задачи—чего, конечно, никто изъ насъ и не воображаетъ,—а не то, что эта задача неразрѣшима въ далекомъ будущемъ.

Экономическое развитіе дѣятельно поддерживаетъ нашу пропаганду, умножая ряды тѣхъ пролетарскихъ слоевъ, которые болѣе всего доступны соціализму. Въ городахъ доминируетъ промышленное населеніе, а города все болѣе и болѣе доминируютъ надъ деревней. Въ германской имперіи значилось:

Группы населенія.	Прибыль или убыль населенія съ 1882 г. до 1895 г.		Процентное отношеніе населенія группы къ общему населенію страны.	
	Абсолютная.	Въ процент.	1882	1895
Крупные города .	+ 3.703.095	+ 111,29	7,36	13,58
Средніе города .	+ 1.228.807	+ 29,62	9,17	10,39
Мелкіе города .	+ 1.379.148	+ 24,22	12,59	13,66
Городскіе поселки	+ 582.738	+ 10,16	12,68	12,20
Городъ	+ 6.893.788	+ 36,47	41,80	49,83
Деревня	— 345.617	— 1,31	58,20	50,17
Общее населеніе страны . .	+ 6.548.171	+ 14,48	100,00	100,00

Такимъ образомъ, городское населеніе по численности равно уже теперь деревенскому, не говоря о его эко-

номическомъ, интеллектуальномъ и политическомъ превосходствѣ.

На 1.000 жителей приходится занятыхъ:

	Въ имперіи.		Въ городахъ.		Въ деревняхъ.	
	1882	1895	1882	1895	1882	1895
Въ сельскомъ хозяйствѣ.	425,1	357,4	119,3	95,0	644,7	618,0
Въ промышленности . .	355,1	391,2	509,3	530,0	244,4	253,4
Въ торговлѣ	100,2	115,2	171,6	180,0	48,9	50,9
Въ остальн. промыслахъ.	119,6	136,2	199,8	195,0	62,0	77,7

Всюду въ жизни промышленность выступаетъ на первый планъ, въ городахъ большинство населенія кормится ею. Въ деревнѣ промышленность прогрессируетъ за счетъ сельскаго хозяйства. Но сильнѣй всего она въ мелкихъ городахъ. Тамъ на 1.000 жителей приходится 571,9, занятыхъ въ промышленности, въ крупныхъ же городахъ только 508,6. Въ послѣднихъ сильнѣе всего развита торговля, на нее приходится 261,1 на 1.000 жителей. Впрочемъ, число лицъ, занятыхъ торговлей въ крупныхъ городахъ, понизилось съ 1882 г. Когда оно составляло 266,1 на 1.000, число же лицъ, занятыхъ промышленностью въ большихъ городахъ, повысилось съ 473,4 до 508,6.

Мы видимъ, какъ сильно помогаетъ экономическое развитіе преодолѣнію тѣхъ трудностей, которыя стоятъ на пути нашей агитаціи.

Если Бернштейнъ безгранично преувеличиваетъ эти трудности, то, съ другой стороны, онъ умаляетъ результаты, уже достигнутые нашей агитаціонной работой.

Онъ ссылается на то, что въ Германіи насчитывается около 4,5 милліоновъ взрослыхъ промышленныхъ рабочихъ, а между тѣмъ мы имѣемъ лишь 2,1 милліона соціалистскихъ избирателей (S. 91.).

Въ данномъ случаѣ сравниваются двѣ несоизмѣримыя величины — взрослые рабочіе и избиратели. Не каждый взрослый рабочій есть въ то же

время избиратель. Изъ 4,5 милліоновъ (точнѣе 4.475.653) взрослыхъ промышленныхъ рабочихъ насчитывается 624.136 женщинъ, которыя, къ сожалѣнію, не имѣютъ до сихъ поръ права голоса.

Мужчинъ рабочихъ въ возрастѣ свыше 20 лѣтъ насчитывается въ промышленности вмѣстѣ со служащими только 3.851.517. Изъ нихъ въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ 1.603.583; мы можемъ принять, что приблизительно половина изъ нихъ моложе 25 лѣтъ. Такимъ образомъ, вмѣсто 4,5 милліоновъ промышленныхъ рабочихъ избирателей оказывается только 3 милліона. Далѣе голоса избирателей, оставшихся дома, нельзя же просто причитывать къ противникамъ. Если мы примемъ, что число воздержавшихся отъ голосованія въ средѣ рабочаго класса такъ же велико, какъ въ остальномъ населеніи, то мы найдемъ, что число голосовъ, поданныхъ за германскую соціаль-демократію, и число избирающихъ промышленныхъ рабочихъ почти совершенно совпадаютъ.

Соперничество, которое соціаль-демократія встрѣчаетъ въ нѣкоторыхъ слояхъ, именно среди католическихъ рабочихъ, почти вполнѣ перевѣшивается поддержкой со стороны другихъ пролетарскихъ слоевъ.

Бернштейнъ заявляетъ: „Болѣе половины промышленныхъ рабочихъ Германіи въ настоящее время относятся къ соціаль-демократіи частью равнодушно и не понимая ея, частью даже враждебно". Къ счастью, этотъ пессимизмъ основывается на ошибкѣ въ счетѣ, напоминающей подобную же ошибку, допущенную Бернштейномъ нѣсколькими страницами выше, когда онъ говорилъ о сотняхъ тысячъ промышленныхъ заведеній болѣе чѣмъ съ 20 лицами, которыя де предстоитъ соціалистическому режиму передать въ руки государства, задача, дескать едва ли выполнимая. Мы видѣли, что число этихъ предпріятій въ германской имперіи не достигаетъ 49.000

Если оглянуться на избирательные успѣхи германской соціаль-демократіи, то мы не найдемъ никакихъ основаній для пессимистическаго взгляда на вещи. Партія, которая въ теченіе трехъ десятковъ лѣтъ изъ полнаго ничтожества сдѣлалась сильнѣйшей партіей въ государствѣ; чье вліяніе простирается на три четверти націи и все болѣе расширяется; которая въ силу того, что она опирается на одинъ великій классъ, достигла

замкнутости и единства, къ какому неспособна никакая другая партія, и которая въ своей пропагандѣ и организаціи поддерживается экономическимъ развитіемъ— такая партія не станетъ откладывать момента захвата власти въ то далекое будущее, съ которымъ практически нельзя считаться. Партія, въ теченіе трехъ десятковъ лѣтъ ставшая сильнѣйшей партіей, въ теченіе слѣдующихъ трехъ десятилѣтій, если не раньше, можетъ сдѣлаться господствующей.

Да, быть можетъ, раньше... Но не заключается ли въ этомъ великая опасность для соціаль-демократіи? Не ждетъ ли ее плачевное паденіе, если она въ ближайшемъ будущемъ станетъ у кормила правленія? Бернштейнъ считаетъ рабочій классъ и нынѣ недостаточно еще развитымъ для политическаго господства. Лишь писатели, не стоявшіе никогда вблизи дѣйствительнаго рабочаго движенія, могутъ судить въ этомъ отношеніи иначе... Мы беремъ рабочихъ такими, каковы они суть. Они не такъ бѣдны, какъ это предсказывалъ „Коммунистическій манифестъ", не такъ свободны отъ предразсудковъ и слабостей, какъ въ этомъ стараются увѣрить насъ ихъ льстецы" (S. 184).

По рѣшительности это мѣсто не оставляетъ желать ничего большаго. Къ сожалѣнію, я не въ состояніи отвѣтить такъ же рѣшительно.

Прежде всего я со стыдомъ долженъ признаться, что до брошюры Бернштейна весьма мало размышлялъ о томъ бѣдствіи, которое грозитъ намъ, если мы добьемся теперь же власти. Опасность проснуться на завтра диктаторами Германіи чрезвычайно мало озабочивала меня

Но и теперь, послѣ того какъ Бернштейнъ заставилъ меня задуматься надъ этимъ обстоятельствомъ, я не въ состояніи дать категорическаго отвѣта, а могу лишь высказать предположенія. Къ сожалѣнію, мы не настолько смѣлы, чтобы подвергать классы испытанію политической зрѣлости и, смотря по успѣхамъ, выдавать имъ или отказывать въ свидѣтельствѣ о политической зрѣлости и способности къ политическому господству. Единственное испытаніе, свидѣтельство о которомъ имѣетъ значеніе въ исторіи,—это практика, опытъ.

Мы, конечно, не можемъ гарантировать того, что соціаль-демократія сможетъ удержать за собой государственную власть, если завтра неожиданная политическая буря вынесетъ ее наверхъ. Весьма возможно, что рано

или поздно кормило правленія снова выскользнетъ, или будетъ вырвано изъ ея рукъ, какъ это было съ демократическими классами въ англійскую революцію XVII вѣка или во французскую. Но какимъ же образомъ возможно предупредить съ увѣренностью такую преждевременную побѣду? Развѣ только тѣмъ, что соціальдемократія распуститъ сама себя. Партія, которая живетъ, должна бороться, а бороться — значитъ бороться за побѣду. А кто борется за побѣду, тотъ долженъ всегда разсчитывать, что онъ останется побѣдителемъ.

Если мы хотимъ, слѣдовательно, быть увѣренными, что намъ не достанется преждевременно власть, намъ не останется ничего другого, какъ лечь спать.

Но этого самъ Бернштейнъ не захочетъ, и печальная необходимость принуждаетъ насъ съ подавленнымъ духомъ жить до побѣды и продолжать борьбу.

Но дѣйствительно ли политическая незрѣлость пролетаріата такъ очевидна, что лишь писатели, не имѣющіе ничего общаго съ рабочими, могутъ держаться другого мнѣнія? Какія доказательства представляетъ Бернштейнъ?

Во-первыхъ, всѣ рабочіе, съ которыми онъ по этому вопросу говорилъ, были того же мнѣнія, что и онъ. Но это просто доказываетъ ихъ скромность и преувеличенную оцѣнку мудрости, управляющей міромъ.

Во-вторыхъ, рабочіе не такъ свободны отъ предразсудковъ и слабостей, какъ въ этомъ хотятъ насъ увѣрить ихъ льстецы. Чтобы не быть заподозрѣннымъ въ столь некрасивой лести, я спѣшу заявить, что вполнѣ согласенъ съ нимъ. Но вѣдь дѣло идетъ здѣсь не объ оцѣнкѣ добродѣтели, но о политической зрѣлости. Или Бернштейнъ хочетъ утверждать, что господствующіе нынѣ классы „такъ свободны отъ предразсудковъ и слабостей"?

Мы не должны подходить къ пролетаріату съ какой-то мѣркой идеальнаго превосходства, мы должны сравнивать его съ другими классами. Окажется ли это сравненіе дѣйствительно такъ сильно не въ пользу рабочаго класса?

Если бы пролетаріатъ дѣйствительно былъ еще политически незрѣлымъ, то тѣмъ самымъ доказывалось бы гораздо большее, чѣмъ желательно Бернштейну.

Даже тотъ, кто совершенно не склоненъ льстить рабочимъ, долженъ будетъ признать, что въ смыслѣ политической зрѣлости рабочіе уже теперь превосходятъ

другіе крупные демократическіе слои общества. И если они все же неспособны къ политическому господству, то тѣмъ болѣе неспособны къ этому тѣ два класса. Но чтоже будетъ тогда съ демократіей, что будетъ съ самоуправленіемъ, если огромная масса народа неспособна къ нему?

Если Бернштейнъ правъ, то въ такомъ случаѣ не только господство пролетаріата, но и господство всеобщаго избирательнаго права является нелѣпостью. Долой тогда демократію, пусть господство буржуазіи сохранитъ намъ старую цивилизацію; возстановимъ цензовое избирательное право, какъ оплотъ противъ современныхъ вандаловъ!

Разумѣется, не навсегда, а лишь до тѣхъ поръ, пока пролетаріатъ не достигнетъ необходимой зрѣлости. Подобныя обѣщанія всегда давались намъ противниками всеобщаго избирательнаго права.

Въ современномъ промышленномъ городѣ прогрессивная демократія возможна лишь какъ пролетарская демократія. Поэтому-то и гибнетъ прогрессивная буржуазная демократія. Если же у буржуазныхъ демократовъ беретъ перевѣсъ страхъ передъ господствомъ пролетаріата, они дѣлаются старо-либералами. Но разъ они держатся за прогрессивную демократію, они должны привѣтствовать мысль о господствѣ пролетаріата. Распространять же страхъ передъ господствомъ пролетаріата и вмѣстѣ съ тѣмъ желать сохраненія или даже расширенія политическихъ правъ низшихъ народныхъ классовъ, это значитъ одной рукой разрушать то, что строишь другой. Лишь убѣжденіе въ необходимости господства пролетаріата и въ его политической зрѣлости можетъ дать демократической мысли творческую силу.

Если измѣрять пролетаріатъ не какой-нибудь идеальной мѣркой, а сравнивать его съ другими классами, то окажется, что по своимъ политическимъ способностямъ онъ смѣло поспоритъ не только съ мелкой буржуазіей и крестьянствомъ, но и съ крупной буржуазіей. Если мы взглянемъ на парламентъ, общины, кассы для бѣдныхъ, въ которыхъ господствуетъ исключительно буржуазія и ея чиновники, мы найдемъ тамъ рутину, испорченность, безсиліе. Но какъ только проникаетъ туда соціаль-демократія, появляется новая жизнь. Соціаль-демократія вноситъ съ собой иниціативу, честность, силу и принципы, ея конкуренція заставляетъ возродиться даже противниковъ. На каждой важной позиціи,

которую соціаль-демократія завоевывала въ послѣднее десятилѣтіе, даже въ послѣднія десятилѣтія, она прочно удерживалась и доказывала противникамъ свое превосходство въ смыслѣ положительнаго творчества. Въ какой бы организаціи ни достигала господства соціаль-демократія, всюду она оказывалась на высотѣ положенія. Пусть Бернштейнъ укажатъ мнѣ хоть одинъ случай, когда соціаль-демократія не справилась бы съ выпавшей ей задачей. И все же это дѣлаетъ она одна, партія бѣдныхъ и невѣжественныхъ людей, опираясь лишь на свои собственныя силы. Какое же право имѣемъ мы утверждать, что она далжна пасть, если въ ея распоряженіи окажется вся экономическая и интеллектуальная власть государства?

Конечно, думаетъ Бернштейнъ, мы можемъ лишь „радоваться тому большому запасу ума, самоотверженности и энергіи, который частью вскрыло, частью произвело современное рабочее движеніе, но нельзя же качества, присущія цвѣту рабочаго класса, скажемъ сотнямъ тысячъ, переносить безъ оговорокъ на всю массу, на милліоны“ (S. 106). На это можно замѣтить, что всѣ члены какого-нибудь класса никогда не принимаютъ участія въ борьбѣ своего класса. Масса отчасти слѣдуетъ за этимъ цвѣтомъ безъ собственной иниціативы, отчасти держится совсѣмъ въ сторонѣ отъ борьбы. Политическое господство пролетаріата дѣйствительно означаетъ прежде всего господство его передовыхъ элементовъ, точно такъ же какъ это бываетъ въ буржуазіи, юнкерствѣ и всякомъ другомъ господствующемъ классѣ. И нечего ожидать, что соціаль-дамократія захватитъ государственную власть прежде, чѣмъ ея передовые элементы съ массой, зависящей отъ нихъ, будутъ достаточно сильны, чтобы завладѣть ей.

Нѣтъ, мы не имѣемъ никакихъ основаній предполагать, что соціаль-демократія должна необходимо потерпѣть крушеніе, даже если-бы случай—впрочемъ совершенно непредвидимый и невѣроятный—далъ ей въ одномъ изъ передовыхъ государствъ Европы большинство въ парламентѣ и привелъ къ кормилу правленія.

И что значитъ потерпѣть крушеніе? Если говорить о внѣшнемъ пораженіи, то весь прогрессъ буржуазіи состоялъ въ крушеніи революцій, начиная съ англійской середины семнадцатаго столѣтія и кончая европейскими середины девятнадцатаго. Дѣйствительно, ни въ одной изъ этихъ революцій буржуазія не могла утвер-

дить своего единовластія. И тѣмъ не мѣнѣе каждая революція довала могучій толчекъ впередъ. Каждая революція сметала столько безсмысленныхъ учрежденій, которыя никогда уже не могли больше появиться вновь, открывала столько новыхъ путей для соціальнаго развитія, что ставила каждый разъ общество на болѣе высокую ступень развитія, несмотря на свое кажущееся пораженіе. Желали бы мы и могли ли обойтись въ исторіи общественнаго прогресса безъ одной изъ этихъ „неудавшихся“, „преждевременныхъ“ революцій?

И мыслимо ли, чтобы одна изъ этихъ революцій была бы отложена до тѣхъ поръ, пока демократическіе классы не созрѣютъ? Если безсмысленно говорить объ отсрочкѣ историческаго явленія, то какой же смыслъ въ крикахъ Кассандры о недостаточной политической зрѣлости пролетаріата?

Мы не руководители историческаго развитія. Послѣднее зависить отъ факторовъ, гораздо болѣе могущественныхъ, чѣмъ отдѣльныя партіи и ихъ благія пожеланія. *Достаточно ли силенъ уже теперь пролетаріатъ* для политическаго господства, разовьетъ ли онъ въ будущемъ, добившись политической власти, необходимыя политическія способности, окажется ли онъ на высотѣ выпавшей ему великой исторической задачи, ждетъ ли его послѣ побѣды пораженіе, будетъ ли наступающее политическое развитіе медленнымъ или быстрымъ—кто можетъ отвѣтить на всѣ эти вопросы? Но если на нихъ нельзя отвѣтить, совершенно безцѣльно ломать голову надъ вопросомъ о современной политической зрѣлости пролетаріата, да и пролетаріатъ не подымется выше отъ заподазриванія тѣхъ, кто не соглашается съ категорическими заявленіями о безсиліи пролетаріата.

Задача наша состоитъ не въ томъ, чтобы посреди боя обезкураживать пролетаріатъ неосновательнымъ умаленіемъ его политическихъ способностей, а въ томъ, чтобы предъявлять наивысшія требованія къ политическимъ способностямъ пролетаріата и всѣми силами стараться ихъ увеличить, дабы въ любой моментъ пролетаріатъ стоялъ бы на высшей ступени своей производительности.

Для выполненія этой задачи необходимо намъ не только организовывать пролетаріатъ и помогать ему въ борьбѣ за лучшія условія жизни и работы. Мы должны расширить кругозоръ пролетаріата за предѣлы *его временныхъ и житейскикъ* интересовъ, заставить его по-

знать великую связь всѣхъ пролетарскихъ интересовъ между собой и съ интересами всего общества. Мы должны ставить ему великія цѣли, которыя подняли бы его до высшей духовной жизни, мы должны возвысить его надъ мелкой повседневной работой, неизбѣжной, вызываемой самой жизнью, и потому не требующей съ нашей стороны настойчивыхъ напоминаній о ней. Мы должны заботиться, чтобы мелкія иллюзіи не принижали пролетаріатъ и его цѣли, чтобы смѣлая и твердая политика не уступила бы мѣста политикѣ случая, другими словами, чтобы трезвая обыденщина не заглушила идеализма, чтобы пролетаріатъ не потерялъ сознанія великой исторической задачи, которая ему предстоитъ.

Если мы употребляемъ всѣ свои силы для работы въ этомъ направленіи, мы исполнимъ нашъ долгъ, какъ соціаль-демократы: успѣхъ нашей работы находится въ рукахъ факторовъ, надъ которыми мы не властны.

КОНЕЦЪ.